

МАНИФЕСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

Книга третья

СОЦИОЛОГИЯ
СВОБОДЫ

Зебра Е / Москва

СОДЕРЖАНИЕ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-40

Оформление
Александр Шукин

Подписано в печать 26.11.2013.
Гарнитура «Ньютон». Формат 60×84 ¹/₁₆. Печ. л. 25.
Тираж 2500 экз. Заказ № 2846.

Оджалан, Абдулла.

О-40 Социология свободы. Книга 3 / Абдулла Оджалан. М.: Зебра Е,
2014. — 480 с.

ISBN 978-5-905629-99-0

Вашему вниманию предлагается третий том пятитомного издания освещающий (анализирующий) процессы зарождения мировой цивилизации и предлагающий свой путь развития демократического общества.

ISBN 978-5-905629-99-0

© Оджалан А., 2014

Предисловие	7
Введение	12
Некоторые проблемы метода	25
Проблема свободы	34
Сила общественного разума	43

Глава первая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ	54
А. Описание историко-общественной проблемы	57
Б. Общественные проблемы	100
1. Проблема власти и государства	100
2. Проблема нравственности и политики общества	106
3. Проблемы сознания общества	110
4. Экономические проблемы общества	114
5. Проблема индустриализации общества	119
6. Экологические проблемы общества	124
7. Проблема социального сексизма, семьи, женщины и населения	128
8. Проблема урбанизация общества	134
9. Классовые и бюрократические проблемы общества	143
10. Проблемы образования и здравоохранения в обществе	150
11. Проблема милитаризма в обществе	155
12. Проблемы мира и демократии в обществе	159

Глава вторая. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИСТЕМЕ

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	165
А. Определение демократической цивилизации	169
Б. Методический подход к демократической цивилизации	179
В. Описание истории демократической цивилизации	193
Г. Элементы демократической цивилизации	219
а) Клань	220
б) Семья	220
в) Родовые общины и племена	222

г) Народности и нации	224
д) Сельские и городские элементы	226
е) Элементы мышления и экономики	228
ж) Демократическая политика и элементы самообороны	233
Глава третья. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.	237
А. Капитализм и дифференциация современности	242
Б. Индустриальные масштабы современности и современная демократия	253
В. Национальное государство, современность и демократическая конфедерация	259
Г. Еврейская идеология, капитализм и современность.	277
Д. Аспекты современной демократии	299
а) Аспект нравственного и политического общества	306
б) Аспект экологического индустриального общества	314
в) Аспект демократического конфедеративного общества.	324
Глава четвертая. ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	337
А. Цивилизация, современность и проблема кризисов.	342
Б. Положение, в котором находятся силы, противостоящие системе	359
а) Наследие социалистического лагеря	363
б) Новый взгляд на анархизм	370
в) Феминизм: восстание древнейшей колонии	374
г) Экология: бунт окружающей среды.	382
д) Культурные движения: традиции мстят национальному государству	385
Глава пятая. ОБЯЗАННОСТИ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ.	398
А. Интеллектуальные обязанности	406
Б. Нравственные обязанности.	428
В. Политические задачи	442
ИТОГ	462

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третья значительная часть моей основной Защитной речи, написанная как продолжение первых двух, носит дополняющий характер. Она стала следствием решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) о повторном судебном рассмотрении моего дела.

Цель первых двух частей — объяснить власть и современность как явления. Власть определяется в них как орудие насилия, обеспечивающее перераспределение прибавочного продукта и прибавочной стоимости, возникающих в процессе трудовых отношений. В системе власти, основанной на эксплуатации, власть как орудие носит всесторонний характер и является всеобъемлющей. Современность же, определяемая как капитализм, самим своим развитием привела общество к антагонистическому противоречию. Современный капитализм, называемый также глобализацией, представляет своего рода систему мировой гегемонии или демократии и находится внутри модели, которую нам необходимо развивать.

Возникает вопрос: какая связь между ЕСПЧ, наднациональной организацией, куда может обратиться только отдельный гражданин, и защитой человека по имени Абдулла Оджалан? Такая связь есть, причем удивительная. Еще важнее то, что без проведенного мной анализа основанной на европоцентризме цивилизации невозможно проанализировать идеологическую, политическую и правовую систему Европы, называемую «мягкой силой». Эту «мягкую силу» можно обсуждать только после тщательного изучения цивилизации, центром которой является Европа. Вместе с тем следует постоянно учитывать, что ев-

ропейская цивилизация стала «мировой цивилизацией», более влиятельной, чем когда-либо. Одна из важнейших ее особенностей — реализация индивидуального гражданства. Никогда раньше в истории индивидуализма и гражданства ни в каком другом обществе личность не была столь значима. Мы столкнулись с эпохой минимальной адаптации индивида в «символическом обществе» и современного общества в индивиде.

Как гражданин Турецкой Республики периода преодоления этой эпохи я испытываю глубокие сомнения относительно собственной национальной идентичности. При этом нельзя отрицать, что она привела меня к противостоянию самой суровой системе исполнения наказаний в истории. Турция, страна, подписавшая Европейскую конвенцию по правам человека, не признает решения ЕСПЧ о повторном рассмотрении в суде моего дела, как и то, что Совет Европы принял такое решение и направил дело на повторное рассмотрение: это является незаконным и скандальным. В момент возвращения дела в ЕСПЧ ряд небольших государств открыто признал, что принял сторону Турции под давлением США. Это явно противоречит принципу «мягкой силы» и является его нарушением.

Вот уже десять лет я нахожусь в положении «несправедливо осужденного» в одиночной камере тюрьмы «Бурса» на Имрали. Я никогда не сомневался в том, что все события, произошедшие с того момента, когда моя нога ступила на европейскую землю, и до заключения на острове Имрали, происходили в результате сотрудничества США и ЕС. Я никогда не сомневался, что Турция играет роль тюремного надсмотрщика. Так почему же используют обходные пути, если это все — чистая правда? Может некоторые считают назначенное мне наказание слишком суровым. Вероятно, будет достаточно убедительным, если я напомним, что специальный приказ НАТО от 2 февраля 1999 года запретил всем аэропортам Европы принимать самолет, на борту которого я находился (это попало в газетные заголовки того периода), а также о заявлении генерала Галтери, представителя президента США Билла Клинтона, в котором говорилось, что все мои действия, начиная с Кении и заканчивая моментом сдачи туркам, контролировались Белым домом. Все записи и письма, имевшие ко мне

отношение, были изъяты. Я не считаю нужным еще раз говорить о непостижимом предательстве руководителей Греции — тогдашнего министра иностранных дел, службы разведки, высших чинов посольства, спецпредставителя полковника Каландариса и лично премьер-министра Симитиса. Это известные факторы.

Если я по закону имею право обратиться к европейской юрисдикции, то почему же мои противники прибегли к таким тайным, грязным и лживым способам? Какие торги велись в этом деле? Кто и во имя чего выставлен на торги? Мой пример — это, вероятно, лишь капля в море страшной кровавой истории захватнических войн Европы и США, их противостояния на поле идеологии, но он, тем не менее, важен и требует прояснения.

Прежде всего, я должен отметить, что отвергаю представление, отрывающее личность от общества. Право на «индивидуальное обращение», на чем настаивают многие, ни в коем случае не имеет придаваемого ему значения. Отрыв индивида от его социальной идентичности — ложь, болтовня так называемой «европейской централизованной науки».

Даже глухонемые уже слышали и знают, что я осужден за борьбу за права курдов, одного из самых несчастных народов в мире. Этой краткой причины достаточно, чтобы понять все мое обширное дело. Очевидно, меня нельзя выставить просто жертвой. Какова бы ни была сила господствующей цивилизации (гегемонами которой являются США и ЕС), невозможно отрицать, что дело против меня, включая арест и суд, было проведено с участием всех сил системы. В то же время против этой «большой игры» выступил весь мой народ. В ходе всеобщего протеста сотни погибли, тысячи были арестованы. Курдский народ прекрасно понял связь моего дела с собственной исторической трагедией и встал на мою защиту, зная, что спасение возможно только как избавление от этой трагедии. А почетная обязанность заявить это досталась мне.

Очевидно, что освещение моего дела невозможно без всестороннего освещения моей социальной идентичности, которая была сформирована социальной практикой курдского народа, испытывавшего жестокое насилие и колонизацию со стороны господствующей цивилизации. Это — неизменный подход моей

Защитной речи. Вновь повторяю то, что я часто заявляю: «Бывают такие моменты, когда история заключена в одной личности, и личность скрыта в истории». Это очень трудно признать, однако невозможно отрицать, что я имел честь быть такой личностью. Думаю, что все эти трагические события и происходят со мной из-за того, что я захотел стать чем-то большим, чем «жертва судьбы». Я это хорошо знаю. И потому мое дело проходит под лозунгом, который я определил для себя так: «Свобода победит!».

В поставленной на сцене трагедии можно изменить все время повторяющуюся судьбу ради свободы; этого хватит, чтобы вытерпеть любую боль. И на этот раз в игре, спектакле или пьесе имя ее — реальность, в которую играют участники моего дела и товарищи по борьбе, судьба обречена на поражение.

Поэтому становятся понятны причины, по которым я назвал эту часть своей защиты «Социология свободы». Каждый шаг в сторону свободы может быть только опытом — и потому название «Опыты социологии свободы» кажется мне оправданным.

Естественно, господствующая европейская цивилизация — лишь одна сторона медали. Данная цивилизация представляет собой власть, основанную на присвоении прибавочного продукта. Другая сторона — это демократическое лицо цивилизации. Основные положения моей Защитной речи основаны на демократическом наследии; я страстный сторонник наследия тех, кто сражался за освобождение народов и обществ, борцов-мыслителей и этиков — от Сократа до наших дней. То, что я делаю это капля в море, маленькое соучастие в это наследие. Большая часть использованных мной источников — эти памятники человеческой мысли. Однако в основе их лежат пятитысячелетняя мудрость и демократическое наследие Востока. Не проанализировав их, нельзя написать всеобщую историю человечества, невозможно и провести глубокий анализ современных событий.

Основа моей Защитной речи — свободный прогресс демократической цивилизации, лучшая, прекрасная жизнь, построенная на основе справедливости.

Думаю, мне простительно сделать здесь несколько замечаний относительно условий создания этой работы. В условиях карцера разрешают иметь только одну книгу, один журнал и одну

газету. У меня не было возможности вести конспекты и приводить цитаты. Поэтому я в основном использовал метод фиксирования и усваивания факторов, которые считал важными. Я не поклонялся рабски всем запретам. В ответ на такие запреты я конкретизировал свою память которое является складом информации мирового наследия и делал определяющим наиболее важные мысли.

Самый серьезный недостаток такого метода — свойство забывать, и потому отсутствие конспектов сыграло негативную роль. В то время, когда я готовился написать эту часть, было принято решение запретить использование авторучки. В ответ я еще активнее стал размышлять над основной частью. Однако через десять дней моего пребывания в карцере это решение было отменено, и я немедленно начал писать: я торопился, не сдерживал себя.

Следующие две части Защитной речи станут чем-то вроде конкретизации моих основных идей. Я намереваюсь назвать их «Демократизация культуры Ближнего и Среднего Востока» и «Решения демократической цивилизации в Курдистане». Вероятно, для работы над этими частями потребуются длительное время: необходима определенная подготовка, ведь почти каждый интеллигент может написать волнующее повествование о Ближневосточном регионе и Курдистане, находящемся в центре этого исследования. Обсуждение столь актуальной темы требует большой ответственности. Этот вопрос нельзя решить физической силой превосходящей стороны, как разрубить гордиев узел одним ударом, его решение — самая святая и важная обязанность.

ВВЕДЕНИЕ

Информационное общество капитализма как структуры, не меньше власти и продуктов производства-накопления, таже переживает кризис. Особенности информационного общества, а именно склонность к свободному обмену мнениями, дают возможность для широкого обсуждения уровня кризиса науки. Роль информации в системе общества и власти достигла такой высокой степени, что не идет ни в какое сравнение со всем прошлым. Информационно-познавательные продукты общества переживают настоящую историческую революцию. Кризис как революционные периоды играет роль поиска режимов истины. Борьба за гегемонию происходит не только в областях накопления, производства и власти: столь же упорная борьба ведется и в сфере знаний. Однако в сфере знаний не может быть установлена постоянная гегемония, основанная на производстве и присвоении прибавочного продукта.

То, что до последнего времени в науке господствовал позитивизм, отнюдь не свидетельствует о его антиметафизичности и антирелигиозности. Позитивизм не менее метафизики и религии несет в себе эти феномены, они становятся популярными, их обсуждают. Естественные науки, триумфально развившиеся, как считается, на основе античности и европейского Просвещения, изнутри получили удар в самое сердце. Положение о постоянстве прогресса — наиболее слабое место позитивизма, поскольку нет подтверждения, что цель Вселенной именно такова. Ни элементарные частицы, ни космическое пространство не могут избежать дилеммы «наблюдающий — наблюдаемый». Сознание человека тоже находится в рамках этого периода. Невозможно

установить, когда масштаб явления станет больше сферы наблюдения. Потенциал безграничности отличии нуждается в новом рассмотрении.

Социология, базирующаяся на европейской централизованной науке, также воспринимает позитивистский энтузиазм физики, химии и биологии, подпитывается ими с тех же позиций объясняет процессы, происходящие в обществе. Однако на деле попытки объективировать человеческое общество, весьма неоднородное по своей природе, ведут не к просвещению, а, напротив, к еще большей идеологизации. Академические дискуссии в наши дни достаточно ясно показали, что философские достижения немцев, политэкономические — англичан и социологические — французов, сделанные в рамках научных структур национальных государств, — это ничто иное, как узаконивание системы накопления власти и капитала. Практика показывает, что немецкая классическая философия, английская политэкономия и французский утопический социализм не смогли противостоять укоренению и росту национализма в национальных государствах.

Мы можем уверенно заявить, что такая социология является частью мировой информационной системы капитализма с центром в Европе.

Но сказать об этом — не значит решить проблему. Социализм, или социология К. Маркса и Ф. Энгельса, появившийся как противостоящая точка зрения, также является всего лишь вульгаризированным описанием общества — это общеизвестный факт. Несмотря на все утверждения о противостоянии, в марксизме больше либерализма, идеологии капитализма, чем в нем самом, он больше служит капитализму. Мы ясно видим это на примере государств бывшего социалистического лагеря, социал-демократии и национально-освободительных движений. Несмотря на благородные традиции борьбы, они оказались в незавидном положении, хотя действовали во имя угнетенных классов и народов. Это связано с положенным в их основу знанием: это знание, со всеми своими положительными и отрицательными особенностями, привело к результатам, которые обратны желаемому. Если бы в его основе, его парадигме не содержались бы

серьезные недостатки и ошибки, получить эти результаты так просто было бы невозможно.

Еще одно течение, выдвигаемое как в противовес, — это крайний релятивизм. Однако сторонники релятивизма не только не смогли противостоять тому, чтобы стать частью информационной системы глобального капитализма, но и по причине своего крайнего индивидуализма стали лучшими прислужниками капиталистического индивидуализма. К ним относятся и сторонники анархизма. Как часто бывает, критики, заявляющие, что они — самые большие враги капитализма, оказываются самыми верными его слугами. В основе этого — дефект парадигмы, недостатки и ошибки в структуре знания.

Физика как наука в действительности связана не только с другими естественными науками (включая химию и биологию), не только с литературой, историей, философией, политэкономией и социологией, но и с природой общества как такового. Социологию как науку, как точку пересечения двух наук в общем виде можно воспринимать позитивно, поскольку каждая наука должна быть социальной. Проблема не решается только согласием в определении социологии как науки. Важнее, что должна быть положена в основу, точнее, стать единицей изучения общества. Слова «основная единица — это социальная природа» не имеют большого смысла в социологии. Среди многочисленных социальных связей необходимо выбирать те, что имеют определяющее значение, — прежде всего это нужно сделать для значимого теоретического подхода. Избранная социальная единица получает важность только в том случае, если выражает общее. Широко известно, что на общественной арене развиваются различные модели. Наиболее популярные из них — лежащие в основе крупных государств, прежде всего национальных, это развитие «среднего класса» буржуазии.

Изучение истории общества часто ведется с помощью исследования проблем формирования, разрушения и разделения государства. Это наиболее узкий взгляд на реальность истории и общества, выступающий как официальный взгляд государства, не более того. Он призван узаконить государство. Вместо того, чтобы просвещать, он затуманивает проблемы исто-

рии и общества. Это наиболее сомнительный исторический подход.

Марксистский метод, избравший в качестве основных единиц класс и экономику, пытался определить их единицы, альтернативные государству. Выбор рабочего класса и капиталистической экономики в качестве основного предмета исследования структуры классов, экономики и общества, хоть и был достаточно важным, но нес в себе существенные недостатки. Определение государства и других высших структур как результата низших структур, их отражения и привело к редукционизму или экономизму. Экономический редукционизм, так же как государственный редукционизм, не смог преодолеть сокрытие правды об истории и обществе из-за чрезвычайно запутанных связей. В частности, недостаточный анализ власти и государства привел к тому, что марксизм помешал идеологическому и политическому развитию рабочего класса и народа — во имя которого, по его утверждениям, действует. Ограниченные представления о возможности экономических изменений по указаниям государства, замены одной государственной власти другой способствовали капитализму не меньше, чем либерализм — идеология капитализма. Нагляднее всего это иллюстрируют примеры России и Китая.

Довольно часто встречаются сторонники объяснения социальной истории и действительности с точки зрения власти и ее полномочий. Но такой подход так же узок, как и государственная модель. Несмотря на то, что власть — более общая единица исследования, это само по себе недостаточно для определения природы общества. Власть общества — разумеется, важная тема для исследования, однако редукционизм власти имеет те же недостатки, что и все остальные разновидности редукционизма.

Часто встречаются и представления, отрицающие любые законы развития общества, представляющие его в виде комбинации случайных связей. Это — крайние релятивистские взгляды, которые едва ли можно анализировать как связанное описание, приводящее лишь к тому, что носители выше упомянутых взглядов теряются в лесу социума. Глобализирующая же модель, лишь кажущаяся противоположной предыдущей, на деле играет ту же

роль, пытаясь описать общество с помощью лишь нескольких физических законов. Среди богатого социального разнообразия такое представление, видимо, более всего затемняет истину. В общем, это наиболее грубое из позитивистских представлений об обществе, и оно достойно того, чтобы назвать его моделью, несущей в себе крайний релятивизм.

Либерализм как официальная религия среднего класса буржуазии выражается во всех этих представлениях эклектично. Внешне он проявляет себя как выражение положительных сторон каждой системы взглядов. В качестве основы избираются слабые места всех моделей наряду с некоторыми верными и предлагают себя в качестве основной модели исследования, являясь при этом наиболее опасным видом эклектизма. Официальные представления распространяются и на коллективную память общества, чтобы утвердить идеологическую гегемонию.

В первом томе Защитной речи — «От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации» — я не уделял особого внимания системам взглядов на общества, описывал их, не осознавая. Эту часть я готовил в спешке, у меня не было возможности провести серьезный анализ. Я не собирался и развивать какую бы то ни было систему — я лишь оперативно прореагировал на существующую социальную реальность. Затем у меня появилась возможность изучить представления некоторых известных социологов — начиная с Мюррея Букчина, Иммануила Валлерстайна, Фернана Броделя. Я также обдумывал философские взгляды Ф. Ницше, Мишеля Фуко и других мыслителей. Наиболее важным для меня оказался сборник работ под названием «Мир как система» под редакцией Андре Гундера Франка, про которого я до того никогда даже не слышал. Я проштудировал это исследование, авторы которого оказались наиболее близки моей Защитной речи. То, что в настоящее время многие мыслители придерживаются аналогичных представлений, побудило меня к размышлениям над собственной моделью общества. И анализ капитализма как мира и системы, проведенный Валлерстайном, и «сжатые промежутки времени» Броделя — все это дало важные подсказки для моего исследования. Их представления также способствовали моей длительной работе по определению причин

распада социалистической системы. Мне нетрудно было также понять рассуждения Ницше и Фуко о современности и власти, я находил их весьма близкими к собственным взглядам. Имела для меня значение и просветительская работа Гордона Чайлда «Что произошло в истории», касающаяся археологических исследований в Месопотамии. Я изучил и ряд других философских сочинений, однако все же был вынужден сделать выбор.

Хочу предостеречь от ошибочного понимания моей Защитной речи как изложения системы взглядов. Моей задачей было избрать наиболее широкую, целостную модель описания социальной истории. Несмотря на то, что все существующие модели имеют достоинства, есть недостатки и ошибки, которые нельзя не заметить. Я во всех нахожу общие недостатки.

Представляется, что даже у Гундера Франка в анализе мира как системы, что мне наиболее близко, содержатся серьезные недостатки. Очевидно, что шумерское общество, начиная с которого существует нынешняя мировая система, является первым обществом накопления капитала. От Шумера до наших дней основное течение цивилизации заключается в кумулятивном накоплении. По-моему, это наиболее правильное представление. Накопление, гегемония — конкуренция, центр — периферия и кризисы — подъемы имеют в таком случае историческое постоянство, с этим я согласен. Три основных вида накопления — экономика, политика и идеология — это, очевидно, этические уровни. Способы накопления важнее способов производства и потому приводят к результатам, более значительным, чем господствующий способ производства. Справедлива критика проведенного Гундером Франком анализа мира как системы, предпринятая Валлерстайном, полагающим, что капитализм — единственная реализованная система. Представление о том, что европейская цивилизация является исключением из правил, — явное преувеличение. Его можно даже назвать более чем крайним. Опять-таки более верным кажется анализ социализма, капитализма, рабовладения и феодализма — этих основных общественных формаций — как идеологической реальности. Не следует забывать, что данные термины не просто отражают социальную действительность, а служат ее сокрытию. Вышеупомянутый момент достоин анали-

за. Здесь мог бы помочь поиск единства противоположностей, однако этого недостаточно. Помимо того, очевидно, что большую помощь в этом мог бы оказать анализ социальной истории. Во имя лучшей и справедливой жизни я вынужден проводить анализ системы. Но основной недостаток такого подхода — его ограниченность. К гегемонистским системам власти всегда относились как к данности и не показывали пути их диалектического преодоления.

Анализ капитализма как системы мира, проведенный Валлерстайном, основан на изучении последних 500 лет. Полагаю, этого времени недостаточно. Многие исследователи, анализировавшие мир как систему, не осознали этого. Если бы Валлерстайн взял за основу период в 5 тысяч лет, то результат был бы намного лучше. При таком подходе анализ Валлерстайна был бы еще более показательным.

Как вспомогательный полезен и анализ капитализма, осуществленный Фернаном Броделем, и его целостный взгляд на исторические периоды развития общества. Особенно важен броделевский вывод о том, что рыночное устройство капитализма, монополия на власть и монополия в экономике обладают общими чертами накопления. Положение Броделя, которое мне особенно нравится: «Публичная власть всегда рождает капитал». Бродель также замечал, что власть накапливается, как и деньги. Для понимающих это дорогого стоит. И Валлерстайн и Бродель связывают неудачи социалистических революций с тем, что не удалось преодолеть капиталистическую сущность современности. Это совершенно ясно и имеет определяющее значение, однако я согласен и с тем, что данную проблему надо рассматривать в свете экономического релятивизма, о котором пишут оба философа.

Вновь отмечу, что хотя на мой подход к науке об обществе оказали некоторое влияние взгляды этих и других ученых, он имеет специфические особенности. Уверен, что в этой своей работе я углубил и систематизировал факты, изложенные во второй части моей Защитной речи — «Защите одного народа». В основе такой уверенности лежит следующее: по моему мнению, эпистемологические системы не смогли избежать встраивания во

власть. Это происходит вопреки их желанию. Карл Маркс как человек, использовавший наиболее глубокий научный подход, в самом полном виде рассмотрел сущность капитала. Но это не смогло спасти Маркса: ясно прослеживается зависимость от современного ему капитализма. И жизнь и наука, на которую опирался Маркс, тысячами нитей были связаны с этим подходом. Я останавливаюсь на данном вопросе не для того, чтобы обвинить Маркса, а для выяснения истины. Для Ленина и Мао это тоже было насущной проблемой. Задуманная ими система многими важнейшими аспектами воспроизводила современную капиталистическую систему. Например, Ленин и Мао считали, что социализм будет сосуществовать с такими важнейшими феноменами, как индустриальное производство и национальное государство. На самом деле, и по форме и по содержанию эти основные явления современности связаны с накоплением капитала. Тот, кто опирается на них, обречен породить капитализм, как бы ни выступал против него. На этом основании моя критика системы социализма совершенно очевидна. Но одной только критики недостаточно. Однако что я могу предложить вместо социализма? Это очень важный вопрос, над которым я постоянно размышлял.

Несмотря на то, что на первый взгляд выбор демократической цивилизации очень прост, до тех пор, пока не предложена ее детально разработанная система, я решил предложить для анализа модель. Прежде всего это должна быть система, альтернативная существующей мировой цивилизации. Демократическая цивилизация — это не только не утопия; она неизбежна с точки зрения объяснения законов всемирно-исторического процесса. Накопление капитала и порожденные им формы власти везде, где они сложились, сталкиваются с сопротивлением и альтернативой, что естественно для природы общества. Нигде и никогда в обществе накопление капитала и власть не существовали без сопротивления и альтернативы. В основном причины неудач — не в отсутствии сопротивления и альтернативы, а в других факторах.

Чем больше мы подвергаемся пропаганде капитала и власти, тем сложнее нам выработать представление о демократической цивилизации. Поэтому наука постоянно совершала одну из двух

ошибок: либо оказывалась полностью зависима от механизмов знания, навязанных властью, либо замыкалась в уродливо-карикатурных сектах. Естественно, не надо сбрасывать со счетов определенную притягательность насилия и капитала. До тех пор, пока обе эти ошибки не будут разоблачены, невозможно сделать очевидным выбор демократической цивилизации. Только революция в общественных науках способна обеспечить коренной переход к подлинно научному пониманию общественно-исторического развития.

Представители структуры власти и государства, базирующиеся на пятидесятилетнем накоплении капитала, прекрасно знают, что невозможно существование без развитых структур науки и идеологии. Из этого следует, что до той поры, пока не будет обнародовано, что аппарат гегемонистской власти постоянно на законных основаниях присваивает прибавочный продукт и прибавочную стоимость, наука об обществе не сможет стать подлинной наукой. Мифология, религия, философия и позитивистская наука, пребывая в сложной зависимости от системы накопления власти и капитала, обречены преследовать собственную выгоду. Пока это не будет осознано, революция в науке об обществе невозможна.

Второй важный вывод, следующий из определения понятия демократической цивилизации, — это то, что она открывает самое широкое поле для революции в науке об обществе. Основная идея (можно сказать, основной тезис) такова: утверждение, что у «варварских» кочевых народов, клановых обществ, небольших сект, женщин, безработных и нищих никогда не было собственного движения, на руку лишь господствующим капиталу и власти. Это очевидно. Мифология, религия, философия и позитивистская наука создают способы накопления знаний. История знает не только господство капитала и власти. Мы знаем и о владычестве знания (мифологии, религии, философии, науки), которое находилось на службе у капитала и власти, преследуя собственные интересы. В основе неудач оппозиционных течений науки об обществе, начиная с марксизма, лежало то обстоятельство, что они анализировали общество, основанное на накоплении капитала и власти, и не могли развивать альтернативную

систему цивилизации. Конечно, многое подвергалось серьезной критике, но всеобщий исторический подход не был реализован. Не была создана мировая система, и дело ограничилось локальными экспериментами.

Третий важный элемент в понятии демократической цивилизации — это урбанизация и индустриализация, начавшиеся после аграрной революции. Мелкий капитал, опирающийся на «средний класс», всегда играл в обществе роль раковых клеток, блокируя возможность усиления власти и государства.

Иными словами, урбанизация и индустриализация приветствуются, а находящиеся в них «раковые клетки» осуждаются. Если рассматривать урбанизацию и индустриализацию как власть и информационную сеть наших дней, а также учесть уровень насилия над природой, женщинами, нищету и безработицу, достигшие катастрофических масштабов, то становится совершенно очевидно, что определение «социальный рак» не лишено смысла. В частности, по мнению Валлерстайна и других современных обществоведов, варварство, секты, крестьянские восстания, утописты, анархисты, а также недавно возникшие движения феминисток и защитников окружающей среды представляют собой тотальный протест против раковой опухоли на теле общества. Никакое общество не может долго просуществовать на основе урбанизации, среднего класса, капитала, государства и информации. Несмотря на то, что изолированные от общества борцы за сохранность окружающей среды не могут добиться реальных успехов, их ежедневные сигналы SOS явственно демонстрируют, что в нынешнем кризисе виновна существующая цивилизация. И выйти из этого кризиса можно лишь на основе современной научной теории, глубоко связанной с историко-культурным наследием. Мы постоянно говорим, что будущая мировая демократическая цивилизация возможна лишь на такой основе.

Моя Защитная речь будет посвящена развитию и обоснованию этого основного тезиса на разных уровнях. Я пытаюсь добиться понимания истории на глобальном уровне и, безусловно, верю в то, что значение отдельных исторических событий невозможно осознать без знания истории всего человечества. Несомненно, историю, даже самых малых обществ, можно объяснить через

всеобщую историю. Кроме того, современные события являются историей, а история — всегда современна. Для меня это принципиально. Более того, хочу отметить, что согласен с двумя важными историческими принципами: локальное событие не может быть просто повторением истории — обязательно проявятся специфика, наличие локальных различий, которые сыграют важную роль в накоплении исторического опыта. История состоит не просто из повторений; события повторяются, меняясь в зависимости от времени и места.

Во всех своих сочинениях, не только в предыдущих материалах Защитной речи, но и в устных выступлениях я выражаю уверенность, что учитывающий это, несомненно, придет к тем же выводам, что и я. Понятно, конечно, что мои взгляды не следует при этом воспринимать ни как чистое повторение, ни как полную переработку взглядов моих предшественников. Развитие заключается в изменении — это единственный принцип во Вселенной, все разумные люди это понимают. При сложении двух единиц происходит не только количественное изменение, возникает и отличие от единицы.

Кроме предисловия и введения, моя Защитная речь содержит также анализ некоторых методологических проблем. В этой части отмечено, что глубокое разделение различных научных дисциплин свидетельствует о серьезном кризисе науки и связанной с этим системы, а также описан ценностный подход к науке.

К методологическим проблемам относится и указание на различную природу выделяемых периодов развития общества. В частности, необходимость радикальных изменений для возвращения к природе рассмотрена в связи с проблемами женщин.

Довольно кратко обсуждается проблема различия субъекта и объекта и пути ее решения. В этой связи отмечена необходимость преодоления связи этой проблемы с накоплением капитала.

Абсолютное и относительное, цикличное и линейное, глобальное и локальное — для изучения всех этих методологически важных противопоставлений необходима открытость. Кроме того, нужно заново подвергнуть анализу диалектику. Терминологические уточнения должны методологически облегчить раскрытие прочих тем — поэтому я счел необходимым выделить их.

Четвертая часть моей Защитной речи называется «Философские взгляды на свободу». Поскольку демократическая цивилизация тесно связана со свободой, эта часть чрезвычайно важна. В господствующей цивилизации такое свойство демократической цивилизации, как свобода, является едва ли не основной чертой. В этой части Защиты проанализирована тесная связь равенства и свободы. Еще важнее, что подвергается разбору сам термин «равенство», являющийся, с учетом различий, подлинно демократическим. Анализируются термины «свобода» и «равенство» и их связь с структурами, приведшими к кризису науки об обществе. Такой анализ относительного характера основного тезиса носит просветительский характер.

Основной темой пятой части является критика рациональности. Общественное сознание должно достигнуть работоспособного теоретико-практического и аналитическо-эмоционального уровня. К чему привела рациональность с точки зрения анализа мира как системы? Есть ли границы у рациональности как метода решения возникающих проблем? Как мы можем актуализировать Эммануила Канта? Постановка такого рода вопросов может привести нас к весьма важным выводам в виде того, что этот наш рационализм тоже может привести к образованию важных проблем.

В шестой части разбираются проблемы возникновения и развития общества. Я пытаюсь проследить, как в различные исторические периоды цивилизация сама порождала общественные проблемы. То, что проблемы общества со временем лишь увеличивались, связано с самими основами общественных систем. Структура накопления власти и капитала является проблемой сама по себе. Будет создана история проблемы.

В седьмой части рассматривается демократическая цивилизация как способ решения проблемы. Какой смысл заключается в перепланировании истории как истории общества? В этой части отмечена неразрывная связь между демократическим обществом и историей.

Восьмая часть в продолжение седьмой описывает демократическую цивилизацию как альтернативу современному капитализму. По возможности, на наглядных примерах, объяснена

необходимость обоих взглядов на современность. В частности, еще раз анализируются неудачи революций новейшего времени.

В девятой части сделана попытка проанализировать системный кризис капитализма и возможности выхода из него. Что может стать альтернативой распадающейся современной системы мировой цивилизации — капитализма? Как можно построить демократическую цивилизацию? Какие препятствия ждут нас на этом пути? Ответы на эти вопросы, несомненно, важны.

Десятая часть — заключительная, в ней проводится всестороннее обобщение изложенных фактов. История не течет по прямому руслу, не движется к намеченной цели. Сама по себе она не является ни злом, ни добром. Человек может добиться лучшей жизни в обществе. Общество как таковое является мощным источником изменений. Достаточно лишь уметь защищаться от смертельных болезней, в том числе и «раковых опухолей» социального характера. Так давайте же сделаем выбор, на основе которого в нашем мире можно будет создать лучшую жизнь!

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА

Метод как способ наиболее короткого пути к достижению цели — не является изобретением Запада. С древнейших времен научные школы Ближнего и Среднего Востока опробовали все возможные пути постижения истины, и наиболее результативные из них были приняты в качестве основных методов. Наиболее распространенным методом в науке была логика, и потому развитие метода было естественным. После того, как центр мировой цивилизации переместился в Европу, многосторонний прогресс в науке был отмечен и в методологии. Бэкон, Декарт и Галилей их вклад в развитие метода в 16 и 17 веках тесно связаны с переходом гегемонистской системы в Европу.

Развитие умения различить субъективное от объективного является самым важным в проблеме метода, когда речь идет о покорении природы. Чем сильнее возникшая новая система власти и капитала опиралась на изучение природы и общества, тем лучше она понимала преимущества накопления власти и капитала. Эквивалентом материального развития в мышлении стала возможность отличить субъективное от объективного. У Бэкона это положение выражено в субъектно-объектном разделении, а у Декарта — как прямая дихотомия души и тела. У Галилея математика как язык природы является самым развитым способом исследования объекта.

Экскурс в историю Месопотамии показывает то же развитие, что и в Древней Греции, которое, с некоторыми специфическими особенностями, повторилось в Западной Европе. Шумерское общество, в процессе развития переместившееся из Верхней Месопотамии в Нижнюю, создало такую же систему

со сврим отличием — разумеется, с оригинальными особенностями.

В централизованной цивилизации субъективность всегда является выражением власти и капитала — она представляет сознание, риторику и свободную волю, — а на долю безвластной объективности остаются варварские племена, простой народ и женщины. О них вспоминают лишь тогда, когда они, как и природа, служат субъективизму. Им не придают никакого смысла, кроме противоречия их природе. Тот факт, что в шумерской мифологии человек как раб был создан из фекалий богов, а женщина — из ребра мужчины, отражает уровень объективации, уходящей вглубь истории. Естественно, такой подход к объективно — субъективному, перенесенный на европейскую почву, стал возможен лишь после ряда трансформаций. Однако невозможно отрицать, что развитие шло именно в этом направлении.

Отсутствие значимости различения объективного — субъективного в наши дни связано с доминированием финансового капитала. Его символическая гегемония в структуре централизованной цивилизации сняла все предыдущие противоречия между объектом и субъектом. Теперь любое явление при необходимости может позиционировать себя и как объект и как субъект, что тесно связано с новыми видами накопления власти и капитала. Общество, словно щупальцами спрута, опутано распространяющимися с огромной скоростью структурами власти и капитала (национализм, религия, половые различия, наука) — причем и в реальном, и в виртуальном мире. В таких условиях все институции легко могут предстать как объектом, так и субъектом. Они играют роль шумерских богов в идеологической структуре общества — и взаимозаменяемость объекта и субъекта неизбежна потому, что новые особенности символического господства богов сделают излишними существующие различия.

Аналогичным образом в ходе развития централизованной цивилизации наука постепенное дробилась и теряла свое святоство. Структуры власти и капитала множились, и наука так же фрагментировалась. Это широко распространенное явление в истории. В клановых и родоплеменных обществах наука едина. Людей науки почитают как святых, саму науку воспринимают

как божий дар, и каждому воздается по желанию и стараниям. В мифологии такой подход — единственный, в религии и философии он считается основным, а в естественных науках, и вообще в западной науке, начинается первичное дробление. Новые научные заведения (академии и университеты), которые все больше отдаляются от собственно науки и все больше прислуживают властным и финансовым элитам, поднимаются до уровня крупных государственных учреждений. Период зависимости науки от капитала и власти в то же время становится периодом отчуждения науки от общества. Храмы науки, призванные служить местом решения проблем, теперь превратились в центры создания проблем, центры отчуждения и идеологической гегемонии. Создано столько же отраслей науки, сколько есть предметов изучения природы и общества. Однако достаточно одной этой истины, чтобы доказать взаимосвязь науки, капитала и власти. Наука чрезвычайно отделилась от святого служения всему обществу. Она стала прибыльным делом, слилась с капиталом и превратилась в наиболее опасного соучастника преступления власти. Все виды оружия массового уничтожения, в том числе ядерное оружие, грозят разрушением окружающей среды — и мы прекрасно знаем, что в этом виновна наука. Вместо служения истине (коллективной совести общества) наука оказалась на переднем крае поиска наиболее эффективных способов воспроизводства капитала и власти.

Когда в наше время говорят о науке, первым делом спрашивают: «Сколько денег это принесет?» Однако общество в то же время ждет от науки ответов на основные прикладные и этические вопросы, стоящие перед ним, фактически обожествляет науку и воспринимает ее именно в таком качестве. Деграция академий и университетов связана именно с этим. Из этого же проистекает кризис науки. История познания трансформировалась наряду с историей цивилизации, не смогла избежать тотальной деграции системы и деграировала вместе с ней. В попытке найти решение проблемы она в основном и порождает проблему. Результатом этого стали распад, фрагментация и хаос.

Иначе говоря, необходимо понять сущность первой, второй и третьей природы. Все явления мира, кроме общества, явля-

ются первой природой. Это внутренне противоречивый термин. В первую очередь бесконечное количество различий существует у пар живое — неживое, растения — животные, даже физика — химия, энергия — материя и т. д. Также можно сказать о том, что, каждое различие имеет свою социальную сферу. Если внимательно посмотреть на проблемы природы, то можно заметить, что они являются продуктом глубокого различения субъекта и объекта. Отметим, это достаточно условное различие.

Человеческое общество как вторая природа — это, без сомнения, явление природы следующего уровня, имеющее собственные признаки. Вместо того, чтобы изучать его как изолированное явление, есть полный смысл подвергать его анализу как отличающиеся этап природы.

Наиболее важная отличительная характеристика природы общества — движение разума, его гибкость и возможность самоорганизации. Без сомнения, в первой природе также существует движение, его гибкость и возможность самоорганизации. Однако структура природы очень устойчива, жестка и меняется крайне медленно. Очень важно создать теорию общества как системы. Уже первые исследователи общества придавали этому значение, а в наши дни анализ строения и структуры общества вышел на передний план так же, как и в исследовании других природных явлений. Кроме того, деление общества на базис и надстройку, экономику, политику и власть, отсталое и передовое, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм (коммунизм), то есть деление на уровни и стадии может привести к важным результатам, но только если подходить к такому «разнообразию» с большой осторожностью. Ни один уровень, ни одна стадия или система не могут занять место целостного теоретического подхода. Можно сказать, что в этом смысле ни один философ или обществовед не смог превзойти целостный подход Платона и Аристотеля. Даже философские системы мудрецов и пророков Ближнего и Среднего Востока, придерживавшихся целостного подхода, намного поучительнее и более применимы к анализу проблем общества, чем представления современных западных капиталистических философов и обществоведов, ценных разве что более развитым аппаратом. Следует особо отметить, что в

развитии взглядов западных ученых особую роль сыграло накопление власти и капитала.

Существует настоятельная потребность в выработке нового, более глубокого метода изучения общества. Необходимо понять, что множественность методов способствует сокрытию истины вместо того, чтобы выявлять ее. Не будет преувеличением сказать, что существующая наука об обществе скрывает истину больше, чем мифология — мифологическая истина даже человечнее и правдивее, чем истина современной капиталистической науки.

Несомненно, наука об обществе важна, но в существующем виде трудно назвать ее наукой. Имеющаяся общественно-политическая риторика направлена исключительно на легитимизацию сложившегося порядка. Поэтому необходим радикальный, революционный пересмотр методологии.

Достигнуть уровня, называемого третьей природой, можно только после такой научной методологической революции. Термин «третья природа» обозначает следующий, высший уровень гармонии первой и второй природы. Синтез природы и общества на высшем уровне требует радикального революционного изменения всей теоретической парадигмы. Особенно важно преодоление капитализма, являющегося нынешним уровнем системы мировой цивилизации. Для этого необходимо реализовать на практике развитие экологического и феминистского общества, действенную демократическую политику и построить демократическое гражданское общество — только таким образом можно приступить к построению демократической цивилизации.

Третья природа — это не обещанная утопия и не новый рай, это общество всеобщего участия в развитии знаний человека о природе. Это не просто мечта или утопия, а стремление к лучшей жизни, имеющее актуальный практический смысл. Я не говорю о биологизаторстве — я знаю об опасностях такого подхода. Я не говорю об утопическом «божественном» рае, созданном путем накопления власти и капитала, и могу описать его суть как опасную и разрушительную. Отмечу, что представление об обещанном коммунизмом материалистическом рае также является неэффективным и отсталым — это крайний вариант либе-

рализма. Практика показала, что любые либеральные обещания рая пахнут адом.

Реализация третьей природы требует длительного времени. Демократическая цивилизация как реализация и воплощение свободы и равенства на высшем уровне первой и второй природы возможна лишь при учете особенностей экологического и феминистского общества. Общественная природа человека содержит в себе возможности для реализации этого уровня. Этот метод подходит и для изучения вопроса различий в природе, что может привести к более ценным теоретическим и практическим выводам.

В последнее время в связи с различиями абсолютного — относительного обсуждается еще одна важная проблема метода. Ее анализ в виде общего — частного имеет тот же смысл. Мы столкнулись с проблемой метода, которую необходимо тщательно изучить. Эту проблему можно назвать также новым уровнем, которого достигает объективное — субъективное. То, что жестко детерминированные явления в структуре власти и капитала обычно называют законами, проистекает из материальных причин.

Абсолютизация закона связана с идеологической легитимацией. От этого возникло выражение: «Закон железо режет». Следует понять, что закон является порождением власти. Не следует забывать, что «власть» означает «капитал» и в то же время «власть» означает «закон». Но чем более всеобъемлющ закон, тем он сильнее, тем сложнее ему противостоять. Так начинается создание бога в воображении человека. Человек, обладающий властью, обожествляет собственное господство и таким образом создает гениальное орудие легитимации, властвуя еще успешнее. В основе этого — всеобщее стремление приблизиться, хотя бы частично, к источнику власти.

Относительное, хотя его и определяют как оппозицию, имеет в своей основе тот же риск. Оно выражает состояние человека униженного, полностью отчужденного от возможностей и методов действия. Оно открывает пути для крайних представлений: мол, возможностей и методов действия столько же, сколько и людей. Поскольку на практике это невозможно, становится не-

избежным попадание в сети абсолютизации. Оба эти мысленных представления либо преувеличивают до уровня «закона Вселенной», либо преуменьшают и искажают до уровня «у каждого — свой закон». Возможен и реалистический подход к общественному разуму. Анализ, при котором абсолютное и относительное не противопоставляются друг другу, рассматривается как природная взаимосвязь, был бы гораздо продуктивнее. Законы развития Вселенной свидетельствуют о линейном прогрессе — и если бы Вселенная была конечна, мы бы уже достигли ее конца. У прогресса есть такой недостаток. Если правда то, что Вселенная постоянно движется к некой конкретной цели, то уже давно была бы определена эта цель. Напротив, относительное определяется как бесконечная цикличность — и если бы это было правдой, то не могли бы происходить существующие во Вселенной трансформации и развитие. Следовательно, абсолютный прогресс и цикличность — это методологические подходы, далекие от объяснения развития Вселенной, которая развивается, объединяясь и трансформируясь. Этих методов недостаточно. Я полагаю, более адекватен метод, который объясняет возможность преобразовываться каждый миг, включая в себя в то же время и бесконечность. Прогресс цикличен, цикличность прогрессивна, бесконечность кроется в настоящем моменте, имманентна ему, и то, что существующее мгновение целиком включает в себя бесконечность, предполагает для установления истины более понятную методологическую перспективу.

Важно отметить также некоторые особенности диалектического метода. Достижения диалектики, несомненно, представляют огромную ценность. То, что Вселенная имеет диалектическую природу, обнаруживается при всяком вдумчивом анализе. Однако здесь проблематично само определение диалектики. Общеизвестна разница между интерпретацией Гегеля и интерпретацией Маркса, а разрушительные последствия, к которым привели их представления, весьма печальны. Система Гегеля привела к созданию националистического германского государства, к появлению фашизма и его ужасным последствиям. Последователи Маркса, сторонники более узкой практики «реального социализма», также пришли к бедам и разрушениям. Вместо того, чтобы

видеть в этом вину Маркса и Гегеля, правильнее счесть виноватыми тех, кто крайне ошибочно интерпретировал диалектику. Неверно считать диалектический подход достоянием лишь Гегеля и Маркса, считать его принадлежностью исключительно Древней Греции также неправильно — в знаниях Востока можно найти достаточное число диалектических представлений. Но, конечно же, античность и европейское Просвещение внесли в развитие диалектики весомый вклад.

Нельзя говорить, что диалектика — только единство и борьба противоположностей и переход количественных изменений в качественные. Первое утверждение — грубая ошибка, оно не ведет ни к чему, кроме взгляда на Вселенную как средоточие неурегулированного хаоса. Второе приводит к выводу о необходимости постоянного поиска внешних сил, развитию без напряжения, без противостояния, без динамики, подтверждение которой невозможно. Известно, что метафизика самостоятельно пришла к таким же выводам.

В таком случае, чрезвычайно важно избавление диалектики от этих двух крайних точек зрения. Таким образом может развиваться не разрушительная, а созидательная диалектика. Например, сам человек является примером диалектического развития определенного этапа жизни вселенной. От элементарных частиц до атомов и сложных молекул — человек несет в себе этапы биологического развития. Этот захватывающий процесс диалектичен. Невозможно отрицать, что он отражает структурную диалектику развития. Несомненно, широко обсуждаемые классовые противоречия (к которым можно добавить племенные, этнические, национальные и системные противоречия) являются отражением борьбы противоположностей. Однако если не забывать о силе и гибкости общественного разума, можно снять это противоречие свойственным диалектике образом, не допуская массовых убийств. В обществе накоплено множество подобных примеров. Когда же идеология пытается определить наилучший путь развития, она не может избежать обратного эффекта — возможно, помимо собственной воли. То, что она постоянно попадает в такое положение, как минимум, демонстрирует важность верной интерпретации диалектики.

Чтобы не допустить ошибки, следует кратко сравнить диалектику с метафизикой. Несомненно, наиболее бесполезный подход — метафизический поиск внешней силы, перводвигателя, Создателя. Философия, религия и позитивистская наука, к которым привел этот подход, воздвигли «интеллектуальное гетто». Вероятно, природа не нуждается в Создателе, если же такая потребность есть, то этот Создатель находится внутри нее. Можно уверенно говорить, что метафизика, попытавшись выйти за пределы общества, породила режим колонизации разума. Поэтому необходимы критика и преодоление метафизики.

Однако причина, по которой я говорю о метафизике, иная. Я утверждаю, что человек не может существовать без метафизики. Та метафизика, о которой я говорю, — это продукт культуры человеческого общества. К ней относятся также мифология, религия, философия и различные технологии, политика, искусство и наука. Чувства добра и прекрасного не существуют физически, эти ценности присущи только человеку. Более того, в особенности, этика и искусство относятся к метафизике. Так что необходимо внести ясность не только в проблему метафизики — диалектики, но и выявить различия между метафизическим добром и красотой, и метафизическим злом и уродством. Скажу также, что жизнь делают более привлекательными, истинными и терпимыми не противопоставления религия — атеизм, философия — наука, а религиозная, философская, научная вера, истина и правда.

Нельзя забывать, что природа поставила человека в сложные и постоянно меняющиеся условия. Роль человека в этих условиях не может быть равна природе. Он может лишь регулировать собственную жизнь правилами, которые сам же и устанавливает. Театр является отражением в искусстве этой особенности реальной жизни. Важно уменьшить количество зла и уродства и максимально увеличить количество правды, добра и красоты. Говоря о метафизическом добре, красоте и правде, мы имеем в виду глубинную характеристику человека; я не говорю о слепой, глухой и бесчувственной метафизике. И когда по поводу метода сравниваю диалектику с метафизикой, я уверен в важности этих определений.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Полагаю, свобода является целью Вселенной. Я часто задаю себе вопрос, действительно ли Вселенная направлена на поиск свободы. Мне постоянно кажется, что недостаточно определить свободу лишь как поиск, присущее человеческому обществу, наверняка у нее есть какая-то связь со Вселенной. Если считать основным вопросом вселенной противопоставление частицы и энергии, то тогда, без сомнения, можно говорить, что энергия является свободой. Я верю в то, что частица материи является изолированно упакованной энергией. Свет — один из видов энергии. Можем ли мы отрицать то, что свет свободно распространяется в бесконечности? Квант, который считается наиболее мелкой частицей энергии, сегодня называют явлением, выражающим все виды вещества. Да, движение квантов является силой, порождающей все существующее многообразие. Я никак не могу удержаться от подозрения, что это и есть бог, которого все постоянно ищут. Суперабсолют, заключенный в сущности кванта, волнует меня, и, считаю, что это возможно, но я, опять, не могу не думать: не это ли называют высшим существом, богом?

В отношении свободы важно не предаваться эгоизму и не попадать в сети редукционизма, свойственного человеку. Можно ли отрицать, что птица, запертая в клетке, испытывает большие страдания? Пение соловья намного прекраснее самой замечательной симфонии — эту истину нельзя выразить иначе, чем с помощью свободы. Разве все голоса и краски Вселенной не наводят на мысли о свободе? Как объяснить восстания и борьбу женщин против гнета, как самых первых и последних рабов че-

ловеческого общества, кроме как стремлением к свободе? Самые выдающиеся философы, например Спиноза, трактуют свободу как преодоление невежества — разве это не то же самое?

Я не стремлюсь скрыть проблему среди бесконечных примеров и не хочу подробно распространяться о собственном приговоре, под которым живу с рождения. Приведу лишь одно доказательство: я никогда не писал стихов, кроме нескольких строк о Прометее. Поэзия является искусством поиска свободы, но у нее нет никакой другой цели, кроме изобразительной. Разве можно отрицать, что я — бесстрашный сторонник свободы?

Это краткое введение сделано для того, чтобы очертить обширность проблематики свободы общества. Развитие общественного разума совершенно необходимо для правильного понимания свободы. Развитие общественного разума — это усиление его способности к восприятию свободы. Самые усиленные пространства разума — это пространства чувствительные к свободе. Правильнее сказать, что чем сильнее в любом обществе развита рефлексия о разуме, культуре, знании, тем более оно склонно к свободе. Верно также и то, что чем менее общество обращает внимание на разум, культуру, знание, тем более оно склонно к рабству.

Когда я размышлял о евреях как нации, я все время задумывался о двух особенностях их характера. Во-первых, об их рукоделие к деньгам. Они, всегда, в своих руках держат власть денег. Евреи точно знают (и уверенно применяют свои знания на практике), что деньги — орудие власти, что ими они могут мир взять под свое влияние и даже подчинит себе. Мы можем назвать это господством материального мира. Во-вторых, что, по моему, важнее, вклад евреев в мировую науку и культуру. Вначале еврейские пророки, затем писатели, а в период современного капитализма — разного рода философы, ученые, представители искусства и женщины добились колоссальных достижений, почти равных истории. И будет верным утверждение, что нет другого народа богаче и свободнее, чем евреи. В подтверждение приведем несколько примеров из современности. В основном, настоящими властителями финансов-капитала, руководящего глобальной экономикой, являются евреи. У истоков современной

философии стоит Спиноза, науки об обществе — Маркс, психологии — Фрейд, физики — Эйнштейн. Добавим сотни имен политиков, ученых, деятелей искусства — все это дает достаточную информацию об интеллектуальной силе евреев. Так можно ли отрицать их влияние в мире интеллекта?

Однако у этой медали есть и другая сторона. Материальное и моральное богатство, сила и господство одних достигнуты за счет других — бедных, бессильных и разобщенных. Поэтому известные слова Маркса, что если пролетарий хочет освободить себя, то у него нет иного выхода, кроме как освободить все общество, актуальны и для евреев — словно Маркс сказал это, думая о них. Если евреи хотят быть уверены в своих свободе, богатстве, разуме и понимании, они должны таким же образом морально укрепить и обогатить мировое сообщество. Иного пути не существует. В противном случае над их головами может возникнуть угроза новых Гитлеров. В понимании этого — спасение еврейского народа; его свобода возможна только одновременно со спасением и свободой мирового сообщества. Нет сомнений, что для евреев, так много сделавших для человечества, это — почетная обязанность. В таком случае становится очевидным, что богатство и власть одних, основанные на нищете и невежестве других, не несут в себе свободу, если подразумевают геноцид. Подлинный смысл свободы — во всеобщем объединении без разделения на своих и чужих.

Если анализировать централизованную цивилизацию с точки зрения свободы, то мы увидим, что она несет в себе скрытое, отдаленное во времени рабство. В своем крайнем виде рабство проявляется как рабство идеологическое, это ясно видно на примере страшных и всемогущих богов шумерского общества. Верхние уровни зиккуратов представляются местом обитания богов, повелевающих сознанием. Средние уровни отводят под центры политического управления, которое осуществляют монахи. А самые нижние уровни предназначены для ремесленников и крестьян. И в основных чертах эта модель осталась неизменной до наших дней, лишь получила широкое и быстрое распространение. Это наиболее близкий к реальности сценарий развития 5-тысячелетней централизованной цивилизации. Но эта истина

воспринимается эмпирически. Анализ зиккуратов — это анализ структуры централизованной цивилизации и, экстраполируя? Последовательно, означает анализ подлинной структуры капиталистического мира. Совокупное развитие капитала и власти является одной стороной медали; другая сторона медали — это ужасающее рабство, голод, нищета и забитость.

Сейчас мы еще больше понимаем, как проблема свободы обострилась. Без понимания того, что централизованная цивилизация систематически лишает общество свободы, низводит общество до уровня стада, невозможно бороться за существование. Логика системы диктует усиление давления со стороны власти и капитала, что означает еще большую нищету и унижение. Такое обострение проблемы свободы, проявлявшееся во все времена, связано с природой системы. Мы недаром продемонстрировали пример еврейского народа — он очень показательный. Евреи веками переживали и свободу, и рабство — и не потеряли своего значения как нация.

Таким образом становится более понятен традиционный вопрос: что приведет к свободе — деньги или знание? Деньги как средство накопления капитала, то есть как излишки труда и перераспределения богатства (захвата ценности), во все времена играли и играют роль орудия рабства. Они могут убить даже своего хозяина. Это показывает, что с точки зрения свободы деньги никогда не будут безопасным средством. Деньги играют роль частиц материи, выступающих против энергии. Можно сказать, что сознание всегда ближе к свободе, оно влияет на реальность, расширяет горизонт. Поэтому сознание считают объяснением текучести энергии.

С точки зрения общественной этики будет полезным обозначить свободу как множество, разнообразие и различие во Вселенной. Множество, разнообразие и различие, даже скрытые, всегда несут мыслящему существу возможность выбора. Данные науки подтверждают, что существует сила, обуславливающая разнообразие живой природы. Ни одна фабрика, созданная людьми, до сих пор не смогла создать ничего, равного по сложности живой клетке. Возможно, мы не можем говорить о мировом разуме на уровне Гегеля. Но, тем не менее, нельзя исключить существо-

вание во Вселенной такого разума. Разнообразие невозможно объяснить иначе, как сознанием. То, что многообразие и разнообразие постоянно напоминают о свободе, вероятно, обусловлено искрами разума, лежащими в их основе. Можно считать наиболее разумным существом Вселенной человека. Хорошо, но как же человек обрел этот разум? С точки зрения науки (физически, биологически, психологически и социологически), человек представляет собой сущность истории Вселенной. В таком описании человек является квинтэссенцией мирового разума. Поэтому во многих философских школах человек рассматривается как модель Вселенной.

Уровень и подвижность разума человеческого общества представляет собой подлинную основу общественного устройства. С этой точки зрения свободу также можно представить как достижение общественного устройства. Мы знаем, что, начиная с первобытных времен, это называется моралью. В таком случае общественная мораль возможна только при наличии свободы. Свобода является источником морали. Моралью можно также назвать утвердившийся, прошедший испытания вид свободы, ее традиции и правила. Если моральный выбор исходит из свободы, то, учитывая связь свободы с разумом, знанием и сознанием, мораль можно называть коллективным сознанием или совестью общества. Теоретически имеет смысл называть мораль «этикой» только в этих случаях. Мы не можем говорить об этике вне общественной морали. Естественно, может создать более сильную моральную философию-этику, чем моральные эксперименты. Но искусственно созданная этика невозможна. Общеизвестны усилия, предпринимавшиеся в этом направлении И. Кантом. Понятно, почему он называл этикой практический ум. Но в то же время и для наших дней тоже актуален моральный выбор свободы, его возможность.

Связь общественной политики и свободы также очевидна. Политическая арена — это место, где наиболее дальновидные умы дискутируют, размышляют и пытаются добиться успеха. Политика — это место, где участвующие в ней субъекты получают свободу с помощью этого искусства. Общество, не развивающее социальную политику, должно осознавать, что платой за это станет

лишение свободы. Таким образом проявляется высокий смысл искусства политики. Любое общество (клан, племя, род, нация, класс, государство), не способное развивать собственную политику, обречено на поражение и на потерю идентичности. Для любого общества нет ничего тяжелее такого поражения. Борьба за свободу такого общества возможна лишь тогда, когда все его члены поднимают головы, начинают говорить и действовать поновому и бросаются в пучину политической борьбы. Аполитичное требование свободы — это полный бред.

Однако чтобы не нарушить связь политики и свободы, необходимо провести точные границы между властью и государственной политикой (точнее было бы сказать, отсутствием такой политики).

У государственного устройства и власти могут существовать стратегия и тактика, но политики в полном смысле слова быть не может. Власть и государства приобретает свои очертания, по мере отрицания общественной политики. Там, где заканчивается политика, устройства власти и государства начинают действовать. Власть и государство начинаются там, где перестает действовать слово политики, то есть кончается свобода. Там, только, есть закон и устав, управление посредством послушания, отдачи и выполнения приказов. Любая государственность и власть — это застывший разум. Их сила и их бессилие проистекают из этой особенности. В этом случае арена государства и власти не может быть местом поиска свободы. Гегелевское определение государства как места, где «свобода достигает наивысшего, добавляющего ей права», легло в основу всех господствующих современных взглядов и структур. Наиболее ярким примером того, к чему может привести данная позиция, является гитлеровский фашизм. Даже К. Маркс и Ф. Энгельс, с точки зрения которых государственная власть — это основа социалистического строительства, неосознанно наносят таким образом жестокий удар по свободе и равенству. Либералы прекрасно поняли: чем больше государства, тем меньше свободы, и своим успехом обязаны именно этой пронизательности.

С точки зрения гегемонии, власть и государства, по сути, является еще одним видом присвоенных излишка производства и

ценностей, то есть совокупного капитала. И не имеет другого значения. Капитал ведет к образованию государства, государство — к образованию капитала. То же самое можно сказать и о различных формах устройств власти. Насколько общественно-политическая сцена рождает свободу, настолько арена власти и государства ведет к потере свободы.

Возможно, устройства власти и государства приведет к обогащению и свободе многих людей, групп и народов. Однако, на примере евреев, мы увидели, что это возможно только ценой нищеты и рабства других, результатом такого развития становятся геноцид и различные войны. В капиталистической мировой системе политике был нанесен самый тяжкий ущерб. На нынешнем этапе, когда централизованная цивилизация достигла вершины своего развития, можно говорить о настоящей кончине политики. В нашем веке, больше, чем когда либо, происходит вымирание политики. И одновременно с этим наблюдается феномен умирания морали. И если мы хотим добиться свободы, у нас нет иного выхода, кроме как силой собственного интеллекта и политикой как совокупным разумом, моралью которого является коллективная совесть общества, вновь возродить политику и мораль и сделать их работоспособными.

Связь между свободой и демократией еще более тесная: постоянно ведутся дискуссии, что первично. Но мы можем уверенно утверждать, что они взаимосвязаны и подпитывают друг друга. Чем лучше мы представляем общественную политику в связи со свободой, тем сильнее связываем ее с демократией. Наиболее конкретным воплощением общественной политики является демократическая политика.

Демократическую политику можно определить как настоящее искусство освобождения. Без проведения демократической политики невозможно ни освобождение общества вообще, ни освобождение каждого народа в частности. Демократическая политика — это школа истины, где обучаются свободе и где реализуется свобода. Какую бы политику ни проводили демократические субъекты, демократическая политика настолько же политизирует общество, насколько естественно его освобождает. Если воспринимать политизацию как основной способ дости-

жения свободы, то необходимо знать, что чем сильнее мы политизируем любое общество, тем больше мы его освобождаем, и наоборот, чем сильнее мы общество освобождаем, тем больше политизируем. Естественно, существует множество сфер, подпитывающих свободу и политику, начиная с идеологии, но основные порождающие и питающие друг друга источники — это общественная политика и свобода.

Свободу зачастую путают с равенством. Их связь так же сложна и неоднозначна, как связь свободы и демократии. Иногда мы видим, что равенства достигают, пожертвовав свободой. Часто говорят, что их одновременное существование невозможно, что одно должно уступить и что свободу иногда приносят в жертву равенству вынужденно.

Важно объяснить различную природу этих явлений. Равенство — это скорее юридический термин, оно предполагает равное распределение прав без учета различий между индивидами и обществами. Различия же являются одной из основных отличительных черт не только Вселенной, но и общества. Термин «различия» закрыто для «равенства прав» — явления которое того же порядка. Равенство может стать важным только тогда, когда будет учитывать различия. Главная причина провала социалистической модели равенства — в том, что она не учитывала различия. Это, одно из самых основных причин, которое привело к поражению. Подлинная справедливость возможна только при таком взгляде на равенство, в основе которого лежат многообразие.

Мы подчеркиваем, что свобода чрезвычайно близка к понятию «многообразия», однако только сочетание равенства и различий дает возможность найти столь важную связь со свободой. Сочетание равенства и свободы — это основная цель общественной политики.

Мы не можем обойтись без обсуждения понятий индивидуального и коллективного права. Эти две категории определяются также как негативная и позитивная свобода, и очень важно раскрыть их взаимосвязь. Индивидуальная (негативная) свобода, возвышаемая современным капитализмом, нанесла огромный вред коллективизму в обществе. Важно отметить, что индиви-

дуальная свобода в наши дни истощает общественную политику не менее, чем власть. Избавление от этой функции индивидуализма, в особенности от отрицания морали и политики, — важная тема. Когда мы говорим, что общество разделено, а индивидуалисты не способны сопротивляться власти капитала, мы еще лучше понимаем степень запущенности проблемы. То, что либеральный индивидуализм определяется как основной источник гибели общественной политики и свободы, может привести нас к выходу из тупика. Естественно, речь не идет об индивидуальности, ее необходимость не подвергается сомнению. Мы говорим об идеологическом индивидуализме, идеализированном либерализме, который уничтожает общественную политику и свободу.

Мы обсудили проблему коллективной свободы. Очевидно, что подлинная свобода должна защищать идентичность любого общества (рода, племени, клана, класса, профессиональной группы и т. п.), его безопасность и его интересы. Только в этом случае она будет важна. Мы можем говорить об оптимальном общественном устройстве, только в том случае, если в нем будут совмещены индивидуальная и коллективная свобода. Тот факт, что свобода индивидуализма, провозглашенная либерализмом, и свобода коллективизма, провозглашенная странами социалистического лагеря, очень близки, несмотря на противопоставление друг другу, стал очевиден в результате исторических экспериментов XX века. Обе они — выбор либерализма. Если вспомнить, что игры государства и собственников ведутся одними и теми же людьми, моя мысль становится еще яснее.

То, что демократическое общество является наилучшим условием для сочетания индивидуальной и коллективной свободы, стало вполне очевидно после воплощения на практике индивидуалистического «дикого либерализма» и перегибов «культурной революции», ставших причиной страшных разрушений в XX веке.

Можно отметить, что демократическое общество приводит и к балансу коллективной и индивидуальной свободы, в основу которого берется лучший общественно-политический режим.

СИЛА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗУМА

До тех пор, пока не будет осознана взаимосвязь человеческого разума и специфики развития общества, невозможно в полной мере анализировать любые вопросы, касающиеся общественных проблем. Потенциальный уровень развития разума отдельного человека может стать предметом спекулятивных построений, но может и не стать им. Но то, что мы столкнулись с разумом, совершенно отличным от нашего, стало очевидно в результате связанных человечеством войн, приведших в наши дни к почти полному уничтожению природы. Классовый анализ, комплексные экономические и политические меры, максимальная концентрация государства и власти не могут препятствовать разрушению природы и общества — невозможность этого уже доказана. Очевидно, что требуется более глубокое изучение проблемы.

Сила разума обсуждается испокон веков, я не скажу ничего нового. Хочу отметить, что сейчас больше, чем когда-либо прежде, стали уделять внимание еще одной стороне разума. Очевидна связь разума и общества. То, что без развития общества невозможно развитие разума, понятно любому наблюдателю исторического процесса. Важно понять, при каких условиях общественное существование позволило легитимировать разум. То, что современный капитализм, особенно мировое господство финансового капитала, близкое нам по времени, добился благодаря «символическому разуму» огромных успехов, которые привели к разрушению природы и общества, невозможно объяснить никакими условиями общественной легитимации. Говоря откровенно, никакое свободное этико-политическое общество не одобрит акцентуацию «символического разума». В таком случае как

и кем, каким мышлением и какими средствами была разрушена плотина общественной легитимации? Кому принадлежит роль в строительстве, ремонте и оздоровлении перед угрозой разрушительной силы разума? По каким законам и правилам разума это делается? Указанные вопросы жизненно важны и требуют обязательного ответа.

Я придаю большое значение вопросу появления системы, которую И. Валлерстайн назвал мировой системой капитализма. Кроме того, я считаю, что усилия Фернана Броделя, пытавшегося досконально проанализировать данную тему, пролили свет на многие вопросы. В какой-то степени поучительным является учение Самира Амина, который, в частности, рассматривает проблему капитализма в совокупности с упадком исламских цивилизаций Ближнего и Среднего Востока. Многие мыслители относятся к такой позиции с осторожностью. В целом отмечаются следующие результаты: это слабость европейской традиции государства, ослабление церкви, разрушение исламской цивилизации монголами Чингисхана. Капитализм, часто сравниваемый со львом в клетке, пользуясь тем, что дверца клетки открыта, сначала захватил Западную Европу, затем, по очереди, — всю остальную Европу, Северную Америку — и к нашим дням триумфально покорил весь мир. Сила, до того запертая на замок, стала господствовать в мире, а бывшие властители оказались заперты в «железную клетку». Заключение Левиафаном общества в «железную клетку» стало возводиться в ранг инструкции к действию. По известному выражению Макса Вебера, современная капиталистическая бюрократия заперла общество в «железную клетку». Все известные мыслители, пусть не прямо, стыдливо, полупешепотом, трусливо, но констатируют эту ужасающую ситуацию.

Лично я проблему рассматриваю более широко и в рамках системы центральной цивилизации. И даже считаю необходимым в определенной степени связывать с историей развития символического — аналитического ума. Несомненно, шаг, который аналитический ум сделал в системе центральной цивилизации, огромен. Подобное влияние способна оказать только совокупность всех структур цивилизации. Другим важным фактором является то, что человеческий разум, приобретая способность

к обобщению, достиг умения анализировать, что важно не менее фактора цивилизации, потому что именно способность к аналитическому мышлению проторила путь цивилизационному фактору.

Как и человек, все живые существа действуют на основе точных принципов разума. Этот стиль разума, который мы можем называть естественным или эмоциональным, предрасположен к внутренним инстинктам. Он характеризуется резкими реакциями на воздействие. В этом отношении очень примечательна та реакция на воздействие, что существует у растений и животных. Свою жизнь, состоящую только из воспроизводства, защиты и употребления, они проводят, основываясь на врожденных инстинктах, определяясь в зависимости от конкретной ситуации. Доля ошибок ничтожна. Я считаю полезным рассмотреть данный вопрос, учитывая также неодушевленные существа. Например, если наше земное притяжение рассмотреть как инстинкт (а таково мое мнение), то получится, что каждый объект и даже частица будут находиться под воздействием свойственной ему силы отталкивания и притяжения. Процент непопадания под это влияние очень мал. Иное возможно только на уровне скорости света. Посему в данном отношении меня не удовлетворяют философии, считающие, что Вселенная лишена принципа построения и представляет собой пустое пространство. Мнение, что Вселенная движется в соответствии с законами определенного разума, требует более подробного изучения.

Странность человеческого разума заключается в его способности противоречить Вселенскому разуму. Возможно, на примере света можно было бы считать эту аналитическую форму мышления (аналитическое мышление) преимуществом для человека. Но как мы проанализируем его противоречие с подавляющим большинством стиля мышления основной части Вселенной? Может быть, «теория хаоса» несколько прояснит тему. Как известно, в теории хаоса ищут систему в колоссальной бессистемности. Система не может существовать без хаоса. Нельзя отрицать истинность и справедливость такого подхода. Однако в данном случае проблема заключается в том, сколь долго и как сможет еще существовать человек, испытывающий воздействие социального

хаоса (в том числе депрессии и кризисов), потому что сроки и пространство существования общества в условиях хаотических процессов крайне ограничены. Длительность срока и чрезмерное разрушение пространства (окружающей среды) запросто могут положить конец существованию общества. В истории есть много примеров того, как общества попадают в подобные ситуации. Нам известно, что человечество еще в состоянии первобытных сообществ на протяжении достаточно протяженного срока (98% времени существования человечества) жило в условиях такой хаотической обстановки. Человечество пребывало в системе неолита и цивилизации менее двух процентов общего периода своего бытия. По сути, продление хаотического срока может и не положить конец существованию жизни. Но на этот раз угроза совершенно иная. Между хаотическим процессом до эпохи цивилизации и после нее существует явное различие. Цивилизация довела окружающую среду до состояния, опасного не только для человека, но и для всех живых существ. Гораздо хуже то, что капитал и власть, живущие в организме общества, ежечасно разрастаются как раковая опухоль (чрезмерная урбанизация, рост безработицы, рост национализма, половое неравенство, неконтролируемый рост населения). Продолжение этого канцерогенного роста даже в существующем состоянии приведет к тому, что человечество будет ностальгировать по первобытнообщинному, доцивилизационному периоду. Хаотический процесс, стимулированный этой канцерогенностью, может привести не столько к новым системам, сколько к гибели общества. Данное мнение вовсе не является преувеличением. Люди, обладающие чувством ответственности, ученые ежедневно высказывают более резкие упреки по этому поводу.

Могут задать вопрос: а какое отношение имеют развитие социальной канцерогенности к аналитическому мышлению. В таком случае попробуем ближе познакомиться с понятием «аналитическое мышление». Символическое мышление играло передовую роль. Наиболее явное состояние мы видим на примере перехода от языка знаков (преимущественно телодвижения) к языку символов. Вместо движения тела люди уже могли устанавливать осмысленную связь путем набора звуков (не имеющих физиче-

ских и биологических связей с теми, что выражались знаками). Возьмем в качестве примера слово «глаз». Сама звуковая фраза не имеет никакого отношения к глазу. Тем не менее, все приемлющие данное определение, при звучании этого слова сразу же мысленно представляют себе глаз. Такова структура языка символов. Несмотря на то, что антропологические исследования утверждают о том, что истоки этого языка уходят к группе *homo sapiens*, около 50–60 тысяч лет назад осуществившим последнюю волну миграции из Северной Африки. Но все ученые едины во мнении, что настоящий взрыв произошел в географическом регионе Среднего Востока. В частности, семитические и арийские языковые семьи подтверждают данный тезис.

Структура языка символов оказала огромное влияние на мышление человека. Освобождение от языка телодвижений и переход к мышлению фразами, возможно, стали первой из величайших революций в мышлении. Ускорив, с одной стороны, отрыв человека от мира животных, это, с другой стороны, ускорило и концентрацию общества вокруг структуры языка символов. Поскольку все общества говорили в одной системе звуков, постепенно они развивались, обнаруживая и различия, и силу мышления. Идентифицирующим признаком общества уже становится язык символов. Неолитическая революция реализовалась благодаря существенному вкладу этого языка. При помощи языка знаков сложно было бы достичь столь революционного этапа. Поскольку мы довольно подробно рассматривали вопрос о том, как позднее был осуществлен переход к цивилизации, здесь повторяться не будем. Но полезно было бы хорошо знать, что подножия горной системы Тавра-Загроса, называемые «Плодородным Полумесяцем», и долины Месопотамии стали основной колыбелью развивавшихся процессов.

Все сказанное свидетельствует о положительном эффекте символического мышления. Но тревогу следует видеть там, где происходит отрыв от окружающей среды. Предыдущие общества были обществами естественной среды и находились в объятиях природы, как дитя в объятиях матери. Сила символического мышления ослабила необходимость в таком образе жизни, поскольку новый социум уже именуется окружающий мир на своем

новом языке и, стало быть, открывает иной путь использования природы. Этот новый путь и есть путь колоссальной власти, гегемонии над миром растений и животных. Типы мышления, существовавшие до появления языка символов, реализовывались при помощи чувственного мышления. Основная особенность чувственного мышления заключается в оперировании чувствами в ответ на действие и реакцию. Здесь лишь искренность — нет лжи и коварства. Ведь не так легко представить себе неискреннее, лживое и коварное отношение матери к своему ребенку. Так же действует мышление в мире растений и животных. Как только появляется лев, эмоции его жертвы точно отражаются в чувственной сфере. При этом хитрость отсутствует у обоих. В символическом мышлении человека можно обнаружить тысячи коварных, неискренних (лишенных чувственности) и лживых мыслей. Огромная опасность данного типа мышления проявила свою поистине колоссальную разрушительность с переходом на стадию цивилизации.

Способность аналитически мыслить, реализуемая посредством языка символов, играет определяющую роль в накоплении капитала и власти. Это мышление, коварное и неискреннее, используя свою силу, изначально основанную на лжи, в полной мере развило умение захватывать и эксплуатировать общество. Как известно, функционирование правого и левого полушарий головного мозга человека связано с обоими указанными типами мышления. Позже всего достигло своего развития полушарие, отвечающее за аналитическое мышление. Все остальные части тела действуют по команде, даваемой чувственным мышлением. Развитие аналитического мышления стало причиной его приоритетного характера и подчинило себе сферу, контролируемую чувственным мышлением. Данное развитие постепенно и полностью переформирует характер человека. Это — потрясающий прогресс. Его использование в положительном аспекте может превратить мир в вечный праздник человечества. Но если этот прогресс окажется задействован в негативном ракурсе, то мир может быть превращен в ад для подавляющего большинства людей, животного и растительного мира. Это подобно энергии атомного ядра. При условии четкого контроля над этой энергией

ее использование в интересах общества будет очень полезно. На примере небольшого Чернобыля мы видим, к чему может привести недостаточный контроль. Использование аналитического мышления в военных целях гораздо более страшно. В способности к анализу я вижу определенные аналогии с неконтролируемым ядерным взрывом. Я уверен, что, помимо угрозы, такой ум, точнее, личность, подвергает общество и окружающую среду ядерной бомбардировке. Не нуждаясь в ином ядерном оружии, «бомбы» аналитического ума, находящиеся в руках и подчинении мировой капиталистической системы, уже сегодня толкают общество и окружающую среду к гибельной пропасти.

Несомненно, язык символов и аналитическое мышление сами по себе не могут нести негатив; они всего лишь представляют соответствующие условия для проявления негатива. Истинным началом цепи негатива являются процессы, происходящие в механизмах капитала и власти. Система накопления капитала и власти, которую мы концептуализируем как цивилизацию, в силу свойственного ей характера является лживой и коварной, лишенной чувственного мышления. Механизмы гнета и эксплуатации строятся на средствах пропитания и безопасности других людей. Природа жизни требует реакции на это. Продолжение возможно только двумя путями: или при помощи мягкой силы, которую узаконивает идеология, или голой силой власти. То, что контроль в большинстве своем обеспечивается этими двумя путями, является исторической действительностью. Капитал и власть — это такие вещи, которые могут развиваться, только опираясь на коварство, силу и ложь. Основная часть мышления представляет для этого соответствующие условия именно на этой стадии. Мы могли бы назвать это эффектом искажения и введения в заблуждение.

Если взглянуть на историю цивилизации в ракурсе этой парадигмы, увидим, что концентрация классов, городов и власти формирует мощную структуру аналитического мышления. В процессе цивилизации есть несколько крупных остановок. Так, процессы цивилизации, начавшиеся в 4000-3000 гг. до нашей эры, в Шумере и Египте, представлявшие собой оригинальные явления, создали великие структуры аналитического

ума, которые и сегодня продолжают сохранять свой магический эффект. Во всей истории цивилизации можно видеть следы всех структур мышления, развивавшиеся на протяжении этих цивилизаций. В оригинальной форме там присутствуют все те достижения в математике, биологии, письменности, философии, религии и искусства, которые отмечены печатью цивилизации. Греко-римский этап обогатил этот процесс созидания и способствовал прогрессу разума в аналитической структуре. Для периодов Возрождения, Реформации и Просвещения Европы, развивавшиеся после кратковременного скачка в исламском Ренессансе, характерно восхождение аналитического мышления до точки апогея.

Естественно, говоря обо всех этих исторических процессах, необходимо помнить о том, какой вклад внесли другие цивилизации, в первую очередь, Китай и Индия. Цивилизацию продолжительностью в пять тысячелетий можно считать итогом метафизических шаблонов, которые по логике своего развития оторвались от диалектики жизни и растут, как огромная опухоль. Процессы, отражающие в гигантских масштабах накопление капитала и власти во всех институтах искусства, философии, религии и науки, от архитектуры до музыки и литературы, от физики до социологии, от мифологии до религии и философии, мы называем историей. Фундаментом этой цивилизации являются войны, представляющие из себя чудовищные грабительские походы. Разум, возвышающийся на таком фундаменте, является глубочайшим безумием по отношению к истине. Еще одной функцией идеологической гегемонии является сокрытие этого, по существу, сумасшествия, этого «разума преступления», войны, коварства и лжи, разума накопления капитала и власти. Гегемония пытается представить все «с точностью наоборот», освящая и обожествляя все. Если тщательно исследовать все шаблоны аналитического мышления, верования и искусство, развивающиеся вместе с историей цивилизации, нетрудно будет выявить те реалии, которые мы подвергаем критике.

Мы можем глубоко осмыслить выход капиталистического чудовища (Левиафан Гоббса) из клетки только в свете этих исторических реалий. Хочу особо подчеркнуть то, что это чудовище

вышло из клетки отнюдь не в XVI столетии, воспользовавшись слабостями эпохи.

Хотелось бы завершить данную тему, рассмотрев положение женщины с точки зрения предмета исследования. Несомненно, феминистские исследования своими новыми достижениями вносят значительный вклад в освещении реальной ситуации. Но я придерживаюсь того мнения, что эти работы ведутся во многом в условиях господства мужского сознания. Во многом они реформистские. Важное значение имеет кардинальный подход к теме во всей ее глубине.

Биологические исследования освещают главную роль женщины в развитие человеческого вида. В сущности, оторвавшимся от жизни как таковой оказался мужчина, а не женщина. Чувственный мир женщины обусловлен тем, что она не выходит за условия диалектики универсального бытия, не нарушает законов диалектики. В частности, то, что в эпоху цивилизации женщина оставлена в самом низайшем положении, сыграло серьезную роль в сохранении этой структуры до сегодняшнего времени. Мужское сознание постоянно стремится представить полное чувств сознание женщины как «ущербное», являющееся характерной особенностью женщины. Мужское сознание провело и проводит несколько масштабных манипуляций над сознанием женщины.

Начальная манипуляция заключается в том, что женщина была превращена в первую домашнюю рабыню. Этот процесс изобилует ужасающими репрессиями, угнетением, насилием, посягательствами и массовым уничтожением. Роль, отведенная женщине, была сведена к производству «плодов» в том количестве, которое требовала система наследования имущества. Идеология сословности очень зависит от этого «плода». В границах этого статуса женщина становится абсолютной собственностью. Она является достоинством своего хозяина, вещью, не смеющей даже показать лица.

Вторая манипуляция — это превращение женщины в орудие секса. Половой аспект во всей природе обусловлен потребностью воспроизводства. Ее целью является продолжение жизни. В частности, для человеческого самца основная роль в процес-

се цивилизации уделена сексу в совокупности с порабощением женщины, то есть — преимущественно — взрыву полового влечения и его извращенному развитию. Если периоды спаривания у животных происходят очень ограниченно (большей частью один раз в год), то мужчина зачастую пытается заниматься этим чуть не двадцать четыре часа в сутки. Сегодня женщина превращена в инструмент, на котором постоянно испытываются секс, половое влечение и власть. Разница между домашним очагом и публичным домом уже утратила свой смысл, потому что все дома воспринимаются как публичные, а все женщины — как проститутки.

Третье — это превращение женщины в работницу, прислуживающую без зарплаты, безвозмездно. Вся тяжелая работа сваливается на женщину. В ответ она получает утверждение собственной «ущербности». Женщина настолько унижена, что действительно согласилась с тем, что в сравнении с мужчиной она очень «ущербна» и поэтому обеими руками ухватилась за власть мужчины.

Четвертое — это превращение женщины в самый изысканный товар. Маркс называл деньги «королем товаров». Собственно говоря, эта название больше подходит женщине. Реальной «королевой товара» является женщина. Нет ни одного вида отношений, в которых не предлагалась бы женщина. Нет ни одной сферы, где бы ни использовалась женщина. С той лишь разницей, что любой товар имеет свой общепринятый эквивалент, а в случае с женщиной этим эквивалентом становится или величайшее бесстыдство, называемое «любовью», или же такое огромное неуважение, как циничное утверждение, что «материнский труд не оплачивается».

Чего только ни сделает в отношении общества и окружающей среды мужской разум, превращенный цивилизацией в воинственное чудовище, разум, насыщенный тысячами хитростей, идеологическими заблуждениями, короче говоря, разум, разрушающий общество и окружающую среду, аналитический ум, издающий звук олова, если так подло поступил по отношению к женщине, без которой он не мог бы появиться! Остановить этот разум можно только посредством восстановления разрушенной

им общественной нравственности и политики. Точнее, начало может состояться только на этой основе. Только по причине той роли, которую во всех негативных явлениях сыграл аналитический ум, достигший своих высот, значение развития системы демократической цивилизации вместо существующих систем, еще раз предстает перед нами во всей своей яркой актуальности как первостепенная задача. Необходимо признать большое значение ума. Социальный разум — это существующая реальность. Общество само является сферой концентрации разума. Нет никакого смысла в утрате надежд. Во всех святынях звучит единый голос: «Мы дали вам разум, так используйте его не во имя зла, а во имя добра. Тогда мы дадим вам все, что необходимо». Этот голос мы действительно должны принять и понять. Голос совести общества, называемый еще здравым смыслом, незаменимый голос нравственности, говорит о том же. О том же говорит стремящийся быть услышанным голос искусства свободы, называемый общественной политикой. Деятельность демократического общества является практическим воплощением этого голоса. Система демократической цивилизации — теоретическое его обоснование.

Последующие разделы в большинстве своем посвящены раскрытию процесса направления этих голосов, исходящих из единства аналитического и чувственного разума, на их конкретные источники и пути указываемых решений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

В диалектике природы моменты проблем представляют собой периоды качественных скачков, являющийся следствием количественного накопления. Теория развития представлена в виде чередования кратких периодов преобразований, тогда как в «теории хаоса» основную роль играют хаотические периоды, а порядок и прогресс представлены как короткие моменты. И одно, и другое являются предметом постоянного внимания человека. Разумеется, существует точка зрения, в соответствии с которой человеческое мышление, то есть сознание, является зеркальным отражением бытия, как существует и другая, считающая первичным человеческое сознание.

В этих теориях можно встретить как индуктивный, так и дедуктивный методы исследования. Я считаю необходимым еще более конкретно рассмотреть проблему в данном контексте. Именно поэтому все исследования, проведенные мной до данного момента, следует рассматривать как всестороннюю подготовку к введению в сущность общественной проблемы.

Считается, что ярчайшие проявления интеллектуальной деятельности могут быть результатом двух исторических этапов. Первый этап представляет собой относительно стабильные периоды процветания общества и отсутствия значительных проблем, что отражено и в сознании. Это период активного развития прогресса — без проблем, порождаемых стагнацией общества. Уверенность в завтрашнем дне позволяет считать, что проблемы носят временный и преходящий характер. Наибольшее внима-

ние уделяется первичной природе. Желание подвергать обсуждению общественную природу отсутствует.

Для второго этапа характерны упадок и нестабильность системы, что приводит к загруженности мышления проблемами. Наибольшее внимание уделяется «вторичной природе». Эти периоды являются временем усиленных новаторских поисков в области религии и философии — именно здесь видят выход из проблем.

Изучение любой исторической цивилизации подтверждает наличие обоих этих периодов — и процветания, и активных поисков человеческого сознания. Высочайшее развитие шумерской мифологии в период стабильности оказало влияние на все широко известные воззрения в области религии, философии науки и течения искусства. Не существует ни одного имеющего мировое значение направления в религии, философии, искусстве и науке, не испытавшего влияния древних шумеров. То же самое можно сказать и о Древней Греции — достижения и шедевры античной эпохи связаны с периодом процветания общества. Благополучие Шумерского государства основывалось на благоприятных природных условиях Месопотамии, а в Греции — на производительности обеих берегов Эгейского моря. Мифология древних шумеров со временем уступила место ионической философии, и мы можем отметить это время как период ярчайшего прогресса в науке и искусстве. В Западной Европе аналогичный период процветания и стремительного прогресса в области интеллектуальных наук начался с XVI века и в дальнейшем распространился по всему миру.

Следует обратить внимание на тот факт, что все три благополучных примера интеллектуальной революции связаны с первичной природой. Однако ухудшение политико-экономической ситуации и начало депрессии сразу же вызвали обсуждения по поводу «второй природы», активизации нового, прогрессивного мышления. В то время как одна часть мыслителей продолжала ностальгировать по прошлому, видя в нем идеал процветания и порядка, реформаторы, скорбят по поводу депрессии и неурядиц, уходят в утопию. Результатами этих исканий становится появление значительного количества новых общественных видов и обществ — от религиозных и сектантских течений до появления различных новых племен и даже образования народностей как

это видно на примере Европы, демонстрирует возникновение общественных формирований.

Изучение истории в ракурсе человеческого сознания познакомило нас с общественными проблемами. И сейчас, изучая современное общество, мы до глубины души осознаем колоссальную тяжесть рассматриваемой проблемы.

Я стремился отделить и дистанцировать мои теоретические воззрения от европоцентристской социальной науки. Я осознаю, что именно этот метод крайне необходим в данном случае. Разумеется, кое-кто будет считать это слишком простым и осуждать как отклонение и отступление от социальных наук. Меня это не волнует. В действительности европоцентристская социальная наука иерархична — от нее за версту разит господством. Она имеет в виду или господство, или подчинение. У нас другая задача — нам необходимо стать субъектом демократии и добиться справедливого распределения. Европейская социальная наука в основе своей представляет собой либерализм; это — идеология. Тем не менее, эта очевидная реальность до такой степени прикрыта, что усваиваются и вводятся в обиход даже идеи великих критиков-оппозиционеров. Все это демонстрирует большую способность к эклектике. Я знаю, что у меня нет другого выхода: стремясь избежать этой участи и не стать жертвой эклектики, я должен развивать черты, присущие лишь моему оригинальному методу. Данная позиция не является антиевропейской и не направлена против Европы. Как известно, теории, отрицающие достижения Западной Европы, также являются частью европейских учений. Если учесть, что Европа находится на Востоке, а Восток — в Европе, то, зная о том, какие именно достижения нашей цивилизации приобрели мировое значение, я считаю возможным развивать эту позицию. Ряд выдающихся ценностей Европы представляет собой улучшенную версию наших ценностей и открытий. Нам необходимо хорошо отдавать отчет в том, что большинство тех, кто производит впечатление самых ярких противников европейской системы, стали наиболее отъявленными сторонниками отсталого европейского либерализма. Опыт социалистического лагеря и национально-освободительных движений полны этими примерами.

Исследования К. Маркса и Ф. Энгельса в области научного социализма были предприняты как решение общественной проблемы того времени. К. Маркса и Ф. Энгельса искренне в это верили. Несомненной была их вера в возможность постановки проблемы и характера ее решения, когда очередь дойдет до социалистической системы, а также определение капиталистической системы — до такой степени, что научный социализм развивался ими как гарантия этих преобразований. Но история развивалась иначе. Их предшественники, социалисты-утописты, тоже надеялись на это. В. И. Ленин ожидал иного от революции в России. В эпоху Великой Французской революции большое разочарование испытали многие революционеры — революция пожирала многих своих детей. История полна таких примеров, и это при том, что, те кто решали проблемы были очень искренними и действовали осознанно. Это означает, что в их методе определения и исследования общественных проблем присутствуют ошибки и недостатки, которые приводят к значительным искажениям и даже к обратным процессам. Как уже неоднократно отмечалось, проблема не в отсутствии усердия, восстаний и войн — всего этого хватало с избытком. Данная ситуация заставляет меня быть крайне осторожным в рассмотрении и определении общественной проблемы. Если мы в состоянии делать выводы из опыта предшествующих поколений и испытываем уважение к памяти великих героев, то предпринимаемые нами шаги должны быть осознанными и уважительными.

А. ОПИСАНИЕ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Первые две части моей Защитной речи, в целом, посвящены власти и, в частности, монополии капиталистической власти. Несмотря на определенные недостатки, я считаю, что система центральной цивилизации раскрыта достаточно широко. Важно было представить основные кольца цепи развития. Были рассмотрены и представлены в совокупности цепное развитие укре-

пления власти и связанное с этим накопление капитала. Когда я работал над этими двумя частями, я еще не ознакомился со сборником под названием «Мировая капиталистическая система», который подготовил Андре Гиндер Франк. Моя работа была как бы другой стороной этого сборника, но, в то же время отличалась связью решения с систематизацией и демократической цивилизацией. Возможно, если бы я приступил к написанию работы сейчас, эта черта была бы еще более укреплено. Но уважение к истории заставляет меня оставить все как есть.

Тема общественной проблемы — это отдельное заглавие. Я не ставил перед собой цель ни представить историю власти как монополизма, ни обсуждать демократические решения. Я поставил задачу и пытался представить общественные проблемы в свете теоретического и практического опыта. Я уверен, что это внесет вклад в решении проблемы. Не говорю, что до сих пор я вообще не затрагивал эту тему — отдельным ее частям уделялось много внимания, но представить вопрос как единое целое я считаю очень поучительным.

Вопрос, каковым должно быть описание общественных проблем, наводит на размышление. Некоторые исследователи считают проблемой нищету общества, некоторые — отсутствие государственности, некоторые — слабость в военном отношении, некоторые — ошибки политической системы, некоторые — экономику, некоторые — этическую аморальность. Вероятно, не существует ни одного социального вопроса, который не считается проблемой. Каждое из этих мнений не лишено истины, но все они далеки от отражения сущности проблемы. Я считаю более важным представить общественную проблему как раскрытие связанное с основной динамикой общества.

Моя точка зрения состоит в том, что в качестве основной проблемы должно восприниматься то, что общество перестало быть обществом. Первым и наиболее серьезным обстоятельством является здесь существование ценностей, создающих общество, определяющих социальное бытие и его атмосферу. Я говорю об обстоятельстве, которое мы называли его наличием. Второе, это себя, которое лишает себя наличия, я говорю об прогрессе которое уничтожает основу наличия. Совокупная реализация этих

двух обстоятельств означает не только существование, но и значительные масштабы общественной проблемы. Например, если бы наступление ледникового периода во времена первобытно-общинного строя привело к полному вымиранию человечества, тогда мы не смогли бы назвать это проблемой. Потому, что стихийные бедствия происходят помимо нашей воли. Для того, чтобы это стало проблемой, необходимо вмешательство человека. Даже экологическая проблема становится общественной только в том случае, когда она создана человеком. В таком случае, рассмотрение важнейших общественных проблем будет верным только в неразрывной связи с рассмотрением сил, разрушающих основы общества.

Я вижу во главе этих сил монополию капитала и власти, потому что обе в основе своей являются силами, уничтожающими общество, присваивая прибавочный продукт. Впредь я буду называть монополию власти и капитала «монополией». Чтобы более широко раскрыть тему, необходимо представлять себе естественное, лишенное проблем, нормальное общество. На каком бы уровне развития ни находилось общество, необходимо, чтобы оно самостоятельно определяло свою нравственную и политическую структуру — только такое состояние можно назвать нормальным, естественным, открытым или демократическим обществом. Учитывая необходимость постоянного обращения к этому вопросу в следующих частях данного труда, я не считаю необходимым в данной части представлять общество как «либеральное», «социалистическое», «национальное государство», «светлое», «потребительское», «индустриальное» либо «подчиненное», поскольку подобного рода определения чаще всего носят спекулятивный характер. В нормальном или естественном обществе эти определения эквивалента не имеют. В этом смысле следовало бы использовать иные обозначения.

В таком случае началом зарождения проблемы можно считать утрату обществом таких основополагающих качеств, как свободная политика и нравственность. Силой, порождающей данную проблему, является монополизм. Необходимо точно так же определить его сферу. Концентрация прибавочного продукта в одном месте означает образование монополии независимо от

того, произведено это единолично или же государством, в области сельского хозяйства, торговли, индустрии и т. д. Разумеется, в монопольной группе присутствует неоднократно упоминавшаяся нами триада жрец, правитель, военный вождь, использующие возможности монополии в меру своих сил. В ходе исторического процесса вышеупомянутая триада разделяется на весьма различные институты. Каждый институт также подвергается дроблению но увеличивая преемственность, они доживут до наших дней.

Необходимо всегда иметь в виду как цельность, так и взаимосвязанность исторических этапов развития монополизма. Современная цивилизация является и результатом, и причиной взаимосвязанности монополизма, и я буду постоянно подчеркивать эту черту. Мышление современности в настоящее время душит все. Все душит в рамках сжатого «настоящего». В действительности же «настоящее» это история, будущее. Современность не зря с помощью этого мышления осуществляет геноцид истории, потому что крайне легко подчинить своим интересом общество, забывшим свою историю и традиции. Ни одна история не имела возможности развиваться такими темпами, цепно и увеличиваясь, как история монополизма. Увеличивая собственную историческую ценность, монополизм таким образом лишает все общественные слои (классы общества) исторического значения и подвергает их эрозии и эксплуатации. Для этого создает мифологию, религию, философию и структуры науки. Таким же способом общество лишается нравственности, что в конечном итоге ставит крест на политической деятельности социума.

Используя термин «монополия», не следует забывать, что он применим в экономическом, военном, политическом, идеологическом и коммерческом отношениях, потому что прибавочный продукт так или иначе будет поделен между этими группами. Ни метод раздела, ни величина доли принципиально ничего не меняют сути. В силу конкретных обстоятельств большая доля может быть выделена представителям то экономической, то военной, то прочим сферам. Такие общие термины, как «класс» и «государство», лишь усугубляют завуалированность.

Монополизм, более конкретно, играет роль компании по эксплуатации и давлению. А класс и государства подерживающие его, имеют производное значение, являются второстепенными проявлениями.

В проявлениях монополизма третье место занимает урбанизация. Урбанизация возникла как «штаб» монополии по эксплуатации и угнетению. Причиной общности с религией — храмом стал поиск идеологической легализаций. Именно благодаря этому урбанизация, имевшая место на протяжении истории, стало смысловым центром храма, военного штаба, дворца. Толпа вокруг него, представляя собой второе кольцо вокруг цитадели, играет роль слуг, рабов, и можно назвать их классом рабов.

Крепости, оборонительные стены которых всегда встречаются нам в истории, являются самыми откровенными структурами урбанизации и, соответственно, монополии. Таким образом получается, что мы выделили факторы, породившие общественную проблему: основой монополии является структура город-класс-государство, образовавшаяся вокруг его основы. История цивилизации — это распространение данной триады во времени и пространстве. Логика проста: чем больше возможности присвоения прибавочного продукта, тем большие разрастаются монополии, последовательно возникают новые города, классы и государственные структуры. Эти основополагающие структуры в тоже самое время порождают крайне жесткие правила. Истории городов, государств и королевств — это нескончаемые легенды о том, как все, способные думать головой и работать языком, как армия солдат, ежедневно и ежечасно служат, идеологической легитимации. Для их фантазии не существует ничего невозможного — не забывают ничего, начиная с богов, дьяволов, джинов, изображение ада, рая и описывая это в эпических произведениях. Используя непомерный, невыносимый человеком труд, возводят колоссальные гробницы, дворцы, храмы, театры и стадионы как воплощение мощи монополизма. Чудовищные войны, не только увечащие и берущие в плен, но и уничтожающие целые народы и племена, города и села — это тоже традиции монополизма. Все, что имеет экономическую ценность, давно уже внесено, как военный трофей, в священную книгу монополизма.

Отдельного внимания при рассмотрении данной общественной проблемы является характер цивилизации монополизма, то есть триады город-класс-государство после земледельческой революции. Говоря другими словами, насколько неизбежными были следующие за этапом неолитического общества рабовладельческий, феодальный, капиталистический этапы в существующем виде? Насколько реальным были иные пути развития? Если были, тогда почему не смогли развиваться? Какими бы спекулятивными не считались эти вопросы, они, тем не менее, обращают наше внимание на важные темы. Эти проблемы будут глубоко рассмотрены в работе, посвященной системе демократической цивилизации, поэтому сейчас я позволю себе лишь кратко остановиться на том, что непосредственно связано с исследованием природы социума. Как утверждает парадигма господствующей цивилизации, прогресс записан и предрешен в книге судеб, и все происходит так, как должно быть. Все решает судьба — фатум. Как рок решит, так и будет — вся метафизика пронизана этой идеей.

Анализ демократической цивилизации и жизни общества противоположно этому. Короче говоря, общественная реальность отнюдь не такова, как представляет ее европоцентристская социальная наука. Существуют более близкие истине истолкования. Социум образуется иначе, чем пытаются это представить. Очень важно суметь осознать различие между риторикой и истиной. Помимо этого, крайне важна понять связь между господствующей в обществе цивилизацией и риторикой. Многие категории анализов представленные от имени социальной науки и которые утверждаются как безусловная истина, в основном являются пропагандой. Их целью является скрытие истины. Даже те теории, которые представлены от имени научного социализма, и ряд положений социальной науки испытали сильное влияние либерализма. До тех пор, пока данные вопросы не будут освещены хотя бы в минимальной степени, процент ошибок в ответах останется высоким.

Такое ознакомление с общественными проблемами в их оригинальном виде дает шанс более правильного понимания периодов развития. Восприятие проблемы с точки зрения представ-

ления ее во всей целостности, а не отдельных аспектов, является более достоверным.

А. Первый уровень огромной проблемы монополизма цивилизации, который может быть определен как период с III тысячелетия до нашей эры по V век нашей эры. Монополия — это организация отторжения от общества прибавочного продукта различными методами, в разное время и на разнообразном пространстве. Шумерская, египетская и хараппская цивилизации уже три тысячелетия до нашей эры организовали получение огромного количества прибавочного продукта методами, которые можно назвать «фараоновым социализмом». Это — первая значительная модель накопления капитала, позволившая достичь колоссального по сравнению с неолитическим обществом увеличения производительности. Это увеличение привело к созданию города, класса и государства. Возможность получения излишка продукта, что в неолитическом обществе товара началось уже давно, посредством или насилия, или коммерции, благодаря монополии открыло век эксплуатации. Разумеется, основным здесь являлась эксплуатация рабского труда. Рабы, в сущности, воспринимались как иной вид животных, работающих ради насыщения в период «фараоновского социализма». Так было создано первое самостоятельное звено цепи эксплуатации центр-периферия, дошедший до наших дней. Существующие исторические документы подробно и со всей откровенностью описывают подобного рода «прогресс» в эпоху шумерской цивилизации.

Несомненно, такой захват производства и излишка товара привел к тяжелым проблемам, став кинжалом, воткнутым в грудь общества. Мифология и история религии полны рассказов об этих проблемах. На ум сразу же приходят примеры: эпос о Гильгамеше, всемирный потоп, Адам и Ева, Авель и Каин, рай и ад, бог Энки и богиня Инанна, конфликт пастуха и крестьянина... Все это представляется нам сказкой, но в глубине мифов отражены насилие, порабощение, захват прибавочного продукта — то есть результаты монополизма.

Конечно, когда подобного рода чудовищные грабежи и насилие становились темами сказаний, имело место скрытое объяс-

нение. Следует хорошо понимать, что идеологическое господство в этот период обладало влиянием не меньшим, нежели физическое. Если бы история писалась со слов угнетенных и ограбленных, мы, вероятно, столкнулись бы с прошлым, резко отличающимся от того, что нам пытаются представить.

Только на возведении египетских пирамид работали миллионы рабов (это гробницы — а каковы были дворцы?). Они находились все вместе в помещениях, сравнимых лишь с хлевом, где содержат скотину, их кормили меньше, чем животных, до смерти избивая кнутами, используя для возведения этих колоссальных строений. Рабы считались таким же имуществом, как и скотина, и с ними обращались также. Военные силы монополии, осуществляя внешнюю агрессию, захватывали не только территорию и имущество жителей; брали в плен всех, кого считали нужным, за исключением убитых. Эти крепости, стены, гробницы, арены, дворцы и храмы, которые и сегодня поражают нас. Если бы благодаря труду миллионами рабов не строились бы первые оросительные каналы, не было такого излишка прибавочного продукта и, вероятно, эти огромные каменные постройки не были бы возведены. И, наверное, монополиям не была бы гарантирована райская жизнь.

Начиная с гегемонии шумеров в Месопотамии до гегемонии США в наши дни, современная цивилизация в легендах и преданиях (мифология, религия, философия и другие виды сказаний) иначе отражает этот кошмарный период, создавая таким образом масштабные высшие структуры, начиная с идеологических. Наиболее активно развивалось аналитическое мышление, достигшее высокого уровня. Искались ответы на различные вопросы, начиная от строения небесных тел и явлений природы до научно-философских теорий и изображений мифологических рая и ада, созданных под руководством священнослужителей. Необходимостью более легкого управления объясняются первые шаги в создании письменности, математики, астрономии и биологии. Представители монополизма мечтали о бессмертии, поэтому возникла и развивалась медицина. Поиски Гильгамеша «травы бессмертия» — наиболее яркий фрагмент эпоса. Возводились каменные здания — вечность «бессмертных» требовала

соответствующих строений, что привело к развитию строительной техники. Но монополизму не хватило мифологии — начался период более жестких, догматических религий. Для усмирения оказавшихся в страшной ситуации людей были созданы боги — цари. Вероятно, наиболее масштабный памятник аналитического мышления относится к эпохе перехода к монотеизму.

Таким образом был не только открыт путь к общественной проблеме, но и фактически, являясь страшным порождением монополизма, как в жутком сне, обрушилась на моральные и материальные достижения общества. Еще в то время слово «амарги» в переводе с шумерского означало «возвращение к святой матери-природе». Падшее человечество было доведено до того, что со свечой искало свое прошлое. Как можно быстрее умереть и попасть в рай — вот что стало идеологией. Райская жизнь на земле, которая еще иногда возникала в неолитический период, теперь могла быть найдена только в других мирах, став темой утопии. Взгляд человека на жизнь в реальном мире был остановлен на границе потустороннего мира. Эта страшная проблема лишила мир великолепия, превратив в место страданий и мучений.

Эта проблема монополизма нанесла первый смертельный удар по общественной нравственности и политике. Опустошив эти сферы, являющиеся важнейшим достижением и основой первобытной общины, монополисты заменили их моралью и политикой для узкого круга власти, сделав его господствующим. Ясно, что общественная нравственность и политика, не успев развиваться, подверглась уничтожению. Место их заняли конкретные желания представителей власти, причем безумные идеи и культ правителей стали насаждаться как божественный порядок. Обществу было разрешено считать священными только эти верования.

Мы можем увидеть здесь не только порождение общественных проблем, но и, в гораздо большей степени, фактическое уничтожение общества, лишение его собственной сущности и превращение в управляемое стадо скотов. Разумеется, послушание — рабство — представлялось в качестве неотъемлемой части этого режима. Угнетение и порабощение женщин, относящееся

к гораздо более древнему периоду первобытнообщинного строя, стало важнейшей темой жизни. Законы, установленные господствующими богами — мужчинами, как будто представляли собой месть неолитическому обществу, обожествлявшему женщину — мать. Образ женщины-богини постепенно исчезал: начинался великий век господства богов-мужчин. Уже тогда женщины фактически запирались не только в публичных домах, но и в храмах, где принуждались к ритуальной проституции.

Новации в ирригационной области позволили увеличить урожай, но в конце II тысячелетия до нашей эры начался период упадка, причем важную роль здесь сыграли засуха и засоление почв. Однако можно сказать, что регресс и распад стали естественными результатами двух тысяч лет порочной общественной практики. Давно уже распалась и исчезла цивилизация Хараппы. Глубокие противоречия ввергли в стагнацию Египет, а господствующая шумерская этническая группа уже давно уступила место другой.

Центральная система цивилизации этого периода нашла два пути для решения созданных ею же самой проблем. Первым стало внешнее расширение. Колониальные экспансии, ставшие характерной чертой этого периода, принесли лишь временное решение вопросов, чреватое, однако, возникновением новых. Проблемы не решены, а наоборот, еще больше расширились и усилились. Распространение проблем, скопившихся в центре, в метрополии, после временного ослабления возвращались, усиливаясь, «на круги своя». Этот порочный круг истории — ситуацию, когда центр и периферия меняются местами — мы увидим еще неоднократно.

По моему мнению, Шумер как метрополия распространял свое влияние на три, даже, можно сказать, на четыре стороны, используя морской путь. Первый путь вел на Запад к Нилу, то есть в Египет. Первоначально Египет был колонией, а в дальнейшем, обретя независимость, стал развиваться. Без помощи извне египетская цивилизация не могла бы развиваться на территории, закрытой со всех сторон — это нереально. На Востоке шумерское распространение привело к созданию Хараппской цивилизации на берегах Синда, причем и здесь развитие не

могло осуществиться без помощи извне. Именно так 1500 лет до нашей эры произошло возникновение Китайской империи. Ускоренное возникновение цивилизации является одной из основных особенностей проявления связи «центр-периферия». При первом же появлении связи центр-периферия создание цивилизации является одним из основных особенностей. Региональном распространении на Восток это то, что было в сегодняшнем Иране. Цивилизация Элам-сус в Сусиане, находилась рядом с Шумером. Распространение на Север через Вавилон и Ассирию осуществлялось арийцами — хурритами, являвшимися главной силой и строителями древней и неолитической революции в верхней Месопотамии.

Хурриты, постоянно подвергавшиеся агрессии со стороны Шумера, Аккада, Вавилона и Ассирии, вероятно, впервые в истории оказали сопротивление попыткам колонизации, предпринятым центральной цивилизацией. Шумерские клинописные таблицы описывают этот период. Эпическое сказание о Гильгамеше повествует, что первые военные походы проходили в направлении северных лесов. Все еще бурлящий до настоящего времени Ирак-Урук — это поразительное историческое отражение древности. Исторические события древности, времен Ноя, вероятно, до сих пор оказывают влияние на конфликт курдов, чьими предками были хурриты, и арабов — народа семитского происхождения. Единственное, что изменилось с тех времен, — это различие центр-периферия, гегемония и техника.

Хурриты являются автохтонным населением Плодородного полумесяца, они пережили земледельческую эпоху, основываясь на собственных достижениях и сопротивляясь внешнему воздействию, имели потенциал развития собственной цивилизации. Не ощущая необходимости во влиянии Шумера, хурриты в III тысячелетии до нашей эры создали первые городские поселения, что подтверждается археологическими раскопками. Особенно мощное, продолжающееся до настоящего времени влияние на научный мир, оказали истоки цивилизации этого региона — монументальные каменные памятники, возведенные еще до неолита, недалеко от Урфы (Гобеклиташе, до нашей эры в 10000–8000 гг.). Я считаю, что Шумер — это первые колонии

хурритов, поселившихся в Нижней Месопотамии. Поэтому совершенно ясно, что следующие поколения хурритов, гуттиев и митанни создавали империи в Центральной Анатолии, начиная с 1600 г. до нашей эры. В этих регионах есть возможность построения других цивилизаций. Изучение монументов, обнаруженных в Гобеклитепе, может привести к возникновению иных мнений в отношении истории цивилизации. Распространение шумерского влияния морем через Персидский залив привело к появлению колоний цивилизаций в нынешних Омане, Йемене и даже в Эфиопии. Известно, что в Омане существовал город, не уступающий по величине Хараппе.

Второй путь выхода из кризиса был предпринят Вавилоном и Ассирией. Вавилоняне — развивая науку и технологию, ассирийцы — создавая торговую монополию, постоянно спасаясь от тяжелых проблем, переживаемых шумерской цивилизацией, не прекращали попыток распространить свое влияние. В эпоху своего расцвета Вавилон был настоящим Лондоном, Парижем, Амстердамом и Венецией в отношении науки и техники и даже славился в тысячи раз более, нежели Нью-Йорк в наши дни. Не случайно Александр Македонский испустил дух именно в угасавшем Вавилоне. Самой последней трагической жертвой любви Вавилона является Саддам Хуссейн. Таких тысячи, обо всех не напишешь. Когда я обращаюсь к ассирийской торговой монополии, в памяти сразу возникают торговые союзы Венеции, Голландии и Англии. Вероятно, ассирийские и финикийские торговцы были самыми активными, созидательными кампаниями-монополистами в истории. Созданная ими торговая сеть простиралась от Средней Азии до Западной Анатолии, от Аравии до берегов Черного моря. Как утверждают, их видели даже в Китае. То, что первая великая торговая империя построена ими — это точно. Первыми периодами, демонстрирующими эту торговую сеть, стали: 2000–1600, 1600–1300, 1300–600 г. до нашей эры. Однако значение торговли ограничивалось определенным расширением и углублением центральной цивилизации Шумера. На самом деле торговая монополия постоянно сопутствовала триаде жрец — правитель — военный вождь. Противоречия внутри данной триады возникали только из-за дележа доли добычи. Но то,

что Ассирия фактически поддерживала центральную цивилизацию Шумера, имело колоссальное значение, являясь одним из самых крепчайших звеньев цепи цивилизации.

Не сумев добиться того же уровня развития, государства и племенные союзы Хараппа, Обан, гуттиев, митанни и египтян распались. С помощью финикийцев, мидийцев, персов и, в дальнейшем, гуттиев ассирийцы, осуществляя торговлю, оказали влияние на греческую цивилизацию, сыграв тем самым главную роль в непрекращающемся развитии центральной цивилизации. Торговая монополия не может решить проблемы, но определенные результаты развития цивилизации, широко распространяясь, способствуют его прогрессу, увеличивая время существования, иначе мы увидели бы повторение ситуации с Хараппской цивилизацией. Возможно, история повторялась бы на протяжении тысячелетий. Но, тем не менее, самой беспощадной монополией накопления капитала является торговая монополия. Ее политические представители не стесняются реализовать свои жесточайшие намерения, как видно на примере строительства оборонительных стен из людей. Торговая монополия, используя разницу в цене товара, достигает результата простейшим путем.

Я не имею в виду мелкую торговлю, у которой нет цели получения сверхприбыли, а есть лишь потребление — я говорю не об этой коммерции. Необходимо всегда учитывать, что мы имеем в виду о торговой монополии, целью которой является получение прибыли. Существует определенная вероятность того, что хараппская цивилизация распалась из-за того, что была закрыта для внешнего мира — торговля не развивалась. Причинами распада Нового Египетского царства, относящегося к 1600–1000 г. до нашей эры, также стали изоляция от внешнего мира, неразвитая торговля, которые привели к внутренним конфликтами и внешней агрессией. Возможно, распространение египетского влияния по всему миру, как это произошло с шумерами, сделало бы наш мир иным. Китайская империя не испытывала необходимости распространения во внешнем мире, возможно, из-за своей огромной территории. Но очевидно, что первый взрыв центральной цивилизации распространил являющиеся ее след-

ствием тяжелые проблемы по всему миру и поднялся на новый уровень.

Некоторые исследователи считают, что в период 1600–1200 гг. до нашей эры анатолийская, месопотамская и египетская цивилизации впервые в истории приобрели центральный (гегемонический) характер, оказывая влияние друг на друга. Скачок развития произошел именно в этот период, несмотря на то, что его не назовешь золотым периодом урбанизации, торговли и аристократии. Очевидно, что гегемония центра, постоянно меняя местонахождения, продлевала существование системы, распространяя таким образом проблему. Знаменитый Кадешский договор, заключенный в 1280-х годах до нашей эры, иллюстрирует эту истину.

Упадок, переживаемый центральной цивилизацией в 1200–1800 годах до нашей эры, завершился только в 3000–1000 до нашей эры, после того, как появилось железо. Развитие техники производства и активизация военных походов являлись постоянными причинами отличий одного периода от другого, но, разумеется, определяющим является развитие общества. Однако этот фактор тесно связан с уровнем развития техники — гегемонический центр впервые перешагнул пределы Месопотамии, двигаясь на запад в Европу. На суше этот этап представлен Мидией и Персидской империей (6000–330 гг. до нашей эры), на море — Финикией (1200–330 гг. до нашей эры), Урарту тоже сыграют подобную роль (850–600 г. до нашей эры). Период упадка в развитии общества был частично ослаблен благодаря изобретению железа и взятию под охрану торговых путей, но продолжило свое существование. Сухопутные торговые пути Мидийско-Персидской империи (гегемония), а финикийцы с моря предпринимали очень важные действия. Древняя Греция в течение длительного времени была колонией этих двух цивилизаций. Несмотря на то, что западные историки считают греко — ионическую цивилизацию самостоятельной, исследования доказывают теснейшую ее связь с двумя вышеназванными цивилизациями. Если к мидийско-персидскому и финикийскому влиянию добавить египетское, вавилонское и критское, то невозможно отрицать ту истину, что великая древнегреческая

цивилизация в большей части своей представляет собой импортированный, привозной товар.

Разумеется, нельзя недооценивать греко-ионический синтез, но совершенно ясно, что самостоятельным он не является. Ни одна цивилизация не возникла сама по себе — все они базируются на агрессии или торговой монополии, используя в основном оба метода присвоения достижений неолитического общества. Новый синтез мог образоваться посредством изменения старого. Тем не менее, как отмечает Гордон Чайлд, технический прогресс, достигнутый неолитическим обществом дуги Загрос-Торос в период 6000–4000 лет до нашей эры, настолько важен, что может быть сравним с научно-техническим прогрессом в Европе XVI–XVII вв. Именно этот технический прогресс стал основой возвышения города Урук с 4000 лет до нашей эры и возникновения центральной цивилизации. Основной причиной конфликта между богиней Инанной и богом Энки явились ее «ме» — новации, созданные женщинами в неолитический период и украденные Энки. «Ме» означает технические изобретения. Этот миф подчеркивает связь патриархата с цивилизацией и важность технического прогресса. Данный пример очень интересен как доказательство несомненной важности изучения шумерской мифологии. Язык того времени пронизан мифологией, но она не может использоваться в той же степени в наши дни.

Разумеется, греко-ионическая цивилизация, возникшая на берегах Эгейского моря в период 600–300 лет до нашей эры, является важным звеном исторической цепи. Это — очень серьезный шаг в развитии общества, ставший огромным вкладом в развитие мышления и технологический прогресс. Все это обусловило успехи в кораблестроении, которое переняли у финикийцев, и способствовало расширению колонии в Европе. Развитие письменности, также перенятой у финикийцев, сыграло важную роль в создании дошедшего до наших дней алфавита. Колоссальный прогресс был достигнут практически во всех науках рассматриваемого периода. Произошла настоящая революция в развитии философии, театра, архитектуры и музыки. Боги Олимпа сменили шумерских богов. С Гомером эпос о Гильгамеше достиг пика. Возводились огромные города, храмы,

дворцы, театры, стадионы, общественные здания. Относящиеся к древнегреческой эпохе достижения в области архитектуры и строительства, будучи классикой, сохраняют ценность до сих пор. Активно развивались производство и торговля. Очень важно развитие в индустрии. Именно к этому времени относятся исторические примеры демократии относительно политики: хоть и в рамках цивилизации, демократия доказала свое неоспоримое превосходство над другими видами правления.

Тем не менее, все вышесказанное не может оспорить того факта, что греко-ионический этап цивилизации, начавшийся с шумерского периода развития, — всего лишь звено в цепи системы центральной цивилизации. Более того, данный факт лишь подтверждает эту гипотезу.

С нашей точки зрения, роль греческой цивилизации в решении проблемы или, точнее говоря, ее участие, разительно не отличается от вклада других цивилизаций. Это подтверждает беспристрастный анализ. Афинская демократия является началом прогресса, однако это не только не решило проблемы центральной цивилизации, но даже усугубило их. Попробуем их перечислить:

Усилилось угнетение женщин, которым оставили лишь право рожать дома детей и работать на мужчину, как подневольный раб; женщине было запрещено принимать участие в политике, спорте, заниматься наукой и правлением — ее уделом стала лишь самая тяжелая работа. Платон считал, что жизнь с женщиной вредит величию мужчины. И поэтому, в тот период гомосексуализм был распространен. Помимо закабаления женщин, резко увеличилось рабство. Впервые возникло огромное количество рабов, не обеспеченных работой. Образовался институт военной службы за плату. Вывозился не только товар, но и рабы. Появились самый паразитный господствующий класс и соответствующий термин «аристократия». Социальная арена наполнилась паразитирующими элементами. Буржуазия и наиболее близкие к этому классу слои — наследие греческой цивилизации. К существовавшим и усугублявшимся проблемам социальной сферы добавились новые.

Огромные успехи были достигнуты в развитии города, ставшего органической структурой. Но и этот прогресс был оплачен

ценой усиления общественных проблем — можно представить, что зиккураты и пирамиды разделялись на части и повторялись в увеличенном виде: первый город вырос из храма, его окружение, стена, стали второй частью, третья объединила все это. Так создавалась колоссальное единое целое. Параллельно происходила активизация монополизма, что не решало, а еще сильнее усугубляло проблемы. Резко увеличивалась армия рабов, более того, количество их стало превышать разумные пределы. Возникли безработные рабы — люди впервые оказались в положении ненужных вещей. Это — одна из тягчайших общественных проблем, а система, порождающая безработицу, — самая жесточайшая система.

Аналогичные явления отмечаются в структуре власти и государства. Начала выстраиваться властная вертикаль. Государство, задушив общественную политику, подчинило себе общество. Образовалась государственная бюрократия. Привилегированным классом стали военные. Короче говоря, были закабалены женщины, дети, молодежь, рабы, крестьяне и ремесленники. Самой слабой стороной афинской демократии, продемонстрировавшей бессилие политики во всей обнаженности, явилась невозможность противостоять государству. Аристократия задушила общественно-демократические традиции — это важнейший вывод, который мы должны сделать на примере демократии Афин.

Римская империя (750 г. до нашей эры — 500 г. нашей эры) явилась продолжением греко-ионических традиций — это единый культурный пласт. Как будто это копия перенесенная из одного острова на другой. Но если Древняя Греция — зародение данной цивилизации, ее юность, то Рим — ее завершение, период зрелости и старости. Данный факт имеет большое значение. Влияние Востока было воспринято и использовано для покорения Востока. Ради присоединения к цивилизации Рим захватил и подчинил часть Европы. Помимо этого, Рим очень многое воспринял от древних греков, но воспринятое подверглось колоссальному расширению и изменению. Масштабы города, класса и власти достигли огромных размеров. От правителей к республике аристократов, от нее — к созданию самой огромной и мощней-

шей империи в истории. Стиль римской жизни стал эталоном повсюду, римская аристократия, как и современность (буржуазия) наших дней, — является силой определяющей современность. Паразитирующая аристократия и деклассированное беднейшее население Рима стали символом углубления проблем.

Можно сказать, римский период — это пик общественных проблем, что неудивительно. Неоспорима прямая связь общего разрастания монополизма центральной цивилизации с углублением порожденных ею проблем. Наиболее показательный факт — это то, что, несмотря на колоссальную мощь Рима и чудовищное по жестокости подавление восстаний, империя пала под напором захлестнувших ее варварских племен и Христианства которое являлось партией угнетенных масс. Практически это представляло собой взрыв проблем. На самом деле варварским был Рим, а причиной его гибели стали колоссальные общественные проблемы, разрушавшие его изнутри и снаружи. Были захвачены и побеждены не только город Рим, власть и аристократия. Прозошедшее — разрушение мировой системы с характерной для нее структурой цивилизации, противопоставляющей усиление и ослабление, возвышение и снижение, конкуренцию и гегемонию, центр и периферию, авантюрный путь которой начался в городе Уруке. Противоречия системы и общества в Риме привели к восстаниям, и это стала концом эпохи Древнего мира.

Б. Вторым крупным этапом общественной проблемы стал период от распада Рима до усиления Амстердама. Это время можно обозначить как V–XV вв. нашей эры. Его отличительной особенностью явилось возникновение авраамических религий, как вклад в решение проблемы, оказавших влияние на эпоху. Результат привел к очередному углублению ситуации, и это обстоятельство требует тщательного рассмотрения.

Несомненную взаимосвязь авраамических религий я рассматриваю как превращение материальной проблемы системы центральной цивилизации в проблему морального вида. Иначе говоря, проблемы материальной культуры отражают проблемы моральной культуры. Священное Писание открыто отмечает, что пророк Ибрагим (Авраам) «вышел» (как сказали бы сейчас, эмигрировал) из Урфы Халдейского из-за репрессий, осуществляе-

мых представителем Вавилона Нимродом, то есть из за создаваемых им тяжелых проблем. Говорится даже о том, как чудо спасло Авраама от сожжения, причем в качестве причины указано богоискательство, что может быть понято как попытки поиска нового правления. Поиск Бога можно понять как поиск нового управления сказать так же представляет много особенностей тяжелой проблемы структуры. Вышеупомянутые события могли произойти около XVII века до нашей эры. Из Месопотамии Авраам эмигрировал в Египет, стремясь найти новое место жительства и союзников. Но это подтверждает существование хорошо известных путей между ними. Жизнь Авраама в Ханаане (сегодняшняя Палестина-Израиль) подтверждает этот тезис. Авраам с семьей отделяется от своего племени, образуя в Ханаане новое племя. Иосифа, правнука Авраама, продают в рабство в Египет, однако одаренность позволяет Иосифу возвыситься до должности верховного правителя при фараоне. Необходимо учесть здесь роль женщин дворца — женщина всегда играла важную роль в истории еврейского народа.

Благодаря этому в Египте также создается еврейская община, но крайне зависимое положение вызывает недовольство. Теперь в роли немруда выступает фараон, от которого еврейская община также стремиться избавиться. В этот раз лидером эмиграции, относящейся к 1300 г. до нашей эры, стал Моисей. Священное Писание подробно описывает чудеса, сопровождающие исход Моисея. Можно отметить аналогии с исходом Авраама. Они вновь возвращаются в Ханаан, представляющий собой, по сравнению с Египтом, «обещанный рай». Господь, с которым беседовал Моисей на горе Синай, даровал ему десять заповедей. Священное писание говорит об этом ясно и недвусмысленно. На самом деле эти заповеди — законы и политическая программа, выработанная племенем в результате длительной практики. Еврейский народ создавал свою национальную религию, чем и объясняется решительный отход от верований Нимрода и египтян. Священное Писание объясняет ход последующих событий откровениями «божественных голосов». Теперь ход жизни определяют не мифами и легендами, как в Шумере и Египте, а однозначными ортодоксальными законами религии.

История религиозных учений рассматривает данную ситуацию как великую революцию. Означает великая революция в мышлении того периода. Научные исследования доказывают, что еврейские традиции являются источником наиболее развитого мировоззрения Ближнего и Среднего Востока. Лично я считаю, что еврейский народ сумел переработать и преобразовать шумерскую и египетскую мифологию в риторику «религию». Конкретные перипетии исторического периода добавили сюда влияние Заратустры, Вавилонского плена (VI век до нашей эры), финикийцев, хурритов и греков, что очень обогатило Священное Писание. Не следует забывать, что Священное Писание впервые было составлено в VII–VI вв. до нашей эры. До этого никаких письменных источников нет.

Я обращаю особое внимание на факт, который считаю чрезвычайно важным: история еврейского народа отмечена накоплением не только капитала и финансов, но и знаний — идеологии и науки. Именно это позволило еврейскому народу выжить и обрести мировую мощь. Не только в наши дни, но и в течении всей истории его представители всегда были у власти и занимали место в стратегически важных должностях. Но те чудовищные проблемы и катастрофы, с которыми сталкивался еврейский народ, тоже вызваны именно этими обстоятельствами. Разумеется, капитал и знание — это власть, а власть — это капитал и знание монополии. Этот метод, избранный для изучения истории и понимания современности, позволит представить общественные проблемы более ясно и реально. Насколько важны авраамические религии в стремлении к активному решению колоссальных историко-социальных проблем. Это вопрос будет рассматриваться в части под названием «демократическая цивилизация», поэтому здесь я лишь кратко остановлюсь на сложности данных вопросов.

Книги Ветхого Завета перечисляют живших после Моисея предводителей, жрецов (левитов), цари-пророков, пророков. В дальнейшем к ним можно присоединить научную и творческую интеллигенцию. Становится ясно, что мудрецов шумерской и египетской мифологии называли пророками — во всяком случае, таково толкование Священного Писания. Главный долг

пророков — показать путь решения социальных проблем, созданных монополией цивилизации. Колоссальный объем проблемы становится очевидным, если учесть, что прибавочный продукт достигался посредством использования принудительного и рабского труда, а также грабежом во время военных походов. Пророки появляются там, где общество переживает сложные социальные проблемы — этот тезис дает возможность понять наше прочтение истории.

В 1000 году до нашей эры, через три столетия после кончины Моисея, его идеологическая и политическая программа была воплощена в жизнь пророками-царями Саулом, Давидом и Соломоном — было создано мини-государство. Решение тяжких социальных проблем выражалось в том, что им удалось создать свою структуру власти-государства. Ясно, что государство это не было столь демократичным, как Афины, а также намного уступало хорошо знакомым еврейскому народу Египту и Вавилону в отношении традиции государственности. Но почему же тогда государство сохраняет такую важность в авраамической традиции? Потому что это создание пророка, обещавшим своим последователям рай на «земле обетованной».

Как известно, первое еврейское государство просуществовало очень недолго, борьба за власть и внешняя агрессия стали причиной его распада. Как же сильно похожа на государство Израиль, созданное на то же территории через три тысячи лет. Тем не менее, идея (изречение) пророка сохраняет важность и в наши дни, и следует учесть ее воздействие на протяжении всей истории. Эта идея продолжала влиять на верхние эшелоны центральной цивилизации, причем наиболее сильное действие оказывалось с помощью имущества (капитала), идеологии и финансов.

Второй важнейшей авраамической религией является христианство, то есть традиции пророка Иисуса, связанные с огромным количеством проблем, порожденных ослаблением и падением Рима. Иисуса называли Спасителем, и имело бы смысл называть его последователей первой партией угнетенных и обездоленных и люмпен-пролетариата Рима. Данное движение далеко от характера авангарда, возглавляемого Моисеем — в него вошли представители низших слоев еврейского народа. Это стало ре-

зультатом того, что родоплеменная организация утратила возможности воздействовать на процесс образования классов. Урбанизация и власть полностью разрушили социальные ценности. Свое вселенское и классовое качество берет из этих условий. Подобные процессы распада родоплеменных структур отмечались и в восточной части Средиземного моря. Ослабление метрополий привело к постепенному упадку греческих, ассирио-вавилонских и римских колоний, что стало причиной резкого обнищания народных масс на фоне ослабления родоплеменных связей. Все это вызвало резкую активизацию поисков спасителя. Совершенно ясно, что появление Иисуса Христа стало конкретным выражением этих общественных исканий. «Евангелие» в переводе с греческого означает «благая весть» — именно так воспринималось явление Христа. В Священное Писание, помимо Ветхого Завета, включается и Новый Завет — так складывается Библия. Следует отметить ряд течений, оказавших сильное влияние на данный период — ассирийское (арамейское), вавилонское (халдейское), греческое (эллинистическое) и еврейское (ивритское), а впоследствии римское (латинское). Существует мнение, что родным языком Иисуса Христа был арамейский. Все эти влияния имели большое значение для Ближневосточного региона. Греческое влияние оказало огромное воздействие на весь Древний мир, в том числе и на Ближний Восток, арамейский язык еще за тысячелетия до упомянутого времени стал в регионе языком торговли и культуры; в дальнейшем эту функцию приобрел греческий. Понятно, что древнееврейский был языком Священного Писания, латынь фактически являлась языком официальных государственных структур, то есть правления.

Пока что мы не видим здесь даже следов арабского языка — он имел хождение у племен пустыни и возникших в оазисах городах Аравийского полуострова. Эру арабского языка открыли завоевания ислама, хотя в горных хребтах Загрос — Торос и в Персидской империи Сасанидов отмечены структурно развитые диалекты фарси. Влияние центральной цивилизации способствовало исчезновению ряда языков и культур, начиная с шумерской и египетской, в частности коптской. Усиливается роль арамейского языка.

В регионе продолжается активное противоборство двух противоположных гегемонических сил — восточной и западной, римской империи, центром которой являлся Рим, и Персидской империи Сасанидов с центром на Кавказе. Насчитывающая три тысячи лет месопотамская цивилизация впервые распространилась за пределы региона. Следует отметить, что дальнейшее ее развитие испытало воздействие обеих гегемонических цивилизаций. Следует также отметить, что основные, причем весьма жесткие конфликты между ними происходили из-за попыток раздела месопотамской цивилизации. Вполне возможно, что именно этот исторический период отмечен одним из самых длительных и сильных этапов борьбы за гегемонию. Походы Александра Македонского и их последствия можно рассматривать как первый раунд этой борьбы. Центр цивилизации еще не склонился к Западу, но первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Ни греческая философия в Римской империи, ни учение Заратустры в Персидской империи Сасанидов не смогли решить проблемы, порожденные обеими монополиями. Правда войны вообще то подтверждает нерешительность. Исторически обусловленное развитием цивилизации постепенное увеличение прибавочного продукта усиливает масштабы и ожесточенность войн, став орудием накопления капитала и власти, и необходимо понимать, что эти процессы не имеют отношения к героическим сказаниям и легендам — это всего лишь пропаганда. Самым осмысленным объяснением, даже в наши дни, является то, что война это орудие смены между капиталом и властью. Именно поэтому при изучении истории следует всегда учитывать, что война играет роль в центре в отношениях основного производства и его связей. Конечно же войны совершение с целью защиты в себя включают защиту своей земли, другие связи и силу производства, свободу, вкратце принадлежность общества, для этого свой структуры нравственности и политики и если есть свою демократию. Свою легитимность от этой истины берет.

Очень часто приходится слышать о том, что войны монополий играют роль двигателя историй цивилизаций. С точки зрения

научно-технического прогресса и его внедрения в практику это может восприниматься именно так. Но никогда нельзя забывать, что с точки зрения высших законов бытия это является не просто крайней степенью варварства, но и антигуманизмом, выходящим за пределы человеческого сознания. Тем не менее, так как, являются средством монополизации, — порождены обществом. Но для того, чтобы общество лишило общественности, они уничтожают эти источники.

Известные слова Иисуса Христа: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую», — безусловно выражают поиски большого мира той эпохи. Насколько военные действия уничтожают производство, настолько же мир является увеличением производства. Осознание того, что ужасающая нищета и угнетенность тех лет порождены нескончаемыми войнами, оставило глубочайший след на учении Иисуса Христа, и это свойство сохранится христианством три столетия. Христианство распространялось везде, где ступала нога римского воина и даже Сасанидов, дошло даже до Китая и Индии. В это же время возникает еще одно аналогичное движение — учение Мани, центром которого стал Сасанидский Иран. Пророк Мани говорил: я дойду до Рима, заключу мир с Сасанидами. Если бы манихейство, многое почерпнувшее от христианства и зороастризма, не было бы жестоко подавлено Сасанидами, возможно, Ближний и Средний Восток ожидал бы новый Ренессанс.

Христианство приобрело официальный характер при императоре Константине в 325 году, и вскоре стало официальной идеологией (религией) Восточной и Западной Римской империи. Я обращаю внимание на то, что нас интересует связь христианства с общественными проблемами и монополией власти, а не история его как таковая. Очевидно, что в данном вопросе могут быть проведены аналогии с исходом Моисея: возглавляемое им движение стало государством. Христианство, второй его поток, со временем также стал течением большинства и властью — государственной религией не только Византии, но и Рима, являвшегося мощным государством в первом тысячелетии до нашей эры. Более того, христианство сумело свести воедино сильнейшие инструменты власти, источниками которых являются тысячи

обществ. Вероятно, государство является наиболее символическим и официальным проявлением этой тенденции.

Внутренние конфликты христианства — противостояние католицизма и православия, а также других течений представляют интерес для рассматриваемой нами темы в том случае, когда усиливается проблематика. Христианство стремилось стать мирной религией, но резко изменила свой характер. Адепты христианства до такой степени прониклись воинственным духом, что не останавливались даже перед сожжением людей на кострах, и это доказывает, что влияние центральной цивилизации их не миновало. Чем объяснить то, что в христианскую эпоху войны приобрели гораздо более чудовищный характер, нежели в мифологическую эпоху Древнего мира? Христианство практически полностью изменило собственной первоначальной идее. Это подтверждают войны крестоносцев на Востоке, борьба с язычниками, средневековые процессы по обвинению в колдовстве, кровавые войны эпохи Реформации, захватнические войны и уничтожение коренного населения в Америке, Африке, Австралии и Восточной Азии. Принявшие христианство народы — ассирийцы, армяне, халдеи и анатолийские греки — стали жертвами избранной ими религии и центральной цивилизацией. Христианство, воспринятое ими как национализм, сразу же столкнуло их с монополиями власти других народов. В то время, когда западная ветвь христианства, католицизм, стало господствующей (официальной) религией, восточная ветвь христианства под маской первого (иудейского) и третьего (исламского) течения, переживала атаки арабского, турецкого и курдского национализма. Это — примеры разрастания общественных проблем.

Я еще раз повторяю свой тезис: в рассматриваемый нами период традиция Авраама — это христианство, представляющее собой моральную культуру, которая отражает материальную культуру центральной цивилизации. На самом деле, на вид их цель — это решение тяжелейших общественных проблем, порожденных материальной культурой и монополией. Здесь возникают аналогии со странами социализма, пытавшимися решить проблемы, порожденные капитализмом. Но законы и границы

современности превратили результат в новую версию центральной цивилизации. Я вижу здесь два пути: или стать гегемонией, или попасть под ее влияние. Те же, кто искренне пытается продолжать свою борьбу, никаким образом не могут избежать отстранения. Именно поэтому я всегда сравниваю авраамические традиции с социал-демократическим движением нашей эпохи. Так же, как социал-демократия не смогла стать ничем иным, кроме как попыткой завуалировать трудные проблемы эпохи капиталистической цивилизации, авраамические религии не были чем-то принципиально новым, приобретя характер реформ. Результатом оказалось приобретение проблематичного характера самими вышеуказанными движениями. Необходимо тщательно проанализировать линию авраамической традиции, рассматривая ее как идеолого-политическую программу. Эти исследования имеют огромную важность для понимания всей системы капиталистического мира, позволяя связать насчитывающую пять тысячелетий систему центральной цивилизации как мировую систему Валлерстайна, а также осознать внутренние причины, приведшие к распаду социалистического лагеря.

Ислам, являющийся третьим важным воплощением авраамических традиций, при изучении его основы, становится более понятен как религия. В качестве идеолого-политической линии ислам пользуется большим влиянием. Размышляя о пророке Мухаммеде, я стараюсь представить его как наиболее выдающегося представителя последнего поколения шумерских жрецов-мудрецов, создавших первые божественные термины. Религиозные воззрения древнего Шумера и соответствующие им высокоразвитые мифологические термины были основаны на наиболее передовых религиозно-мифологических традициях древности. Необходимо представлять себе, что пророк Мухаммед пусть частично, но в какой-то степени опирался на религиозные, мифологические и даже философские научные знания своей страны и эпохи. Цивилизация, являющаяся порождением Византийской и Сасанидской империй, известна ему не менее, чем система племен. Он глубоко осознал, что общество переживает период сложных проблем, рожденных обеими системами. Разлагающее влияние на общество арабских племен, властная монополия Ви-

зантии и Сасанидов, сформировавшаяся в систему угнетения и эксплуатации разрушали переживавшее стагнацию общество, что было в полной степени осознано пророком Мухаммедом, переживавшим это влияние. Причина его радикального разрыва с обеими системами очевидна — он, как Иисус Христос, ощущает родство с угнетенными, считает рабов и женщин близкими себе и не стыдится этого. Испытывая влияние живущих рядом еврейских и ассирийских общин, пророк понимает, что они не решат существующих социальных проблем. Языческие религии расцениваются им как отсталые. Большой интерес вызвали у пророка Мухаммеда сказания о «последнем пророке» в авраамической традиции. В данной ситуации он совершает наименьшее из того, что может сделать и находит в себе отвагу осуществить третью реформу традиций (можно называть революцией).

Позиция Маркса и Энгельса по отношению к социалистам-утопистам и позиция Мухаммеда в отношении иудаизма, христианства и даже других монотеистических религий практически одинаковы. Маркс и Энгельс освобождали социализм от утопии, а Мухаммед возобновлял древние традиции Авраама, возвращая их истинный смысл. Иначе говоря, он создавал свою религиозную теорию, более точно отражающую реальность. Коран и хадисы наряду с идеологической и политической программой активно проповедуют новую нравственность. Здесь же присутствуют экономические принципы и даже заново установлены законы войны. В части, касающейся науки, я более подробно остановлюсь на этом методе, который мы также можем назвать «образом действий пророков». Пока же я хотел бы отметить, что считаю это хорошей традицией.

Я могу со спокойной совестью заявить, что по сравнению с христианством и иудаизмом ислам является гораздо более интеллектуальным. Уже в первые десятилетия своего возникновения ислам сумел сконцентрировать все созданное древними ближне- и средневосточными цивилизациями. В 650 г нашей эры исламу удалось создать наиболее мощную гегемоническую систему региона. Перед нами не стоит задача раскрытия истории ислама, и, как правило, мы будем рассматривать этот вопрос с точки зрения социальных проблем региона и даже мира.

Мы уверены в том, что понятие «Аллах», применяемое пророком Мухаммедом, является высочайшим абстрагированием общества и отражает его идентичность. Я считаю, что в этом отношении теология ислама не смогла быть достойной пророка Мухаммеда и сильно уступает высоте его личности. Богатейшее наследие христианской теологии и ее длительная эволюция как бы заторможены в исламе. Далее я вернусь к этой теме, поэтому сейчас не стану останавливаться на этом вопросе. Важно понять, почему пророк Мухаммед столь глубоко и благоговейно стремился к раскрытию сущности Аллаха. С моей точки зрения, пророк Мухаммед уделял внимание скорее социальной ипостаси Аллаха, нежели теоретическим спорам по поводу Его существования. Именно в этом направлении пророк Мухаммед работал чрезвычайно усердно, что подтверждается тем, что когда на него снисходило вдохновение и рождался стих (айат), пророк от напряжения находился на грани потери сознания. Мы должны серьезно относиться к этому. Именование Аллаха девянью девятью эпитетами является гораздо более содержательной социальной утопией и программой, нежели самые развитые утопии того времени, более того, они предельно реалистичны и ответственны. Несчастье заключается в невежестве и властолюбии последователей пророка Мухаммеда.

Если рассматривать ислам как революцию, то, вероятно, в этом отношении он является той революцией, которая более всего пострадала от предательства. Масштаб программы и образ жизни пророка Мухаммеда не только не были продолжены его последователями, не исключая халифов, — идеи пророка даже не были поняты и при воплощении в жизнь подверглись значительным искажениям. Поскольку усилия пророка Али не увенчались успехом, мы не можем безрезультатно судить о практических результатах. Истолкования, предлагаемые всеми течениями, включая суннизм, далеки от истинных намерений пророка Мухаммеда. Традиции султаната, идущие от Омейядов (власть), имеют не большую ценность, нежели самый примитивный род монополии власти, а возможно, даже хуже. Я уверен, что радикальный ислам является болезнью власти. К сожалению, это не только не возрождает ислам, а незаслуженно губит его. Вероятно, более

точно было бы называть это провокационным исламом. Если от ислама и произойдет благая весть, то совершенно иначе, о чем речь также пойдет в дальнейшем.

Для меня важна монополия настоящей власти, выступающая от имени ислама. Но исламом она не является, потому что эта властная монополия не имеет ничего общего с истинным исламом. На самом деле это ни что иное как власть, унаследованная от Ассирии, Персии, Рима и Византии, а также один из символов государства. Отмечаю по поводу ислама и — разумеется, в отношении власти он сохраняет влияние в определенных областях как элемент моральной культуры. Я считаю необходимым обратить внимание на одно обстоятельство, которое считаю важным. Не считаю корректным связывать названия и терминологию, применяемую в отношении обществ, с идеологией. Например, христианское общество, исламское общество, индийское общество этими именованьями общество снижается до религии, что становится причиной ряда недостатков и ошибок. Эта терминология мещает пониманию естественности общества. То же самое относится к терминам «капиталистическое» и «социалистическое» общество. Я считаю более верным называть их «общество демократической цивилизации» и «общество монополии цивилизации», чтобы показать социальную целостность, о чем также будет речь впоследствии.

В V—XV вв. исламская власть, господствовавшая на Ближнем и Среднем Востоке, имело гегемоническое превосходство системы центральной цивилизации. Ислам еще больше усилился и расширился как власть, используя наследие Византии и Сасанидов. Общества вынуждены более усилено прожить власти. Увеличивалось численность подвластных народностей, династии и государств. Борьба за власть постоянно усиливалась, причем господствующее положение занимали представители военного сословия. Развивались также торговые монополии — прежде всего ислам является идеологией монополии военного и купеческого сословий. Значительно возросли роль и масштабы городов, однако в сельском хозяйстве и промышленности прогрессивные течения менее заметны. То же самое можно отметить и в искусстве — исламу не удалось превзойти достижения древних греков.

Периоды исламской власти и государств — это время последней гегемонической власти Ближнего и Среднего Востока. В конце XV столетия гегемонический центр центральной цивилизации через Венецию переместился в Западную Европу, в Амстердам и Лондон. Эпохе, длившейся четыре с половиной тысячелетия, на Ближнем Востоке предшествовали неолитический период (10 000—3000 лет до н. э.) и центральная цивилизация (3000 г. до н. э. — 1500 г. н. э.). В дальнейшем сложнейшие проблемы цивилизации привели к ослаблению и стагнации Ближнего Востока, превратившегося в «могильник обществ».

Рассматривая роль авраамических традиций в системе центральной цивилизации, мы можем обратить внимание на несколько проблем. Прежде всего мы обращаем внимание на то, что власть не ограничивается, а усиливается. Государство разрастается как в территориальном отношении, так и в отношении населения. Разумеется, при этом увеличивались проблемы, порожденные монополией власти-государства. Вместе с этим с излишним воины стали инструментом создания монополии. Термины «демократия» и «республика» были незнакомы Ближнему и Среднему Востоку — как правило, там развивалось традиционные монархические правления.

Во-вторых, заметно ослабло влияние общества на государство и власть, вместе с чем ослаблению подверглись общественная нравственность и политика. Вероятно, религиозные секты стали возникать как реакция на этот процесс. По-прежнему усиливалось закабаление женщин и бесправие молодежи. Рабство, широко распространённое в Древнем Египте, изжило себя, но новые виды рабства не уступали в интенсивности прежним.

Города и торговля развивались, но не столь активно, как раньше, уступая уровню жизни и торговли греко-римского периода. То же самое может быть сказано по поводу развития сельского хозяйства и промышленности.

В-третьих, и, вероятно, это стало самым серьезным отрицательным моментом, — проблемы, возникшие как результат национализма племен и народов авраамических традиций, приобрели характер достигающего уровня геноцида.

Известное выражение «избранный Богом народ» порождено именно этим национализмом. Сначала «избранным Богом народом» считался еврейский, а затем арабы сочли достойным себя наименование «благородный народ». Турецкие племена пошли под знаменем ислама еще дальше, превратив исламу в свое национальное самосознание. Ассирийцы прославляли себя как первый народ, принявший христианство, греки и армяне также считают себя народами, которых просветил свет Христов. Распространение христианства в Европе сыграло важную роль в развитии национализма. Больше чем вселенность, оно развивало национализм. Русский национализм в определенном смысле также является результатом ортодоксального христианства.

Вышеупомянутые особенности авраамических традиций, относящиеся к национальному самосознанию, сыграли важную роль в Ближневосточном регионе, особенно в отношении древних народов, они не просто создавали проблемы но и привели к трагическим последствиям. Исламские власти, правящие арабами, турками и курдами, осуществляли акты массового уничтожения в отношении древнейших христианских народов — ассирийцев, армян, понтийских греков и христиан-ионийцев. Здесь не мало важно роль Евреев. Уничтожение таких народов и культур, как армяне, ассирийцы, ионийцы и понтийские греки, ези́ды, а также других немусульманских народов обеднило культуру Ближнего и Среднего Востока, особенно Анатолию. Регион, лишившись этих народов, которые в себе несли древнейшие национальные культуры, стал крайне отсталым в результате этой драмы. Эта трагическая потеря имела колоссальное значение для всех народов региона, не только усугубив общественные проблемы, но и ослабив позитивные, способные к их решению силы. Вышеупомянутые народы достигли высокого развития в науке и искусстве, возглавляя ряд важных течений, и их утрата, для обществ региона означала утрата знания науки и искусства, созидательности.

Сходные трагедии, выразившиеся в уничтожении язычников или насильственном обращении их в христианство, происходили в Америке в отношении индейцев, ацтеков, инков и эскимосов, в отношении аборигенного населения Австралии и т. д.

Почувствовав власть, господствующие режимы готовы сотворить любое зло, совершить любое преступление, невзирая ни на что, являются религией. Еще раз подчеркиваю, что идеологическая программа и практическое воплощение традиций авраамических религий не смогли перебороть тяжелейшее влияние материальной культуры цивилизации, сумев лишь несколько смягчить и демократизировать эти тенденции. Вышеупомянутая реформа получила свою долю прибавочного продукта: право на участие в монополии. Во имя этого происходит подчинение идеологии — легитимация власти, а хозяева данной власти расплачиваются с идеологами, отдавая им соответствующую долю прибыли. Получая свою долю, реформаторы молчат, а не получая, начинают бороться. Подобную ситуацию мы увидим и в европейском социализме, причем следует осознать взаимосвязь этих двух исторических явлений. Разумеется, авраамические традиции сыграли колоссальную роль и занимают важное место в развитии и распространении древней цивилизации. Но эта роль не уменьшила идущие из глубокой древности угнетение и эксплуатацию общества, более того, еще сильнее увеличила данную тенденцию, придав ей постоянный характер.

В. Последний период усугубления общественной проблемы — это этап активизации гегемонической власти европейской цивилизации. С XV в. и до настоящего времени европейская цивилизация, названа во всем мире «капиталистической», и это превращено в метод, при том утверждая, что она единственная и ничего подобного нет. Параллельно общественное мнение пытаются уверить в том, что создано и то, чего раньше не существовало — национальное государство, информатика, индустрия высоких технологий. Интеллектуальная гегемония выдвигает на первый план западно-европейские социальные теории, идеализируя их. Но необходимо отдавать себе отчет в том, что позитивная реальность, которую необходимо воспринимать гораздо точнее, нежели религиозные догмы, на самом деле представляет собой догмы современности.

Разумеется, невозможно отрицать, что европейская цивилизация — это подвергшаяся изменениям и преобразованиям структура центральной цивилизации. Однако историческое развитие

центральной цивилизации охватывало колоссальный объем пространства и времени и постоянно изменялось, не допуская точных повторений. Этого требовало развитие мирового исторического процесса. Но заявления, подчеркивающие уникальность данной цивилизации чрезмерны. Основные особенности, оказавшие влияние на центральную цивилизацию с момента ее возникновения и до настоящего времени, определившие ее характер, кардинально не изменились за последние пять тысяч лет — изменения могут быть лишь в сумме и технике. Организация, производительность труда, идеология, форма правления могут принимать различные формы, но, несмотря на все эти формальные различия, главной, сохраняющейся особенностью является гегемония в присвоении прибавочного продукта. Содержание монополии может изменяться, но сущность ее не меняется. По-прежнему всегда существует триада жрец — военный вождь — правитель. Их взаимосвязь, точнее, влияние, может претерпевать изменения в зависимости от эпохи и территории, но монополия всегда контролирует эти процессы. Методы получения прибавочного продукта или капитала могут изменяться, но сущность неизменна. Прибавочный продукт получается или с помощью увеличения результативности сельского хозяйства и индустрии, или с помощью торговли, или же за счет военной агрессии. Некоторых из этих способов могут быть более востребованы, но в любом случае накопления капитала — это совокупный результат данных способов.

Мы должны уделить особое внимание пониманию монополии как таковой. Она является не только капиталом и не только властью, а возникает не только в торговых, военных и административных кругах. Монополия является совокупным выражением всех этих ценностей и сфер. Собственно говоря, монополия — это даже и не экономика. Это — мощь компании, которая посредством принудительного технической и присущей ей организации осуществляет захват экономической сферы. Но это — отнюдь не та экономическая компания, к которой мы привыкли за последнее время; речь идет о партнёрстве в области накопления капитала. Она может возникать в образе структуры государственной власти, а иногда — как государство. В настоящее время очень

часто используется обозначение «экономическая компания», но, как я уже говорил, точнее было бы называть это «компанией захвата экономики». Иногда это выступает в виде армии, но в основном — как объединение представителей торговой, а также индустриальной монополии. У монополии, как у осьминога, может быть множество присосок, она может проявляться как совокупное влияние различных сил и потенциальных участников. Но самое важное — способность концентрировать, превращая в капитал, прибавочный продукт и ценности общества. Данная особенность не меняется в течение пяти тысяч лет, постоянно возрастая и увеличивая свои возможности — в этом состоит ее основная сущность. В разное время и в различных уголках земного шара создается конкуренция — гегемония, подъем — спад и центр — среда, воплощая эту неизменную истину. Все это делается для того, чтобы не допустить разрыва цепи.

Необходимо обратить внимание на то, что термины «капитализм» и «капиталистическая система» созданы с пропагандистской целью. Можно определить содержание этих терминов. Однако, если подвергнуть их анализу, имея в виду конкретные факты и их системную связь выражающие истину, то возникает понимание того, что, используя данные термины, мы рискуем в значительной степени исказить природу и проблемы общества. Ход общественной жизни происходит иначе, и это делает необходимым использование принципиально нового языка и науки, что подтверждается масштабом существующих проблем.

Если капитализм — это система накопления капитала, то, как уже доказано, впервые он был воплощен в жизнь в шумерских городах-государствах. Данные города-государства основывались на кампании капитала, деньгах, складах, их организации и управления, пусть даже примитивно-первобытном состоянии. Вероятно, сам по себе город является первым объединением капиталистической монополии. Уже в те времена основными классами общества были представители торговых, военных, научных кругов, люди искусства, священнослужители, правители и рабы. Храм (зиккурат) был не только храмом, но и фабрикой, а также местом, где жили рабы, правители и военные вожди, а также штабом управления. Разумеется, самый верхний ярус был

местом контроля и наблюдения богов. Следует также отметить абсолютно точное распределение ролей и слаженность действий. Я рассматриваю это как прекрасный пример высочайшего уровня нашей цивилизации. Длющаяся пять тысяч лет история центральной цивилизации — это ничто иное, как модель храма, пространственная во времени и в пространстве.

Я не думаю, что удастся создать более совершенную и самостоятельную (оригинальную) капиталистическую монополию, фабрику, компанию, чем данная храмовая организация. Также, как основным источником клеток являются материнские (основные) клетки, основной клеткой всех структур монополии является сущность храма. Эта истина подтверждается всеми археологическими раскопками. Последнее открытие, названное «новейшим светилом» истории, — это монументы, открытые в Урфе — Гобеклитепе, вероятно, в соответствии с имеющимися данными, является самым древнейшим храмом. Такого мнения придерживаются известные археологи. Едва ли не каждое археологическое исследование подтверждает, что в доисторическую эпоху накопление капитала впервые происходило именно так.

Нельзя отрицать, что европейская монополия капитала является последней по времени и представляет собой высшую фазу его развития. Разумеется, различия существуют в методах накопления и производства, в структуре организации и управления, в военном отношении, в развитии науки, техники и искусства. Но разговоры о том, что это совершенство, являются большим преувеличением. Откровенно говоря, это — европейская пропаганда; говоря иными словами, мы имеем дело с проповедями нового класса одетых по современной моде жрецов храма Европы. Можно совершенно откровенно сказать, что легитимации новой «капиталистической системы» они служат гораздо более верно, чем христианской церкви.

Мы не ставим перед собой задачу написать историю развития европейской цивилизации, основанной на «капиталистической системе» — такая цель перед нами не стоит. Тем не менее, наиболее хорошо известным обстоятельством нашей эры является то, что эта цивилизация достигла высочайшего развития благо-

даря теологии, торговле, науке, технике и методам управления христианства V–VI вв., ислама IX и X вв. (в частности, через Иберию, Аппенинский полуостров и Балканский полуостров). Большинство историков сходится в том, что после 1250 г. нашей эры центр цивилизации, находившийся на Востоке, начинает уступать место Западу. Помимо этого, XIII век называют «веком торговой революции». Особенно это относится к XI–XV вв., когда Венеция, Женева и Флоренция практически возглавили процесс импорта с Востока не только товаров, но и тысячелетних традиций цивилизации, философии, научно-технических достижений, короче говоря, всего того, что могло быть полезным — это общеизвестная историческая истина. Совершенно ясно, что подобным же образом происходило и перемещение центра цивилизации. Неоспоримой исторической истиной является восточное происхождение достижений неолитической революции (5000–4000 гг. до н. э.), христианство и даже, в определённой степени, греко-римская цивилизация были до этого из Востока перемещены в Европу. Лично я убежден в том, что социальная культура Европейского полуострова испытала огромное влияние Азиатского материка, более всего — Ближнего и Среднего Востока, точнее, достижений последних пятнадцати тысяч лет, образовав самый совершенный синтез пяти столетий нашей эпохи. Вот такой исторический экскурс в одном предложении!

Я не собираюсь защищать ни Восток, ни Запад. Мое главное желание, к которому приложены старания и труд, — точный анализ исторического процесса, сочетающего непрерывность и различную продолжительность отдельных этапов в едином социальном целом.

Разумеется, были заимствованы не только основные методы воздействия и структуры центральной цивилизации, но и общественные проблемы — даже с лихвой. Мы уже кратко касались того, что несло в себе христианство. Материальные достижения Востока — торговля, производство, финансы, государственное управление представляли не меньшую проблему, чем моральные ценности (христианство, наука). Проблемы душили Европейский континент, и можно предположить те потрясения, к

которым привел перенос полной необъяснимых противоречий природной среды Востока в молодое, пережившее эпоху неолита европейское общество. Борьба монополий длилась на Востоке тысячи лет. Европа не была к этому подготовлена и, разумеется, разрушения и катаклизмы имеют катастрофический характер. Внутрисистемные конфликты, начало которых относится к XVI веку, несут на себе отпечаток тысячелетних традиций Востока, как и конфликты, начало которых относится к периоду Римской империи. Не будет преувеличением заявить, что в Европу были перенесены не только моральные ценности центральной цивилизации, но и тяжелейшие противоречия, конфликты и войны. Даже геноцид также относится к достаточно распространенным традициям Востока. Ассирийские правители гордились стенами крепостей, возведенными из людских черепов. Практически все тираны Востока с восторгом сообщали о том, сколько тысяч людей, мирных жителей городов и деревень, было убито и захвачено в плен. Все это подавалось как пример героизма!

Европейская социология не случайно пристально следит за Востоком, и я считаю этот интерес весьма ценным. К сожалению, нынешняя ориенталистика далека от понимания истины. Но все равно по сравнению с тупыми мозгами Востока, они намного лучше поэтому мы им благодарны. Тем не менее, европейская научная школа, несмотря на то, что имело колониальные намерения, внесла большой вклад в изучение Востока. Процесс понимания противоречий, проблем и войн Европейского континента более всего связан с изучением особенностей Ближнего Востока. Еще одна причина моего внимания к этой теме — содействие в определении пути и метода.

Многие из тех, кто вырос на Востоке, считают европейцев очень умными и самоуверенными людьми. Но я, встречаясь с европейцами, вижу в них большую наивность и такую чистоту и деликатность, что считаю — им было бы сложно жить на Востоке, где совсем иное мироощущение.

Я уверен, что традиции неолитического общества Европы имели большое влияние на развитие Европы после XVI века. Христианство стало государственной религией Европы в период с X по XVI вв., и практически сразу же начала развиваться теология, что

привело к Возрождению, Реформации и Просвещению. Следующим этапом стала революция в науке и философии. Восток не смог противопоставить распространению ислама, являющегося последней традицией ближневосточной цивилизации, прогресс, характерный для неолитического общества. Разумеется, Восток дал миру ряд выдающихся мыслителей и деятелей искусства, среди которых были турки, иранцы и курды. VIII–XII вв. могут рассматриваться как краткий период эпохи Возрождения на Востоке. Но утвердившийся в восточных традициях деспотизм быстро проник во все поры социального организма. Именно это оказало влияние на внутренние конфликты ислама. Разумеется, борьба за монополии стала основной причиной. Помимо этого, традиции неолитического общества Востока уже пять тысячелетий лет находятся под деспотическим влиянием монополии — устаревшим, стагнирующим и бесперспективным. В противовес этому неолитические традиции Европы сохранили живой, свободный и активно созидательный характер, поскольку избежали пятитысячелетнего влияния деспотизма. Еще одной причиной была возможность использовать колоссальный положительный опыт Востока. Это — два основных момента, имеющих особую важность для понимания прогрессивного исторического развития Европы.

Наше краткое описание доказывают, что исследования Валлерстайна и близких к нему социологов далеки от понимания исторического процесса, а также той истины, что капитал — это весьма старое изобретение. Данный факт демонстрирует, как минимум, недостаточность используемых методик. Стиль объяснения накопления капитала в треугольнике «Венеция-Амстердам-Лондон» также отмечен теми же недостатками. Возможен ли был бы столь усиленный приток капитала в такие отрасли, как промышленность (мануфактура) и сельское хозяйство, если бы не колониальная политика Карла V и его сына Филиппа, в течение всего XVI века угрожавшая Италии, Голландии и Англии? Италия, точнее, Венеция, не смогла достичь национального подъема и прогресса; данный процесс был начат Голландией (Амстердамом), но добиться победы сумела Англия (Лондон). Разве не колоссальное политическое и военное противостояние

внешней агрессии позволило достичь успеха? Ответ на эти вопросы подтверждается словами Фернана Броделя, отмечавшего, что концентрированный характер государства и власти порождает капитализм. Я иду еще дальше, считая, что власть и государство представляет собой и монополию, и капитал. Не будучи монополией капитала, они не смогли бы его породить. Если прибегнуть к простейшему сравнению, то от власти государства, не являющейся монополией, невозможно дожидаться накопления капитала, как невозможно дожидаться молока от козла.

Давление власти-государства извне, которому противостоит внутреннее сопротивление населения, — это истинные факты, создавшие реальность Голландии и Великобритании. Испанская монархия, прекрасно осознававшая угрожавшую ей опасность, сначала подавила восстания в итальянских городах и, понимая, что Макиавелли не сможет победить Вильгельма Оранского, использовала все возможности, чтобы задушить будущие национально-монопольные государства Голландию и Великобританию. Проблема стояла остро: или победа, или распад государства. Расцвет Голландии и Великобритании был достаточно длительным и захватывал ряд направлений — дипломатию, экономику, военное искусство, торговлю, науку, философию и даже религию (протестантизм). В этой борьбе использовались самые различные средства — от техники вооружения, стратегической и тактической организации военных действий до повышения производительности экономики, а также выступления наиболее радикальных протестантских движений — кальвинизма и англиканизма плюс дипломатической поддержки со стороны германских государств, в частности, Пруссии и, казалось бы, парадоксального союза с Османской империей. Результатом стала не только победа, но перенесение гегемонического центра цивилизации в Амстердам и Лондон.

Увеличение тенденции к накоплению капитала привело к тому, что впервые в истории деньги (капитал) стали играть основную роль; крупные займы, даваемые государству, позволили ряду семейств (в основном, еврейских) скопить значительный капитал, что стало причиной зарождения буржуазии как класса. Именно к этому периоду относится также образование такого

масштабного класса, как пролетариат, сложившийся во многом благодаря активным протестным выступлениям. Разумеется, процесс этот происходил достаточно долго, захватил также и следующий период, но определенные этапы отмечались именно тогда. Именно в пламени этих войн произошел экономический взрыв, выразившийся в частности в образовании торговых компаний Востока и Западной Индии. Я считаю невозможным дискуссионное обсуждение следующей проблемы: что является первоочередным экономический базис или политика военной структуры? Я не верю, что обсуждение этой проблемы является важной. Отдающие пропагандой буржуазные экономика и политика (по моему мнению, от этого не свободен даже «Капитал» Маркса) скорее скрывает, чем открывает истину. Давно уже пора от этого отказаться!

Совершенно ясно, что цивилизация XVI века имела системно-гегемонический характер. Развитие этой системы шло через Венецию в итальянские города, а также в Лиссабон и Антверпен, далее — в Амстердам и Лондон. Первая модель национального государства возникла под эгидой Англии и Голландии. Активно развивающаяся цивилизация была достаточно отличительной от предыдущих и несла в себе большие преобразования. Но возникает вопрос: если полностью исключить воздействие достижений пятитысячелетней центральной цивилизации, в частности, шумеро-аккадское, ассирио-вавилонское и месопотамское влияния на греко-римскую цивилизацию и авраамические религии, то можно ли тогда говорить о европейской цивилизации как таковой? Если бы Итальянские города 1000–1300 гг. нашей эры не переносили это влияние с Апеннинского полуострова до Западной Европы с 1300–1600гг. нашей эры, то как осуществился бы чудесный рост Амстердама и Лондона?

Историко-социальные исследования, изучение общественных наук и теорий неизбежно будут ошибочными и недостоверными без понимания целостности и стабильности системы мировой цивилизации. Историческое объяснение природы общества с научно-философского обзора, спаянной в единую цепь, подразумевает целостность, присущую даже неживой природе. Гегемония социальной науки Европы с помощью жестко-позитивной

метафизики длительное время отрицал данную истину, вероятно, поддерживая гегемонию цивилизации. Однако в сфере социальных наук это привело к полной неразберихе. Особую ответственность в этом отношении имеет рассмотрение капитала. Многие из описаного больше чем объяснит капитал с его системой, служит укрыванию, это неотрицаемо исходя из стека проблем!

Как известно, на протяжении всей истории монополия цивилизации устанавливалась посредством усиления гегемонии и угнетения. В Европе это централизованно происходило в XV веке в Венеции, в XVI–XVII веках в Амстердаме, в XVII–XIX веках в Лондоне, и по вышеупомянутому поводу существует единое мнение. Военные действия, инспирированные в XV–XVIII веках монополиями Франции и ставящие своей целью противодействие колониально-гегемонистской политике Испании, Голландии и Англии не увенчались успехом. В XIX веке на арену мировой цивилизации выступила Германия, испытывавшая в 1945 году ужас полнейшего разгрома. XX век цивилизации отмечен возвышением США, но превосходство, достигнутое в послевоенные годы, начало разрушаться после 2000 годов, хотя до сих пор США является супергегемонической силой. Усилия Советского Союза в период 1945–1990 гг. также не привели к успеху. Заявления о том, что новым гегемоническим центром будущего станет Китай, в настоящее время являются чисто умозрительными. История показывает, что много гегемонических центров может определить предстоящее время. США, ЕС, РФ, Китай и Япония могут стать этими центрами. Но, можно уверенно отметить, что на данное время США является супер-гегемонической силой.

Я довольно кратко изложил выводы английского социолога Энтони Гидденса, касающиеся уникального характера современной европейской цивилизации. Тем не менее, поочередно просматривая проблемы, я считаю своим долгом отметить, что данное утверждение не соответствует исторической истине и является Европа-центристской. В работе Гидденса, посвященной современному капитализму, капитализм считается присутствующим лишь европейской системе, индустрия рассматривается как результат западноевропейской революции, а национальное

государство преподносится как порядковый эксперимент в виде «подпорки» существующей системы. Я должен еще раз подчеркнуть: капитализм существует во всех цивилизациях. Во всех цивилизациях существуют периоды более или менее индустриальные, как существуют достижения и революции. Национальное государство можно рассматривать как определенный этап развития национальных обществ ряда монархий и республик. Данный тезис может представлять определенную ценность для понимания природы общества, если, разумеется, не допускать преувеличений.

Европейскую цивилизацию было бы более правильно рассматривать как этап мировой цивилизации. Именно здесь достигли пика развития проблемы не только общества, но и остальных сфер, что нашло в виде масштабных конфликтов, противостояний, войн и даже геноцида. За последние 400 лет Европа пережила больше военных конфликтов, чем их было за весь предыдущий исторический период, и основными темами всех социальных наук является колоссальное разрастание интеллектуальных, идеологических, политических, экономических, военных, демографических, половых национальных, религиозных и экологических проблем. Произошли уже почти все войны — религиозные, межнациональные, экономические, торговые, военные, гражданские, национальные, классовые, идеологические, половые, политические, межгосударственные, мировые, общественные, испробовано едва ли не все виды войн, причем везде поставлены рекорды — рекорды смертей, трагедий и материального ущерба!

Разумеется, такое не может быть результатом лишь последних 400 лет — краткого периода длительного исторического процесса. То, что не может быть показана в результате нашего короткого исследования. Было бы точнее сказать, что эти войны — результат взрыва общественных проблем, скопившихся за последние 15000 лет периодов неолита и цивилизации, свалившиеся на голову Европы. Европейское общество, несмотря ни на что, достаточно успешно сражалось с оставшимися от древности проблемами. Эти проблемы тщательно и терпеливо исследовались и весьма результативно разрешались. Именно об этом свидетельствуют

эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения, колоссальные научные изобретения, философские школы, а также создание демократической конституции и республики, пришедшее на смену монархии. Возникали неизвестные до тех пор экономические системы, сочетавшие высокую продуктивность и промышленную революцию. Огромный скачок произошел в мире искусства и моды, где Европа практически не знала себе равных. Построены замечательные города, возведены величественные храмы науки и здоровья. Система европейской цивилизации распространилась по всему миру. Создала самую широчайшую систему мира в истории.

Однако социальные проблемы не решались, а, вместо этого все сильнее запутывались. Такие серьезные, основные вопросы нашего времени, как безработица, межнациональные конфликты и экологические катастрофы, проявляют себя даже в малом. Основная причина заключена в том, что все эти проблемы накопились в результате пятитысячелетнего развития цивилизации, которая сама по себе является большим скоплением проблем. Наиболее значительным, с моей точки зрения, вкладом Европы является то, что ей удалось подвергнуть научному изучению колоссальные проблемы цивилизации. Стало возможным более тщательное научное рассмотрение вопросов, пусть даже не всегда точное и в ряде случаев ошибочное. Огромную роль в этом сыграли мужество и героизм борцов за справедливость — противостоять этому не смогла никакая идеология. Более всего это относится к борцам за независимость и свободу народов.

Мы не имеем права без должного уважения относиться к определению основных проблем общества. В течение тысячелетий, всю свою историю людей заставляли воевать. Горько, что зачастую эти люди даже не знали, во имя чего воюют. Хозяева и эксплуататоры заставляли их не только работать, но и погибать в многочисленных войнах.

Безусловно, мудрость Востока понимала проблемы общества, поэтому и создала философские учения, морально-этические системы, конфессии и религиозные течения. В течение длительного времени Восток предпочитал оставаться племенем и

родом, а не государством, цивилизацией. Восточное общество в большинстве своем чуждо государственности и цивилизации, и эта истина необычайно тонко выражается с помощью искусства, мелодий и эпических произведений Востока. Восток настолько отстранился от цивилизации, не надеясь на нее, что человек искал спасения в иных мирах. Величие европейского общества заключается в том, что, оно не пало так низко, с одной стороны, восприняла положительные черты, с другой стороны, сопротивлялось против отчуждающих элементов. Социальные проблемы не были решены, но общество не позволило ни покорить себя, ни лишить надежды.

К вышеупомянутым проблемам основного течения цивилизации добавились проблемы нашего времени, проблемы традиционных обществ Китая, Индии Латинской Америки и даже Африки все равно не изменить их суть. Некоторые поразительные формальные проблемы только могут усилить пояснение. Мировая система нашего времени, включающая в себя множество центров и супергегемоническую систему США, систематизировала и объединила социальные проблемы всей планеты.

Историческо-общественные проблемы, которых я питаюсь представить, суммировать в виде актуальных заголовков тему сделать дополненным и более конкретным.

Б. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Проблема власти и государства.

Я часто повторяю, что история это «сейчас», а любой данный момент является историей. Попытки увеличить пропасть между данным моментом и историей — это результат пропагандистской деятельности каждой цивилизации, которая пытается возвысить себя ради легитимизации и достижения вечности — бесконечности. В жизни настоящего общества не существует такой пропасти. Другой важный факт это то, что без превращения исто-

рии в вселенное строение местно или единственной историей не будет иметь смысла. Поэтому проблема власти и государства в ее первозданном виде также является проблемой нашего времени — различие очень невелико. Разница заключается лишь в частях, добавленных сюда изменениями времени и пространства. Ясно, что если мы учитываем это при употреблении терминов, касающихся отличий и преобразований, точность наших исследований возрастает. Различность преобразования и развитие их приуменьшение и непридания значения им тоже является нежелательным. Насколько ослепила лишена вселенной истории подход к историческому развитию, как к постоянному повтору, его считать лишены различия и преобразования, настолько же оно истину затмевает. Крайне важно не сделать эти две ошибки редукционизма.

В настоящее время можно сделать первичное замечание по поводу власти и государства — это то, что они приобрели чрезвычайное влияние над обществом и внутри него. До XVI века правители, как правило, находились вне общества, причем воспринимались с чувством удивления и страха. Во все века цивилизация демонстрировала поразительные примеры этого, как государство в качестве официального выражения власти осторожно чертило свои пограничные линии. Считалось, что тем лучше, чем острее будет различие между государством и обществом. Во власти даже линии были неясны как внутренние явления обществ. Власти правительства выработали определенные до мельчайших деталей правила этикета, включающие в себя все — от тона и громкости голоса до манеры движений и посадки. Разумеется, это — стремление слабой власти государства увеличить свой авторитет. Образование являлось тем же инструментом легитимности.

Отличие основательного авторитета власти и государства в европейской цивилизации заключается в том, что ощущалась необходимость проникновения во все поры общественного организма и последующего усиления. Здесь можно говорить о двух основных факторах влияния. Во-первых, количественный рост эксплуатируемого общества не смог бы осуществиться без роста аппарата эксплуатации. Увеличение государственного бюрократического

тического аппарата иллюстрируется тем фактом, что растущему стаду требуется большее количество пастухов. К этому следует добавить увеличение давления на общество изнутри — со стороны разросшегося до огромных масштабов класса военных. Войны всегда порождали бюрократию. Сама по себе армия является наибольшей бюрократической организацией. Второй фактор влияния — это увеличение знаний и общественной борьбы. В европейских странах удалось избежать жесточайшей эксплуатации: активные протестные выступления и не прекращающаяся борьба стали причиной объемности строительства власти- государства. Борьба буржуазии против аристократии, борьба рабочего класса против и тех, и других не позволили ужесточить режим власти и государства в Европе. Средний класс, то есть буржуазия, возможно, впервые в истории пришел к власти, принеся с собой перемены. Приход к власти рожденной в недрах социума группы вынудил ее к ведению работы с самим обществом.

Буржуазия — это огромный класс, не способный вне общества осуществить господство над властью и государством. Однако совершенно ясно, что чем больше усиливается государственность, тем больше возрастают противоречия и конфликты внутри самого общества. Такое явление, как классовая борьба, объясняет эту истину. Либерализм, как идеология буржуазии, сделает все, чтобы решить эту проблему. Но то, что произошло за это время, — еще большее усиление государства и власти, а также разрастание бюрократии, как раковой опухоли. В какой бы степени ни увеличилось в обществе государство и власть, это означает, что в той же степени существуют и внутренние противоречия. Именно это стало основной проблемой европейского общества, развивавшейся с момента его рождения. Развитая конституция, демократия, республика, социализм, анархия, борьба — все это тесно связано с характером образования власти и государства. Наиболее известное решение, найденное не так давно, — это основные права человека, определенные конституционными законами, то есть превосходство юрисдикции и демократии, что больше, нежели окончательное решение, вынуждает государство и общество к выработке консенсуса и стремления к преодолению

длительных периодов активных конфликтов. Проблема власти и государства не решена — всего лишь доведена до приемлемого состояния.

Если внимательно рассматривать национальные и конфессиональные проблемы, вопросы полового неравенства в свете науки, развивая единство власти и государства, введя в парадигму «каждый и власть и общество, и государство и общество», то это будет служить существованию национального государства. Таким образом, изнутри подавляя классовую борьбу, против внешнего позицию защиты все время держат открыто, считается нахождением решения буржуазного национального государства. Это главнейший, испробованный во всем мире метод не столько решает проблему, сколько подавляет ее. Примером максимального проявления сущности национального государства, как государства и власти в его наиболее открыто-фашистском виде стал гитлеризм.

Первым примером национального государства стала борьба Голландии и Англии против испанской монархии. Национальное государство, мобилизуя все общество для отражения внешней агрессии, легитимизирует свое существование. В начальный период образования национального общества отмечаются безусловно положительные элементы. Тем не менее, с самого начала было ясно, что главная задача — прикрыть классовую эксплуатацию и угнетение. Безусловно, национальное государство несет на себе ярлык буржуазного класса. Это модель государства этого класса. Позже Наполеоновские захваты привели к усилению этой модели во Франции и распространения во всей Европе. Отсталость немецкой и итальянской буржуазии, отсутствие единства стали причиной усиления политики национализма. Внешняя агрессия и внутреннее сопротивление аристократии и рабочего класса вынудили буржуазию к построению явно шовинистической, националистической модели государства. Поражение и депрессия, пережитые рядом государств, начиная с Германии и Италии, поставило их перед дилеммой: социальная революция или фашизм. Выиграла фашистская модель государства. Может быть, Гитлер, Муссолини и им подобные проиграли, но их система победила.

Национальное государство по своей основе может быть идентифицировано как общество государства или государство общества — это и есть описание фашизма. Естественно, государство не может стать общественным, а общество не может стать государством. Такой может быть только идеология тоталитаризма и ее аргументы. Хорошо известна фашистская сущность этих лозунгов. Фашизм как вид государства всегда присутствует в качестве основного начала в либерально-буржуазной идеологии. Это — вид правления периодов депрессии, имеющей структурный характер, поскольку структурными являются депрессии. Его название руководство национал-государства. Это — достижение пика депрессии эпохи финансового капитала. Государства монополии капитализма, в наши дни достигшие апогея развития, оказываются фашистскими в наиболее активные периоды своего существования. Сколько бы не говорилось о распаде национального государства, утверждать, что вместо него будет построена демократия, было бы глупо — может быть, актуальны макро- (мировые) и микро- (местные) — фашистские политические образования. Ближний и Средний Восток, Балканы, Средняя Азия и Кавказ — происходящее в этих регионах привлекает пристальное внимание. Латинская Америка и Африка находятся накануне новых экспериментов. Используя эволюцию, Европа хочет выйти из фашизма национального государства. Что будет с Россией и Китаем, неизвестно... Супергегемоническая держава США контактирует со всеми типами государств.

Ясно, что проблема власти и государства вновь переживает один из самых трудных периодов. Дилемма «демократическая революция или фашизм» продолжает сохранять свою важность в качестве повестки дня. Все системные, региональные и центральные организации ООН утратили способность функционирования. Впервые в истории финансовый капитал достигает пика своего развития, играет роль слоя капитала, более всего подверженного депрессии. Политическое и военное противостояние монополии финансового капитала является усиленной войной против общества. Это — истина, реализовавшаяся в ряде мировых блоков. В качестве какой политической и экономиче-

ской структуры выйдет мировая система из структурной депрессии, определит уровень интеллектуальной, политической и нравственной деятельности.

Современный капитализм являясь самой иллюзорной монополией капитала, в эпоху финансового капитала привел к невиданному в истории распаду общества. Политическая и нравственная ткань общества разорвана на части. То, что произошло, — это «уничтожение общества», это общественное явление, оказавшееся страшнее геноцида. Овладев СМИ, виртуальный капитал превратил их в оружие, уничтожающее социум, намного страшнее Второй мировой войны. Национализм, религиозный фанатизм, неравенство полов, псевдонаучность и псевдокультура (спорт, сериалы и.пр) — СМИ 24 часа в сутки бомбардирует этим общество; как может защититься общество от оружия СМИ?

СМИ влияют на общество как второе аналитическое мышление. Само по себе аналитическое мышление не является ни хорошим, ни плохим и СМИ — тоже нейтральный инструмент. Роль любого оружия определяется тем, кто и как его использует. Гегемонические силы всегда обладают самым совершенным оружием, в том числе СМИ. Используя СМИ в качестве еще одного аналитического мышления, гегемонические силы очень активно подавляют общественные протесты, создавая виртуальное общество, являющееся еще одним видом уничтожения социума. Национальное государство можно также считать одним из видов уничтожения общества. В обоих случаях социум утрачивает свою истинную сущность, превращаясь в инструмент, управляемый монополией. Примитивный подход к общественной среде таит в себе значительную опасность, как и его вывод из самого себя тоже представляет неограниченные опасности. Эпоха виртуальной монополии, как и эпоха финансового капитала, может существовать только за счет общества, утратившего свою сущность. Обе относятся к одному историческому периоду, и это отнюдь не случайно — между ними есть связь. И утратившее свою сущность общество национального государства, и общество, оболваненное СМИ, — это в полном смысле слова проигравшее общество, и на его развалинах создается совсем иное. Без сомнения, мы живем в такой общественной эпохе.

Мы не только живем в самом проблемном обществе, мы живем в обществе, которое ничего не дает своему индивидууму. Современное общество не только утратило нравственные и политические составляющие — под угрозой существование самого общества. Переживается не проблема, а опасность уничтожения как таковая. Если сегодня проблемы разрастаются, подобно раковой опухоли, несмотря на всю силу науки, то перспектива уничтожения общества — это не только мнение, а реальная опасность. Заявления в стиле «национальное государство защищает общество» создают самую большую иллюзию и шаг за шагом приближают угрожающую ему опасность. Общество стоит лицом к лицу не только с проблемами, но и с угрозой уничтожения.

2. Проблема нравственности и политики общества

Я осознаю нежелательность раздела проблем. Европейская наука, бесконтрольно используя аналитическое мышление, развивала этот метод, который, несмотря на определенные плюсы, несет в себе опасность утери целостности истины. Я продолжу использование этого метода, постоянно учитывая эту опасность и понимая, что деление общественной проблемы на «проблемы» в себе несет риск. В заглавии эпистемология я попытаюсь оговорить другие методы.

В первой части общественных проблем мы не случайно затронули власть и государство. Главной причиной этого является то, что данные явления стали основным источником проблемы. Сначала, используя всю мощь основных образующих функций и власти, и государства, взятых на себя в 16 веке, общество лишали силы и защиты, подготавливая к эксплуатации со стороны монополии. Очень важно представить роль власти и государства именно так, причем просто рассматривать власть и государство как общий результат устройств силы и его отношения будет недостаточно. Я уверен, что его основная роль — это лишение общества силы и защиты. Данная роль выполняется посредством ослабления тканей нравственности и политики, являющихся инструментом «существования» общества. Таким образом социум

слабеет и лишается способности функционировать. Общество, лишённое двух таких важнейших моментов, как нравственность и политика, теряет способность к существованию.

Основная роль нравственности, продолжение и жизнедеятельность общества — это сила владения законами и их применение. Утрата обществом законов существования и возможности их реализации означает перерождение в стадо животных; в таком случае оно может использоваться и эксплуатироваться сколь угодно долго. Основная роль политики, — это создание в обществе необходимых нравственных и интеллектуальных приоритетов и нахождение решения. Социальная политика, уделяя внимание этим вопросам, постоянно проводит дискуссии и вырабатывает решения, что обеспечивает жизнеспособность общества и возможность широкой дискуссии. Основу существования представляет собой необходимая способность к самоуправлению и обустройству. Гибнущее общество теряет способность к верному выбору пути, бросаясь из стороны в сторону. Наиболее гарантированный способ лишить общество жизнеспособности — это отсечь его от его политики как органа обсуждения и решения собственных материальных и моральных потребностей, то есть обеспечения своего существования. Более опасного пути нету.

В ходе исторического процесса инструменты и взаимоотношения власти и государства заменили нравственность общества «правом», а политику — «государством», соответствующим образом разместив эти структуры. Нравственность и политика, играющие роль двух основных стратегий существования общества, лишаются силы, на их место ставятся право и господство — это основные обязанности власти и государства всех времен. Без этих двух обязанностей невозможны накопление капитала и монополии эксплуатации. Все страницы пятитысячелетней истории цивилизации испещрены рассказами о том, как были сломлены нравственная и политическая сила общества, а вместо них введены законы и управление монополии капитала. Такова история цивилизации, ее истинные, обнаженные причины, и только принятие их во внимание позволит дать точное ее описание. Эта истина лежит в основе всех общественных конфликтов

истории. Как будет жить общество, со своей нравственностью и политикой или же в соответствии с законом и политикой насильственно навязанной монополии эксплуатации, как стадо? Когда я говорю о «раковом» разрастании власти и государства, его законов и управления, являющихся основной причиной проблем, я хочу выразить эту истину.

Существует необходимость в обнаружении еще одного обстоятельства. Когда была создана первая иерархия и от имени общества приобрели важность «опыт» и «профессионализм», от нее ожидают пользы вне зависимости от того, как это называется — «государством» или «авторитетом». Если общество совсем не отказалось от государства и авторитета (власть), то лишь благодаря ожиданию пользы от того и другого. То есть, ожидая опыт и профессионализм от государства и власти, надеются облегчить таким образом суть дела. Важнейшей причиной долготерпения являются эти два влияющих фактора. Опыт есть не у всех. Профессионализм тоже не каждому дан. Но власть и государство, эксплуатируя эти два оправданных ожидания в течение всей истории, вывела на арену самых неопытных и непрофессиональных неумех, заменила закон — интригой, профессионализм — бездельем. Периоды упадка и катастрофы прямо связаны с этим крайне серьезным искажением.

Буржуазия, исторически наиболее подверженная раковой болезни и чрезмерному развитию среднего класса, оказавшись в центре общества, назвала свои эгоистические выгоды «законом», а свое неумелое управление — «конституционным правлением». Для этого власть и государство разделяя на неограниченное «устройство» и «профессионализмом» увеличило их, это полная катастрофа. Общество попало из огня да в полымя. Сущность буржуазного мышления, либерализм, с его бесконечными дискуссиями по поводу «республики», «демократии», «конституции», «ослабления администрирования», «ограничения власти и государства», скрывают истину; их следует заменить более весомыми понятиями. Буржуазный средний класс не в состоянии изменить конституцию, республику, демократию, управление, ограничить власть и государство даже до уровня античных государств Древнего мира: материальная основа, стиль существо-

вания среднего класса лишает действительности эти благородные термины. Как общество, с трудом терпевшее королей и династии древней эпохи, может вынести ставшие неограниченными правление и династии буржуазии? Я сознательно использую термин «буржуазная семья и государство», поскольку это исходит из одного источника. Буржуазия, все искусство управления и законы переняло от прежних сил, от аристократии и династий. У буржуазии нет способности к самосозиданию. Взаимоотношения власти и государства и их влияние на развитие канцерогенных процессов в обществе исходят из этого классового характера. Природа среднего класса отягощается фашизмом.

Самой основной проблемой стала парализация нравственных и политических тканей общества, лишение их возможности действовать. Несомненно, нравственные и политические ткани социума невозможно полностью уничтожить: до тех пор, пока существует общество, нравственность и политика тоже будут существовать. Но, перестав быть ареной профессионализма и опыта власти и государства, нравственность и политика не в состоянии выразить свои способности к созданию и действию. В наши дни структура и взаимосвязь власти и государства, проникая во все поры общества, лишает его возможности дышать, делает неузнаваемым, не соблюдающим ни один свой моральный принцип, не умеющим использовать политические дискуссии для решения своих основных проблем и ставит в такое положение, в котором невозможно принять решение. «Глобальные компании», являющиеся повесткой дня нашего времени и истинными хозяевами, резкий рост их капитала стали наибольшей из «бесконечных» монополий в истории. До тех пор, пока общество не погибнет и не распадется, таким виртуальным способом, то есть не используя орудия производства, невозможно заработать деньги на деньгах. Все, что монополия приобрела за всю историю, в том числе нынешняя «прибыль из воздуха», реализуется за счет лишения общества возможности существования и опустошения его сознания — ибо «в воздухе нет денег!».

Должен повториться, что общество ставит в данную ситуацию не только неограниченный рост структуры и взаимосвязи власти и государства. Другая основная часть гегемонии, являющаяся

крайне важным инструментом, — это СМИ, с помощью которых осуществляется идеологическое подчинение общества. Национализм, религиозный фанатизм, половое неравенство, псевдонаучность, индустрия развлечений — без их влияния, только связями и структурой государства и власти, невозможно так уничтожить социум. Глобальные виртуальные компании, исторические монополии, лишают общество его сущности, подвергая эксплуатации на уровне реализации уничтожения социума.

3. Проблемы сознания общества

Первым условием подготовки одного общества к эксплуатации является отсутствие нравственности и политики, разрушение общественного сознания являющегося интеллектуальной основой этих двух клеток общества, необходимо для реализации данного плана. В течение всего исторического процесса правители и эксплуатирующие монополии, желая достигнуть своей цели, прежде всего создают «гегемонию сознания». Шумерские жрецы, подготавливая общество к эксплуатации, прежде всего возводили храм (зиккурат), что ясно доказывает эту истину. Шумерский храм является самым известным, сохраняющим влияние до сих пор средством подчинения и трансформации общественного сознания. С этой точки зрения он представляет большое значение.

Для меня было очень важно объяснить, что общественная среда образуется с помощью самых гибких интеллектуальных структур. До тех пор, пока не будет осознано, что общество — это самая интеллектуальная среда, невозможно развивать значимую социологию. Деспоты, правители, хитрецы, которые хотят эксплуатировать общество, первым делом ослабляют возможности сознания и мышления. Своей основной обязанностью они сделали создание первой монополии, монополию сознания, и этим стал храм. Храм, в сущности, имеет два значения. Во-первых, управление сознанием — это очень важно как орудие гегемонии. Во-вторых, таким способом очень удобно лишить общество его интеллектуальных ценностей.

Необходимо правильно понимать термин «собственное сознание общества». Человек сделал это, еще когда впервые взял в руки камень и палку. Это не инстинкт, это первые ростки аналитического мышления. Чем больше накапливался опыт, тем больше развивалось общество — в основном это происходило за счет активизации этого мышления. Чем больше накапливается опыт и соответственно развивается мышление, тем большие возможности и силу приобретает общество, лучше питается, защищается и воспроизводится. Этот период объясняет значение общественного развития. Постоянно размышляя, общество создает нравственные традиции, также называемые общественным разумом или совестью, то есть собственное коллективное мышление. Именно поэтому нравственность очень важна: это — самый основной орган. Общество является самым большим его сокровищем, накоплением опыта, причиной его сохранности, продолжения и развития жизни. Если это утрачено, тогда из опыта жизни, хорошо знает что распадётся. Важность нравственности придается почти с инстинктивной точностью. В древних племенах, родовых группах, обществах несоблюдение правил нравственности каралось смертью или же изгнанием из общества, то есть обречением на смерть. В основе так называемых «убийств во имя чести» лежат эти правила, пусть и в искаженном виде.

Нравственность представляет традицию коллективного мышления, а функция политики несколько отличается. Более всего сила мышления требуется для обсуждения и принятия решения по поводу повседневных коллективных дел. Для политики является обязательным повседневное созидательное мышление. Общество очень хорошо знает, что вне нравственности, как источник накопления мышления, невозможны ни политическое мышление, ни сама политика. Политика неизбежна как арена действий для актуальных, общественных дел. Если даже по этому поводу существуют противоречия, необходимы дискуссии для принятия решения. Общество без политики — это стадо без вожака или же безголовая курица. Само мышление социума, его сила не являются верхней структурой, это — мозг общества. А его органы — это нравственность и политика.

Другим общественным институтом, священной обителью является, конечно же, храм. Но этот храм является не храмом гегемонической силы (иерархия и государство), а сакральным пространством. Поиски обществом своего сакрального пространства являются едва ли не главным делом, судя по археологическим раскопкам. Это, наверное, единственная важная структура, дошедшая до наших дней. Данная истина отнюдь не случайна. Первое сакральное пространство общества — это место, где представлены все прошлое предков, идентичности, союза. Место всеобщей молитвы. Пространство общественной памяти; символ движения в будущее; это — важная причина нахождения всех в одном месте. Общество осознавало, что храм, построенный в привлекательном, величественном, красивом месте, удобном для проживания, будет востребованным и представляет жизненную ценность. Именно поэтому величие более всего представлено в храмах. Как видим на примере шумеров, храм был одновременно местом производства, складом и общежитием рабочих. Имелась в виду не только молитва, но и место обсуждения и принятия коллективного решения. Храм был политическим центром, домом ремесленников, центром новаций, мастерской архитекторов и школой мудрецов, то есть первой академией. То, что, все центры пророчества в древнюю эпоху возникали в храмах, отнюдь не случайно. Все эти обстоятельства, как и сотни других, доказывают важность храма, который по праву можно назвать центром идеологии и мышления общества — это вполне реально.

Развалины монументов в Урфе были возведены две тысячи лет назад, то есть до земледельческой революции. Но техника строительства и архитектура этих каменных строений требуют большого количества рабочих и соответствующим образом развитого общества. Кто они были, на каком языке говорили, чем питались, где рождались? О чем думали и каких обычаев придерживались? Как вели себя? Нет никаких следов, позволяющих ответить на эти вопросы. Ясно лишь одно: обелиски — это, скорее всего, развалины храма. Если учесть, что даже сегодня не получившие специального образования люди не умеют гравировать и не могут этому научиться, то это означать только одно: данные общества не были столь отсталыми по сравнению с ны-

нешними сельскими общинами и деревенскими жителями. Мы можем только предположить соответствующие обстоятельства. Вероятно, святость Урфы проистекает, как ручей, из этой доисторической традиции. Я говорю не о существовании и важности общественного храма, а о важности существования и функционирования гегемонического храма.

Египетские жрецы, как и индийские брахманы, сыграли не меньшую, нежели шумеры, роль в создании гегемонистического храма. Свой вклад внес весь Дальний Восток. Гегемонистическими были и храмы Южной Америки — не зря там в жертву приносили юных. Гегемонистическими были властвующие важнейшие храмы всех эпох и цивилизаций — в этом они едины, повторяя, как копии, оригинала. Главной задачей этих центров было подготовка общества к эксплуатации на пользу власти. Военное крыло монополии, ужасающее отрубая людям головы, возводило из них крепости и башни, а духовное крыло, захватывая умы, завершало это же дело. Оба деяния сыграли важную роль в превращении общества в рабов. Одни создавали страх, другие — убеждения. Кто может отрицать неизменность тысячелетней общественной цивилизации в этом отношении?

Гегемонистическая цивилизация Европы, сохранив сущность сделала большие видоизменения. Колоссальная надстройка национального государства над обществом, не довольствуясь этим, подчинила себе все, до мельчайших деталей, внутренние органы общества — это доказывают ежедневные наблюдения. Начальная и средняя школы, техникумы, университеты и академии играют роль центров выработки мышления; их дополняют церковь, синагога и мечеть, а также армия, которые овладевают оставшимися клетками, отвечающими за мышление, нравственность и политику — разве все это не является ассимиляцией и эксплуатацией? Значит, некоторые философы не зря говорили о «массовой культуре» общества как о превращении в стадо. Вспоминание о том, что эта ассимиляция мышления привела к фашизму, все еще свежо. Кровавые боины новейшей истории — тоже результат этого захвата и подчиненности мышления.

Не помешало бы повторить: национализм, религиозность, половое неравенство, спорт и псевдо — искусство — если потрясти

эти картинки, то общество — или же, извините, стадо, то есть массы — можно натравить на любую, какую хочешь, цель. Никакая сила не сможет захватить мышление, которое общество сделало открытым для сегодняшнего глобального финансового капитала. Надо еще раз отдать дань чести шумерским жрецам и изобретениям храма! Bravo! Какие же вы высокопрофессиональные захватчики, если даже сейчас, спустя пять тысяч лет, ваш нынешний последний представитель и храм могут, ничего не делая, скапливать наибольший в истории капитал! Самые масштабные образы и тени бога не смогли получить такую прибыль, значить, постоянное и совокупное накопление капитала — это не просто термин. Деформация мышления — то же отнюдь не простая операция. Доктор Хикмет Кивилджимли и итальянец Антонио Грамши описывали подобный вид гегемонического захвата, причем делали они это, длительное время находясь в тюрьмах национального государства. То, о чем они писали, было их жизнью. Я — тоже жертва глобального капитализма, в последнем его проявлении. Отказ от познания его сущности был бы с моей стороны предательством по отношению к самосознанию общества.

4. Экономические проблемы общества

Когда говорится об экономических проблемах, я вспоминаю муравьев. Даже у такого маленького насекомого, как муравей, нет экономических проблем. Как возможны вопиющие экономические проблемы у такого разумного и опытного существа, как человек, и даже такое постыдное положение, как безработица? В природе нет ничего, что не смог бы использовать человеческий ум. Проблема отнюдь не в естественной функциональности и не связана с окружающей средой. Враг человека — в самом человеке. Каждая экономическая проблема, начиная с безработицы, связана с капитализацией общества.

Несомненно, исследования К. Маркса в области капитала имеют огромную ценность. Маркс также пытается объяснить безработицу в период депрессии. Жаль, что болезнь позитивизма

отразилась и на нем. Болезнь научности помешала ему сделать еще более широкий историко-социальный анализ. Я пытаюсь показать, что капитал не является экономикой — наоборот это влиятельный инструмент лишения экономики ее сущности. В-первых, я считаю, что прибыль и капитал никогда не были целью развития общества, не имели в нем места. Можно представить себе богатое, благополучное общество — нравственность и политика открыты этому. Но когда в обществе присутствует нищета и безработица, говорить в данной ситуации о богатстве и капитале — это не просто преступление, а прямо связано с уничтожением социума. Само стремление представить цивилизацию как скопление проблем вызвано тем, что она основывается на монополии капитала.

Роза Люксембург связывала реализацию капитала с условием некапиталистического общества, вплотную подойдя таким образом к очень важной истине. Если бы Люксембург смогла раскрыть смысл этой истины, то увидела бы не только зависимость от некапиталистического общества его существования. Высасывающая, как клещ, кровь этого общества, и распухая, капитализм одну каплю этой крови давая рабочему, делает его соучастником своих преступлений. Я не отрицаю старание рабочего. Но образование капитала очень мало, в ничтожной степени может быть связано с трудом рабочего, и если даже представить это с философской, исторической, социальной точек зрения, то и данная мельчайшая часть теряет значение. Индустриализм — это воровство у общества и окружающей среды, что становится все более ясным из — за экологических проблем. В наши дни бизнес-менеджеры и высококвалифицированные рабочие стали самыми привилегированными слоями общества, а результатом этого оказывается увеличивающаяся огромными темпами безработица. Какой разумный и знающий человек может это отрицать? Развитие промышленных, монополично — коммерческих и финансовых кругов, то есть монополии капитала и проектов «многодолевого партнерства» лишает смысла термин «рабочий». Важно понять, что рабочий низведен до уровня ремня, связывающего монополию с обществом. В странах бывшего социалистического лагеря эта роль могла быть определена

как государственный капитализм, как «усупчивый рабочий» — у классического капитализма тоже есть похожие «уступчивые рабочие». Данное явление всегда существовало внутри общества одновременно со всем остальным. Остальное общество — это некапиталистическое общество, о котором говорила Роза Люксембург.

Если внимательно посмотреть, то можно заметить, что здесь объясняется разница между тем, что является капиталистическим, и тем, что капиталистическим не является. У Розы Люксембург и то, и другое является видом общества. Я рассматриваю капитализм иначе: как организацию, как сеть, как анти-социум, крадущий прибавочный продукт у общества, душащий экономику, порождающий безработицу и, объединяясь с государством и властью, использующий инструменты мощной идеологической гегемонии. К этой организованности в последнее время добавились также слои уступчивых рабочих. Еще раз остановившись на понимании монополии сети, я пытаюсь внести исправления в ошибочную трактовку, причем более всего хочу раскрыть неверный характер термина «капиталистического общества». Пожертвовать капиталистической монополии такое название — это излишняя милость. Капитал может создать сеть, организационную сеть, но необходимо как следует понять, что мафия тоже является развитой сетью капитала. Единственная причина, по которой капиталистическая сеть не называется мафиозной, это гегемоническая сила капитализма в обществе и его связи с официальной властью. Иначе бы это называлось сетью, у которой, даже меньше чем у мафии, не было бы нравственно-этических правил.

Должен добавить еще одно обстоятельство: промышленность среднего уровня, как и средней руки торговца и земледельца я не считаю капиталистом. В них существует реальная необходимость для решения настоящих экономических задач: несмотря на то, что капитал со всех сторон окружает их, это слои общества пытаются заниматься производством. Помимо этого, я не считаю капиталистическим небольшой рыночный и производственный товарооборот производителей товаров в мини-цехах. Естественно, не являются капиталистами различные

высокопрофессиональные специалисты. Все рабочие, кроме «уступчивых», крестьяне, учащиеся, чиновники, ремесленники, дети, женщины составляют хребет общества. Я пытаюсь развить такой термин, как «общество, не являющееся капиталистическим». Это далеко не то, что имеют в виду многие марксисты, которые под «некапиталистическим обществом» подразумевают феодальное, полу-феодальное или азиатское. Данные термины не проясняют истину, а, наоборот, скрывают — я в этом убежден. Я развиваю свои теоретические исследования в ходе рассмотрения не только тех сетей капитализма, которые сформировались в Европе после XVI века, а для всех капиталистических сетей, в ходе всего исторического процесса захватывавших добываемые ценности (торгово-политические, военно-идеологические, сельскохозяйственные, промышленные монополии). Для того, чтобы заметить, что глобальный финансовый капитал нашей эпохи подтверждает эту теорию, не нужны лишние исследования.

Особую важность представляет понимание антикапиталистического характера общественной среды. Тысячелетиями общество знало, что накопление капитала имеет самое разлагающее влияние. Например, одним из самых известных методов накопления капитала является ростовщичество (взимание процентов за кредит), но нет религии, которая не осуждала бы ростовщичество.

Понимания того, что в наши дни капитал развивает безработицу, растущую колоссальными темпами, — лишь для того, чтобы иметь дешевую рабочую силу, «уступчивых» рабочих, явно недостаточно. Это только одна сторона истины. Главной причиной является то, что капитал связывает общество с деятельностью, ищущими прибыль. Для прибыль-капитала их деятельность ни в коем случае не может быть подчинена основным потребностям общества. Если производство, существующее для нужд общества, не приносит прибыли, то гибель общества от голода и нищеты не волнует капитал (в наше время миллионы людей находятся в таком положении). Например, если имеющиеся финансы хотя бы частично вложить в сельское хозяйство, то проблема голода будет решена навсегда. Однако вместо этого

капитал постоянно уничтожает земледелие и действует вопреки законам ведения сельского хозяйства. Причиной этого является отсутствие или незначительная прибыльность данной отрасли. Когда деньги в большом количестве порождают деньги, то ни один капиталист не подумает о сельском хозяйстве. Характер капитала резко противоречит такого рода мышлению. Раньше государство, будучи монополией, активно помогало сельскому хозяйству, получая взамен товар или денежные налоги. Сейчас существующие при капитализме рынки сделали бессмысленной подобную деятельность государства, иначе бы эти государства не смогли избежать от банкротства.

Следовательно, постепенное превращение капиталом большей части общества в безработных и нищих происходит не из-за временных, и обычной политики, а в силу причин структурного характера капитала. Если даже заработная плата будет крайне незначительной, в обществе все равно останется безработица, что можно понять без исследований, исходя из простых наблюдений. До тех пор, пока не будут ликвидированы политика и система прибыли, основанные на прибавочном продукте, общество не избавится от безработицы и нищеты—я еще раз повторяю, что это необходимо не только знать, но и понимать.

Почему же иначе на равнинах Месопотамии, тысячелетиями бывшей житницей всего Ближнего и Среднего Востока, а 15000 лет кормившей, как мать, неолитическое общество, сейчас властвуют безработица, голод и нищета? Если организовать производство, не ставя во главу угла прибыль, то, учитывая современное развитие техники, вполне можно накормить около 25 млн., если не более, человек. Эти равнины и люди нуждаются не в праздной руке капитала, а, наоборот, в том, чтобы эта рука, являющаяся единственной причиной безработицы, голода и нищеты, оставила людей в покое. Необходимо лишь одно: чтобы земля принадлежала истинным труженикам. Это — революция в общественном сознании, создающая необходимые условия, чтобы общественная нравственность и политика вновь, как главные ткани и органы, выполняли свои функции. По этим же причинам демократическая политика должна со всей своей мощью выполнять интеллектуальные обязанности.

5. Проблема индустриализации общества

Промышленная революция важна не менее сельскохозяйственной. В конце XVIII — начале XIX века сельское хозяйство, используя опыт тысячелетий, сделало качественный скачок, и до наших дней продолжила свой колеблющийся курс. Невозможно точно сказать, где, когда и каким образом она будет остановлена. Эта революция, обладая такой способностью, как взрыв аналитического ума, в принципе сама является продуктом этого ума. Она находится под однозначной властью капитала. Не вызывает никаких сомнений, что сам капитал во многом и не является изобретателем индустриальных средств, но для того, чтобы превратить их в индустриальные средства, постоянно тщательно следил за ними, при необходимости переводя их в свою собственность. Серийное, дешевое по себестоимости производство постоянно являлось для общества возможностью развития. Столь же, как и ум, ценна индустрия, стоящая на службе у общества. Проблема не в самой индустрии, а в способе ее использования. Индустрия — это почти что ядерная энергия. Если она используется в интересах монополий, то может превратиться в орудие, больше всего угрожающее жизни, от экологических бедствий до войн. Наконец, как сегодня стало всем известно, применение с целью извлечения прибыли ускоряет разрушение окружающей среды. Он усиленно набирает обороты в направлении виртуального общества. Вместо человека часто используются роботы. Если так будет развиваться и дальше, то человек сам по себе окажется ненужным.

Единым является мнение о том, что даже в сегодняшнем состоянии общества не только само общество, но и весь живой мир оказался под угрозой. Необходимо особо подчеркнуть, что огульное объявление индустрии явлением, ответственным за такое развитие, — полнейшее заблуждение. Сама по себе индустрия — это нейтральное явление. Индустрия, превращенная в единое целое с мотивацией существования, однозначно сыграет определяющую роль в превращении всего мира в «третью природу» для человека, даже для всей жизни. Она несет в себе такой потенциал. Если это будет так, то следует восхвалять индустрию.

Но если индустрия в большей степени станет подконтрольной прибыли и монополиям, то может превратить мир в ад для всего человечества, за исключением горстки монополистов. В конце концов, сегодня процессам определенно придается именно такое направление. Нельзя отрицать, что данный ход событий ввергает человечество в пропасть глубокого волнения. Индустриальная монополия создала на фундаменте общества реальные империи. Одной супер гегемонии США противостоят десятки индустриальных гегемонов. Даже если военно-политическая гегемония будет приостановлена, то индустриальные гегемонии не так легко остановить, потому что и они уже обрели всемирный характер. Если одна страна как центр им уже кажется узкой, то они могут сразу же превратить в центр любое другое место, любую другую страну. Как знать, может завтра одна из индустриальных империй США изберет в качестве своего центра Китай? Уже сегодня заметно, что, как только условия станут благоприятнее, это постепенно окажется возможным.

Индустриализм очень сильно ударил по земледелию. Земледелие, являющееся истинным элементом человеческого общества, средством его существования, переживает серьезный упадок перед индустрией. Эта священная деятельность, поддерживающая существование человечества на протяжении пятнадцати тысячелетий, сегодня предоставлена самой себе. Земледелие готовят к тому, чтобы перевести под господство индустрии. То, что индустрия, преследующая цель извлечения прибыли на монопольной основе, пытается проникнуть в земледелие, нельзя объяснять как серийное, обильное производство, как это принято порой считать. Манипуляция с генами приведет к тому, что под руками индустриальных монополий земля превратится в материнское лоно, напичканное искусственными плодами. Как искусственное оплодотворение не может обеспечить здоровую беременность и материнство, так и засев почвы генномодифицированными семенами не может обеспечить нормальное плодородие земли. Индустриальные монополии готовят эту яростную атаку на земледелие. Возможно, что история человечества переживет самую большую контрреволюцию именно в земледелии, и даже уже начала переживать этот процесс. Земля и

земледелие не могут быть только каким-либо средством производства или производственными отношениями; это неотъемлемая часть общества, не допускающая каких-либо манипуляций. Человеческое общество сформировалось преимущественно на почве земли и земледелия. Отрывая его от этих сфер и регионов производства, люди подвергаются самому большому удару по существованию. Города, разрастающиеся как раковая опухоль, уже сегодня раскрывают эту угрозу во всем ее неприкрытом состоянии. С большой долей вероятности можно предположить, что освобождение произойдет на обратном пути — это движение возврата от города к земле и земледелию. Основной лозунг этого движения будет определен как «или земля и жизнь, или смерть». Механизм прибыль-монополия, объединив индустрию с землей, тем не менее, не связывает их дружескими, симбиотическими отношениями. Горы противоречий, накапливаясь, превращают их во врагов.

Классовые, этнические, национальные и идеологические противоречия в обществе могут привести к столкновениям и войнам. Но это не те противоречия, которые невозможно было бы устранить. Как были созданы они руками человека, так и разрешаются самим же человеком. Противоречия между индустрией, являющейся инструментом монополии, и землей и земледелием, выходят за рамки контроля человека. Земля и земледелие являются экологическим явлением на протяжении миллионов лет. В случае нарушения этого баланса человек не сможет его восстановить. Поскольку и земля не сотворена руками человека, на сегодняшний день невозможно создать искусственные продукты земледелия и прочие живые существа, например, растения. Но эти явления реализовались на фоне человека, и нет никакого смысла и возможности повторять то, что уже было совершенно.

Поскольку это глубокая философская тема, не буду в нее особо углубляться. Но скажу только, что если фараон пытался готовить свое будущее в виде погребений пирамидального типа, то стиль роботизации, введенный индустриализмом, действует, но будущего не создаст. Это вообще является неуважением к человеку как таковому. Какой смысл создавать роботы и ко-

пии, если есть такая величественная субстанция, как природа? В данном случае мы в очередной раз сталкиваемся с жадной прибылью, которая овладела капиталом. Скажем, роботы осуществили самое дешевое по себестоимости производство. Но на что они нужны без пользователя? Индустриализм является в этом отношении самым эффективным инструментом создания безработицы в обществе; это самое крупное оружие капитала в борьбе с производительностью общества. Капитал часто использует индустриальное оружие в своем стремлении привлечь минимум рабочих и в манипулировании рынком по своему усмотрению на сниженных ценах. Он делает неизбежным кризисы перепроизводства, являющиеся основным фактором монополистского ценообразования и безработицы. В итоге жертвами этих кризисов становятся гниющие товары и миллионы безработных, голодных бедняков.

Природа общества может продолжить свое существование только в тесной связи с окружающей средой, являющейся продуктом миллионов лет развития в благоприятном пространстве. Ни одно индустриальное образование, ни одно из чудес света не может заменить окружающую среду. Уже сегодня транспорт на земле, в воздухе, море и космосе достигло масштабов бедствия. Индустрия, развивающаяся при помощи углеводородного топлива, постоянно отравляет климат и окружающую среду. Ответом на эти бедствия становится накопление прибыли протяженностью в двести лет. Но разве это накопление стоило таких разрушений? Ведь разрушения, переживаемые по этой причине, случались не вследствие тотальных войн, а человеческие жертвы имели место не в силу объективных или субъективных причин.

Индустриализм, являясь монополистской идеологией и механизмом, представляет собой одну из фундаментальных проблем общества. Необходимо добиться от него глубокой ответственности. Для этого достаточно всего лишь опасности, возникновению которой способствует индустриализм. То, что чудовище разрастается и выходит из-под контроля, может сделать бессмысленными и запоздалыми любые меры. Для того, чтобы предотвратить обезличивание общества и его превращение в виртуальное

состояние, наступило самое время вырвать это чудовище из рук монополий и сначала приручить его, а потом сделать другом природы общества.

В борьбе с индустриализмом необходимо отделить монополистскую идеологическую структуру индустриальной техники и ее применение от общих интересов общества, соответствующей структуры и стиля применения, что в этом плане является наиболее важной задачей научной деятельности и идеологической борьбы. Не стоит ожидать успешного достижения целей группой людей, считающих, будто они ведут борьбу против индустриализма независимо от социального и классового статуса на почве гуманизма и человечности. Эти группы не могут избежать той ситуации, когда окажутся на службе у индустриализма, который в форме монополизма объективно противоречит их интересам. Индустриализм обладает гораздо большим идеологическим, милитаристским и классовым характером, нежели это принято считать. Идеологически это наука и техника. Даже будучи использованной в этой ипостаси, индустриализм представляет наиболее опасные стороны науки и техники. Индустриальное чудовище возникло не само по себе. Напомним: буржуазия Англии, начиная свой исторический империалистический путь на острове, в Европе и во всем мире, была тем самым классом, который и организовал, и наиболее содержательно и ускоренно использовал индустриализм. Индустриализм в дальнейшем стал единым оружием буржуазии всех стран, поочередно. В XIX–XX вв., ставших наиболее индустриальными столетиями в тройственном союзе финансы-торговля-индустрия, господство буржуазии, развивавшееся в мировом масштабе, открыто подтверждает эти реалии.

Жаль, что Карл Маркс и движение социализма, объявив некапиталистическое общество консервативным и посчитав союз с промышленной буржуазией стратегическим, пусть и неумышленно, но стали, возможно, самым трагичным из всех движений на протяжении истории, что объективно оказалось предательством всмысловом отношении. Это заставляет вспомнить, как христианство, которое на протяжении трех столетий было религией мира, вступив в союз с государством и властью, объектив-

но и во многом умышленно противостояло собственным целям и стало предательством в отношении этой веры. Христианство тоже, в конечном счете оказавшись в паутине монополии власти, стало противоречить цели своего возникновения и не избежало участи превращения в религию цивилизации. Что касается ислама, то это имело место еще при жизни пророка Мухаммеда. В результате, они, сложили оружие перед натиском индустрии власти.

Если сегодня во имя сохранения окружающей среды все человечество стало беспокоиться так, будто приблизились последние часы, то социально-исторические и классовые аспекты этого факта оно должно воспринимать в свете аналогичных примеров, как движение общество за свое существование, и бороться за это так, будто это новое священное движение за веру. Насколько невозможно погасить огонь огнем, настолько же невозможно вести экологическую борьбу, не призвав к ответу жизнь в болоте индустриализма, не отказавшись от такой жизни. Если мы не хотим пережить новых трагедий христианства, ислама и социализма, то необходимо извлечь уроки и правильно вести научно-идеологическую, нравственно-политическую борьбу.

6. Экологические проблемы общества

Ясно, что проблема индустриализма является и частью, и основной причиной экологической проблемы. Но рассмотрение этих проблем под единым названием может означать повторение. Экология — это социальная и проблематичная тема, имеющая большее значение, нежели индустриализм. Хотя само данное понятие означает «наука об окружающей среде», в основном это наука, анализирующая тесную связь между социальным развитием и окружающей средой. Когда проблемы окружающей среды подали сигнал тревоги, они стали актуальными; угрожающие сигналы были превращены в линию отдельного изучения, потому что этот вопрос оказался на повестке дня истории, мира и общества не как созданная обществом проблема индустриализма, а как последнее последствие монополий цивилизации.

Возможно, ни один вопрос не был столь значимым в плане того, что выявил истинное лицо системы прибыль-капитал (организованные сети) и поставил на повестку дня всего человечества. Баланс прибыли и капитала как единого целого всех военных, экономических, торговых и религиозных монополий в ракурсе системы цивилизации — это не просто распад общества со всех сторон (безнравственность, аполитичность, безработица, инфляция, проституция и т. д.), а полнейшая опасность, нависшая над окружающей средой вместе со всем миром живых существ. Что, кроме этих реалий, может так же ярко подтвердить то, что монополизм является антиподом общества?

Если даже часть мышления и гибкости будут признаны самой высокой природой в сравнении с другими живыми существами, то человеческое общество, в конце концов, тоже следует воспринимать как одушевленную субстанцию. Это — мир, продукт эволюции очень тонко организованной атмосферы, мира растений и животных. Организация мира климата и атмосферы, растений и животных, свойственная нашему миру, действительна и для человеческого общества, поскольку является единством всех компонентов. Это очень тонкая организация, в которой существует тесная связь всех составляющих, едва ли не единая цепочка. Подобно тому, как цепочка с одним разъятым звеном становится непригодной, цепь эволюции, если одно важное звено в ней исчезает, тоже испытывает неизбежное воздействие на весь ход процесса. Экология — наука обо всех этих процессах. Именно по этой причине она очень важна. Любая поломка, вызванная какими-либо причинами во внутренней организации общества, может быть устранена руками человека. Наконец, социальная действительность — тоже реалии, созданные руками человека. Но окружающая среда — это совершенно иное дело. Если вследствие изобретательности некоторых групп, происходящих из недр общества, точнее, вышедших из недр общества и организовавшихся над ним при помощи финансовой монополии, будут сильно разорваны звенья цепи, представляющие собой элементы окружающей среды, бедствия в процессе эволюции могут поставить всю окружающую среду, в том числе общество, перед угрозой конца света.

Следует не забывать о том, что звенья окружающей среды на протяжении миллионов лет формировались с помощью эволюции. Разрушения, имевшие место в целом на протяжении последних пяти тысяч лет, а в частности, за последние двести лет, смогли разорвать тысячи звеньев в течение отрезка времени, который можно было бы считать более кратким. Началась реакция распада. И невозможно решить, как это можно остановить. Предполагается, что загрязнение атмосферы, вызванное газами, в первую очередь, углекислым газом (СО₂), не может быть очищено за сотни, даже тысячи лет. Итоги постепенного исчезновения мира растений и животных, возможно, еще не выявлены полностью. Но ясно, что они подают сигнал СОС, по меньшей мере, так же, как и атмосфера. Загрязнение морей и рек, превращение земель в пустыни уже сегодня достигли пределов бедствий. Все эти упоминания являются не итогом естественного дисбаланса, то есть действующего движения к концу света, а отражением того, что сделали с обществом группы, организовавшиеся в виде корпоративных сетей. Безусловно, в этом процессе прозвучит ответ, который даст природа, потому что и природа является живым мышлением. У природы тоже есть пределы терпения. Ее сопротивление выявится в нужном месте и в нужное время, и когда наступят это время и место, природа не посмотрит на слезы людей, потому что все будут нести ответственность за предательство, совершенное против собственных способностей и подаренных им ценностей. Разве не это имеется в виду под концом света?!

Здесь моя цель заключается не в том, чтобы добавить к сценариям бедствия новые. Но, как каждый член общества, за которого оно обязательно должно нести ответственность, с необходимым чувством долга, а также нравственными и политическими задачами, которые являются причинами моего существования, я считаю своей задачей говорить и делать все, что могу.

В истории человечества есть очень много преданий о судьбах немродов и фараонов, заточивших себя в собственные башни и пирамиды. Причина ясна. Как бы то ни было, но немроды и фараоны, на уровне как личности, так и института, представляли собой **МОНОПОЛИИ**. Да, в древности они были наиболее

выдающимися примерами финансовых монополий, постоянно гонявшихся за прибылью. Как же они похожи на монополии, сконцентрировавшиеся в ПЛАЗЫ современных городов! Между ними, естественно, есть различия, если не в сути, то в форме. Башни и пирамиды, несмотря на все свое величие, не могли бы состязаться с современными «плазмами». Что касается численности, то тут вообще не может быть никакой конкуренции. Если собрать все вместе, то численность фараонов и немродов не превышала несколько сотен; но численность современных «фараонов» и «немродов» уже сегодня перевалила за сотни тысяч. В Древнем мире человечество не смогло нести на себе тягот, вызванных несколькими фараонами и немродами. Оно просто стонало от тягот и молчало. Но сколько человечество сегодня будет нести на себе бремя современной армии фараонов и немродов, численность которых перевалила за сотни тысяч, и из-за которых окружающая среда и общество просто обречены на упадок? Как оно будет преодолевать боль и страдания, причиняемые войнами, безработицей, голодом, бедностью, которым эти фараоны и немроды способствовали?

Говоря о том, что историческое общество является единым целым, мы хотели еще раз озвучить эти реалии в свете эволюции. Разве это жестокие и незначительные реалии?

Наука современного капитализма очень уверовала в себя в силу своей позитивистской структуры, и посчитала, что крупные фактологические открытия — это абсолютно все. Абсолютная истина стала читаться состоящей из поверхностных знаний о фактах и возникла уверенность в том, что начался процесс бесконечного продвижения вперед. Но как можно объяснить, что перед своим носом наука не увидела бедствие, постигшее окружающую среду? Чем можно объяснить то, что не предусмотрены и не реализованы серьезные практические усилия в отношении всех социальных бедствий, в первую очередь, войн, разгоравшихся на протяжении последних четырех столетий? Как назвать то, что наука не только не препятствовала войне, проникшей во все щели общества, но и не смогла точно установить истину? Ясно, что в эпоху максимальной гегемонии монопольного господства эта наука, несмотря на противоположные утверж-

дения, не смогла бы ответить на эти вопросы, имея структуру, больше всего испытывающую на себе идеологическое окружение и позволяющую лучше всего соответствовать системе. Наука, чья структура, цель и способы объявлены и организованы с целью легализации системы, продемонстрировала то, что она не столь эффективна, как религия. Но следует понять и то, что не существует науки без идеологической подоплеки. Важно то, идеология какого общества и класса воспринимается наукой и определяет ее статус. Если экология, как одна из новейших наук, определит свои позиции в этих границах, то станет таким решением, которое будет соответствовать не только требованиям окружающей среды, но и социальной природы.

7. Проблема социального сексизма, семьи, женщины и населения

Восприятие женщины всего лишь как представителя человеческого вида, обладающего биологическими различиями, является основным фактором слепоты в вопросах социальной действительности. Половые различия сами по себе не могут стать причиной какой-либо социальной проблемы. Подобно тому, как дилемма в каждой частичке космоса не создает проблем ни для одного из существ, так и в существовании человека дилемма не может восприниматься как проблема. Ответ на вопрос: «Отчего существо дуалистично?» — может быть только философским. Онтологические (наука о бытии) исследования могут дать ответ на такой вопрос, это не проблема. Мой ответ таков: существо не может существовать иначе, чем в двойственной форме. Двойственность — это возможный способ существования. Даже если бы женщины и мужчины жили не так, как сейчас, а без пары (без супруга), все равно не спаслись бы от этой двойственности бытия. В этом и заключается явление, называемое дуполостью. Не стоит удивляться, но формирование постоянно склоняется к дуализму. Почву, которую ищут для доказательства универсального разума (Geist), можно найти в этой тенденции к дуалистичности. Обе стороны дилеммы ни хороши, ни плохи; они просто различны, должны различаться. Если дилемма становится

тождеством, то нет бытия. Например, усилиями двух женщин или двух мужчин нельзя решить проблему воспроизводства жизни. Следовательно, вопрос «почему женщина или мужчина?» не имеет никакой ценности, или же, если даже на этот вопрос будет найден ответ, он должен быть философским, в стиле «оттого, что именно так надлежит развиваться Вселенной».

Изучение женщины как концентрации социальных взаимоотношений по этой причине станет не просто осмысленным шагом, но получит большое значение с точки зрения разрешения социальных узлов. Поскольку мужчина получил иммунитет свободного взгляда, разрушение слепоты, имеющей место в отношении женщины, стало бы своего рода расщеплением атома. Отказ от этой слепоты требует больших интеллектуальных усилий и разрушения имиджа суверенного мужчины. Что касается женского фронта, то решение проблемы женщины, превращенной чуть ли не в способ существования, и, по сути, созданной в социальном аспекте, требует такого же разрушения сложившегося шаблонного стереотипа. Все разбитые мечты (нереализованность утопий, программ и принципов) в борьбе за свободу и равенство, демократической, нравственной, политической и классовой борьбе несут на себе отпечаток непогрешимости суверенитета мужчины, его власти. Взаимоотношения, становящиеся почвой для любого рода неравенства, рабства, деспотизма, фашизма и милитаризма, черпают свою силу именно в этой форме отношений. Если мы хотим обогатить такие термины, как «равенство», «свобода», «демократия», «социализм», еще и реалиями, которые не разрушат мечту, необходимо развязать и разрубить ту сеть взаимоотношений, которая сплетена вокруг женщины и стара, как взаимоотношения между обществом и природой. Кроме этого нет никакого иного пути, который приведет к реальной свободе, равенству (соответствующему различиям), демократии и нравственности, которая не будет двуличной.

Сексизм, начиная с формирования иерархии, был загружен смыслом авторитарной идеологии. Это очень тесно связано с классовым расслоением и формированием власти. Все археологические, антропологические и современные исследования и наблюдения свидетельствуют о том, что были периоды, когда

женщина являлась источником власти, и эти периоды длились довольно длительное время. Эта власть не была властью, построенной на прибавочном продукте, напротив, была властью, повышавшей производительность и рождаемость, усиливавшей социальную жизнедеятельность. Чувственное мышление, достигавшее у женщины большего эффекта, имеет тесные связи с этим бытием. Именно с этим статусом женщины связано то, что у нее отсутствовало четко определенная роль в войнах, развязанных для обладания прибавочным продуктом; способ ее социального существования был иным.

Исторические исследования и современные наблюдения открыто свидетельствуют о том, что мужчина сыграл передовую роль в развитии власти, связанной с иерархической и элитарной системой. Для этого необходимо было разрушить и преодолеть власть женщины, развивавшуюся вплоть до последней стадии неолитического общества. Опять же, исторические открытия и современные наблюдения подтверждают, что в связи с этим велась борьба, длительная и разнообразная по форме. В частности, шумерская мифология проливает свет на все эти факты в виде исторической памяти и социальной природы.

История цивилизации одновременно является историей утраты женщины. Это — история укрепления суверенитета мужчины в совокупности с богами и слугами, господами и двором, хозяйством, наукой и искусством. Стало быть, потеря и утрата женщины становится огромной потерей и утратой для общества. Сексистское общество становится итогом этой потери и утраты. Когда мужчина — сексист установил социальную власть над женщиной, он был настолько неумен в своих аппетитах, что любой естественный контакт с женщиной становился демонстрацией собственного суверенитета. Даже такое биологическое явление, как половой контакт, постоянно загружалось смысловыми оттенками власти. Мужчина никогда не забудет того, что установил половой контакт с женщиной под музыку победы. Сформировалась сильная привычка такого рода. Мужчина изобрел кучу высказываний — «поимел, трахнул, употребил, шлюха», «загрузи ее чрево плодом, а спину плугом», «уличная девка», «женоподобный юноша», «без мужика и дня

не проживет» и подобные бесчисленные выражения и поговорки. Вполне очевидно то, как властные отношения в половом аспекте обретают эффект в обществе. Даже сегодня является социологической реальностью то, как мужчина обладает бесчисленными правами в отношении женщины, включая так называемое «право на убийство». Эти «права» применяются ежедневно. Взаимоотношения в подавляющем своем большинстве носят характер насилия и агрессии.

В этой социальной связке семья была построена как маленькое государство мужчины. В истории цивилизации постоянное совершенствование института семьи действующим способом происходит по причине той великой мощи, которую она передала механизмам власти и государства. Во-первых, институализируясь в форме власти вокруг мужчины, семья превращается в клетку государственного общества. Во-вторых, мужчина обезопасил себя благодаря безграничному безвозмездному труду женщины. В-третьих, растит детей и способствует демографическому росту. В-четвертых, будучи моделью определенной роли, распространяет во всем обществе рабство, упадничество. Такое содержание понятие «семья», в сущности, несет в себе определенную идеологию. Это институт, обретший действенность благодаря идеологии династии. Каждый мужчина позиционирует себя в семье в качестве правителя определенного ханства. Эта идеология династичности лежит в основе восприятия семьи как очень значительной действительности. Чем больше женщин и детей в семье, тем больше уверенности и достоинства это придает мужчине. Очень важно считать семью в ее действующем состоянии неким идеологическим институтом. Если убрать женщину и детей из-под фундамента системы цивилизации, власти и государства в существующем виде, то там мало что останется. Но цена этого способа — это образ жизни женщины, обреченной на боль, бедность и вечные поражения в нескончаемой, вялотекущей, но постоянной войне. То, что финансовые монополии на протяжении всей истории цивилизации проделывают с обществом, сейчас параллельная, вторая цепь монополии воплотила в виде «мужской монополии» над миром женщины. Кроме того, это самая старая и сильная монополия. Если рассматривать существование

женщины как древнейшую колониальную зависимость, то это приведет к более реалистичным итогам. Может быть, правильное всего считать женщин самым древним колониальным народом, так и не ставшим нацией.

Современный капитализм, несмотря на все либеральные системы, не только не смог довести оставшийся издревле статус женщины до уровня свободы и равенства, но, загрузив ее дополнительными обязанностями, уготовил ей более тяжелый статус. Такие статусы, как самая низкооплачиваемая рабочая, домработница, бесплатная рабочая сила, мастерица на все руки, служанка, свидетельствуют об усугублении ее положения. Более того, эксплуатация в качестве инструмента рекламы усилила эксплуатацию женщины. Даже ее тело, став средством различной эксплуатации, воспринимается в качестве товара, от которого не откажется капитал. Женщина стала средством стимулирования рекламной индустрии. По сути, она является наиболее плодотворным представителем современного рабства. Разве можно представить себе товар, который и был бы инструментом безграничного удовольствия, и стоил намного дороже самого ценного раба?!

Проблема роста населения тесно связана с сексизмом, семьей и женщиной. Чем больше населения, тем больше капитала. Статус домохозяйки — это своего рода фабрика по производству населения. Также можно назвать фабрикой по производству наиболее необходимых ценных товаров, «плодов» для системы. К сожалению, под натиском монополистского суверенитета мужчины семья была загнана в рамки данного статуса. Если все трудности повешены на женщину, то стоимость товара становится самым ценным подарком системе. Возрастающее население скорее всех погубит именно женщину. Так происходит и в идеологии династии. Семейственность, являющаяся излюбленной идеологией наших дней, — это последняя стадия, которой достигла династия. Все эти обстоятельства в большинстве своем сливаются с идеологией национального государства, с излишком. Что может быть лучше, нежели постоянное воспитание детей для национального государства? Чем больше население национального государства, тем больше мощи, стало быть, под демографическим

взрывом кроются интересы четко организованных финансовых и мужских монополий. Тяжести, печали, клевета, боли, обвинения, бедность, голод — все это женщине, а легкий заработок — ее «господину» и капиталу. Ни одна историческая эпоха не продемонстрировала такую, как современность, силу и способности, которых было бы достаточно для использования женщины в качестве объекта многосторонней эксплуатации. Женщина, как первая и последняя колония, переживает наиболее судьбоносные мгновения своей истории.

Дело в том, что совместная жизнь с женщиной, организованная в соответствии с философией, исповедующей свободу, равенство и демократию, обладает способностью обеспечить красоту, доброту и правду на замечательном уровне. Лично я считаю жизнь с женщиной в существующем статусе не только очень проблематичной, но и дурной, недопустимой и ошибочной. Еще в годы детства существующий статус женщины воспринимался мной как совершенно неприемлемый и оскорбительный. Речь идет о жизни, которая будет подчинена инстинкту, столь же сильному, что и половой. Половой инстинкт определяется продолжением жизни. Это — чудо природы, которое должно обладать священным характером. Но монополия финансов и мужчин настолько изуродовало женщину, что это чудо природы превращено в такую структуру, как «фабрика плода», производящую столь же низкопробный товар. Общество, поставленное при помощи этого товара с ног на голову, под тяжестью проблем окружающей среды и населения переживает ежеминутный распад; сейчас население составляет шесть миллиардов, но если рост будет столь же быстрым, то в скором времени придется задуматься об окружающей среде при пятидесяти миллиардах. Безусловно, жизнь с женщиной, родившей тебе ребенка, по своей сути святое явление, доказательство вечности жизни. Это дает возможность ощутить бесконечность. Может ли быть что-либо ценнее этого? Любое живое существо испытывает при этом такое волнение, которое приобщает его к бесконечности. В частности, для современного человека данная ситуация выглядит, по выражению одного сказителя, следующим образом: «Плоды наши становятся нашей головной болью». Нельзя отрицать того, что

в очередной раз сталкиваемся с безнравственностью, уродством и ошибочностью монополии капитала и мужчины, противоречащей «первой» и «второй» природе.

То, что построено руками человека, может быть разрушено его же руками. В данном случае не действуют ни закон природы, ни какое-либо предписание. Речь идет о разложении монополий, ставших канцерогенным и генно-модифицированным пристанищем кампаний, «коварного и хитрого» человека. Я глубоко, в той мере, насколько это было возможно, осознал всю важность сознательной жизни гармоничной пары. Я осмелился на первое место в любых отношениях с женщиной значимость, прежде всего, общения, обсуждения того, где, когда и какое количество существует нарушений, а также проблемы их устранения. Безусловно, одним из краеугольных камней моего философского поиска является женщина — просто сильная, мыслящая, способная принять разумное, красивое и правильное решение, тем самым восхищая и покоряя меня, способная стать моим равным мне собеседником. Я поверил в то, что самые яркие и верные стороны жизненного потока Вселенной обретут рядом с такой женщиной свой смысл. Но, в отличие от многих мужчин, мои убеждения никогда не позволили бы мне идти по жизни вместе с товаром «мужчины и капитала», с Хурмузой, имевшей добрую сотню мужей. В таком случае понятие «феминология» (наука о женщине) может лучше, чем феминизм, служить поставленной цели.

8. Проблема урбанизация общества

Другое название цивилизации — это культуризация. По-арабски «цивилизация» звучит как «урбанизация». Проблемы, порожденные урбанизацией, ни количеством, ни значимостью не уступают проблемам экологического характера. Эта проблема сегодня в ряду основных источников угрозы. Что же привело город в такое состояние?

В прямом понимании формула «город-класс-государство» может иметь упрощенный характер. Но ведь это искажает глубину смысла и многосторонний характер проблемы! Человечество,

возводя города в таком же количестве, что и сельские поселения, считало, что это соответствует природе общества, и потому реализовывало это на практике. Город стоит во главе тех мест, где концентрируется социальное мышление. Город стимулирует мыслительные способности человека, выявляет их. Разум развивался в тесной связи с городом. Город — это то место, где человек понимает, на что он способен. Город приносит человеку уверенность, а человек, верящий в себя, мыслить более разумно. Мысль открывает путь к новым находкам, развивает методы и технику повышение производства. Испытавший все это человек считал город источником света и постоянно стремился в город. Развитие города вокруг храма связано с тем, что в свое время храм считался местом концентрации Божественного Разума и Духа. Общество скорее склонно находить и создавать в храмах разум и национальное самосознание. Все, что мы сказали, являются значимыми аргументами в пользу города.

Как и в любой действительности, другое лицо города продемонстрировало себя с самого рождения: это классовое расслоение и этатизация. Материальной основой классового расслоения, несомненно, является возрастающая производительность. Те из горожан, кто обладал развивающимся интеллектом, с помощью опыта научились тому, что путем увеличения численности населения и его эксплуатации на плодородных землях они смогут гораздо больше удовлетворять потребности людей в пропитании. Оставалось только систематизировать данное умозаключение. Система — это своего рода государство монопольного характера. Пусть и в масштабе города, но ясно, что эта новая система зародилась как аграрная монополия. В этом плане шумерские города раскрывают все достаточно очевидно. Ряд цивилизаций, таких, как Египет и Хараппа, зародились как аграрные монополии. Это были механизмы систематизации производства. Когда достаточное производство дошло до такого уровня, что могло предложить прибавочный продукт людям, численность которых вдвое больше работающих лиц, это означало зарождение материальной базы государства. Явление, называемое государством, — это, в сущности, те, кто живет за счет излишков производства. Гораздо правильнее было бы на-

звать государство организацией, собирающей излишки производства. Город стал благоприятным для этого местом. Такого рода связи в высшей степени сложно представить в структуре родоплеменного и сельского общества: сама структура рода и села не благоприятствует этому. Именно данная действительность лежит в основе факта зарождения государства в недрах города. Таким образом, человечество встречается в городе с явлением эксплуатации, втягиваясь в доселе совершенно незнакомую форму взаимоотношений. Новое искусство уже называется «государственность». Чем только не может овладеть тот, кто держит в своих руках этот рычаг! Оно стало воротами в мир огромных интересов. Даже раб в условиях государственной безработицы понял, что для него сейчас гораздо лучше и спокойнее. Говорить о том, что его труд полностью был насильственным, из-под палки, было бы преувеличением. Примерно такова повесть о рождении города.

Несмотря на ряд проблем (организация эксплуатации и сильных людей), ясно, что город стал революционным шагом в рациональном развитии общества. Аристотель считал, что идеальная численность населения города — это пять тысяч человек. Города в период своего зарождения имели именно такое население. Речь идет о новом составе людей. Человек уже вышел за рамки родоплеменного общества. Люди, приходящие в город из различных родоплеменных сообществ, связываются между собой узами, которые мы называем «городским гражданством». Появляются такие понятия, как «городской люд», «земляки-горожане», «городчане». Эти процессы свидетельствуют об обогащении общества. Город в этом виде становится инструментом развития. Он еще не является источником серьезных проблем. В Древнем мире, за некоторым исключением Вавилона и Рима, особо не наблюдается городов с демографическими проблемами. Благодаря социальному превосходству город постоянно повышает свою притягательность. Если шумерская модель разрасталась, как снежный ком, то Египет строил малые и самобытные города. По сути, Египет беспрецедентен в истории как полугородская и сельская цивилизация. Активное развитие получили торговля и ремесло. Структуры, формирующиеся в

комплексе дорог, архитектуры, спорта, искусства, дворцов вокруг храма, расширяются в направлении новых образований. Многие города строятся вокруг военных гарнизонов. В частности, римские гарнизоны представляли собой костяк городов. Историки свидетельствуют о том, что в тот период на десять сел приходился, по меньшей мере, один город, то есть между ними существовали симбиотические отношения (взаимная польза). Стало быть, тогда еще между городами и селами и не было никаких проблем.

Последний величественный город античности, Рим, возможно, заключал в своих недрах все проблемы эпохи. И это довело Рим до положения как самого величественного, так и самого проблематичного города цивилизации. Здесь можно было встретить все классы и сообщества (аристократию, рабов, легионеров, различные этнические и религиозные группы, различные расы). Старые классы и сообщества были представлены в виде осколков прошлого, а новые в виде эмбриона. С другой стороны можно было встретить различные формы нравственности, политики и управления. Здесь испытывались все формы монархий, республики и демократии (в масштабе всей империи). Можно было встретить все виды обломков и зачатков науки, искусства, философии и религий. Рим действительно был экуменическим, вселенским городом. Одним из значений поговорки о том, что все пути ведут в Рим, была именно эта действительность. Этот город был отражением апогея центральной цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет, и падение его было достойно величия. Две колоссальные силы, ставшие головной болью цивилизации, коими были беднейшие слои христианства и группы, все еще сохранявшие активную действенность своего этноса (называя их «варварами», мы попадаем в западную терминологию цивилизации), волнообразным натиском изнутри и извне положили конец существованию города. 476 г. н. э. — не только дата падения лишь города Рима, это история разложения, упадка и распада тридцатипятивековой древней и античной эпохи, символом которой был этот данный город.

Период, называемый Средневековьем, так никогда и не достиг уровня античной эпохи в отношении урбанизации. Сред-

невековые города с башнями и стенами были равномерными и очень небольшими. Средневековые города являлись своего рода логовом княжеств и удельных сюзеренов. Сконцентрированные вокруг города немногочисленные ремесленники и дворовые слуги несли в себе потенциал развития. Несмотря на то, что торговый класс осуществил первое ускорение в плане достижения роста и величия, трудно было встретить здесь такие городские постройки, способные сравниться с такими городами, оставшимися с прошлых эпох, как Рим, Александрия, Антиохия, Дара-Нусайбин, Урфа-Эдесса. Даже если они и обладали преимуществом в численности, то в плане архитектуры и функциональности (храм, театр, суд, агора, ипподром, амфитеатр, баня, канализация и другие общественные сооружения) даже не приблизились к величию старых городов. Средневековье — это то же, что и шатровая цивилизация и города, построенные на руинах Древнего мира и античности. Теперь уже город был далеко от статуса, позволяющего обладать преимуществом в сравнении с сельской местностью. Это были своего рода островки в океане формирования села. Несмотря на то, что в их структуре существовали противоречия, свойственные власти и классам, города не создавали проблему для окружающей среды. Система цивилизации постепенно загрязняла окружающую среду в целом, и причиной являлись финансовые монополии. Засоление земель было связано с аграрными монополиями. Такая ситуация продолжалась до конца XVIII века и усугубила все проблемы.

Настоящий кризис урбанизации стал очевидным в результате промышленного переворота, индустриализма XIX века. Это отнюдь не случайность и связано с антисоциальной природой индустриализма. Наиболее важная сторона города, порождающая проблемы с экологической точки зрения, — это диалектика, оторванная от окружающей среды. Село живет вместе с окружающей средой. Оно всем своим существованием обязано окружающей среде и знает, что является ее продуктом. Вместе с растительным и животным миром, разговаривая почти на языке окружающей среды, село продолжает свою жизнедеятельность. Сформировался общий язык — язык земледелия. Сам процесс

создания общества несет на себе отпечатки этого языка. В городе же положение прямо противоположное. Город постепенно отрывается от земледелия и окружающей среды. Он развивает новый язык — язык города. У него есть свой рационализм. Постепенно ослабевает связь города с разумностью окружающей среды. Городской язык связан с торговлей, ремеслом, промышленностью, финансовыми вопросами, являясь организацией их разума, науки, он и сам организован ими. Таково новое диалектическое развитие языка. Ясно, что в данном случае имеют место язык и мышление, загруженные противоречиями, отчуждением. Урбанизация того периода включает в себя акценты и культуру, представляющие древнее земледельческое общество и его распространенные кланы, родоплеменные союзы, народности и сельских жителей. В городе создавался специфический язык науки, искусства, религии и философии. Сформировались две основные категории классов — это аристократия и все прочие. Но понятия «горожанин» еще не обрело своей идентичности. Данная ситуация представляет собой нечто близкое продолжению всего общества.

XIX и XX столетия полностью нарушили исторический баланс. Несомненно, такое положение наступило не сразу. Вторичное возвышение городов Апеннинского полуострова в X—XVI вв. (Венеция, Генуя, Флоренция, Милан и другие) стало отражением переноса в XIII веке торговой революции в Европу через Италию. Итальянские города первенствовали в ходе этого процесса. В период Ренессанса они стремились заново возвыситься на наследии Рима. В самих городах и между ними имело место яростное соперничество. Происходил спор за первенство на новой стадии цивилизации. Вся прежняя жизнь ожила едва ли не заново, но новые условия повернули ход развития процессов. Новый Рим не мог быть создан путем подражания: урбанизация могла стать только бледной копией Рима. Не достигнет успехов ни централизованная монархия, ни опыт национального государства. Но бесспорным является то, что благодаря Ренессансу итальянские города в X—XVI вв. предводительствоваали в Европе. Они сыграли эту роль как в церковном аспекте (экуменический католицизм), так и в светской, секулярной тенденции.

Первый этап городской революции в Германии начался усилиями союза ганзейских городов (примерно 1250–1450 гг. н. э.), и осуществил свою торговую революцию. Второй период (1400 гг. н. э.) определялся мануфактурным этапом. Городская конфедерация развернула серьезную борьбу против централизации. Эта борьба и восстания, в которых сыграли роль многие группы крестьян и представители зарождающегося класса рабочих, в основном ремесленники, продолжалась около четырех столетий. После кровавого процесса эти первые опыты городских и сельских демократических союзов в силу различных причин (идеологических, организационных, лидерских) были побеждены тенденциями централизованной монархии и национального государства. Если бы это было не так, история Европы могла сложиться иначе. Сегодняшняя федеральная Германия переживает очень медленный поворот к этой древней модели после буржуазного национально-государственного фашизма, но в форме не демократической, а буржуазной конфедерации.

Настоящий фурор произвели города Англии и Голландии. В данном случае определенную роль сыграли тесные связи центров трех революций. Торговые, финансовые и промышленные перевороты достигли настоящей победы и апогея в Амстердаме и Лондоне. Городские общины обеих стран были легко подавлены. Население других городов и сел не так легко сдалось на милость центра и национального государства. Для этого были необходимы революции XVI и XVII вв. в Голландии и Англии. Лидирующими городами этого революционного процесса стали Амстердам в XVII и XVIII вв. и Лондон в XIX и XX вв. — оба города были центрами новой эпохи. Они управляли мировой централизованной цивилизацией, переживавшей великие перемены, оказались центрами гегемонистской силы. Активно разрастались как население, так и противоречия в этих городах. Настоящая канцерогенность структуры города начала проявляться именно в этот период. Эти зараженные структуры начали постепенно проникать во Францию, США, Восточную Европу, Россию, на Дальний Восток, в Латинскую Америку, на Ближний и Средний Восток и в Африку. XX век стал тем периодом, когда город однозначно завоевал историческое преимущество. Главную роль

в парадигматическом мире образа жизни сельской общины, насчитывающей двенадцать тысячелетий, вместе со старой цивилизацией взяла на себя капиталистическая городская парадигма. Город уже был не просто центром торговли, финансов и промышленности; он был также гегемонистским центром целого мировоззрения. Эта парадигма, обросшая такими структурами, как, в первую очередь, университеты и академии, больницы и тюрьмы, классы и бюрократия, вместо мировоззрения на почве древней эсхатологии (конец света) стремилась достичь суверенного статуса при помощи жестких позитивистских взглядов. По сути, позитивизм стал религией нового класса буржуазии, но считал более практичным и удачным позиционировать себя, надев маску «научности» и используя науку, значение которой чрезвычайно возросло.

Такая структура городов действительно было захвачено лапами социальной канцерогенности. Даже Аристотель не жаловал города с населением десять тысяч человек. Но что же такое город с населением сто тысяч, один миллион, пять миллионов, десять миллионов, пятнадцать миллионов, двадцать миллионов? Преследуется цель довести население городов даже до двадцати пяти миллионов! Разве это не является реальным ростом опухоли? Для того, чтобы просто обеспечить питанием такой город, можно в короткие сроки уничтожить среднего размера страну вместе с ее экологией. У такого роста нет никакой логики. Ясно, что это приведет к разрушению «первой природы» вместе с природой общества и города, и ничего более. Ни одна страна с ее экологией и населением не сможет длительное время нести на себе бремя такого роста городов. Реальной причиной разрушения окружающей среды является вот этот канцерогенный рост городов. Город уже завоевал, аннексировал, разрушает и почти превратил в колонию собственную страну вместе с ее народом. Новой колониальной силой стал город; это всемирные масштабы торговли в городах, монополии финансов и капитала, их базы в виде дворцов и плаз. Меры безопасности в этих плазах, которые даже в сравнение не могут идти с древними башнями и стенами, полностью подтверждают вышеупомянутые реалии.

Империализм и колониализм XXI столетия уже не за пределами стран, а внутри них самих. Колонизаторы уже не иностранцы, а, скорее всего, компании. Всемирный характер обрели не только монополии капитала; власть и государство достигли мировых масштабов. Даже деления мировой власти на внутреннюю и внешнюю не осталось. Уже никакого значения не имеет национальная принадлежность, все они стали партнерами. Не осталось никакого смысла дифференциации по военным, экономическим и культурным признакам. Общий язык у них английский, культура англо-саксонская, военная организация НАТО, международная организация ООН. Уже не один и не два, а несколько Нью-Йорков (гегемонистский центр США, в 1930-х годах очередь была передана Лондону) и Лондонов. Мы живем в эпоху городов общемирового масштаба. Города эпохи глобализации уничтожают раковыми клетками не только окружающую среду. Образ мышления и стиль жизни марсиан, скорее всего, казался бы менее удивительным и более открытым для мира. Благородство горожанина, которое, впрочем, не обнаруживает особого развития, устаревает, еще не родившись. Современность и мода своими демонстративными действиями пытаются скрыть свою истинную чудовищность. Настоящим варваром является город (фашизм, геноцид, безграничное уничтожение культуры, наконец, уничтожение общества). Различного рода отдельные варвары и группы, которых никак нельзя сравнить с варварами древности (я совсем не верю в то, что кочевые племена были варварами), уже базируются не в сельской местности, а в городе. Это — сами города, включающие в себя спортивных фанатиков, бессмысленные музыкальные группы на развлекательных вечеринках, смертоносную бюрократию и рыночных спекулянтов, людей, напроць лишенных принципов нравственности, и людей, превратившихся в роботов, сторонников виртуального общения, симулякров, общество, свихнувшееся на медиа.

Сейчас возведены «Вавилоны» современной эпохи (жаль Вавилона, потому что он до своего упадка еще сохранял благородство и сакральность, деградация имела ограниченный характер). Невозможно предугадать, каков будет конец. Все научные данные свидетельствуют о том, что наша планета не в состоянии

перенести тяжесть этого мира (уродливого мира, предающего самого себя, решительно настроенного уничтожить всю экологию). Если все снова вернется к сельской жизни, то и территории не хватит, погубят. Следует очень хорошо понять, что городское общество дошло до пропасти «уничтожения социума».

Не вызывает никаких сомнений то, что ответственность за такое положение города несут классовые власти и государственные структуры. Поразительные излишки в городах превратили их в безжалостных варваров, породили своего рода городские чудовища (новых левиафанов). Ясно, что за это не может нести ответственность все городское население и общество. Но лес рубят — щепки летят. Периферии, «новые христиане» городов вынуждены искать пути. Иначе города обречены на состояние, которое в тысячи раз хуже пожаров, которые устроят современные нероны, более опасные, нежели исторический Нерон. Необходимо задуматься о спасении городской красоты, нравственности и разума, сохранившихся, пусть даже в ограниченном виде. Любой социальный проект уже должен держать в центре своего внимания проблемы урбанистического происхождения, давно уже пришедшие в болезненное состояние. Ни в коем случае нельзя забывать о том, что все социальные и экологические проблемы необходимо решать только так. Не будем искать других причин упадка общества и всего мира, ведь уже сейчас проблем, зародившихся в городе, хватает с лихвой.

9. Классовые и бюрократические проблемы общества.

Те, кто смотрит на классы и бюрократию как на условия существования общества, могут игнорировать сам факт возникновения такого рода проблем. Можно выдвинуть идею о том, что возникают проблемы, возникшие в связи с классами и бюрократией, но сами не являющиеся проблемами существования. Необходимо осознать, что они являются проблемными образованиями, по меньшей мере, такими, как город. Как город, так и классы и бюрократия могли не создавать множество проблем на заре цивилизации. Приближаясь к современности, их проблем-

ные структуры обретают более конкретный облик. Но все же классовое расслоение и связанная с этим бюрократизация сами по себе являются проблемными явлениями; это вещи, которые необязательны с точки зрения социальной нравственности и политики. Общество длительное время сопротивлялось этим двум институтам не так легко восприняло их. Происходила жесткая борьба, и история полна повествований о ней.

Социальная природа в плане различий может содержать очень много изменений и форм, и это будет ясно в последующих главах, когда мы подробно остановимся на данном вопросе. Это нормальные процессы, соответствующие духу природы. Но как и некоторые ткани, которые не развились в мире животных и растений, поскольку не было необходимости в их развитии, совершенно бесполезны, на мой взгляд, крайние, консервативные и недееспособные классы и прослойки, растущие как снежный ком и проникающие в социальные ткани. Исключение — те, кто может сделать осмысленными разнообразие и различия в социальной природе человека, в том числе их неотъемлемой части — тех классов и прослоек (бюрократия тоже является прослойкой), чья дееспособность и функциональность имеют крайне ограниченный характер. Классовое развитие жрецов, аристократии и буржуазии, на протяжении длительного периода способствовавших усилению некоторых полезных сторон, может найти условное понимание. Но, как это было на протяжении всей истории цивилизации, с позиции социальной нравственности и политики невозможно с пониманием принять эти силы, являющиеся идеологическими, политическими, экономическими и военными гегемонами, — в силу их консервативного, крайне репрессивного и эксплуататорского характера. Такого рода противоречие является антагонистическим, потому что эти стороны классов и бюрократии сами по себе являются отрицанием социальной нравственности и политики. Условие, которое я выдвинул, очень важно. Возможно существование класса и бюрократии, обладающих особенностью нахождения различий, внося в это свой вклад. Например, невозможно считать полностью недейственным храм, созданный классом шумерских жрецов. Жрецы именно здесь заложили фундамент на-

уки, эффективного производства, урбанизации, религии, ремесел, системы. Класс жрецов сыграл аналогичную роль во многих культурных скачках. Условное принятие жрецов связано именно с этими положительными фактами. Но другая их особенность, выразившаяся в кастовости, бесполезности и чрезвычайном количественном росте, а также узаконении ими классового расслоения и появления бюрократии, является предметом споров и не может быть воспринята.

Аналогичные особенности характерны и для аристократии. Система, которую аристократы предложили для социального развития, внесла свой вклад в плодотворное производство, навыки управления, развитие искусства и науки. Принятие этого возможно. Но то, что они способствовали возникновению каст, сословности и монархий, превращению в деспотов, даже самоожествлению аристократии — болезнь, и не может быть принято. Социальная нравственность и политика находится в состоянии антагонистических противоречий с данными процессами. Следовательно, истинная нравственность и политика требуют развернуть победоносную борьбу против этого.

Все вышесказанное больше подходит для буржуазии. Этот класс и бюрократические механизмы в революционные периоды своего развития внесли определенный вклад в процесс социального развития. Торговля и оборотные средства (деньги и векселя), взятие ими в свои руки инициативы в развитии промышленности, периодическое обращение к опыту демократии, определенный вклад в развитие науки и искусства — вот их стороны, требующие определенного понимания. Но чрезвычайно консервативная структура буржуазии, на протяжении последних четырех столетий способствующей классовому расслоению и бюрократизации едва ли не больше, чем на протяжении всей истории классовой цивилизации и увеличению раковых клеток классовости и бюрократизации, гораздо больше и опаснее, нежели возникновение всех высших классов. Буржуазия и бюрократия, захватившие все пространство в истории классового расслоения, в моей парадигме считаются раковой опухолью. Социальная природа не может вынести груз такого рода классового расслоения и бюрократии. Если настойчиво хотят возложить

этот груз на шею социальной природы, то мой ответ будет таков: это фашизм. На мой взгляд, еще одним определением фашизма является реакция социальной природы на средний класс (совокупность буржуазии и бюрократии). Гораздо точнее было бы обратное. Фашизм — это то, что средний класс подразумевает под обществом. В данном случае мы утверждаем то, что общество и средний класс не могут двигаться вместе. Часть интеллигенции считает средний класс фундаментом республиканского строя и демократии. Такое представление является одной из лживых пропаганд либерализма. Средний класс — тот класс, который сыграл наиболее активную роль в отрицании республики и демократии. Роль других классов в данном случае ограничена. Более того, другие классы вообще не имели представления о фашизме. Даная роль среднего класса аналогична его роли в чрезмерном росте городов: это канцерогенный рост. Но ведь между ними есть тесная органическая связь, структурная связь! Подобно тому, как город получил эту болезнь вследствие увеличения среднего класса, так и города такого типа способствовали увеличению вышеупомянутого среднего класса.

Мировоззрение среднего класса — позитивистское. Данная классовая структура не видит ничего, кроме лишенных сути и глубины фактов, поверхностно придает формы тем или иным явлениям, а порой в угоду своим интересам попросту не желает замечать те или иные факты. Несмотря на то, что средний класс представляет свой позитивизм под маской «научности», это наиболее склонный к идолопоклонничеству класс во всей истории (количество памятников разрасталось буквально как снежный ком именно в период развития этого класса). На вид этот класс светский и мирской, но по своей сути наиболее религиозный. В данном случае его религиозность сводится к чрезмерной вере в «позитивизм» и мнение. Мы знаем, что позитивизм — отнюдь не целостность реалий. Светскость на словах в реальности превращается в бесстыдное представление обществу самых немислимых виртуальных проектов (своего рода проекты конца света), совершенно противоположных светскому мышлению. Средний класс — тот класс, который в мировом масштабе развивает экономические, политические, военные,

идеологические и научные монополии капитала. Следовательно, это — класс, в котором больше всех развит антагонизм по отношению к обществу. Свое противостояние обществу средний класс реализует двумя путями: в форме уничтожения общества и в форме геноцида. Уничтожение народа и общества по причине его родовой, расовой, религиозной принадлежности стало возможным в силу характера буржуазии как класса. Более ужасающим оказалось его стремление уничтожить общество, что реализуется двумя путями. Первый путь — проникание во все ячейки общества в виде милитаризма и войны на почве структуризации идеологии национального государства и власти. Это тотальная война, развернутая против общества объединившись друг с другом властью и государством. Буржуазия по своему опыту хорошо знает, что иными путями не сможет управлять обществом. Второй путь — акция, направленная на создание эйфорического виртуального общества вместо реального, что происходит на волне революции в сфере информации и коммуникаций, совершивших взрывной скачок во второй половине XX века. Точнее, это война, в которой ударную силу составляет медиативная бомбардировка. В последние пятьдесят лет успешно используется именно такая форма ведения войны. Когда место реальной социальной природы занимает эйфорическое, мнимое и бутафорское общество, это означает, что происходит уничтожение социума.

Я сторонник того, чтобы классы рабов, крепостных и рабочих, которые на протяжении истории цивилизации подвергались и подвергаются угнетению и эксплуатации, воспринимались по-другому. Субъективная и демократизационная роль такого классового расслоения очень ограничена, потому что все существо подчинено структуре и мышлению своего «господина». Это лишенное своей значимости приложение мировоззрение или продолжение хозяина. История не знает ни одного субъективного класса, низложившего господство своего хозяина. Данная ситуация отражает определенные реалии. Несмотря на угнетение и эксплуатацию, классовые интересы присутствуют в структуре общества, подобно ветви, прорастающей из ствола дерева. Как бы ни гнулась и ни ломалась ветвь, это не может повредить

ствол, а если даже повредит, то не слишком значительно. В этом плане называя общество рабским, крепостным, аристократическим, пролетарским или буржуазным, мы попадаем в капкан создания ошибочной терминологии. Социальная наука должна в этом плане развить целый ряд новых наименований и определений. Как невозможно описать дерево по одной его ветви, так невозможно и называть общество именем класса, родившегося в его недрах.

Более того, что гораздо важнее, субъективизация классов рабов, крепостных, рабочих, мелкой буржуазии, восхваление и наделение их важными революционными ролями, как это видно из истории социализма и анархизма, не является удачным, и я уверен в том, что в этом случае классам присваиваются ошибочные субъективные значения и революционные роли. Правильный взгляд заключается в том, чтобы выступать против любого классового расслоения. Может быть класс рабов, крепостных и рабочих, находясь еще на переходном этапе становления общества (оставаясь еще и крестьянами, и ремесленниками), играет положительную, субъективную, революционную роль. Но и здесь несомненно деградация, возникающая по мере устаревания и роста, привела к соглашательству с высшими классами и утрате активности.

Но важнее всего то, что мировоззрение, основанное на принципах свободы, равенства и демократии, не может положительно воспринять оба типа классового расслоения, субъективизации, придания самим себе моральной и политической значимости, за исключением смысла упомянутой мной дифференциации. Оно считает классовое расслоение противоречащим обеим сторонам социальной природы и борется с ним как с антиобщественным явлением. Реализация этого не потребует толкования в качестве законных и реальных общественных ценностей. Подобно тому, как невозможно считать опухолевые образования на теле нормальным явлением, социальные явления, происходящие перед нашими глазами, следует воспринимать также. Более того, угнетенные и эксплуатируемые классовые образования встроены при помощи силы власти и государства и гегемонистской идеологии. Мы можем только осуждать рабство, крепостную зависимость и

удел рабочих, реализованных при таких условиях. Говоря: «Да здравствует славный рабочий, крепостной, раб!», — мы объективно восхваляем и оправдываем силы гегемонистской власти. Такого рода толкования классов Марксом и его последователями стало основной причиной неудачи их учения. Возможно, высшие классы могут иметь определенный смысл до определенной степени, но поскольку классовое расслоение, осуществляемое кровью и потом, формируется путем идеологического убеждения, постоянно следует осуждать, не восхвалять, а выходить за упомянутые границы, и борьба во имя этого является наиболее правильной позицией. Данный тип, которому присваивается роль субъекта, хотя он таковым не является, роль революционера, хотя совершенно очевидно, что он не в состоянии совершить революцию, не сможет избежать поражения, как это явствует из многочисленных исторических примеров. Причина поражения заключается в неправильном понимании проблемы, а также в том, что классовому расслоению присваивается ошибочная роль. Социальная борьба нового периода, XXI столетия, может оказаться успешной по мере того, как откажется от этих серьезных ошибок.

Верно, что буржуазия усугубляет классовую проблему. Верно и то, что она довела до уровня власти все свои интересы в любых ячейках общества (довести до уровня власти — означает воевать с обществом), а также вступила в официальный союз с государством и сейчас переживает наиболее развитый период своей истории. Существует ряд примеров того, как буржуазия превращает в инструмент своих интересов многие социальные слои, в первую очередь, рабочих — за поощрения, под видом «участия в капитале». Можно в какой-то степени сказать, что она поглотила общество. Но, опять же, становится еще более ясным, что буржуазия является самым проблемным классом, тем классом, который даже делает общество еще более проблемным.

Правда, что на протяжении истории бюрократия всегда была инструментом структурного применения самостоятельными классами. Однако можно спокойно утверждать и другое: ближе к современности, в условиях национального государства она обрела гораздо большие масштабы, стала играть роль почти не-

зависимого класса, повысила значимость во власти и государстве и стала считать себя государством. Трудно отрицать и то, что бюрократия превратилась в такую преимущественную силу, которая заточила общество в «железную клетку» и, дотянувшись до всех социальных сфер (образование, здравоохранение, юстиция, транспорт, нравственность, политика, окружающая среда, наука, религия, искусство, экономика), укрепила свою роль. В современном капиталистическом обществе не только государственная бюрократия обнаглела до предела, но и почти весь монополистский мир по ее примеру стал выращивать собственную бюрократию, объясняя это тем, что «необходимо выйти из рамок семейных компаний и стать компаниями, управляемыми профессионалами». Чрезмерный рост бюрократии связан с этими новыми реалиями компаний. Можно назвать это своего рода «этатизацией» компаний. Действительно, в условиях, когда национальное государство уже не является прежней силой, а на повестке дня стоит вопрос строительства нового государства, приобщение всемирных и местных компаний к государственным масштабам развивается как господствующая тенденция.

Проблемы общества, зародившиеся в этих тисках, все еще актуальны. Это практически «сегодняшний день» всей истории. Если же сказать открыто, то данная пара, подобно осьминогу, держит в своих щупальцах традиционное общество, душит и поглощает его в своей утробе. Вывод, который можно из этого сделать, заключается в следующем: сейчас проходит судьбоносный процесс, а социальная свобода, равенство и демократия возможны только в границах системы, имеющей структуру демократической цивилизации, что можно установить только в борьбе за строительство при помощи исправленной науки.

10. Проблемы образования и здравоохранения в обществе

Если даже эта тема покажется излишней, тем не менее, очень важно осознать проблемы, способствовавшие переходу сфер образования и здравоохранения, как и науки, в лоно государствен-

ной монополии. Подобно тому, что наука, ставшая инструментом государства, оказывается самым эффективным оружием идеологической гегемонии, такой же характер обретают образование и здравоохранение, слившиеся воедино с властью.

Образование можно назвать усилиями, направленными на освоение членами общества, в частности, молодежью, теории и практики самого общества в виде знаний. Социализация детей происходит вместе с эффективностью образования в обществе. Образование детей является важнейшей задачей не власти и государства, а общества, потому что дети и молодежь принадлежат самому обществу. Жизненно важным вопросом является воспитание детей и молодежи в соответствии с традициями общества, особенностями социальной природы, возвращение их в свое лоно, что является как правом, так и обязанностью, поскольку это — проблема продолжения существования общества. Ни одно общество не может разделить с кем-либо другим или передать кому-то свое право на дальнейшее существование и обязанности в плане необходимого для этого образования молодежи. Даже если сила, о которой идет речь, будет представлена в виде государства или различных механизмов власти, все равно общество не может передать ему эти права и обязанности. В противном случае будет считаться, что общество уступило монополиям суверенитета. Священный характер права на образование обусловлен вопросом существования. Ни одна сила, включая родителей, не может быть столь близка к детям и молодежи, как общество, и не может, как они, испытывать потребность в этом. На протяжении всей истории цивилизаций одна из самых больших противоположностей общества имела место тогда, когда оно лишалось детей и молодежи. Эти деяния осуществляются двумя путями: или, уничтожив старших, поработают детей, или же забирают детей под предлогом образования, чтобы вынести им оценку на ярусе власти.

Одной из важнейших целей войн является ассимиляция этими двумя путями детей, девушек и молодых мужчин, являющихся самым ценным трофеем. В дальнейшем уже формируются очаги создания собственных копий. Так была заложена основа примитивной бюрократии, и с этой точки зрения история цивили-

зации является акцией ослабления общества, с одной стороны, и формирования мощи бюрократических механизмов, с другой. Задача заключается в формировании общества в противовес существующему, формировании общества власти и государства, противостоящего естественному социуму. В процессе такого формирования детей и молодежь, оторванных от своих корней, заставляют принять иной язык, культуру и историю. Отчуждение от собственной сути является основной задачей. Жизнь без власти представляется невозможной. Людям прививается наиболее этатическая идентичность, выраженная как идеологически, так и материально. Государство и власть преподносятся им как единственный действенный путь к существованию. Эти клонированные прослойки уже считают себя государством и властью, и таким образом вступают в противоречие с естественным обществом. Порой отождествляют общество государства с социальной природой. Это ошибочно, противоречиво. История цивилизации возведена на этом противоречии. Данные исторические реалии лежат в основе процесса аннексии властью системы образования, иначе она не стала бы заботиться о просвещении общества. Как капиталист обучает своих рабочих, так и власть обучает своих подчиненных в соответствии с той же логикой создавая своих слуг-работников. Хоть прослойка и называется бюрократией, но все ее члены, от низшего до высшего звена, воспитаны как слуги.

В частности, власти национального государства создают свои монополии в отношении детей и молодежи общества сначала с помощью образования. Люди, попавшие под влияние исторического и эстетического мироощущения, религиозного и философского мышления властей, уже не принадлежат своим прежним семьям, а становятся детьми, собственностью и товаром властей. Так закладывается структура важнейшего процесса отчуждения. Буржуазия является тем классом, который строит самую жесткую монополию образования в отношении всего общества. Сделав обязательным начальное и среднее образование, напомнив тем, кто ищет работу, об университетском дипломе, она как бы затягивает в тиски отчуждения и зависимости всю молодежь общества, запирает ее в клетках. Сила, материальный достаток и

образование — это орудия, при наличии которых общество вряд ли может сопротивляться колонизации.

Таким образом можно спокойно уяснить, что на протяжении всей истории цивилизации общество больше всех пострадало в войне, развернутой против него государством и властью при помощи инструментов образования. Самым труднодостижимым правом является право общества на образование. Процесс обеспечения существования общества в противовес гигантским силам национального государства и экономических монополий вступил при помощи образования в самый сложный период истории. Идеологическая гегемония, развернув благодаря последнему перевороту в коммуникациях информационную войну против всего общества (в силу того, что колонизация продолжается, может быть, более жестоко, чем в военном или экономическом отношениях), развивает более успешный культурный неокOLONIALИзм. Единственным путем к свободе и освобождению является борьба, которая должна вестись с помощью основных средств существования общества — ее нравственности и политики. Общество, утратившее свою молодежь, или, наоборот, молодое поколение, потерявшее свое общество, считаются не только побежденными, но и, предав его, теряют право на существование. Следующим этапом становится процесс загнивания, разрушения и исчезновения. Основной социальной задачей, которую необходимо выполнить в противовес этому, оказывается развитие собственных образовательных учреждений, являющихся инструментом продолжения бытия. В содержательном плане необходимо отделить научное, философское, эстетическое, лингвистическое воззрения от слившейся структуры наука-власть. Надо победить в революции смысла — в противном случае невозможно будет придать функциональность нравственным и политическим тканям социального бытия.

Таким образом, проблема образования, по своей сути, делает обязательными нравственные и политические структуры общества, а задачей нравственности и политики является, в основном, реализация социального образования. Общество, не занимающееся собственным образованием, не только лишается возможности развивать и поддерживать свою нравственность и

политическую структуру, но и постоянно испытывает опасность; ему не избежать разложения и разрушения.

Проблема здоровья общества также является очень деликатной темой. Она имеет столь же серьезное значение, как и образование. База, бытие и свобода общества, не способного собственными усилиями сохранить здоровье, или находятся под угрозой, или полностью утрачены.

Здоровье является показателем общего состояния социума. Общество, способное решить проблемы своего физического и духовного здоровья, получает возможность обретения свободы. Распространенная болезнь колониальных обществ связана с режимом при котором они живут. Создание собственных учреждений здравоохранения и воспитание собственных специалистов должно восприниматься как основная задача общества. Если власть и государство отнимают у общества выше названную задачу и монополизируют данную сферу, это становится большим ударом по здоровью общества. Борьба за право заботиться о собственном здоровье является важным шагом в плане самоуважения и свободы.

Современный капитализм считает жизненно важным придание сфере образования и здравоохранения национально-государственного характера. Без взятия под свой контроль этих двух сфер, с которыми связаны вопросы существования, здорового и просвещенного развития общества, без построения на этой почве монополистской власти им крайне тяжело будет продолжить свое господство и эксплуатацию. Зная о том, что просто голой милитаристской силой невозможно установить господство над обществом, монополии считают очень важными для себя установление контроля над структурами образования и здравоохранения.

Мы в очередной раз видим, что в основе всех проблем существования общества лежат монополистическое государство и власть. Тандем прибыли-капитала не может дальше существовать без этой монополии власти. В ответ на это ни одна проблема общества не найдет кардинального решения вне системной борьбы демократической цивилизации.

11. Проблема милитаризма в обществе

Милитаризм можно назвать наиболее развитым антиобщественным монополизмом. Можно предположить, что это результат действия аналитического ума и действий «сильного и коварного человека», привыкшего охотиться — результат первых усилий, направленных на создание власти с целью угнетения и эксплуатации социальной природы. Тот, у кого достаточно силы, как правило, пытается установить свою власть над двумя основными группами: над группой охотников, находящихся рядом с ним, и над женщиной, которую старается заключить в стенах дома. Этот процесс позволяет наблюдать, как под различными формами во многих обществах формируется первая иерархическая власть с участием таких факторов, как шаманизм (прото-жрецы) и геронтократия (группа пожилых членов общества). Вместе с переходом к истории цивилизации наблюдается и то, как «сильный и коварный человек», будучи властью, обретающей официальный характер, пытается структурироваться в качестве военной ветви государства (первая монополизация, в отношении экономики основанная на аннексии прибавочного продукта). Эти процессы отражаются в деятельности I, II и III династий Ур, что имело место вслед за эпохой шумерских жрецов-правителей. Такие реалии отмечены во многих обществах. Даже в эпосе о Гильгамеше можно шаг за шагом проследить то, как царство откровенно узурпируется и отнимается из рук богини Инанны (традиция женщины-богини и жрицы) посредством постепенного ослабления и заточения жрицы в стенах дома (как частного, так и публичного).

Если считать Гильгамеша символом первого в истории полководца, можно будет гораздо лучше разобраться в формировании военно-милитаристской традиции. Все дела заключались в походах, целью которых была охота на людей для удовлетворения потребностей города в труде рабов, и объектом охоты становились племена (Хумбаба), которых называли дикими варварами (проживали они на севере нынешнего Ирака и брались в плен при помощи приспешника Энкиду, упоминаемого в эпосе о Гильгамеше). Совершенно ясно, что источником настоящего варвар-

ства и дикости является насилие, исходящее от города. Выражение «варвар», укоренившееся в греческой культурной традиции, получило свое развитие как искажение, ложная пропаганда, источником которой являлся город. Целью было достижение идеологического превосходства. Ясно, что племена, которые просто — на просто слабее и организованы хуже, чем город, не могут считаться варварскими в упоминавшемся смысле. Понятие «варварство» является одним из ярких примеров лжи и искажений в истории цивилизации. Второй обязанностью силового фактора города является безопасность. Для этого чаще всего прибегают к такому методу, как возведение крепостей и стен и постоянное изобретение более мощного оружия. Акцентирование внимания на том, что в этих целях миллионы людей превращались в рабов, крепостных, батраков, а тех, кто не хотел принять такой статус, попросту уничтожали, причем все это рассматривалось как история, стало таким реалистическим подходом, который невозможно проигнорировать.

Военная ветвь общества пропорционально своей мощи отделяет для себя самую большую часть в процессе роста экономических ценностей. Эти реалии очень ярко подтверждаются традиционными для истории походами с целью добычи трофеев. Более того, очевидно, что в основе государства лежит собственность, в основе собственности — военные завоевания и аннексия. Завоеватель считается хозяином. Он рассматривает и объявляет этот принцип своим естественным и неотъемлемым правом. Государство — это совокупность собственности, в первую очередь, земля, и трофеев (движимого имущества), которые завоевываются силами власти. Например, принцип «все османские мамелюкства (вся собственность) принадлежат падишаху» означает ничто иное, как продолжение этой первой и главенствующей традиции, являющейся выражением взаимоотношений между государством и военными завоеваниями. Традиция установлена именно таким образом и продолжалась в каждом государственном строительстве, под нее подводилась определенная правовая база. По этой причине военная прослойка, считая себя основным владельцем государства, следовательно, собственности, постоянно помнит об исторической традиции. То, что армия превратилась в самую

сильную монополистскую ветвь, обусловлено природой власти и государства. Впрочем, сила власти и оружия, сконцентрированная в руках армии, способна спокойно обеспечить это. То, что усилия, периодически предпринимаемые партикулярной бюрократией в целях увеличения собственной доли (монополии), завершаются военным переворотом, может быть гораздо лучше воспринято в свете этих фундаментальных истин. Несомненно, в процессе учреждения государства незаменимую роль сыграли идеологическая и бюрократическая монополии, называемые «классом науки и пера». Но их роль не столь определяющая, как у армии. Даже самое поверхностное исследование механизмов власти и государства в истории и современности подтверждает эту истину.

Первым из действительно важнейших, с точки зрения нашей темы, вопросов является то, что армия — это самая развитая и определяющая монополия. Воины и армия сражаются совсем не ради славы, чести и героизма, как это представляет идеология — это всего лишь идеологическая пропаганда, развиваемая в целях маскировки и искажения сути. Воины и армия существуют в форме незаменимого фактора монополии власти. Армия по своей сущности имеет экономический характер. Армия — это такая монополия, которая основана на экономике, стоит над экономикой и вдали от нее, но гарантирует прибыль (зарплату). Против армии очень сложно выступить, а все остальные монополистские слои просто вынуждены идти с ней на соглашение и делиться прибылью. В процессе своего исторического формирования и развития армия была именно такой структурной традицией и монополией. Это монополия класса и бюрократии, теснее всего связанная с экономическим развитием, но желающая держаться дальше всех от этого. В вышеупомянутом смысле она как бы максимально удалена от общества. Точнее, это монополистская прослойка, оснастившая себя наилучшим экономическим и боевым оружием и ставшая неуязвимой. Без точного анализа армии невозможно правильно воспринимать ни экономический монополизм, ни монополизм государства и власти. Все три монополии — единое целое, обладают аналогичной сутью, питаются прибавочным продуктом общества и считают, что в ответ на это

обеспечивают безопасность, образование, здравоохранение и рентабельность общества. Идеология государственности, идеологическое государство позиционирует себя именно таким образом. Но истина — несколько иного рода, именно такова, как мы ее изложили.

Поскольку наращивание военной мощи и милитаризм являются наиболее организованными ветвями капитала и власти, они, вполне естественно, представляют собой институт, в наибольшей степени тяготеющий к установлению господства над обществом и заключению его в железную клетку. Несмотря на то, что в истории и практике государств милитаризм в целом является силой, постоянно проникающей в общество, контролирующей его и властвующей над ним, максимального своего уровня он достиг в эпоху среднего класса (буржуазии), в эпоху монополии национального государства. В условиях национального государства в качестве определяющей особенности перед нами предстает следующая картина: от имени армии официально все общество обезоруживается, и единственная монополия на оружие переходит к государству-армии. Ни в один из периодов истории общество не было обезоружено так, как это сделал класс буржуазии. Причина этих крайне важных реалий заключается в усилении эксплуатации и нарастающей волне ответной борьбы. Если не разоружать общество основательно и постоянно, невозможно управлять им, протискивая щупальца власти во все его ячейки и установив тотальное наблюдение. Практически действует принцип: с обществом не справиться до тех пор, пока не заточить его в «железную клетку» современности. Более того, над обществом невозможно властвовать до тех пор, пока оно не будет захвачено и окружено информационной армией эпохи транснациональных финансовых монополий. Масштабы эксплуататорских монополий проецируются на процесс формирования монополий идеологически-информационных и бюрократически-военных. Характер этих взаимоопределяющих друг друга монополий определен скрепляющими их неразрывными узлами. Преимущество последней крупной централизованной цивилизации, супер-гегемона и прочих региональных гегемоний, а также местных соглашателей над прочими монополиями

вооруженного индустриального капитала, основанного на милитаризме внутри общества, обусловлено сутью этих исторических и современных позиций. Отождествление милитаризма с фашизмом капиталистической монополии обретает смысл в этой истине.

Конечно же, все естественное общество и все иные общественные формации, существовавшие на протяжении истории, активно оборонялись перед угрозой милитаристского развития цивилизации. Традиция, называемая самозащитой, в процессе своего развития на протяжении тысячелетий обретала структуры в различных восстаниях, мятежах, партизанском движении и в отрядах народной обороны. Известны масштабные оборонительные войны. Безусловно, оборонительные войны не могут быть отождествлены с войнами, развязанными милитаристскими монополиями. Между ними есть разница в содержании, сущности. В одном случае речь идет об антиобщественной, колонизаторской войне, уничтожающей и разлагающей, в другом мы ясно видим социальный характер войны, защищающей общество, предоставляющей свободу развития нравственных и политических способностей. Демократическая цивилизация — защита и оборона общества от милитаризма централизованной цивилизации с помощью систематизации процесса самообороны.

12. Проблемы мира и демократии в обществе

В предыдущих одиннадцати разделах я постарался в виде коротких определений отразить социальные проблемы и социальную природу. Любая парадигма и социальная наука могут иметь значение только в том случае, если будет сделан анализ и найдены ответы на основе этих определений. В противном случае нет никаких отличий от либеральных и традиционалистских риторик (искусство слова, скрывающее саму суть доминирования). Общий итог, которого я достиг, заключается в том, что в основе социальных проблем лежат объединенное влияние, доминирующая роль и колониальная политика монополий гнета и эксплуатации, в целом эксплуатирующих социальную природу (существование

общества) и, в частности, экономические возможности, производящие прибавочную стоимость. Более того, речь идет о том, что это очень хитрые проблемы. Источниками проблем не являются ни природа (первичная природа), ни какой-либо иной социальный фактор (вторичная природа).

Без социальной нравственности и политики, которые, как факторы существования, обрастают тканью, чтобы вести дела общества в общем, коллективном смысле, социум не сможет продолжать свое существование. Нормальное состояние общества и его существование невозможны вне нравственности и политики. Если собственная нравственная и политическая ткань общества не развита или испорчена, искажена и парализована, то можно говорить о том, что такое общество будет аннексировано и колонизировано различными монополиями в виде капитала, власти и государства. Но продолжение существования в такой форме является отчуждением и предательством, совершенным против себя самого; это переход в стадное состояние, превращение в вещь, собственность под господством монополий. Общество в таком состоянии утратило или свою истинную природу, или естественно-природные способности, или просто зачерствело. Оно колонизировано или, что еще хуже, превращено в предмет собственности, обречено на разложение и исчезновение. В истории и современности есть множество обществ, соответствующих подобному определению. Разложившихся и уничтоженных во много раз больше чем тех, кто сумел выжить.

Если социум оказывается в такой ситуации, когда не может сформировать и задействовать нравственные и политические структуры, необходимые для продолжения жизнедеятельности, это означает, что оно попало в пасть Молоха гнета и эксплуатации. Это состояние является «состоянием войны». Историю можно назвать «состоянием войны» цивилизаций против общества, когда бездействуют нравственность и политика. Единственное, что остается обществу, — это самооборона. Состояние войны — это отсутствие мира, стало быть, мир может обрести смысл только на основе самообороны. Мир без самообороны может быть выражением капитуляции и рабства. Мир без самообороны, игра, называемая демократическим миром, согласи-

ем, навязываемые сегодня народам и обществам, — это ничто иное, как маскировка одностороннего суверенитета класса буржуазии, осуществляемого в вооруженном до зубов состоянии, то есть замаскированное состояние войны. Определение мира в такой форме предстает перед нами как самое большое деяние идеологической гегемонии капитала. В истории это выражено в различной форме под именем «понятий, возведенных до уровня святости». Религии, в особенности, религии эпохи цивилизации полны такого рода понятий.

Мир может обрести свой истинный смысл только тогда, когда будет защищено и прочно развито право общества на самооборону, следовательно, его нравственный и политический характер. Определение мира, которым, в частности, серьезно занимался Мишель Фуко, может обрести социальное выражение лишь в такой приемлемой форме. Любой другой смысл, кроме этого, приведет к тому, что мир окажется капканом для всех народов и обществ и станет маскировкой состояния войны. Слово «мир» в условиях современного капитализма является выражением, изобилующим ловушками. Использование без точного определения чревато большой опасностью. Если еще раз вернуться к определению, то получается, что мир — это ни полное отсутствие состояния войны, ни ситуация стабильности и отсутствия войны, наступающая в случае превосходства одной стороны. У мира существуют лишь две стороны, несомненного превосходства одной стороны над другой нет и не должно быть. Третье условие — необходимость прекращения огня на основе согласия с нравственной и политической функциональностью общества. Три вышеназванных условия, являясь важнейшими принципами, образуют фундамент мира. Реальный мир не может иметь смысла, если не будет основан на этих принципах.

Если несколько раскрыть эти три условия, то получится следующее: первое условие заключается в том, что полное обезоруживание сторон не предусмотрено. Какими бы ни были их утверждения, но стороны попросту заключают взаимные соглашения о том, что не будут угрожать друг другу оружием. Нет погони за вооруженным преимуществом. Стороны принимают в качестве условия уважения к правам, касающимся взаимной

безопасности. Второе: нет речи об окончательном преимуществе одной стороны над другой. Возможно, будет стабильность, спокойствие, обеспечиваемое оружием, но такая ситуация не может считаться миром. Вопрос мира может оказаться на повестке дня в том случае, если взаимно принимается решение о прекращении войны без обеспечения собственного преимущества (вооруженного) одной из сторон независимо от того, права, или нет. Третье условие заключается в том, чтобы стороны при решении проблем проявляли уважение к структуре общественной нравственности (совести) и социальной политики — опять же, независимо от их позиций, общества или власти. Условие, называемое «политическим решением», можно установить в этих границах. Прекращение огня, не содержащее политическое и нравственное решение, не может считаться миром.

В свете этих принципиальных условий достижения мира демократическая политика оказывается на повестке дня, обретая непреходящее значение. Процесс, естественно возникающий при действительности нравственных и политических структур общества, называется процессом демократической политики. Круги, надеющиеся на мир, знают, что мир можно обеспечить только в том случае, если политика сыграет свою роль на нравственной основе. Для мира необходимо, чтобы как минимум одна из сторон придерживалась демократической политики. В противном случае все, что будет сделано, окажется «игрой в мир», сыгранной от имени монополий. В данном случае жизненно важную роль может сыграть демократическая политика. В борьбе против сил власти и государства только силы демократической политики могут обеспечить существенный мирный процесс на почве диалога. Все, выходящее за эти рамки, будет происходить в виде взаимного временного прекращения огня сторонниками войны (монополиями). Существуют понятие усталости от войны, логистические и экономические трудности. В случае преодоления этих трудностей война продолжается до тех пор, пока одна из сторон не достигнет полного превосходства над другой. Такие процессы нельзя назвать мирным процессом, это можно рассматривать лишь как прекращение огня перед началом более масштабных боевых действий. Для того, чтобы прекращение огня

привело к миру, принципиальное значение имеет то, насколько оно способствовало к установлению мира, было связано с перечисленными нами тремя условиями.

В ходе войны могут иметь место такие случаи, когда обороняющаяся сторона (справедливая) обретает окончательное преимущество. Даже в этом случае три условия мира остаются неизменными. Как видно на примере стран социализма и многих справедливых национально-освободительных движений, не может считаться миром постоянное стремление к собственной власти и государству, обеспечение стабильности во имя этой власти и государства. В таком случае вместо чужеземной силы (монополистской) утверждается власть местной силы (государственный капитализм или прослойка, называемая «национальной буржуазией»). Даже если назвать власть социальной, социологические реалии от этого не поменяются. Мир принципиально не является таким явлением, которого можно достичь путем превосходства во власти или государстве. До тех пор, пока власть и государство не разделят свое преимущество с демократическими силами, под какими именами бы они ни выступали (буржуазии, социалистов, национальных, не национальных сил — это не имеет значения), вопрос мира не будет стоять на повестке дня. В конечном счете, мир — это условное согласие демократии и государства. На протяжении истории повествования о таком согласии занимают много времени и места. Это было испытано в разных условиях и в разные сроки. Есть и процессы, имеющие принципиальный и длительный характер. Но есть и такие, которые распадаются еще до создания более сложных. Общества не могут состоять только из сил власти и государства. Как бы ни сужалось их пространство, до тех пор, пока не будут полностью уничтожены, они могут продолжать жизнедеятельность в рамках собственной нравственной и политической идентичности. Возможно, эта истина и есть настоящее состояние жизни, не написанное в истории.

Восприятие общества не как антологии повествований о власти и государстве, а, напротив, восприятие общества как определяющей природы может внести вклад в формирование более реалистической социальной науки. Как бы велики и богаты ни были

власти и государства, монополии капитала (сказка о фараоне и Каруне) или как бы чудовищно ни разрастались они, подобно современным (новым левиафанам), им никогда не удастся ликвидировать общество, потому что именно общество, в конечном счете, определяет их. Определяемые никогда не смогут занять место тех, кто их определяет. Даже самая яростная сила информационной пропаганды власти (как в наши дни) не сможет замаскировать эту истину. Это — самые глупые и жалкие силы, завернувшиеся в одеяния монстра. В противовес этому человеческое общество постоянно, с момента своего зарождения по настоящее время, остается наиболее величественным созданием природы.

Система демократической цивилизации, как в своем историческом, так и современном состоянии, будучи системой толкования общества в пределах основной парадигмы, обогащения его научными знаниями и реконструкции, станет предметом последующей части данного труда.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИСТЕМЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С тех пор, как я помню себя, сомнение не покидает меня, как некий призрак. Это состояние порой обретало болезненный характер. Когда некоторые мои догматические верования поддавались сомнениям, я чувствовал себя самым слабым человеком. Имело место самое безнадежное состояние. Даже в тех вопросах, где не могло быть никакой серьезной защиты, возможно, наибольшим вкладом постоянно дающей о себе знать недоверчивости в формирование моей личности стало понимание того, что мне нелегко будет обрести истину. Я уверен, что все, что я превращал в проблему, вплоть до своих инстинктов, давало мне силы оторваться от догматического стиля мышления, и по сей день сильного в общественной традиции Ближнего и Среднего Востока. В конечном счете, то, что европейский гегемонистский стиль мышления до сих пор остается влиятельным как в модернистском позитивистском догматизме, так и в мировоззрении постмодерна, свидетельствует о важности темы. Сравнивая основанное на вере мировоззрение Востока с интеллектуальной силой основанного на познании мировоззрения Запада, я старался определить свое место в этом ряду. Ясно, что я не смог увидеть себя ни здесь, ни там. Совершенно ясно, что эти особенности моего мышления способствовали тому, что моя жизнь с каждым днем продолжала углублять этот разрыв.

Ни мировоззрение, основанное на вере, ни мировоззрение, основанное на познании, меня отнюдь не удовлетворили. Прежде всего, я согласен с тем, что данные типы мировоззрения

несут серьезную ответственность за разрастание социальной проблемы. Это выдвигает необходимость критических позиций в отношении систематики веры Востока и систематики рационализма Запада, что придавало мне в этом вопросе определенную смелость.

Вторая особенность заключалась в том, что мое пробуждающееся сознание совершенно не было оторвано от моих практических действий. В этом плане в моей личности очень рано проявилось стремление делиться. Еще в те времена, когда пешком ходил в начальную школу в соседнее село Джибин, возникали вопросы, почему я, используя несколько заученных молитв, стремился стать имамом для небольшой группы учащихся. Это было похоже на игру, но я относился к этому серьезно. Считаю, что в основе было стремление разделить со всеми благоговение в отношении молитв, которые я с трудом выучил, и стало быть, уважение к тому, что я начал мыслить. Все, чему ты с трудом научился, очень важно, так обязательно поделись с другими! Возможно, в данном случае я познал серьезный принцип нравственности. Поскольку в предыдущих томах своей Защитной речи я вкратце поведал о том, как первые рассветы современной эпохи ударили мне в лицо, не буду повторяться. Познав разумом, что разрушительная сила яростной погони в великом марафоне мышления — это ничто иное, как современный капитализм, я остановился. Теперь уже стремление растерзать божков последних четырех столетий (капиталистической мировой системы), как ни странно, переполнило меня радостью и силой, такой, какая, вероятно, переполняла крушившего идолов пророка Авраама из Урфы. Я уже мог спокойно контролировать свою недоверчивость и общаться с искомыми мной «истинами» в свое полное удовольствие.

Человечество оказалось слабее всех. Очень больно, что его историческая встреча с истиной была снижена до инстинктивного уровня. Сегодня, вероятно, нет ни одной личности, не отступившей от своих убеждений за деньги или благополучие семьи. Я не говорю, что отрицаю это явление. Я просто хочу подчеркнуть ущербность такого шага, как уход в себя, в самое рациональное мышление, выдаваемое за философию. Таков мир, по-

даренный божеством национального государства своим счастливым слугам. Можно ли отрицать то, что мы живем в чудовищно суженном мире? Лично я считаю, что жизнь с верой в божество самых древних эпох в тысячу раз более священна и осмысленна, нежели жизнь под властью современного божества национального государства. Безусловно, я понимаю, что говорю о внутренне опустошенном божестве финансового монополизма. Но я уже с болью воспринимаю то, что люди, испытавшие на себе самый жестокий удар этого божества, продолжают оставаться под его влиянием и даже не задумываются о выходе. Я очень хорошо понимаю, что такое состояние является обычным для человечества. Трагические аспекты ситуации выявляются на фоне того, что наиболее жестоким отражением такой ситуации стал геноцид еврейского народа. Жаль, что повесть о племени иудейском сыграла значительную роль как в формировании единой ситуации, так и в постоянных жертвоприношениях, как в поговорке: «Что посеешь, то и пожнешь». Я не сомневаюсь в гегемонистском характере силы еврейского мышления. Я отнюдь не отрицаю и не принижаю степень отражения этого мышления в моей личности, от заучивания молитв до крушения идолов. Но даже пережитый евреями Холокост говорит о том, что они должны крайне серьезно, как у Адорно, спросить о многом самих себя. Имея в виду то влияние, которое испытал я лично, и, преследуя цель выплаты хотя бы части этого долга, я попытался задуматься о системе демократической цивилизации.

В этом смысле мы авраамистичны. Но присутствие наследия зороастризма придает силу такому фактору, как возможность различного истолкования. Господствующее мировоззрение в форме повествований истории о цивилизации подверглось серьезному кризису. Общепринятым является мнение о том, что развитие государства и власти будет представлено в качестве официальной истории, но не станет общественной историей. Представление истории как процесса становления государства и власти служит интересам монополии капитала, но является лишь его поверхностным, символическим отражением. Именно это делает историю нудной и не соответствующей традициям общества. Ясно, что такая история, являющаяся по своей сути

антиобщественной, будучи традицией, продиктованной своей же собственной структурой, не только не выразит чаяний общества, но, более того, затемнит ее и подвергнет ряду искажений. Повествования о династиях являются аналогией такой историографии. Уровни представления интересов общества, пояснения, касающиеся религиозной истории, в частности, касающиеся начала эпохи цивилизации, оказываются историей государства и власти.

Классовые и экономические взгляды на историю, пусть и с иной точки зрения, но напоминают историю государства тем, что раскрывают эту науку в отрыве от социальной действительности и принижают ее. Частично позитивистская точка зрения не может изложить смысл даже так, как это делает история религий. Насколько бы ни противоречили друг другу все эти исторические исследования, они совпадают в одной точке, а именно в своей принадлежности к цивилизации.

Я не считаю, что социальная природа обретает смысл и парадигматический, и эмпирический. Летописи, называемые историей общества, — это раздробленные части позитивистской социологии, неспособные пойти дальше изображения лишь одного фрагмента тела.

Все данные определения можно раскрывать очень и очень подробно. Но они не являются предметом нашего разговора.

Концентрация внимания на истории как повествовании о демократической цивилизации, даже часто повторяемая, имеет место по той причине, что социальные проблемы, которые я еще затрудняюсь полностью осмыслить, так и не нашли своего решения. Нерешенность присутствует не только в практической жизни — повествование тоже достаточно ею загружено. Слияние обеих ситуаций приводит к тому, что результат становится гораздо менее приемлемым, чем официальные повествования о цивилизации. Некоторое сужение частностей от имени истории общества усугубляет ситуацию и делает ее еще более запутанной.

Если объяснение данной ситуации классовым характером истории некоторым образом и проливает свет на ряд истин, я, тем не менее, открыто подчеркиваю, что научный социализм не

решает проблему, а даже сам превращается в одну из частей проблемы.

Именно поэтому я неоднократно подчеркиваю, что до тех пор, пока современная капиталистическая парадигма не окажется полностью преодолена, не только не удастся достичь понимания исторической истины, но история будет гораздо сильнее скрывать истину и бессмысленно усложнять ее, нежели это делает история религий. Исторические последствия данного парадигматического взгляда Маркса сегодня видны особенно отчетливо. Неверная история — это неверная практика. Пока не будут преодолены парадигматические и эмпирические подходы цивилизации в целом, и современного капитализма, в частности, невозможно будет достичь парадигматических и эмпирических подходов социальной природы. В данном случае важно сделать следующее: приступить к испытанию, пусть и совершенно без подготовки.

А. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Школу социальной науки, считающую необходимым исследование возникновения и развития социальной среды на основе нравственного и политического общества, можно определить как систему демократической цивилизации. У различных школ социальной науки есть разнообразные подразделы изучения. Как правило, они базируются на теологии, религии и обществе. Научный социализм основан на изучении классов. Основной единицей либерализма является индивид. Государство и власть — основные области исследования, но также имеют ряд традиционных, подразумевающих цивилизацию, методов. Все это вычленение отдельных единиц, как я уже говорил, подвергалось критике из-за того, что нарушало историзм и целостность. Истинно научное, получающее значимость исследование обязано производиться в направлениях, имеющих жизненную важность для общества. История и актуальные проблемы должны найти свое место пре-

жде всего в этих направлениях. В противном случае данные исследования останутся всего лишь повествовательными.

То, что в качестве основной единицы мы избрали нравственное и политическое общество, представляет важность с точки зрения всестороннего охвата историзма и целостности. Нравственное и политическое общество является самым историчным и целостностным описанием социума, причем нравственность и политика сами по себе расцениваются как история. Общество, имеющее нравственную и политическую составляющие, ближе всего к гармоничному существованию и прогрессу. Государство, класс, эксплуатация, город, власть, нация—общество может существовать без них. Но общество вне нравственности и политики невозможно. Оно может существовать, как источник сырья, за счет эксплуатации других сил, тем более, как колония монополии капиталистического государства — речь тогда идет о «последышах» общества, отрекшегося от своей сущности, собственно говоря, о призраке этого общества.

По отношению к нравственному и политическому обществу, которая является естественным состоянием общества, нет смысла употреблять эпитеты и сравнения в стиле «рабовладельческое», «феодальное», «капиталистическое» и «социалистическое». Это означает описывать общество, стремясь скрыть его смысл, унижить социум до уровня элементов (класса, экономики, монополии). Тупик, в который зашли теория и практика исторического прогресса, в определенной степени исходит из этих терминов, их изначальной недостаточности и ошибочности. Эпитеты, более применимые к историческому материализму, еще больше запутывают вышеперечисленные социальные исследования, тем более, что слабость научных положений подчеркивает отсутствие решения. Несмотря на то, что теология весьма усиленно подчеркивает важность нравственности, политическую составляющую общества, они уже давно передали государству. Буржуазно-либеральные методы не только оскверняют общество в нравственном и политическом отношениях, но еще и в каждом удобном случае объявляют ему же войну. Индивидуализм, не меньше уровня государства и власти, находится в состоянии войны с обществом. Либерализм и означает общество, лишенное

мощи, нравственности и политики, неспособное отразить атаки индивидуализма. Либерализм является самой антиобщественной идеологией и практикой.

В западной социологии (пока еще не существует наука под названием «восточная социология»), используемые в отношении общественных систем и цивилизации термины очень проблематичны. Не следует забывать, что социология возникла из необходимости решения общественных проблем, чудовищных кризисов, к которым привели монополии капитала и власти, а также вооруженные конфликты и войны. Для установления порядка и придолжения жизнеспособности системы, со всех сторон тезисы за тезисами создавались. Несмотря на все конфессиональные, теологические и реформистские разработки христианского учения, с каждым днем еще больше усугублялись общественные проблемы. Научный позитивизм и его методы исследования проблем общества стали основными. Философская революция и эпоха Просвещения (XVII—VIII века) в огромной степени были результатами этой потребности. Великая Французская революция не дала ожидаемого решения, проблемы еще больше усложнились, в результате чего тенденция развития социологии как отдельной науки, стала еще более актуальной. Первым эшелонами выступили социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Огюст Конт и Дюркхайм. Все они—дети эпохи Просвещения, безгранично верившие в науку, с помощью которой смогут заново создать общество, о котором мечтали, выступая таким образом в роли бога. Гегель говорил, что «Бог спустился на землю», имея в виду национальное государство. То, что было необходимо,— это создание крайне тонких и деликатных проектов и сознательное «созидание общества», нету планов и проектов которых национальное государство не смогло бы реализовать. Для того, чтобы национальное государство их поддержало, достаточно того, чтобы они были «научно-позитивистическими» и признавали национальное государство!

Социальная наука Великобритании, английская политическая экономия внесла значительный вклад в французскую социологию, а немецкая идеология — в философию. Адам Смит и Гегель были первыми из них. Развитие капиталистической индустрии

в XIX веке привело к колоссальному усилению эксплуатации в обществе, и рецепты, предлагавшиеся как правыми, так и левыми, были крайне различны. Либерализм, главная идеология монополистического капитализма, очень эклектичен и, возникая как система, впитал в себя, как губка, практически все, что было можно. Ограниченность правой и левой социологии в отношении изучения прошлого или возможностей будущего, утопического общества, находила выражение в игнорировании социальной природы, истории и актуальной проблематики. Сталкиваясь с исторической или современной реальностью, эти теории сразу же распадались. Все они в отношении образа жизни, интеллекта и практики находились в «железной клетке», которую современный капитализм создал с огромным трудом, заключив туда всех и все. Эти слова философа Ницше, охарактеризовавшего их как «метафизику позитивизма» и «кастрированных карликов современного капитализма» весьма близки к истине, тем более, что он первым из философов обратил внимание на опасность поглощения общества. Ницше обвиняли в том, что его труды подготовили идеологию фашизма, однако работы философа, предупреждающие о фашизме и наступлении мировых войн, имеют большое внимание.

Колоссальное разрастание кризисов и мировые войны привели к банкротству позитивистской социологии со всеми ее направлениями — либеральными, центристскими, правыми и левыми. Само созидание общества попало под влияние тоталитарного фашистского режима, который некогда являлся объектом серьезной критики этого же самого общества. Официальным доказательством этого идеологического краха стала франкфуртская школа. Школа «Анналов», молодежное движение 1968 года, взгляд И. Валлерстайна на мировую систему капитализма — все это привело к проникновению в социологию ряда постмодернистских методов. Экологические, феминистские, релятивистские, новые левые и прочие распространившиеся во всем мире теории привели к развитию большого числа постмодернистских методик в социологии, отличавшихся фрагментарностью. Разумеется, важную роль в этом сыграло то, что после 70-х годов прошлого века финансовый капитал приобрел гегемонистский

характер. Положительной стороной данного явления стало разрушение гегемонистского европо-центристского мировоззрения. Отрицательной стороной является опасность распада социальной науки на ряд фрагментов.

Если свести воедино критические замечания по поводу европоцентристской социологии, то можно отметить:

а) позитивная критика и осуждение религии и метафизики не избавили от участи превращения в нечто подобное. Не надо это осуждать — культура человека сама должна быть метафизической. Важно при этом умение отделить позитивную метафизику от негативной;

б) для определения характера общества используются противопоставления: первобытное-современное, капиталистическое-социалистическое, промышленное-сельскохозяйственное, развитое-отсталое, классовое-неклассовое, государственное-негосударственное, что приводит к еще больше вуалированию близкого к истине определению общественной среды. Подобные противопоставления отдаляют социальную истину;

в) попытки создать новое общество не имеют иного смысла кроме современного теизма. Под каждой подобной попыткой имеется в виду создание новой монополии капитала, власти и государства. Как теизм Средневековья идеологически связан с абсолютной монархией (властью падишаха, шейха, султана), так и при попытках создать новое современное общество, основой является теизм, то есть идеология национального государства. В этом отношении позитивизм является современным теизмом;

г) революции не могут рассматриваться как действия по созданию нового общества, иначе им не удастся спастись от позитивистского теизма. Революции могут рассматриваться как социальные в зависимости от того, насколько они освобождают общество от тяжести чрезмерно развитых капитала и власти;

д) обязанность революционеров не может рассматриваться как создание какого-либо заранее запланированного общества. Право на постановку верно понятой задачи заслуживается их вкладом в развитие нравственного и политического общества;

е) методы и парадигмы, которые будут использованы в отношении социальной среды, не могут совпадать с теми, которые

относятся к живой первичной природе. Вселенский подход в отношении живой первичной природы может дать результаты, более близкие к истине, но что касается социальной среды, то более близка к истине относительность. Вселенную невозможно представить ни в виде бесконечной прямой линии, ни в виде бесконечных концентрических кругов;

ж) режим социальной истины требует нового законодательства на основе активно развивающейся критики. Разумеется, я говорю не о новом боготворном создании. Но я верю, что самой главной особенностью человеческого ума является его способность к поиску и структурированию истины.

Что касается систематизации социальной науки, о чем я уже говорил, имея в виду критические высказывания, то выдвигаю следующие предложения:

а) вместо рассмотрения социальной среды в виде мифологии, религии, метафизики и науки (позитивизм), а также шаблонов в виде жёсткой вселенской истины, необходимо рассматривать ее как наиболее гибкую форму существования Вселенной, представляющую собой богатейшее разнообразие различных типов времени и пространства. Такое представление может оказаться более близким истине. Любое исследование, проведенное без тщательного изучения свойств социальной среды может привести к негативной реакции ученых-социологов, как теоретиков, так и практиков. Все описание развития истории цивилизации от теизма до позитивизма, не смогло помешать возвышению монополии капитала и власти. Если считать необходимостью служение нравственному и политическому обществу, то долгом является подвержение себя более человеческим комментариям с помощью кардинальной самокритики;

б) историко-целостные определение сущности социальной среды, представляющее ее главную особенность, совокупность сходства и различия — это нравственное и политическое общество. То, что определяет суть социальной среды, развивая сходство в различии (общее в частном), выражая историчность и важнейшую целостность, играя при этом роль определяющей позиции, — это определение нравственного и политического общества. Ни одно определение, использовавшееся до сих пор

применительно к социуму — первобытное, современное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое, индустриальное, крестьянское, торговое, финансовое, государственное, национальное, гегемонистское и так далее, не выделяют главное свойство социальной среды. Более того, они затушевывают и разделяют его, что является причиной неверной методики, реализующейся в отношении общества как теоретически, так и практически;

в) «обновление общества», «создание нового общества», — подобные выражения помимо идеологического содержания подчинены также цели создания новых монополий капитала и власти. История цивилизации, будучи историей таких обновлений на самом деле является историей накопления совокупного капитала и власти. Социуму необходим не «промысел Божий», а борьба с элементами, препятствующие развитию и функционированию нравственной и политической ткани общества. Общество, свободно использующее свои нравственную и политическую составляющие, развивается наиболее активно и успешно;

г) революции являются видами социальных актов, к которым необходимо прибегать только в тех случаях, когда имеется непреодолимое препятствие развитию и функционированию, а также реализации социальной нравственности и политики. Революции свершаются не для создания новых обществ, нации и государства, а только в тех случаях, когда это осознанная социальная необходимость. Революция должна быть признана таковой, если ее целью является беспрепятственное функционирование нравственного и политического общества;

д) революционный героизм должен иметь значение в зависимости от вклада, внесенного им в нравственное и политическое общество. Любые действия, лишённые этого значения, вне зависимости от их масштабов и времени воздействия, не могут рассматриваться как общественный героизм. Положительную роль каждой личности в обществе определит ее конкретное участие в развитии нравственного и политического общества;

е) социальная наука, задачей которой является тщательное исследование и рассмотрение вышеупомянутых основных особенностей, выдвигая их в качестве темы, не должна рассматри-

вать как основной ни единую линию мирового прогресса, ни бесконечные циклы единого процесса относительности. Вместо этих узко догматических методов, подчиненных легитимизации совокупного роста капитала и власти в истории цивилизации, необходимо развивать социальную науку, основанную на диалектическом методе, гармонично сочетающем аналитическое и эмоциональное начала, сумевшем не только преодолеть жёсткость субъективизма и объективизма, но и нигилизм.

Система демократической цивилизации, точнее, ее границы которые мы можем теоретически и практически представить в виде гипотез, а также характерные черты, касающиеся главного, могут быть еще раз определены в виде следующих тезисов:

1. Нравственное и политическое общество — это основной тип общества, возникающий с начала образования человеческого общества и до конца. В основе своей общество является нравственным и политическим.

2. Нравственное и политическое общество расположено в точке, противоположной системам цивилизации, основанным на триаде «город-класс-государство», а до этого на иерархической системе.

3. Нравственное и политическое общество, являясь историей социальной среды, развивается в соответствии с системой демократической цивилизации.

4. Нравственное и политическое общество — наиболее свободное общество. Наиболее позитивная динамика — деятельность нравственных и политических тканей и органов, способствующих освобождению общества. Ни революции, ни героические деяния не обладают такой способностью к освобождению общества, как нравственный и политический уровень общества. Революции и героические деяния играют определяющую роль только в той степени, в которой приносят пользу нравственному и политическому обществу.

5. Нравственное и политическое общество — это демократическое общество. Демократия имеет значение только на основе нравственного и политического общества, являющегося открытым и свободным. Субъективизм личности и отдельных социальных групп находят ответ в методе максимального развития

нравственного и политического, то есть демократического общества. Мы рассматриваем как демократию функциональность политического общества. Политика и демократия идентичны по своей сути. Если свобода — это климатическая среда выражения политики, то демократия — это способ реализации политики в данной среде. *Свобода-политика-демократия* — эта триада не может существовать без нравственной основы. Нравственность мы также можем рассматривать как закреплённую традициями и культурой значения свободы, политики и демократии.

6. Нравственные и политические общества находятся в диалектическом противоречии с государством, являющимся официальным выражением финансов, капитала и всех видов власти. Государство постоянно стремится заменить нравственность законом, а политику — бюрократическим управлением. Весь период истории человечества официальная, выраженная государственной властью цивилизация и имеющие неофициальный характер структуры демократической цивилизации развиваются в противоположных направлениях. Возникают два альтернативных типологических центра. Противоречия либо ужесточаются и приводят к войне, либо вырабатывают компромисс, приводящий к миру.

7. Мир возможен при наличии стремления к жизни без оружия, без убийств, осуществляемых как силами государственной монополии, так и сторонниками нравственного и политического общества. В истории хорошо известны заключения мирных соглашений на условиях, называемых «демократическим компромиссом», тогда как попытки социума уничтожить государство или же попытки государства по уничтожению общества известны гораздо меньше. История не является окончательно написанной демократической цивилизацией в качестве нравственного и политического общества, но не является также и абсолютным выражением классового и государственного общества как системы цивилизации. Она создается в виде активных взаимосвязей и противоречий, а именно — войны и мира. Такая ситуация длится, как минимум, уже 5 000 лет, причем продолжают попытки исправить это посредством свершения революции. Данные попытки являются утопией, однако, вместе с тем, невозможно согласиться с рассмотренной выше ситуацией, существующей с

древнейших времен и до наших дней. Принять ее как данность и отказаться от вмешательства было бы неверно, безнравственно и политически ущербно. Осознавая длительный характер борьбы с существующими системами, была бы крайне ценной и результативной разработка стратегических и тактических методов, расширяющих свободную и демократическую сферу нравственного и политического общества.

8. Нравственное и политическое общество характеризуется определениями в стиле «родоплеменное» «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» и «социалистическое», причем имеется в виду определенная последовательность. Однако данные определения не раскрывают, а, наоборот, скрывают реальные действия. Несомненно, в нравственном и политическом обществе нет места явлениям, определяемым как «рабовладельческое», «феодалное» и «капиталистическое». Лишь принципиальный компромисс допускает конкретное, ограниченное и контролируемое использование. Важно не позволить ни их уничтожение, ни поглощения ими; необходимо, используя превосходство нравственного и политического общества, постоянно контролировать и ограничивать сферу и мощность их воздействия. Коммунальные и социалистические системы не могут идентифицироваться с государством, но, в зависимости от их демократизма, способны перерасти в нравственное и политическое общество.

9. У нравственного и политического общества не может быть цели немедленно, в кратчайший срок, стать национальным государством, избрать религию, найти режим за пределами демократии — таких целей просто не может быть. Право определить цели и возможности социума может определить только свободная воля нравственного и политического общества. Наравне с обсуждениями и решениями актуальных проблем определяют и стратегические решения. Особую важность имеет способность обсуждать решения и стать принимающей их силой. Здоровое общество, обладающее этими качествами, может определить свои предпочтения. Ни одна индивидуальная личность и ни одна сила права принимать решения от имени нравственного и политического общества не имеют. В нравственных и политических обществах невозможна социальная инженерия.

Представленные мной и подразумевающие различные точки зрения определения доказывают вечность существования системы демократической цивилизации, являющейся другой стороной истории развития официальной цивилизации и основанной на нравственной и политической целостности социальной природы. Никакое угнетение и эксплуатация системы официального мира не смогло уничтожить это иное лицо общества — его уничтожение невозможно. Как капитализм не может существовать без некапиталистического общества, так и официально изучаемая мировая цивилизация не может существовать без системы демократической цивилизации. Если говорить более конкретно, монополярная цивилизация невозможна без цивилизации, которая таковой не является. Иного не дано. Демократическая цивилизация как система исторического развития нравственного и политического общества способна беспрепятственно, спокойно и результативно продолжить свое существование вне официальной цивилизации.

Я рассматриваю и определяю демократическую цивилизацию как систему мышления, совокупность мышления и как целостность нравственных правил и политических законов. Я говорю не об отдельно взятом типе мышления и не о социальной реальности нравственного и политического развития. Дискуссии включают в себя обе темы. Поскольку официальная цивилизация препятствует этой целостности выражения и структуры, я считаю необходимым и важным еще более широкое исследование данного метода, истории и элементов. Дальнейшие заголовки будут рассматривать эти темы:

Б. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Универсальный метод прямолинейно-прогрессивистского подхода способствует проблемам в восприятии реальности, по меньшей мере, столь же, сколь религиозный догматизм. И суждения, исходящие из этого метода, совершенно не отличаются

от религиозных: Вселенная находится в состоянии бесконечного развития, сбудется все то, что написано в Хранимой Скрижали (Лаух аль-Махфуз). Иными словами, осуществляемое — это единственное, что должно осуществиться. Все осуществляется так, как было предусмотрено. Позитивизм не является ни анти-метафизическим, ни антирелигиозным, как это принято считать, являясь на самом деле наиболее грубой материалистской религией, слегка покрытой лаком научности. Точнее, это современное идолопоклонничество. Основное сходство между двумя догматическими методами связано с существованием силы, называемой законом, повелевающим природой. Было лишь высказывание о том, что вместо законов Бога должны быть утверждены только законы науки. Все остальное — одно и то же объяснение. Наиболее страшная сторона позитивистского метода мышления заключается в том, что в суждениях применяется подход, аналогичный силе этого закона. Толкования как такового нет. Конкретный, объективный, господствующий взгляд, кажущийся всем одинаковым, в сущности, противоречит и науке. В итоге конкретного разделения на субъект и объект даже не остается место для ошибки.

Можно понять усилия, направленные на представление средневековой теологии буржуазии в виде секулярной и научной философии, покрытой лаком позитивизма. Это, конечно же, будет нести на себе след реальности, зародившейся в его лоне. До тех пор, пока мы не освободимся от символических методов, внедряемых в наши умы со времен Средневековья, даже на протяжении всей истории цивилизации, наше мышление неизбежно будет оставаться в плену позитивистской стихии. Данная ситуация способствует тому, что чрезмерные повторы, сухая риторика (словесное мастерство, эквилибристика) стали считаться реальными. Вместо прежних утверждений о том, что «все, сказанное имамом, верно», стали твердить, что «все, сказанное учителем, философом, верно». В основе нерентабельности нашего мышления лежит именно данная действительность. Так мы лишаемся возможности сделать хоть одно толкование, касающееся нашей собственной социальной природы. Это крайне ужасающая ситуация, автоматическое ослепление

разума и плен. Религиозный догматизм освещает некоторые исторические реалии хотя бы при помощи определенной силы традиций. В позитивизме и этого нет. Он создает порог колоссального отчуждения между нашими реалиями и нами. Это похоже на то, что, будучи идеологической гегемонией Запада, он пытается взять разум в плен без оружия (не используя собственный разум). Ясно, что, не сломив этот догматизм, не представляется возможным сломать ни официальную цивилизацию, в целом, ни, в частности, парадигму современного капитализма. Стало быть, не удалось обрести силу свободного толкования. Я убежден в следующем своем выводе: идеологическое оружие обладает гораздо большей запрещающей силой, нежели оружие боевое.

Задавая себе вопрос: «Можно ли систематизировать демократическую цивилизацию?» — я немало боролся с этими методическими цепями. Но гораздо труднее оказалось сломать догмы, касающиеся научного социализма, в который я очень сильно верил. Словно борясь с самим собой, я освободился от плена догматизма — дело в том, что большая часть моей жизни прошла в этой борьбе.

Я переживал следующее противоречие: будучи, с одной стороны, все еще под воздействием культуры, существующей на протяжении тысячелетий (с 10000 г. до н. э. по наши дни) на родине аграрной революции, с другой стороны, я взялся за борьбу, посвященную строительству посткапиталистического общества. Как можно было строить новое общество, если пространство между двумя упомянутыми фактами не заполнило пустоту протяженностью, как минимум, в двенадцать тысячелетий? Система нашего мышления превратилась, по меньшей мере, в науку о конце света, эсхатологию. Ясно, что в моем мышлении не присутствовал ни один эффективный метод. Болель, не позволявшую уходить даже на сантиметр дальше написанного, можно объяснить только воздействием догматизма. Не освободившись от суеты религиозных шаблонов, мы подверглись бомбардировке официального позитивизма. Я понял, что силы, которые по-настоящему защищают существующую систему, родились в недрах ее идеологической гегемонии. Имен-

но поэтому я еще лучше понимаю яростную борьбу Ницше с официальной немецкой идеологией. Если и известно несколько истин в отношении Запада, то, во всяком случае, этим мы обязаны данной активной борьбе.

Первая догма, от влияния которой я решительно освободился, — это тезис научного социализма о том, что вслед за первобытной общиной как общественной формацией друг за другом обязательно формировались рабовладельческая и прочие классовые общественные системы. Эту догму я длительное время усваивал, как некий закон. Я быстро отказался и от второй догмы, тесно связанной с первой, а заключалась она в том, что общество следует именовать по названию класса. Определения, касающиеся рабовладельческого и феодального обществ, маскируют истину в самых ее уязвимых точках, отождествляют общество с хозяевами. Ясно, что это всего лишь остатки господствующих классов. Мне не составило труда разложить, подобно ниткам раскрытого носка, и третью догму, тесно связанную с первыми двумя. Я имею в виду постулат о том, что этапы развития классового общества необходимы и прогрессивны. Я понял, что этапы развития классового общества отнюдь не являются обязательными; напротив, я поступил смело, разценив этот процесс как наиболее реакционный, цепями охватывающий все общество. Итогом стало то, что историю можно сделать еще ближе к истине. Очень уместным является метод, позволяющий, в противоположность множеству толкований, не стесняясь их, видеть в этом усилия, обогащающие смысл. Разрыв цепей догматизма (изначальное господство) во многих сферах, конечно же, способствовал развитию силы толкования и богатства смысла. Могу четко констатировать следующее обстоятельство: если люди, независимо от места и положения, не могут решить стоящие перед ними проблемы, то основным фактором этого неумения является примитивный уровень мышления, не способный придать смелости для освобождения от тысячелетних догм и инстинктов, которые не удалось разрушить. Трусость мышления лежит в основе всех страхов.

Второе важное обстоятельство, привлекшее мое внимание в размышлениях о демократической цивилизации, это большое

количество эмпирического материала, который имелся вокруг меня. Что касается наблюдений по поводу истории, то это свидетельство чрезмерности данного материала. Отчего династии, узурпаторы прибавочной стоимости, очаги власти могут считаться системой, а семья, род, племя, сельские и городские классы, оказавшиеся за рамками власти, народы и нации, не обретшие своей государственности, не могут быть оценены с точки зрения систематики? Отчего они не могут сами образовать систему, обрести смысл как идеология и образования?

Если те, с кем мы связывали свои надежды, не смогли достаточно четко ответить на эти вопросы, значит, во всяком случае, у них были на это свои причины. В любом случае ясно, что эти вопросы не лишены истины. В общем-то, есть немало ответов, разбросанных по крупичкам, не сложившихся в определенную систему. Достаточно уметь найти их.

Третьим фактором в начале моего поиска иной цивилизации и современности стал потенциал свободного строительства, касающийся социальной природы. Если и есть накопившиеся гигантские проблемы, а люди находятся в ужасающем состоянии из-за безработицы и голода, то строительство системы (в смысле созидания, а не социальной инженерии) не просто возможно, а необходимо, это просто нравственная обязанность. Впрочем, масштабы проблем выносят на повестку дня необходимость революции, а революция делает актуальными образования, в которых кроются ответы на вопросы.

Четвертым фактором моих поисков является следующее: господствующая система совершенно не дает тебе никаких надежд, не считает тебя за человека и не решает даже самых простых проблем, связанных с идентичностью. Стало быть, во имя цели остаться человеком тебе следует связать самоуважение и надежду на себя с силой, позволяющей строить новую собственную систему. Иначе тебе, возможно, не только не достанутся остатки трапезы волков, но ты сам превратишься в их трапезу.

Последний фактор, может быть, присущ мне, но я верю, что он имеет общий характер. Если человек, с которым ты связал свои надежды, не в состоянии дать тебе ничего, пусть даже речь идет о твоей матери, ты, как личность, обязан верить только в

свои силы. Ты не должен ни уклоняться влево или вправо, ни поддаваться собственным инстинктам. Если даже обстановка вокруг не способствует жизни, знай, что как человек ты в состоянии продемонстрировать ум и волю, способные создать все лучшее, правильное и красивое!

В соответствии с прямолинейным толкованием истории городское общество, возвысившееся после сельской крестьянской общины, обладает правом «последнего слова». Повествования о цивилизации, развиваемые вокруг города, это и есть сама истина, сила, захватившая управление городом и организовавшая его в форме теократического государства, будучи господствующим классом, является движущей силой истории. Считается: что бы ни сделала эта сила, все верно и свято, все это — осуществление того, что написано на роду. Для этого возвышаются божественные идеологические гегемонии. Любой голос против этого считается предательством вечного слова и его жизненного выражения, подвергается «божественному гневу». Все самые недостойные деяния деспотов (система самого жестокого угнетения и эксплуатации) в устах жрецов звучат как самые священные слова Бога или богов. Отныне, и тоньше нити шеи слуг, склонившиеся пред законами богов, не способные испытать боль, даже если им отрубят шею.

Городская эпоха, городская цивилизация, которая является организацией капитала и силы и в грубой форме представляется в виде оригинальной мифологии или религии, пройдя через различные превращения, дошла до сегодняшнего дня. Несмотря на неизменность сути, риторика и форма (способ организации) подвергаются переменам, и государство, представляясь таким образом, не преминет навечно объявить себя жестким национально-государственным фашизмом. Бюрократическая железная клетка, являясь организацией городского капитала и силы, вместе с теми, кто находится внутри нее, увеличивая рост СПИДа и раковых заболеваний, приводит к тому, что начинается стадия социальной канцерогенности, охватившей все внутренние структуры и окружающую среду, что становится более ужасающим процессом. Для того, чтобы понять, что это пояснение, сделанное в наиболее общих чертах, не является преувеличением,

достаточно посмотреть на войны, имевшие место в течение последних четырех столетий мировой системы (максимально пять тысяч лет), колониализм, состояние войны, распространенное на все общество, современное состояние трагедии окружающей среды.

Окинув взглядом все формы либеральной идеологической гегемонии и еще больше — официальные сферы (государственные идеологии), можно сказать, что так была поставлена последняя точка истории. Иными словами, капиталистическая система на вершине глобальной эпохи является вечным состоянием «последнего слова». Мы знаем, что это объяснение не ново, в конце каждой серьезной эпохи капитала и насилия делаются такого рода объявления о «вечности». Такова истина «наук» цивилизации, насчитывающих пять тысячелетий, подведенных под методику и завернутых в тысячи покровов. Метод стал истиной, а истина — методом.

Когда на ушко шептали, что возможны не только допустимые, но и другие миры, науки, методы, сразу же возникали, наряду с адом, обвинения в ереси, безбожии, а вместе с ними использовались все существующие формы террора. Самым простым способом является отрубание головы, но применяются и такие виды казни, как распятие, сожжение на костре, повешение, пожизненная каторга или тюремное заключение, пытки, рабский труд до смерти и т. д.

Мы видим, как централизованная цивилизация едва ли не мстит сельскому земледельческому обществу, которое пять тысячелетий старается разрушить, а к последним две тысячам лет — попросту обанкротить и стереть даже все его следы. Упадок окружающей среды, по существу, является последней формой мести СЕЛЬСКОМУ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. Очень интересно, что вместо социальной природы, которую лишили слова, ответ на этот упадок дает первичная природа в виде различных бедствий (потепление климата, засуха, ускоренное таяние полярных льдов, селевые потоки и наводнения). Порой человечество, которое заставили умолкнуть, можно сравнить с самой бессловесной природой. Кто может отрицать, что это очень горькая, но истина?

Фундаментальная переменная в парадигме истории должна быть связана с тем, что без сельского земледельческого общества (10000 г. до н. э. — по наши дни) не могло быть развития монополий капитала и власти городского происхождения. К самым основным методическим изменениям можно прийти с этой точки зрения. Даже поверхностное высказывание Розы Люксембург о том, что «не будь общества, не являющегося капиталистическим, не было бы накопления капитала, монополизма», было бы правильным распространить на всю историю и все формы капитала; это выражение процесса распада капитала на всем историческое общество. Модель К. Маркса, касающаяся «чистого» капиталистического общества, — это его основная ошибка, потому что такое общество невозможно ни практически, ни теоретически. Подтверждение простое: скажем, в одном обществе есть только капиталисты (вместе с бюрократами) и рабочие (вместе с безработными), потому что чистое капиталистическое общество предусматривает это. Предположим, на заводах капитала производится в общей сложности сотня единиц товара. Двадцать пять единиц товара принадлежат рабочим в счет их заработной платы. Двадцать пять единиц пусть остается в пользовании капиталистического класса. Хорошо, что будет с оставшимися пятью десятками единиц товара? Оставшееся или сгниет, или будет распределено бесплатно. В соответствии с моделью «чистого» капиталистического общества иного пути нет.

Роза Люксембург, исходя из этих позиций, говорит о том, что существование системы возможно, если оставшиеся пятьдесят единиц товара с целью прибыли будут проданы некапиталистическому обществу, и в этом случае она находится недалеко от берегов истины. Социальная действительность гораздо глубже. Надо хорошо знать и никогда не забывать о том, что прибыль и основанное на прибыли накопление капитала являются безвозмездным общественным излишком. Что же такое общество, не являющееся капиталистическим? В первую очередь, это исторически сложившаяся сельская крестьянская община; это женщины, запертые в стенах домов, это городская беднота, ремесленники, зарабатывающие кусок хлеба своим трудом, а также безработные. Если рассматривать действительность под

таким углом зрения, можно будет гораздо лучше разобраться в насчитывающей пять тысячелетий цивилизации и в ее наиболее систематическом периоде, длящемся последние четыре столетия. Сеть, организовавшаяся на протяжении всей истории в виде капитала и власти (аристократия, дворянство, буржуазия, государство, власть и пр.), никогда не превышала десяти процентов всего населения. Следовательно, костяк социальной природы постоянно вовлекал в себя не менее девяноста процентов общества.

В таком случае спросим с точки зрения метода: что является более правильным с научной позиции, историзация и систематизация десяти процентов с их превращением в основной объект мышления или же более правильным научным методом является историзация и систематизация девяноста процентов общества, которые и должны стать основным объектом? Такова основная реальность, ожидающая своего ответа. Могут сказать, что иного пути нет, поскольку мышление, наука и метод жестко сконцентрированы в монополии десяти процентов. Но разве эта монополия не была, в конечном счете, построена на принципе узурпирования излишков общественного продукта? Может ли оправдать привилегированность то, что указанный слой общества представляет собой наиболее организованную и идеологически подкованную группу? Ведь хорошо организованная сила, даже если она составляет лишь один процент от всего общества, в состоянии взять под свое господство миллионы, может управлять этими миллионами, способна выдвинуть все свои высказывания в качестве основной науки и метода. Но разве может это стать реальностью, истиной? Кто объявляет горстку насильников и монополистов носителями истины? Может ли изменить общественную истину, истину девяноста процентов, факт, что те, кто объявляет эти монополии носителями истины, представляет их в качестве мифологии, религии, философии, науки, искусства и связаны с сетью капитала и силы? Достаточно очевидны причины такой постановки вопроса. Ни у одной идеологической, научной, религиозной, философской и эстетической гегемонии не хватит, не должно хватить сил, чтобы изменить эту истину.

Исследуя историческое общество в свете вышеупомянутого основного метода и, имея в виду различные типы мышления (мифологического, религиозного, философского, научного и эстетического), увидим, что благодаря этому истина приобретет иные, более заметные масштабы и смысл. Демократическая цивилизация может быть связана с гораздо более развитой систематикой, коей является объяснение исторического общества, учитывающее обе стороны (то есть в комплексе структуры, объективности и субъективности, являющейся способом его выражения). Систематизация, предполагающая более глубокую историчность и целостность социальной природы, не просто возможна, но необходима. В парадигматической основе научной революции, социальной науки должен быть утвержден такой систематический анализ.

Такой подход к проблеме метода способен лучше представить социальную природу в ее историческом богатстве и целостности. С первого раза видно следующее:

а. Общество без капитала и власти возможно, но не может быть капитала и власти без общества.

б. Экономика без капитала возможна, но не может быть капитала без экономики.

в. Общество без государства возможно, но не может быть государства без общества.

г. Общество без капиталиста, феодала, барина возможно, но не может быть капиталиста, феодала, барина без общества.

д. Общество без классов возможно, но не может быть класса без общества.

е. Село и земледелие без города возможны, но не может быть города без села и земледелия.

ж. Общество без закона возможно, но не может быть общества без нравственности.

з. Общество можно довести до такого состояния, когда в нем не будет ни политики, ни нравственности, как в сказке про мужика, который сам играет и сам танцует. Но в таком случае общество будет растерзано и проглочено новым Левиафаном (национально-государственный фашизм), и миг смерти общества и человека одинаково зрелищны. Это и есть тот миг, когда

осуществляется геноцид. Это мгновение, которое Мишель Фуко объявил смертью человека, а Фридрих Ницше назвал кастрацией общества и человека, его превращением в червя и муравья, стадо и массу. Это мгновение, когда, по выражению М. Вебера, общество запирается в «железную клетку»!

Парадигма демократической цивилизации должна вступить в действие в такой момент:

1. Поскольку без села и земледелия невозможно продолжение жизнедеятельности общества, борьба, продемонстрированная на протяжении истории этой прослойкой, все это время существования официальной цивилизации являлась предметом эксплуатации и гнета, может достичь цели только путем превращения в политическое общество.

2. Существование города возможно без существования баз монополий капитала и власти. Истинное освобождение города, который на протяжении всей истории цивилизации был вынужден играть роль базы эксплуатации и гнета, возможно только путем превращения в политическое городское общество демократического управления. Широко распространенное и исторически развитое демократическое конфедеративное управление городов может, благодаря своему дальнейшему развитию, спастись от участи сборища канцерогенных образований.

3. До тех пор, пока монополии капитала и власти, построенные на экономике, не будут сужены и нейтрализованы в целом, не прекратятся ни экономические кризисы, ни проблемы. Основная причина разрушения окружающей среды, различного рода ненужных классовых образований, социальных болезней и войн, в первую очередь, безработицы, голода и бедноты — это борьба разнообразных групп капитала и власти за увеличение своей доли в общественной прибавочной стоимости. Социальная природа обладает гибким покровом, защищающим от всех этих проблем, болезней и может быть действенной даже в случае ограничения механизмов капитала и власти. Если история будет написана и реализована с классовой точки зрения, то может обрести свой истинный смысл лишь с этой парадигмой.

4. Естественное состояние общества без монополии капитала и власти — это нравственное и политическое общество. Все человеческое общество, от своего рождения до полного угасания, отражает данную особенность. Такие шаблоны, как рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общество, не могут отразить действительность, подобно одеждам, в которые хотят вырядить социальную природу. Такие утверждения могут иметь место, но таких обществ нет. Основное состояние обществ — это нравственное и политическое, но, поскольку на протяжении всей истории их постоянно притесняли, эксплуатировали и подвергали колонизации, они не смогли обрести возможности для полного развития.

5. Основной задачей демократической политики может стать приобщение нравственного и политического общества к его функциям на свободной основе. Общества, способные обрести такую действенность, считаются открытыми, прозрачными демократическими. Чем большее развитие получило демократическое общество, тем более действенным может стать нравственное и политическое общество. Искусство демократической политики несет ответственность за постоянную жизнеспособность таких обществ. Создание социума при помощи «социальной инженерии» не является обязанностью демократической политики. Такого рода инженерия — деятельность либерализма, направленная на формирование монополии капитала и власти.

6. Все королевства, империи, республики, города и национальные государства, созданные на протяжении всей истории во имя цивилизации, как по-отдельности, так и все вместе, в состоянии консенсуса или конкуренции, гегемонии или равноправия, по своей сущности являются авторитарными, государственными формами капитала.

Целью нравственного и политического общества никогда не может быть достижение состояния такого рода монополий. Оно может жить или независимо от них, или в состоянии условного мира и консенсуса. В такой ситуации демократическая цивилизация и цивилизации официальной власти могут прийти к согласию в различной форме. Если мирные процессы основаны на

таких условных соглашениях, то прочие периоды истории проходят в состоянии постоянной войны, причем как внутри самих обществ, так и над ними.

7. Если общество не основано на постоянных монополистских войнах (внутренних и внешних), то оно основывается на принципах развития собственной демократической цивилизации под различными формами (как на базе земледелия в селах, так и в среде трудящихся города). История не является совокупностью властей и государств — инструментов наиболее бесчеловечных и устаревших институтов, история полна примеров демократической цивилизации — их гораздо больше, нежели упомянутых, поскольку это постоянный образ жизни более чем девяноста процентов социальной природы. Такие громадные общественные группы, как семьи, родоплеменные системы, конфедерации, городские демократии (насколько известно, наиболее ярким примером являются Афины) и демократические конфедерации, монастыри, общины, коммуны, партии равноправия, гражданские общества, секты, конфессии, религиозные и философские сообщества, не примкнувшие к государству, группы женской взаимопомощи, бесчисленные общины и группы солидарности, не нашедшие себя в письменной истории, должны быть отмечены в структурах демократической цивилизации. Как жаль, что история этих сообществ не фиксировалась систематически, хотя систематическое изложение жизнедеятельности этих групп вполне могло бы рассматриваться как истинная история человека!

8. Поскольку цивилизации официальной власти вместе с финансовыми и оружейными монополиями развивали свою идеологическую гегемонию в тесной взаимной связи, идеология демократической цивилизации постоянно оставалась слабой и бессистемной. Власти все время подавляли и искажали, а в большинстве случаев попросту уничтожали оппонентов. Сколько мудрецов, ученых, философов, религиозных деятелей, предстоятелей церквей, руководителей конфессий и деятелей искусства, не сдавшихся и возвышавших голос своей свободной совести, подвергалось самым тяжелым наказаниям и умолкало навеки. То, что история умалчивает об этом, отнюдь не означает, что такого не было. Одной из наиболее важных интеллектуальных задач

для нас является приобщение демократической цивилизации к систематической историко-социальной форме самовыражения.

9. В противовес системе национально-государственной цивилизации, ставшей идеологической, административной, экономической, авторитарной монополией мировой капиталистической системы на протяжении последних четырех столетий, в этой длинной череде и широкой панораме движений существует систематика, которая, несмотря на определенную неполноту, тем не менее, не должна игнорироваться. Данное явление выражается в городской демократии (Италия) и конфедерациях (Германия) демократической цивилизации, крестьянских бунтах и коммунах, пролетарских восстаниях и коммунах (Парижская коммуна), опытах социализма (на одной третьей части суши), национально-освободительных процессах (образования, не примкнувшие к государству и власти), деятельности многочисленных демократических партий, гражданского общества, наконец, экологических и феминистских движениях, всевозможных демократических молодежных движениях, фестивалях искусства и новых религиозных движениях, не преследующих цель приобщения к власти.

10. Несмотря на то, что современная национально-государственная систематика переживает тяжелые проблемы, и ежедневно расширяются трещины на его теле, на сегодняшний день она обладает наиболее сильной систематизацией на национальном, региональном и всемирном уровне. В то время, как национальные государства (их количество превышает две сотни) представлены в форме региональных союзов (в первую очередь, Евросоюз, далее, США-Канада-Мексика, Юго-Восточная Азия) и всемирных организаций ООН (Организация Объединенных Наций), явно недостаточно такой мягкой и бесформенной организации, как Всемирный социальный форум, союзы трудящихся и народов, не имеющих государственности и власти. Недостатки кроются в идеологической и структурной сферах. Для устранения этих недостатков Всемирная демократическая конфедерация должна развивать местные и региональные национальные демократические конфедерации, их партийные механизмы и гражданские общества.

В. ОПИСАНИЕ ИСТОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Самой основной особенностью естественной среды свободного человека является его умение избирать свою историю и жить с историей. Это — анализ существования истории реализовавшегося периода. Чем больше различных существований, столько же и истории будет. Тем не менее, историческая различность не означает отсутствие исторической целостности. Без единства не имеют смысла значения и различия, поскольку они существуют в зависимости от единства. Важность состоит в том, что именно будет представлять собой это единство. Когда дело касается человеческого рода, способность использования разума и устройств, безусловно, будет играть основную роль в объединении, поскольку иначе исчезают различия. Основой различных объединений являются иногда государство, иногда демократия, ее нравственные и политические моменты, иногда виды интеллектуальной деятельности, состояние экономики и т. д. Важно определить, что за различие будет развито и какое именно единство взято в качестве основы.

Как основной объединяющий принцип демократической цивилизации мы избрали нравственное и политическое общество. Для ясности понимания мы пытались дать его определение и метод, после чего переходим к краткому проекту исторического развития:

А. Известно, что около 98% жизнедеятельности социальной природы составляют группы из 25–30 человек, которые мы называем родоплеменным или клановым обществом. Клан мы можем определить как стволовую клетку общества. Клановое общество, образовавшееся в древности во всех обществах, в виде различных клеток, продолжает существовать и в наши дни. Независимо от того, используется язык жестов или язык символов, клан, в соответствии с описанием нашей основной общественной среды, — это нравственное и политическое общество. Разумеется, нравственность и политика клана очень просты. Важен сам факт наличия, простота не лишает значимости. А наоборот еще больше определяет степен важности. Можно

даже сказать, что нравственность сильнее всего выражена в клановом обществе, где, словно, играет роль эмоционального выражения. Жизнь в соответствии с нравственностью — обязательное условие существования. Клан, утративший нравственность, подвергается распаду или уничтожению. Простота правил исходит из жизнеспособности. Для сравнения можно сказать, что, несмотря на то, что в наши дни очень часто нарушаются законы, это далеко не всегда влияет на общество. Возможно, консервативность закона становится причиной положительной роли данных нарушений. Но нарушение традиций и законов клана — это крах сообщества.

Ту же особенность можно отметить и в политике. Источники существования клана очень просты — это собирательство и охота. Безусловно, все члены клана по поводу жизненно важных для них собирательства и охоты, вероятно, тысячи раз советуясь, обсуждая, обмениваясь опытом, выдвигая наиболее опытных своих членов, старались реализовать свою деятельность наиболее выгодным и результативным образом. Иначе жизнь была бы невозможна. Самой основной политикой было общее дело — что и как собирать и чем питаться (политика определена как совместное дело). Из этого следует, что клановое общество было очень простым, но жизненно важным политическим сообществом. Если бы реализация данной политики прекратилась хотя бы на один день, клан мог погибнуть. Именно поэтому политика является жизненно важной функцией общества. Что касается остального, то, возможно, что все прочие особенности схожи с особенностями прочих приматов. Единственно важным отличием является то, что общество постоянно развивало простейшие нравственные и политические начала. Политика является условием существования даже простых устройств. Развитие языка также возможно только на нравственной и политической основе, и не следует забывать, что фактором, обеспечивающим прогресс речи и языка, является необходимость обсуждения и вынесения решений, касающихся выполнения необходимых дел. Я считаю, что говорить о том, что необходимость в пропитании лежит в основе нравственности и политики, бессмысленно. Разумеется, нельзя отрицать того, что, даже одноклеточные

амебы нуждаются в еде, но мы не можем говорить о нравственности и политике амев — у них этого нет. Человек отличается от амевы тем, что свою необходимость в пропитании он постоянно развивает с помощью всевозможных нравственных и политических методов. В этом смысле меня не удовлетворяет марксистский тезис: «Экономика определяет все». Важно то, что как определена сама экономика. Применительно к человечеству этот тезис подразумевает нравственную и политическую ткань, то есть социальную среду.

Данная основная особенность ставит клановое общество во главу угла системы демократической цивилизации. В этом отношении история системы охватывает 98% жизнедеятельности человечества. Кроме этого, существование клана, как мы уже отмечали, продолжается в виде стволовых клеток обществ, семьи, рода, клана, племени, нации, международных сообществ и даже наднациональных обществ.

Таяние льдов четвертого ледового периода происходило приблизительно двадцать тысяч лет назад, эпоха мезолита (приблизительно, период между 15 000—12 000) и эпоха неолитического общества (с 12 000 до сегодняшнего дня), стала расцветом системы Загрос-Торос. Жители этого региона по уровню развития превосходили клановое общество, причем это относится и к орудиям труда, и к условиям жизни. Первая сельскохозяйственная революция относится к этому периоду. Система Загрос-Торос была первой. Тем не менее, подобные общественные образования начали возникать в различных уголках Африки и Евразии, там, где проживали племена первобытных людей, и, я считаю, это произошло в результате распространения неолитического общества системы Загрос-Тороса. Данный период социальной истории является эпохой великолепия. Развитие языка символов, зарождение языковых групп, сохранивших значение до наших дней, земледельческая революция, связанная с культивированием растений и приручением животных. Зарождение поселений и основ торговли, матриархат и образование клана и племени — все эти и ряд других процессов относятся к данному историческому периоду. Разумеется, то, что эта эпоха названа «новым каменным веком», говорит об использовании развитых

орудий труда, сделанных из камня. Вышеупомянутый период отмечен также интенсивным развитием человеческого разума. Именно тогда были изобретены основные типы орудий труда, которые, развиваясь и преобразовываясь, дошли до нашего времени в качестве оборудования и технологий XXI века. Этот второй, наиболее продолжительный период истории, составляет 1% из тех 2%, которые остались, принадлежат этому периоду. Общество в большинстве своем является нравственным и политическим. Для рассматриваемой эпохи также характерно отсутствие юрисдикции и государства — власть не является официально оформленной. Священным становится материнство, а предметом поклонения — изображение женщины-богини. В это же время сакральное значение начинает придаваться храмам и захоронениям. Они настолько исторически проживали, что с мертвыми в одном помещении жили. К этому же периоду относится возникновение культа мертвых, что подтверждается археологическими данными. Следует отметить, что научные исследования отмечают: люди того времени были глубоко чувствующими, настоящими личностями, а не примитивными.

Мы можем так охарактеризовать второй основной период демократической цивилизации. Данная эпоха отмечена высочайшими ценностями демократической цивилизации. Наряду с развитием символического языка и мышления нравственного и политического общества, мы можем отметить прогресс и демократию, существующие на уровне поселений и племен. Некоторые исследователи могут не согласиться с этим, но такова истина, и ее не изменить. Общество является нравственным и политическим, и это — период кристально чистой демократии. В дальнейшем появление прибавочного продукта привело к систематическому угнетению и эксплуатации сперва со стороны сил иерархии, а потом со стороны сил городской цивилизации.

б. Исторические хроники, летописи, все то, что подразумевается под историческими документами, в том числе мифология, религиозные и всякого рода научные пояснения, история написаны приказом Творца. Это — история последних 5 тысяч лет. Усложнение социологического анализа и подкрепление его соответствующими методами позволяет отметить, что идеоло-

гической основой этих исторических проектов, несомненно, является попытка освятить угнетение и эксплуатацию. Данную идеологию развивает даже так называемая научная политическая экономия нашего времени, причем то же с излишками-ценностями, добытыми качеством развития общественного труда, и даже с ценностями жизни общества. Понятно, что желание утаить истину обеспечивается использованием огромного идеологического старания и насилия. Построение *города-класса-государства* — это одновременно период активного создания идеологии, основные функции которой заключаются в изменении значения, то есть создание, образование, в виде изображения боготворства выражается как успех жреца, сильного человека, руководителя.

История демократической цивилизации прежде всего должна преодолеть эти идеологические заслоны и плотины. Только тогда мы сможем еще лучше понять не только семью, сельскую крестьянскую общину, структуру клана и племени, а также *город-класс-государство*, возникшую ранее и существующую до сих пор иерархическую власть, а также эксплуатацию первого угнетенного класса — женщин. Изменение парадигмы приведет к резкой активизации осознания.

Безусловно, триада *город-класс-государство* — цепь цивилизации, которая в процессе развития приобрела столь серьезные противоречия, что практически все, кроме организаций монополий капитала, так или иначе конфликтуют с ней. Демократическая цивилизация развивается как новый этап.

Образование противоречий между городом и степью. Тенденция интегрирования города и степи более весома, чем противоречия. Существовало городское население демократической цивилизации (рабы, ремесленники, женщины), но есть также и степное наследие города. Усилившаяся иерархическая структура является особенно рьяной сторонницей руководства города-государства, находящегося в степи. Противостояние и конфликт происходят между этими двумя блоками в связи с различной материальной выгодой. Демократическая цивилизация, выражающая мощь коммунального, нравственного и политического общества, ведет активную идеологическую, вооруженную и ор-

ганизационную борьбу против цивилизации монополии капитала и власти, возникшей на грабеже степных и земледельческих племен, а в городе — на эксплуатации рабского труда. Помимо этого, правители города постоянно воюют друг с другом из-за доли в добыче. Плачи, являющиеся практически отдельными номерами в посвященных городу шумерских эпических произведениях, подтверждают жесточенность конфликтов. Можно отметить, что структура племени и клана образовывалась в основном в ответ на нападения цивилизаций городского происхождения. В IV—III тысячелетии до Рождества Христова этнические структуры являются, скорее всего, результатом этих событий. Шумеры и египтяне для них придумывали имена. Шумеры называли тех, кто находился на севере и северо-востоке, «урии», «арии» (что означает «холм, гора, земля, земледелец»), а тех кто на западе — «амориты» (народ семитского происхождения, испытывавшие влияние шумеров прото-арабы), гутии, касситы. Египтяне называли жителей пустыни Синай «апиру» (что означало «покрытые пылью люди из пустыни»). Является общепризнанным фактом, что название «ибрани» (еврей) происходит от слова «апиру». Возведение стен вокруг городов и башен — самое лучшее доказательство наличия противостоящего общества.

Степень жестокости военных действий доказывает, что классовая цивилизация приживалась нелегко. Иногда разрушались до основания не только села, но даже центры цивилизации. Это неоспоримо доказывают археологические раскопки. В Месопотамии огромное количество городов, строений, многоуровневых курганов, которые разрушались не один раз. Эту истину выражают мифология и литература рассматриваемого периода. «Илиада» Гомера является третьей версией, отражающей вышеозначенную эпическую традицию Месопотамии. Гесиод, создавая аналогичную версию, преобразовал пантеон шумерских богов в пантеон Олимпа. Эпическая традиция всегда представляет войну правителей как войну богов, практически отождествляя их. Названия «фараон» и «немвруд» — наглядный пример такого отождествления. Война ведется ради грабежа и превращения в рабов другой сельской общины. То же самое происходит и с племенами: пленные и добыча — это военные трофеи. Грабеж и

порабощение цивилизациями друг друга считается основным способом получения прибыли. Политика компромиссов и конфликтов, основанных на материальной выгоде, продолжается и в наши дни. Все основывалось на вопросе: «Кто сильнее?». Союз богов на небе на самом деле был отображением сильнейшего царства на земле. Это подтверждается тем, что даже османские султаны именовали себя «зиллуллах» («тень Аллаха на земле»).

Представлять основные противоречия этого исторического периода как классовые было бы серьезной ошибкой. Рабы — это самые послушные слуги хозяев и храма, причем иногда даже подразумевается невозможность самостоятельного существования. Те, кто боролся, — крестьянские общины и жители сел, не приемлющие участь рабов. Очень частыми были войны монополий из-за дележа добычи. К 1500 годам до Рождества Христова начинается гегемоническая борьба между хеттской, хурритомиттаннийской и египетской цивилизациями. В этот период на Среднем Востоке впервые возникла центральная цивилизация. В 1500—1200 годах до Рождества Христова, мы видим первый пример конкурентной борьбы и гегемонического возвышения ряда первых высокоразвитых городов. История рассматривает это время как период расцвета и прогресса. Продолжается также развитие кланов, племен и крестьянских общин. Торговля впервые приобретает такую важность, что становится силой, образующей империи. Ассирия и Финикия черпали свою мощь главным образом из монополии торговли. К этой же эпохе относится становление китайской и индийской цивилизаций, тогда как вся Европа и остальные регионы Азии, Африки и Америки только начинали жизнь в неолитическом обществе. Меня больше всего интересуют два исторических периода: это неолит VI—IV тысячелетий до нашей эры, а также сельская община и городское население 1500—1200 гг. до нашей эры. Привлекают внимание высокие темпы развития прогресса данных периодов, оригинальность эпических произведений и ярко выраженная инициативность как черта общественного характера. Я верю, что термины, связанные с героями и богами эпических произведений, сохранились в народной памяти еще с тех времен.

Я считаю возможной следующую периодизацию распространения и развития цивилизации:

1. Горные системы Загрос-Торос и богатые водными ресурсами долины, в которых протекают Евфрат и Тигр, способствовали развитию флоры и фауны данного региона. В XV—XII вв. до нашей эры здесь проходит жизнедеятельность охотников и собирателей, а в дальнейшем—образование сельской и впоследствии крестьянской общин. Начальный период продолжается до VI в. до нашей эры. Это подтверждается возведением монументальных храмов и сооружений в Урфе. VI—IV вв. до н. э. — время наивысшего расцвета сельской общины, с V в. до н. э. распространявшейся повсюду. Миграция была незначительна, в основном происходило распространение культуры. В V—IV вв. до н. э. в Нижней Месопотамии, в районе орошаемого земледелия возникла Эль-обейдская культура. Влияние Северной Месопотамии способствовало такому расцвету, что данный регион фактически начал проводить против-колониальную политику. Данные археологических раскопок подтверждают широкое колониальное распространение этой культуры в Верхней Месопотамии IV в. до н. э. Тем не менее, продолжала доминировать автохтонная культура региона. IV—III тысячелетия д. н. э. — период усиления Урука, связанный с возникновением городов. Эпос о Гильгамеше повествует об этом чуде, постепенно распространявшемся на север. Вероятно, оба периода отмечены развитием ткачества, гончарного производства и земледелия, доведенными до высокого уровня. III—II тысячелетия до н. э. — классическая эпоха династий Ур, характеризующаяся ростом городов и постоянными конфликтами между ними из-за добычи, что можно назвать войнами первых монополий за передел.

2. К IV тысячелетию до н. э. неолитический период Центральной Месопотамии начал продвижение в сторону Китая, Индии, Европы, а также на север и восток Африки. IV—II тысячелетия до н. э. — это период господства неолитического общества на указанных территориях. Неолитические общества Европы и Кавказа, развившиеся после II тысячелетия до н. э., продвигались в обратную сторону. Первые крупные племена зеленоглазых и светловолосых жителей Севера, их нашествия и миграция в виде

волн от Анатолии до Индии проходили в этот важный исторический период. Людские потоки двигались до центров Месопотамской и Египетской цивилизаций. Помимо этого, в то же время центры цивилизации были атакованы семитическими племена Аравии, а также горными арийскими племенами.

Эти первые в истории примеры распространения колониализма и антиколониализма представляют собой развитие в обоих видах цивилизации. В то время, когда иерархические слои племен вступают в период создания государства, многие рядовые члены племени становятся рабами. Начинается разделение внутри племени и клана. С одной стороны, возникают новые городские цивилизации, с другой,—усиливается сплоченность и взаимопомощь кланов и племен.

3. В 2000—1500 гг. до н. э., когда завершались периоды расцвета Шумера и Египта, развивались Вавилон, Ассирии, хетты, хурриты, миттанни, и новое египетское царство. Резко усиливались как связь, так и противоречия между цивилизациями. Это — первое возникновение период цивилизации гегемонического центра, то есть речь идет о другом периоде глобализации. Племена Севера использовали против центров цивилизации технику и другие приспособления, заимствованные у цивилизации. Непрерывно продолжались нашествия племен гор и пустынь Ближнего и Среднего Востока. При изготовлении оружия бронза уступила место железу, что стало источником нового прогресса. Большое значение приобретает поиск родников и торговых путей. Усиленно возводятся крепости и укрепляются стены городов. Сохранившиеся до наших дней величественные монументы и впечатляющие даже сейчас развалины относятся к этому периоду. Большого развития достигает торговля. Резкое возвышение Ассирии и Финикии—результат монополии торговли. Роковой удар по развитию цивилизации нанесли в 1500—1200 гг. до н. э. нападения воинственных племен: скифы и дорийцы — с севера, арамейцы — с юга. 1200—800 гг. до н. э. — это чаще всего период регресса. Единственной сохранившейся влиянием силой осталась Ассирия.

4. Греко-римская цивилизация, последняя эпоха великого классического периода древности попыталась в себя все наследие

обеих цивилизаций, Месопотамии и Египта. Это время охватывает период от 1000 г. до н. э. по 500 г. н. э. Цивилизация продолжала распространяться в Азии, Африке и Европе. Помимо того, именно к этому периоду относятся эпоха классицизма, что стало колоссальным вкладом в историю. Завершение эпохи мифов совпало по времени с возникновением новых самостоятельных религиозных, философских и даже научных течений. Римская империя, бывшая высшей точкой развития монополии капитала и власти, пала под ударами наступавших со всех сторон света племен и родов, то есть под натиском сил демократической цивилизации. Так завершилась эпоха Древнего мира.

В. Самым сложным с точки зрения изучения цивилизации данного исторического периода являются традиции авраамических религий. Все еще не определено, к какой цивилизации принадлежат три основные мировые религии.

Концентрируя свое внимание на изучении данных традиций, я определяю их как одинарное компромиссное, эклектическое движение, стремящееся удержаться между двумя основными силами цивилизации, напоминая тем самым современное социал-демократическое движение. Мои слова о том, что «этим движением руководит авраамово племя» не следует понимать в национально-расовом смысле. Я имею в виду, что данное движение следует рассматривать как обладающее мощной идеологической составляющей, что будет более точно. Производя с первого взгляда впечатление миграции племен, на самом деле оно представляет собой типичный путь всех демократических и государственных цивилизаций Ближнего и Среднего Востока. Это и не сугубо классовое движение и племя, и не сугубо нравственное и политическое; как ни смотри, это средний путь. Это особенность всегда сохранялась со времен пророка Авраама (1700 г. до н. э., а также, можно отнести до шумерской и египетской цивилизации) до наших дней. Оно всегда представляла собой источник вдохновения и исторического прогресса обеих цивилизаций, черпая силы в их наследии (я имею в виду материальные и нравственные моменты) и заслужив таким образом и их дружбу, и вражду.

Авраамические религии завершили мифологическую эпоху цивилизации, открыв эпоху новых религий. Я постараюсь сде-

лать это выражение более понятным в нашей новой парадигме цивилизации. Самым значимым символом мифологической эпохи является сущность богов-правителей. Не следует забывать, что язык и выражения эпохи древности пронизаны мифологией. Искать сегодняшний рационализм бессмысленно. Все предметы, факты и события выражаются языком мифологии. Мифология шумерской эпохи, образовавшаяся под сильнейшим влиянием анимизма, несколько переосмыслив вечность природы, впервые приступила к разделению друг от друга в виде боготворной и небоготворной природы. Шумерские жрецы, мировоззрение которых было унаследовано от неолитического общества Верхней Месопотамии, заменили фигуру Матери-богини мифологическим представителем мужского начала, Отцом-богом. Колоссальные реформы в жизни общества, то есть изменение иерархии и избрание в качестве основного мужского начала, что нашло выражение в структуре государства, нашло выражение в мифологии и идеологии, в данном случае, в победе Энки. Крайне примечательно соперничество урукской богини Инанны, произошедшей от верхнемесопотамской Стар-Иштар, Матери-богини, и Энки, бога Эриду, первого мужчины — божества города. Инанна пытается доказать, что почитать следует Мать—богиню и утверждает, что женщиной открыты известные 104 «ме», 99 добродетелей, таланты, изобретения и искусства. Энки заявляет, что все это потеряло смысл и в качестве доказательства проповедует необходимость подчинения отцу. Себя он объявляет «богом-отцом» мужчин, а богиню Инанну, старую женщину, произвел в дочери-жены. Очень напоминает светские, религиозные, научные проповеди нашего времени! Лично я верю, что первым богом всех этих гегемонистических кругов был Энки, являвшийся оригинальной версией, а все остальное его копией. Особенно это касается богов Олимпа — это третья, четвертая копии, а с богами Рима эпоха выражения стилем мифологии кончается.

Как известно, согласно повествованию, рассказывающему об Аврааме, он был брошен в огонь за разрушение идолов пантеона Немрода в Урфе, но свершилось чудо: огонь превратился в священное озеро. Когда жить стало совсем невозможно, он от-

кочевал в сторону Ханаана (в сущности, с территории, принадлежащей цивилизации Вавилона, на территорию, подконтрольную Египту). Скорее всего, это была обычная миграция. Опять же скорее всего, Авраам, являвшийся предводителем одного из местных родоплеменных структур, вступил в конфликт с правителем города Немродом. Ясно, что конфликт происходил на почве собственности и имущества. В те времена между Вавилоном и Египтом впервые начался период и конкуренции, и оживленной торговли. В силу этого соперничества традиционным интересам тысяч таких, как Авраам, был нанесен сильный ущерб. Такова материальная база миграции. Ханаан находился в относительно полунезависимом положении между двумя цивилизациями. Период усиления гегемонии повлек за собой активизацию процессов миграции. Вероятно, данный случай стал символом, обобщившим понятный для той эпохи языком тысячи аналогичных примеров. Все данные свидетельствуют о том, что это — повествование о противоречиях и конфликтах немродов и фараонов, носивших титулы богов-царей в течение двух длительных периодов цивилизации (Вавилон и новая династия Египта), и местными племенами и княжествами. Они выражали протест, отвергая немродов и фараонов как богов и при возможности разрушая их изображения — идолов. В сущности, конфликт из-за материальных интересов выдается за идеологическую борьбу.

Нелегко бороться с идеологией богов-царей, насчитывающей, по меньшей мере, три тысячи лет; это требует очень большой смелости и способностей. Повесть о чудесах во время восстания Авраама в Урфе обретает важность в свете данной истины. Впервые слуги выступили против богов — вот истинное чудо. Здесь есть и физическое действие, то есть крушение идолов, и новые идеологические поиски. Вопрос о том, где и как обрести нового Бога, каким образом будет сформирована собственная идеология — все это становится предметом серьезных споров. Этот спор длится столетиями. Авраам впервые назвал голос, его вдохновивший, “*Wa hewe*” (то есть *Yahweh*, что означает «это Он»), и считал, что обрел своего Бога. Это выражение, возможно, имеет арийские корни. На тот период арийские племена пре-

обладали в Урфе и инициатива была за ними. Связь Авраама с этими племенами по сей день является предметом споров. Весьма вероятно, что слова “*Wa hewe*” в дальнейшем стали звучать как *Yehova*. Иегова является первым богом Авраама; существует высокая вероятность присутствия арийских культурных традиций. Известно, что после ухода в Ханаан Авраам совершил поворот к таким религиозным терминам, как *El, Ula, Allah*.

Слово “*El*” имеет семитские корни и выражает монолитность, единство племени в условиях пустыни и тоску по ней. Десять заповедей представляют собой второе колоссальное вдохновение Моисея. Встреча с Богом на горе Синай, в сущности, выражает поиск путей решения усугубляющихся проблем племени, предводителем которого был сам Моисей. Если иметь в виду то, что Десять заповедей — это типичные правила, регулирующие жизнь и деятельность племени, то можно продолжить рассуждения. Данная традиция возродится при жизни Иисуса. Пророк Мухаммед так же встретится с Богом в Мекке на горе Хира, где ему было дано Богом первое откровение. Подобные встречи неоднократно упоминаются в Священном Писании в связи с деяниями многих пророков. Ясно, что мы имеем дело с традиционными повествованиями о поиске разума и деяниях, указывавших путь в различные этапы того периода. Таково толкование. Священный текст выражает с помощью стиля повествования, риторики, социальных и природных фактов и явлений первичной и вторичной природы указанного периода то, что я называю образом жизни и действий пророков.

Можно спокойно утверждать, что, если иметь в виду предмет нашего труда, это представляет собой выражение исторической эпохи.

1. Имел место протест против первых двух цивилизаций данного периода, той эпохи, для которой характерно правление богов-царей. Это — первый мятеж слуг против богов.

2. Создается новая идеология. Указывается, что боги-цари тоже являются обычными людьми, Бог же вообще является не человеком, а истинным Создателем всего. Он (известное высказывание «Это Он» является выражением этого высочайшего вдохновения), только Он может быть Богом, Господом.

3. Поклоняться необходимо только Творцу и Создателю, а не богу-царю.

Таковы основные принципы новой идеологии. В основе вдохновенной теории, называемой авраамистическими религиями, лежат принципы, вкратце переданные в этих трех пунктах. Широкие слои общества, постепенно все активнее противостоя стремлениям высших слоев, не довольствовавшихся монополизацией, к самообожествлению, после многочисленных исторических попыток выработали систему воззрений на божество, гораздо больше соответствовавшую их интересам.

Еще более важно рассмотреть возникшие изменения с точки зрения нравственного и политического общества. Продолжавшаяся 2000 лет (3500-1500 годы нашей эры) эпоха бога-царя нанесла тяжелый удар по нравственному и политическому обществу. Обожествление природы, характерное для эпохи Матери-богини с более искренними, равными и живыми отношениями с природой, единым целым с которой ощущали себя все кланы и племена, уступило место мифологии власть имущих, богам-мужчинам, создавшим огромную землю, небо, море и выработавшим жёсткую грань между слугами и богами. Это говорит о резком изменении идеологии. Огромные преобразования происходят также в материальной и моральной культуре. Мифологические повествования наполнены этими событиями, пестрят ими.

Ясно, что в этот достаточно длительный период истории триада жрец-правитель-военный вождь набросила на социальную природу сеть материальной выгоды и идеологическое покрывало, нанеся тем самым значительный ущерб природе нравственного и политического общества. Если принять эту парадигму, мы сможем лучше понять общество 2000-летней давности. Терминализация — весьма тяжёлое, требующее большого труда дело. Парадигма, созданная тысячелетия назад авраамической традицией, при рассмотрении длившейся 2000 лет эпохи нимродов и фараонов использует более эмоциональные, искренние выражения. Разумеется, новое религиозное течение также является метафизическим. Оно очень далеко отошло и значительно отличается от рациональной социальной науки нашего времени, но, тем не менее, является важным историческим прорывом.

Разумеется, это не точное возвращение к прежнему нравственному и политическому обществу. 10 заповедей Моисея четко показывают, что нравственное начало как таковое представлено религией. 10 заповедей Моисея — это чисто нравственные принципы, выдвинутые от имени религии. Культовая сторона находится на втором плане и является слабой. Следовательно, это очень важное преобразование, касающееся нравственного и политического общества, причем место нравственности в этот период заняла религия. На некогда более простую нравственную и политическую жизнь наброшена более широкое покрывало бога — религия, которая закрывает все.

Основная тема необходимых исследований — это вопрос: насколько нравственность и политика, ставшие религией, противостоят цивилизации (городское-классовое-государственное), или же она сама и создала новую цивилизацию. В основе дискуссии по поводу светлое-исламское цивилизация, проходящей сейчас на Ближнем Востоке, особенно в Турции, находится это историческое прошлое. Ответ может быть двояким, если учесть эволюцию, пережитую авраамическими религиями с момента зарождения до наших дней.

Первая тенденция, проявившаяся в правящих слоях еще в начале эпохи нимродов и фараонов, продолжилась под новой идеологической личиной. Действуя в стиле нынешних социал-демократов, они создают в регионе царства и княжества. Ситуацию Авраама раскрывает то, что он, будучи вождем племени, одновременно занимался торговлей. Легко догадаться, что его целью было создание местного княжества или царства. Быть простым слугой нимрода Авраам явно не хотел, считая это унижительным с точки зрения и религии, и нравственности, и политики. Существует большая вероятность того, что к семье египетского фараона принадлежал и сам Моисей. Потомки Авраама («покрытые пылью люди с востока»), страдающие от бедности, в общем-то, рабы, не ассимилировавшиеся в египетской среде и сохранившие традиции и обычаи своего племени, поднимают восстание. Священное Писание отмечает, что встречи и переговоры с фараоном проходят крайне тяжело, однако в результате Моисею и его племени удается покинуть Египет, а, возможно, просто бежать.

Как известно, подобным же образом поступил и пророк Мухаммед. В течение следующих 40 лет история Моисея — история создания нового княжества, а в дальнейшем царства. Моисей разрабатывает свои законы. Ищет «землю обетованную», о которой мечтает. Как известно, эта мечта была воплощена в жизнь на территории нынешнего Израиля-Палестины царями-пророками Самуилом, Давидом и Соломоном за 1000 лет до нашей эры. Пророк Самуил стал настоящим идеологическим лидером в это же время, отмеченное образованием ряда аналогичных княжеств и царств, напоминающих ситуацию небольшого национального государства нашего времени, граничащего с двумя противостоящими блоками. Данная тенденция, несколько изменившись, существует и сейчас — подобные примеры мы можем найти в Латинской Америке и других регионах.

Вторая тенденция связана с противостоянием цивилизации со стороны неимущих и радикальных слоев, понимающих, что цивилизация еще больше ухудшает их положение. Это противоречие было очень заметно даже в первом царстве Израильском. Эту истину подтверждает жесткое противостояние Самуила и пророков с вождями, возведенными на царский престол. Эта ситуация становится еще более ясной после явления Христа. Усиливалось классовое расслоение еврейского народа. Еврейские первосвященники, книжники и старейшины, подчинявшиеся Риму, одной из провинций которого являлся Израиль, схватили Иисуса, обвинив его в антигосударственной деятельности. Иуда Искарот, указавший на Иисуса, — один из его учеников, тринадцатый апостол, в дальнейшем подкупленный римскими властями. Иисус Христос был распят. Понтий Пилат, правитель, не считая Иисуса Христа виновным, предлагал освободить его, однако первосвященники и старейшины еврейского народа настояли на казни. Иисус является представителем не только евреев, но также выражает чаяния бедноты различных племен, поработанных Римом и Персией. Фактически он стал символом первой масштабной межнациональной партии. Новое движение развивается в противовес классической цивилизации. В течение трехсот лет, невзирая ни на что, вопреки голоду, опасности, смерти и пыткам, в катакомбах, буквально в подполье

продолжалась анти-Римская, анти-Сасанидская деятельность. Этот руководящий центр с течением времени обрел политические функции (совет жрецов, консул), был официально признан при императоре Константине и в дальнейшем стал идеологическим центром Восточной Римской империи, столицей которого являлась Византия.

Данный процесс натолкнулся на длительное и ожесточенное сопротивление бедноты и радикальных слоев населения. В течение нескольких столетий проходила активная борьба с сектантскими и еретическими течениями, а также восстания, воплощавшиеся в религиозных движениях. Наиболее известными среди них были арианство, а также восстания на территориях Ассирии и Армении. Очевидно, что веками не только классовая, но даже нравственная, политическая и социальная борьба принимали форму религиозных движений, основной силой которых становились угнетенные народы и племена, и борьба эта не прекращалась ни на мгновение. Основной проблемой, ставшей причиной разногласий в христианском вероучении, стала божественность природы Иисуса, то есть вопрос о том, является ли Он Богом или же человеком. Эта проблема опять-таки восходит к шумерской цивилизации. Объявляя себя потомками богов, правящие слои отказывали в этом представителям бедноты. Это подтверждается легендой о том, что человек был создан из экскрементов Бога. В течение длительного времени подобные идеи оказывали влияние на авраамические религии. Позиция пророка Мухаммеда ясна: человек — не Бог, но может стать посланником и слугой Бога. Еретические течения, распространявшиеся среди беднейших слоев населения, утверждали приоритет человеческой природы Иисуса, тогда как правящие слои поддерживали противоположную тенденцию. На самом деле эта проблема связана с образованием классов. Борьба против цивилизации, усиленная местными верованиями, имеет и классовые, и национальные особенности. Невозможно оспаривать, что мы имеем здесь дело с мечтами о свободе.

Арийские кланы и племена системы Загрос-Торос проводили активную борьбу. К 2150 году до н. э. они постепенно сокрушили Аккад. Пришедшие к власти гуттии, гудеа и хетты

вместе с касситами захватили в 1596 г до н. э. Вавилон. Митаннийская конфедерация с центром в сегодняшнем Джайланпинаре (Сарекани) в 1500 годах до н. э. подчинила себе города Египта и Месопотамии. Все эти события подтверждают эту истину.

После этого исторического этапа традиция сопротивления авраамических религий развивается до сегодняшнего дня, играя большую роль в различных типах исторических структур. Тем не менее, было бы неправомерным рассмотрение авраамических традиций в полном отрыве от мифологии. Большая часть событий, описанных во всех трех священных книгах, существует и в шумерской, и египетской мифологии. Но то что касается бога, связано с преобразованиями данного периода. Важным является то, что нравственное и политическое общество находило выражение в достаточно сильных идеологических и религиозных проявлениях местного характера. Чаще всего религия отражает нравственное сопротивление. Особенно это касается традиций Заратустры, для которых характерны гораздо более глубокие преобразования. На авраамические религии наиболее сильно повлияли именно эти традиции учения Заратустры, являвшегося нравственными и политическими, частично философскими, частично религиозными воззрениями земледельцев и скотоводов из гор Загроса. Известный вопрос к семитскому богу: «Скажи, кто ты?», — показывает кардинальные реформы. Вместо понятия «святость» впервые возникают «добро» и «зло», «свет» и «темнота», что впоследствии приведет к этическим и философским учениям, особенно серьезно развиваемым греками. Греки очень многим обязаны зороастрийской традиции, дошедшей к ним с помощью мидийцев. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что в Истории Геродота чаще всего упоминаются именно они. Традиции Заратустры у горных племен и не подвергшихся эксплуатации крупных арийских земледельческих общин все еще выражали истину сильного нравственного и политического общества. Совершенно ясно, что общество, в котором не слишком развито рабство, где преобладают идеалы свободного общества, стремится к выражению своей нравственной и политической позиции.

Г. Греко-римская цивилизация пережила все три традиции одновременно. Последний период эпохи Древнего мира, связанный на обоих полуостровах с правлением традиционного бога—царя, представлял собой оба этапа. В отношении мифологии это была последняя производная шумерского и египетского происхождения. Последний крупный этап мифологической традиций (Зевс на Олимпе, Юпитер в Риме) относится к Этрuscoму и Спартанскому царствам. В Римской республике (508—44 гг. до н. э.) и Афинской демократии (500—300 гг. до н. э.) мифология постепенно уступала место философской традиции. Сократ и Цицерон были известными ораторами этого периода. Граждане Афин и Рима, отнюдь не так легко расстававшиеся со свободой, все еще сохраняли очень сильную связь с традицией нравственного и политического общества и ожесточенно боролись с царской и императорской властью. Примерами являются противостояние Афин и Спарты, римской аристократии и Цезаря. Огромную важность приобрели имена Сократа и Цицерона — философов этики и философии, впервые разработавших идеи и теории политики, этики и демократии. Несмотря на то, что далеко не все общество заключалось в Афинах и Риме, безусловно, многое было взято от традиций нравственного и политического общества, сохранявшего значительное влияние. Ограниченное количество рабов не может быть сравнимо с массами сильных, свободных граждан города и степи, и, соответственно, очень важна их роль в развитии теории демократии и республики. Римская империя и афинская демократия уступили августейшим императорам и Александру Македонскому, что было значительным регрессом. Не следует забывать, что большая часть ценностей классической эпохи Рима и Афин, выработана республикой и демократией. Рассматриваемая эпоха впервые демонстрирует нам нравственное и политическое общество, поддержанное и развитое, пусть даже частично, республиканским и демократическим правлением. Это — истина. Для полного развития должно идти в сторону демократии прямого участия, превосходящей представительскую демократию.

Христианство, являвшееся третьей традицией в истории империи, первоначально играло роль стихии разрушения. До паде-

ния Рима (746 г. н. э.) под натиском германских племен именно оно представляло собой сильнейший компонент демократической цивилизации. Имперское возвышение Византии постепенно превратило христианство в негативный фактор официальной государственной цивилизации. Однако активная деятельность оппозиционных сект и течений доказывает, что в развитии демократической цивилизации христианство продолжало играть позитивную роль.

Несмотря на постепенное развитие центрально-гегемонического характера, результатом стал распад основанной на 3500-летней триаде город-класс-государство (монополии капитала и власти) системы классической цивилизации, не способной сопротивляться атакам адептов христианства и вторжениям варварских германских, гуннских и франкских племен. Все это совершенно открыто демонстрирует ход исторического процесса. Деградация правящих слоев в объятиях сил демократической цивилизации и поражение классических цивилизаций не противоречат этой истине. Не следует забывать, что города классической цивилизации и окружающая их пространство все еще являются островками в океане демократических сил (племя, род, религиозные общины и секты, цеховые организации ремесленников в городах). Человечество не отказалось от нравственного и политического общества. Эта истина подтверждается тысячетлетними войнами. Существование социальной природы и тенденция развития свободы как проявление нравственного и политического общества выступают под видом религии. Этот тезис имеет огромную важность!

Д. Основной проблемой последней авраамической религии, ислама, стал вопрос о том, является ли он продолжением классической цивилизации или же это мощное проявление цивилизации демократической. Я не уверен, что данная дискуссия выработала решение. Мекка, город, откуда вышел пророк Мухаммед, возник на перекрестке торговых путей, идущих с севера на юг и с запада на восток. Это своего рода центральный рынок, куда съезжаются арабские племена, предлагая не только товар, но и идеи, предметы культа, а также рабов. Именно здесь сохранились верования, произошедшие от традиций Авраама, мифологии и

даже анимизма. Это — центр паломничества. Рождение пророка Мухаммеда совпало с переходом из эпохи Древнего мира в Средневековье. Византийская империя, протянувшаяся с севера до Дамаска, способствовала христианизации Сасанидской империи, распространявшей свое влияние с северо-востока в сторону Аравийского полуострова. С юго-запада через Йемен идет влияние христианской Эфиопии (сегодняшняя Эфиопия в Восточной Африке). Евреи, являющиеся одним из древнейших народов, торговали на всей территории полуострова, получая высокие доходы.

Местные арабские племена, автохтонные жители полуострова, переживали глубокий социально-экономический кризис. Расклад существовавших к тому времени сил цивилизации не допускал миграций, ранее регулярно проходивших во всех направлениях (история сохранила сведения об амореях, апиру, арамеях, аккадцах и ханаанцах). Как известно, семитские племена еще до возникновения Шумерского и Египетского царств нападали на плодородные оазисы эпохи неолита, а в дальнейшем — на города. Однако в данный период местные племена представляли собой пороховую бочку, способную взорваться в любой момент. Арабы как будто ждали чуда для последнего великого расселения семитских племен. Название этого чуда — ислам. Безусловно, пророк Мухаммед блестяще знал время и место действия. В личности пророка Мухаммеда сочетаются все качества, необходимые новому историческому периоду. Пророк Мухаммед не становится мюридом ни одной существовавшей в то время идеологической традиции, хотя определенное влияние на него оказали называемый им религией Писания: иудаизм и христианство, сабеизм и зороастризм. В отношении язычества его позиция совпадает с позицией Авраама. Пророк Мухаммед понимал, что это не приведет его к цели. Первые пропагандистские и военные действия предпринимались им против мекканской торговой монополии, поскольку он понимал, что лишь преодолев их влияние, сможет использовать внутренний динамизм племен. Откровения пророка Мухаммеда, связанные с новым пониманием Бога (Аллаха), очень схожи с 10 заповедями Моисея. Совершенно ясно, что пророк Мухаммед стремился поднять племена на новую нрав-

ственную и политическую ступень. Если рассматривать содержание термина «Аллах» на основе 99 имен, то становится ясно, что это — попытка создания социальной утопии. В мединский период, став политической силой, пророк Мухаммед уже полностью конкретизировал свои взгляды.

Первые победы были восприняты как чудо и усилили веру в свои силы. С точки зрения темы, для нас имеет более важное значение образ действий Мухаммеда в Медине. Место, называемое мечетью, на самом деле представляет собой демократический медресе. Сначала все общественные проблемы обсуждались на собраниях, которые проводились в мечети, и там же искались пути решения. Эту роль пророк Мухаммед продолжал выполнять до самой смерти. Ритуалы молитв (намаз, пост, благотворительность) являются действиями, развивающими личность. Никто не может отрицать, что в основе ислама есть данные методы. Религиозные одежды не могут скрыть активный динамизм возрождения чисто нравственного и политического общества. Именно поэтому истинный ислам, движение пророка Мухаммеда, основано на демократическом участии, создании нравственного и политического общества заново, что и было осуществлено с целью решения существовавших проблем. Это — истина, которую невозможно отрицать. Некоторые действия носили явно преувеличенный характер, что даже вызвало сомнения у самого пророка Мухаммеда, и это широко известно. В особенности то, что все мужчины еврейского племени Бану Курайза были истреблены из-за религиозных разногласий (проблемы киблы) и из-за того, что это племя сотрудничало с курейшитской знатью. Если бы было найдено верное решение этой проблемы, возможно, это способствовало бы преодолению существующих между арабами и евреями противоречий и более активному развитию ислама.

Тем не менее, в целом его можно рассматривать как тяготеющее к свободе и равенству, то есть демократическое движение. В короткое время ислам охватил большую часть территории прежних цивилизаций, что нельзя объяснить только силой меча и оружия. Бедой ислама оказалось то, что он стал орудием сил цивилизации в течение более короткого срока, чем иудаизм

и христианство. Буквально через полвека после возникновения ислама он был подчинен проявлению ответного противодействия классической цивилизации, что было осуществлено в Дамаске династией Муавии. Варварское убийство семьи пророка Мухаммеда фактически стало уничтожением множества позитивных особенностей этой веры. Я считаю, что именно тогда наступил конец истинного ислама. Секты, образованные близкими к семье пророка Мухаммеда кругами и их последователями, хариджиты, представляют собой ислам, исповедуемый более бедными слоями, и данные традиции достойны внимания. Шиитские течения семьи пророка Мухаммеда в Иране, в период правления Сефевидов, приобрели характер официальной идеологии цивилизации, утратив присутствовавшее в его основе противостояние цивилизации. Алевиты (последователи имама Али, зятя пророка Мухаммеда) Анатолии и Курдистана, сотни лет подвергаясь преследованиям суннитской власти, смогли развиваться только как нравственное и политическое общество, что не допускало достижения систематического прогресса. Аналогичная ситуация отмечалась и в отношении других течений. Хариджиты, карматы и прочие подобные течения пытались сделать ислам движением наиболее угнетенных классов. Это стало причиной беспощадной резни и уничтожения едва ли не всех сторонников этих течений. Подобное богатейшее наследие, существовавшее под покровом ислама, далеко неединично и нуждается в тщательном изучении. С этим и связана необходимость написания демократической истории. Категорически можно утверждать следующее: не было ислама личности Мухаммеда. В периоды правления Омейядов, Аббасидов, сельджуков, османов, Сефевидов, Бабуридов нельзя говорить об исламе как об учении пророка Мухаммеда. Именно данная причина вызвала к жизни такое количество сект и течений. Ислам больше не демонстрирует серьезный прогресс. Единственной пользой оказалось обретение хитроумной торговой монополией Мекки, точнее — Муавией, большого влияния и получение такой силы, власти и выгоды, которые и не снились остальной племенной знати — эмирам и шейхам. Совершенно ясно, что это являлось предательством в отношении ислама.

Как известно, пророк Моисей и Иисус Христос тоже испытали предательство. Но по отношению к пророку Мухаммеду имела место более страшная измена. Я имею в виду ислам в период колониального владычества Англии на Ближнем и Среднем Востоке XIX—XX вв.: хорошо известно, как Англия использовала ислам в роли ярого националиста при образовании национальных государств (арабские страны, Иран, Турция, Афганистан, Пакистан, Индонезия и т. д.). В наши дни это — радикализм «Аль-Каиды», которая на самом деле является вообще неизвестно чем. Не имеющая никакого значения Организация исламского сотрудничества и попытки ее участников доказать важность своего существования, представляют самый бессмысленный период в истории ислама. Я с глубочайшим почтением отношусь к пророку Мухаммеда и считаю, что те, кто испытывает хоть какое-то уважение к исламу, должны проявлять не только это чувство, но и преданность истине пророка, особенно в отношении конкретных проблем мышления нравственности и политики. Я надеюсь более подробно остановиться на этой теме в следующих частях.

Я прошу с пониманием отнестись к моим попыткам изучения Средневековья (476—1453 годы нашей эры) на примере ислама и пророка Мухаммеда. Если рассматривать Средневековье не с точки зрения произошедших событий, а как историю, в основе которой лежат измена и предательство, то этот период действительно является веком ислама и пророка Мухаммеда. Именно этот ислам является настоящим предводителем гегемонической системы нашего времени, называемой капитализмом. Это эпоха, в которой капиталистические монополии впервые достигли высшей точки развития, причем тогда же возникли и были воплощены в жизнь ухищрения капитализма. Ближний и Средний Восток до сих пор является центром **данного процесса**. Венеция, в течение 300 лет сотрудничавшая с этими монополиями, была городом, связывавшим Европу с материальной культурой Ближнего и Среднего Востока. В VI—X вв. н. э. христианство познакомило весь европейский континент с культурой и традициями этого региона. VIII—XII вв., названные исламским Ренессансом, казались карликами, оседлавшими традиции тысячелетних цивилизаций.

Нынешняя ситуация на Ближнем и Среднем Востоке — это гордиев узел. Регресс, начавшийся с XII века, я рассматриваю как измену исламу. Предательство никогда ни к чему хорошему не приведет, даже если его источником окажется движение невероятной ценности. То, что происходило в исламе в определенной степени подтверждает это правило. Я считаю важным данное обстоятельство и верю: если бы последователи Мухаммеда проявили, хотя бы как иудеи и ученики Иисуса, настоящее искусство в области теологии, философии, политики и разделили результаты дискуссии со всем нравственным и политическим обществом, гегемонический центр классической цивилизации не переместился бы на Запад. Что еще важнее — демократическая цивилизация могла бы занять господствующее положение вместо классической.

Традиция Авраама и Иисуса, перенесенная на европейскую почву, оказалась более лояльна в отношении дискуссий. Разумеется, догматизм, присутствующий в основе религиозной традиции, продолжал оставаться серьезной преградой. Но то, что удалось распространить по Европе ценности моральной культуры Ближнего и Среднего Востока, отнюдь не являвшиеся пустыми терминами, диалектически привело к активизации развития полюса философского и научного знания. То, что не сделано и до сих пор не позволительно на исламском Ближнем Востоке — это выражение глубокого уважения к вышеупомянутому диалектическому обсуждению и его результатам. На самом деле еще тысячи лет тому назад Ближний и Средний Восток был впереди Европы в развитии земледелия и торговли. Мануфактурная промышленность тоже была развита не хуже европейской. В общем, движение Мухаммеда могло получить результат, более достойный истории этого региона. Но слепая вражда племен, о чем писал в свое время Ибн Халдун, еще при возникновении ислама привела к появлению в Средние века тенденций, подобных фашизму и национализму нашего времени. С XV века, после периода упадка на Ближнем и Среднем Востоке, система центральной цивилизации вновь продемонстрировала подъем на европейском континенте. Именно в этот период на данной территории произошел новый скачок деся-

титысячелетней материальной и духовной культуры, зародившейся после земледельческой революции.

Моей целью является попытка создания проекта демократической цивилизации, определение ее сущности, места, возможностей и исторической функциональности, а не написание истории. Я уверен, что история, безусловно, нуждается в таком пояснении. В противном случае мы никогда не сможем понять открытия, называемые чудесными. Тысячелетиями в богатейшей культурной среде существовали те, кто объявлял себя богом, кто стремился уничтожить роды и племена, кто принуждал к позорным занятиям, таким, как рабство, крепостная зависимость, батрачество, кто силой осуществлял супружеские обязанности, кто пытался присвоить все материальные и моральные ценности борьбы и общины — как можем мы понять историю, не изучив все это? Как мы можем познать человечество без изучения истории? Испытывая уважение к своему социальному долгу, называемому политикой, являющейся искусством разума, нравственности и свободы, мы обязаны задавать эти вопросы и отвечать на них. Ни узкоклассовые интересы, ни племенная вражда, ни катаклизмы социальной природы — вне изучения их причин и результатов человек не может определить свое место в мире. Иначе наша жизнь не имела бы смысла. Под именем цивилизации пропагандируются капитал и монополярная власть, эксплуатирующие общество, история человечества искажена представлениями этих бандитских сетей. Историко-социальная задача демократической цивилизации — это конец обмана капиталистической банды по поводу конца света и существования единственного мира. Представление и воображаемость существования новых миров, не только возможно, но и исходит из незаменимой и обязательной необходимости.

Догматизм Средневековья уничтожает личность. Однако догматизм национального государства в тысячи раз хуже — он берет в плен разум. Национализм опустошил общественный разум во много раз сильнее, чем племенная вражда, шовинизм и отрицание истины. Только для того, чтобы написать и доказать эти чудовищные истории, кровь лилась, как вода. Национализм,

который не является ничем иным, лишь самым отсталым идиологом; идол национального государства, уничтожает человечество нашего времени. Даже в наиболее мрачные периоды истории человеческое общество не было до такой степени тупо, лишено способности размышлять и не оказывалось в подобных ситуациях. Понимая это, я пытаюсь действовать.

Еще раз хочу отметить: Истину совершенно невозможно понять без познания истории общественной природы. Я никогда не прошу себе пессимизм истории, который во мне создал капитализм современной эпохи, потому что без понимания истории, являющейся сущностью человечества, без становления необходимых нравственности и политики мы не сможем уберечься от самого постыдного и унижительного состояния. История ведет к истине, но только демократическая цивилизация способна обеспечить связь истории с общественной достоверностью.

Учитывая важность темы, я постараюсь представить рассмотрение истории демократической цивилизации в эпоху современного капитализма в виде отдельных глав следующих частей.

Г. ЭЛЕМЕНТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Освещение социальных единиц, входящих в состав нравственного и политического общества, может иметь серьезное значение. Идентификация разнообразных общественных элементов необходима также с точки зрения осознания целостности. Целостность способна обрести смысл только на фоне разнообразия. Мы не можем считать город в его состоянии принадлежности к государственности элементом демократической цивилизации. В рамки демократических элементов входят более независимые ремесленники, рабочие, безработные и обладатели различных профессий, живущие за счет собственного труда в городе. Мы будем обсуждать именно такие темы.

а) Клань

Мы вкратце уже касались этого вопроса. Мы также определили, что на клань, являющиеся генеративной клеткой общества, приходится 98% жизни человечества, прошедшего длительный путь развития. Жизнь этих групп численностью 25-30 человек, общавшихся на языке знаков и существовавших за счет охоты и собирательства, была действительно тяжелой. Крайне важно было найти пропитание, самим не став пищей диких зверей. Периодически наступало значительное похолодание. Имели место четыре достаточно длительных ледниковых периода. Говоря о людях той эпохи, не следует ограничиваться лишь тем, что они были просто нашими предками. Не будь их грандиозных усилий, не было бы и нас. Целостность следует искать именно в этом ракурсе. Современное человечество — это итог их борьбы за существование. История — не только письменные предания. Истинная историография имеет смысл, только если учитывает природное состояние человечества миллионы лет назад. Первое состояние, возможно, и есть особенности кланового сообщества, способные объединить человечество. Мы постарались охарактеризовать клановое общество как наиболее чистое состояние общества, нравственного и политического. Эти сообщества, которые и по сей день продолжают свое физическое существование, по-прежнему остаются зародышевой клеткой всех элементов развитых обществ.

б) Семья

Клан нельзя полностью считать семьей, но он очень близок к семье. Семья стала первым институтом, дифференцировавшимся в структуре клана. После длительного существования в форме матриархата был осуществлен переход к эпохе патриархальной семьи под властью мужской иерархии, появившейся после земледельческой революции (примерно 5000 гг. до н. э.). Власть и дети перешли под контроль главы семьи, коим уже стал мужчина. Власть над женщиной стала первым фундаментом собствен-

нического мышления. Не за горами был переход к порабощению мужчин. В эпоху цивилизации можно встретить примеры широкой и долговечной семейственности в форме династий. Более простые семьи сельчан и ремесленников тоже существовали всегда. Государственные власти превратили мужчину в копию своей власти в рамках семьи. Таким образом, семья была превращена монополиями в самое мощное орудие их легализации и стала теперь играть роль постоянного источника рабов, крепостных и рабочих, воинов и всевозможной прислуги для властных и финансовых сетей. Именно по этой причине семье стали уделять внимание, придавая ей священный характер. Капиталистические сети, реализовав наиболее значительный источник прибыли в виде женского труда в семье, налагали на семью дополнительные обязательства в завуалированной форме, превратив ее едва ли не в страховую полис системы и обрекая на самый реакционный период существования.

Очень важна критика семейного уклада. Только в результате изменений семья может стать основным элементом демократического общества. До тех пор, пока не будет проанализирован статус не только женщины, но и семьи как клетки, из которой вырастает власть, идеалы и практическое воплощение демократической цивилизации останется без своего важнейшего элемента. Семья — это не тот институт, от которого следует отказаться, но ее можно преобразовать. Необходимо избавиться от претензий на собственность в отношении женщин и детей, что является пережитком иерархии, а в супружеских отношениях не должны играть никакой роли всевозможные финансовые отношения и власть. Необходимо также обуздать такие мотивы, как стремление к продолжению своего рода. Наиболее разумной основой для союза мужчины и женщины является тот, который базируется на философии свободы, связанной с нравственным и политическим обществом. Семья, способная преобразоваться в этом духе, станет самой серьезной гарантией демократического общества и одним из фундаментальных принципов демократической цивилизации. Помимо официального брака, важен естественный союз. Стороны должны изначально взаимно принять право отдельного проживания. Во взаимоотношениях недопустимы рабовладель-

ческие и жестокие действия. Ясно, что в недрах демократической цивилизации будет иметь место наиболее осмысленное преобразование семьи. До тех пор, пока женщина, многое потерявшая за тысячелетия своего приниженного по отношению к мужчине положения, не обретет уважения к себе и собственную силу, не будет полноценных семейных союзов. Не может идти речи об уважении к семье, построенной на невежестве. Роль, выпадающая семье в преобразовании демократической цивилизации, особенно важна.

в) Родовые общины и племена

Это одни из важнейших общественных элементов, в недрах которых формируется семья и которые больше всего развиваются в крестьянском обществе с общностью языка и культуры. Это — социальные единицы, необходимые для производства и защиты. Когда клан и семья оказались не в состоянии решать проблемы растущего производства и безопасности, возникла потребность в переходе к такой форме, как родовая община — стержневым социальным элементом, в которых имело место не только кровное родство всех членов, но и совместное производство, и обеспечение безопасности. В них представлены тысячелетние традиции. Одним из крупнейших преступлений современного капитализма является объявление этих социальных единиц реакционными, от которых надо немедленно избавляться. Разумеется, если бы люди продолжали оставаться в рамках родовых общин, нелегко было бы превратить их в батраков и установить над ними эксплуатацию. Для рабовладельцев и феодалов существование родовой общины однозначно ассоциируется с врагом. Родовая община не паразитирует своих членов, не превращает их в крепостных крестьян и батраков.

В родовых общинах процветал жизненный уклад, близкий к первобытнообщинному. Это общественная формация, в которой ярче всего существовало нравственное и политическое общество. Именно с особенностями нравственного и политического общества связано то, что родовые общины всегда воспринима-

лись как беспощадные враги классических цивилизаций. Просто уничтожить их было невозможно. Они должны были или исчезнуть, или сохранить свою свободу. Но, как видно, со временем все же происходила деградация. В рядах родовых общин, как и в семье, инакомыслящие постоянно играли свою негативную роль. Родовые общины, которые вели кочевой образ жизни, стали по-настоящему конструктивными силами истории. Рабы, крепостные крестьяне, рабочие никогда не были повстанческой, мятежной и свободной составляющей родовых общин, они были самыми преданными слугами своих господ (за некоторым исключением). Возможно, если бы историю воспринимали не с точки зрения классового борьбы, а с точки зрения повстанческой борьбы родовых общин, то это было бы очень ценным подходом. То, что роль родовой общины умалется, порой считается негативной или же ей вообще не уделяется никакой роли, является следствием самого серьезного искажения, допущенного авторами истории цивилизации.

Являясь своего рода федерацией родовых общин, племена имели гораздо большее значение. Большей частью они утвердились на фоне агрессивных выпадов рабовладельческих цивилизаций. Потребность в объединении и борьбе, дабы не исчезнуть вообще, породила родоплеменную организацию. Это общественная формация с активно развивавшейся военно-политической организацией. Само по себе племя представляло собой и армию, и политику — в основе племенной структуры лежало единство сознания и организации. В недрах племен сосуществовали глубокая историческая память и культура, ставшие основным источником национальных культур. Нельзя приуменьшить их вклад в жизнь и деятельность племен. Именно взаимопомощи уделялась основная роль в коллективной общественной структуре племен. Тем не менее, сохранял значение общинный дух племени, что является конструктивным элементом национального характера. Опасность могла возрасти по мере роста числа инакомыслящих. Несмотря на все усилия историографов цивилизации, направленные на принижение роли племен, именно племя является одним из основных двигателей истории. Если бы не было повстанческой борьбы племен за свободу, общинного образа жизни

и демократических традиций, человечество было бы обречено на рабскую жизнь в форме безликих масс. Именно с этими особенностями связано то, что племя является одним из основных элементов демократической цивилизации.

История демократической цивилизации большей частью является историей сопротивления, восстаний и настойчивого стремления родоплеменных структур жить во имя свободы, демократии и равенства в нравственно-политическом обществе перед лицом всех угроз цивилизации. Именно родоплеменные структуры определили истинный колорит всех обществ. То, что национальное государство руками одной этнической группы ликвидировало родоплеменную культуру, является самым настоящим культурным геноцидом. Этот геноцид в отношении общества, возможно, ослаб, но и по сей день является самой серьезной угрозой. Родовые общины и племена, как конструктивные единицы, могут сыграть главную роль в формировании демократической нации вместо национального государства или титульной нации государства. Именно эти причины и качества делают предельно ясным то, почему племена и родовые общины считаются истинными элементами демократической цивилизации.

г) Народности и нации

Формирование и существование обществ в виде народностей и наций в рамках демократической цивилизации отличается от классических цивилизаций. Официальные цивилизации характеризуют народности и нации как господствующие династии и продолжение этнических групп. Народность и нация поставлены ими в зависимость от официальной династии и этнической группы и должны быть им благодарны. В рамках вымышленной истории маскируется естественное социальное состояние. Героизация передовых личностей в составе династий и этнических групп приводит к появлению «отцов нации». Это и есть обожествление человека. История в каком-то смысле обрабатывается как искусство создания и обожествления таких предков. Однако ис-

тина отличается от этого. По мере развития общего языка и культуры в связи с переходом к оседлости и продолжения таящейся в его сущности нравственного и политического общественного типа реалии общества, развивающегося в форме родовых общин и племен, начинают формироваться в виде народностей и наций. Общества не рождаются в виде народа и национальной идентичности; только в Средние века стали формироваться народности, а в недалеком прошлом — нации.

Народность — это своего рода материал идентичности, необходимый для формирования нации. С началом Новой истории наблюдается формирование наций в двух направлениях. Заметно, что, превратив нервное восприятие народностей официальной цивилизацией в современный национализм, государство, будучи национальным, старается определить новую социальную форму буржуазии и города. Господствующая этническая группа играет в государстве стержневую роль, и свойственная ей идентичность присваивается всей нации. В культурно-языковой среде этой этнической группы силой пытаются растворить даже родоплеменные структуры, народности и нации, имеющие совершенно иное происхождение. Именно таков путь, называется «диким процессом формирования нации». Самый ужасающий в истории культурный геноцид осуществлялся в недрах всех наций при помощи позиции официальной цивилизации в отношении языка и культуры тысяч иных родов, племен, народностей и наций. Во главе всех элементов, которые следует рассматривать в качестве образований истории и системы, стоят именно такого рода народности и нации.

Второй путь формирования нации будет осуществляться через превращение аналогичных или схожих культурно-языковых групп, входящих в нравственное и политическое общество, в демократическое общество на базе демократической политики. Все родовые общины, племена, народности и даже семьи в процессе формирования нации выступают в качестве единиц нравственного и политического общества. Они передают новой нации свой язык, диалекты и культурные достояния. В рамках новой нации ни одна этническая группа, секта, вера, идеология категорически не могут занять господствующее положение.

Самым богатым синтезом станет тот, который осуществится на добровольной основе. Даже многие различные культурно-языковые группы могут с помощью той же демократической политики в качестве демократических обществ стать высшей единицей консолидированной нации, своего рода «нацией нации». Именно этот путь соответствует социальной природе. Что касается правления государствообразующей нации, то, будучи, благодаря современному капитализму, значительно абстрагировано от натурального общества, в виде «единого языка, единой нации, единой родины, единого (унитарного) государства» оно формируется в качестве светской версии старой единой веры и религиозного мировоззрения. Вместе с тем, оно становится новым видом государственной формы финансово-авторитарной монополии. Государственная нация на стадии капиталистического преобразования финансово-авторитарной власти полностью размещается в недрах общества, отражает его эксплуатацию, растворение в горнилах государства. Это форма реализации максимума власти, максимума эксплуатации. Обречение общества на смерть посредством его абстрагирования от нравственных и политических аспектов приводит к превращению личности в муравья, и тем самым формируется стадный тип общества, свойственный фашистскому режиму. В этой модели, крайне противоречащей социальной природе, играют свою роль глубокие исторические, идеологические, классовые, финансовые и властные факторы. Геноциды стали общим итогом действия этих факторов.

Формирование нации в системе демократической цивилизации, став исцелением от монополий финансов и власти, требует их уничтожения, потому что они превратились в раковую опухоль, провоцирующую фашизм и геноцид. Соответствие социальной природы характеру демократической цивилизации предстает перед нами в очередной раз.

д) Сельские и городские элементы

Смысл села и города меняется в перспективе демократической цивилизации. Подобно тому, как земледелие и индустрия — это две неразрывно связанные сферы производства в природе обще-

ства, так село и город тоже являются двумя типами населенных пунктов, необходимыми друг другу. Между ними есть баланс, который непременно нужно сохранить. Нарушение этого баланса приводит к экологическим бедствиям, классовому расслоению, ухищрениям государства, монополизации капитала. Торговля становится на незаконный путь, спекулируя на разнице в ценах. Очень важно сказать городу «да», но при этом категорически противостоять монополизации класса-города-капитала. Эти фундаментальные критерии необходимо иметь в виду для толкования истории с точки зрения развития села и города. Наклеивание «ярлыка цивилизации» на триаду «город-класс-государство» является сатирой. Называя сообщества, живущие в естественной социальной стихии, «дикарями» и «варварами», нам напоминают сказку о Явузе-воре. Истинное варварство и дикость — это ограбление и разрушение социальной природы, и те, кто это творят, основываются на союзе «города-класса-государства», точнее, на триединое состояние этого союза в лице города. Значение того, что реалии идеологической гегемонии вывернуты наизнанку, в очередной раз можно вполне определенно узреть в этой иронической ситуации. Идеология на протяжении всей истории подчеркивала свое значение, существуя как в тесном сближении с истиной, так и вдали от нее.

Демократическая цивилизация предполагает и идеологизирует тот факт, что объединенное движение триады «город-класс-государство» является самым настоящим варварством, а все, кто этому противостоит, представляют собой нравственное и политическое общество.

Село имеет большое значение как первое обозначение оседлости. Восстановление и продолжение жизнедеятельности села в индустриальную эпоху является незаменимой потребностью экологии. Село — это не просто физическое явление, но и фундаментальный источник культуры. Это такая же знаковая единица общества, как семья. Классово-государственная агрессия города, индустрии и буржуазии не в состоянии изменить эту реальность. Село также имеет большое значение как наиболее гармоничная единица реализации нравственного и политического общества. Что касается города, то он необходим, если

в рамках нового соответствия с селом добьется конкретного преобразования в плане населения и действенности. Только в результате коренных преобразований город перестанет быть центром порочного круга эксплуатации и гнета и станет развитым аспектом социального прогресса. Если город прекратит быть центром постоянно растущей раковой опухоли среднего класса и капитала, становящихся источником бюрократии государства и различных компаний, он сыграет центральную роль в освобождении современного общества. Современные города с точки зрения содержания и смысла являются центрами ускоренного истребления в плане разрушения экологии и уничтожения общества. Город — это наиболее точное документирование несостоятельности классической цивилизации. Рим был единственным городом и олицетворял собой весь Древний мир. Падение Рима тоже было уникальным и стало символом Древнего мира. Что касается современных городов, то они, став центрами поглощения и гибели всего общества, в том числе сельской местности, представляют собой большую часть, а в какой-то степени все общество, охваченное смертельной болезнью. Нет никаких сомнений в том, что если человечество как общество не освободится от городов, оказавшихся в таком состоянии, город сотрет его социальную суть и природу!

В систематике демократической цивилизации большое идеологическое и структуральное значение имеет гармоничное сочетание села и города. Только на почве этой гармонии социальная природа сможет заручиться гарантией своего существования.

е) Элементы мышления и экономики

Экономическая основа демократической цивилизации находится в состоянии постоянного противоречия с финансовыми монополиями, построенными на излишках социального производства. Земледелие свободно раскрывает все двери перед любой торгово-промышленной деятельностью, осуществляемой с учетом фундаментальных социальных потребностей и экологических элементов. Демократическая цивилизация считает за-

конной любую прибыль, кроме монопольной. Она не выступает против рынка, напротив, является свободной рыночной экономикой, поскольку предоставляет для этого свободную почву. Она не отрицает созидательной роли рынка, стимулирующего конкуренцию, она всего лишь противостоит спекулятивным методам извлечения прибыли. Мерилом в вопросах собственности для нее является рентабельность. Монополии постоянно противостоят с рентабельностью. В рамки демократической цивилизации не входят ни чрезмерный индивидуализм, ни собственник в лице государства. В социальной природе экономика постоянно реализовалась в форме деятельности сообществ. Отдельный индивидуум и государство не могут иметь никакого отношения к экономике, кроме их причастности к монополиям. Экономике, в которых все решает индивидуум или государство, вынуждены перейти на путь слепого извлечения прибыли или оказаться банкротами. Экономика всегда была уделом отдельных групп — это реальная демократическая сфера нравственного и политического общества. На самом деле экономика — это демократия. Демократия больше всего подходит экономике. В этом смысле экономике нельзя толковать как базис или надстройку. Реалистичнее всего было бы считать ее наиболее фундаментальной демократической акцией общества.

Капиталистическая политэкономия и марксистский абстрактный анализ экономики одинаково опасны. Экономика категорически не должна восприниматься как сделка между работодателем и работником. Я лично считаю пару «работодатель-работник» монопольными расхитителями экономики, являющейся основной демократической акцией общественной природы. Если включить сюда периоды кланов, родовых общин, то можно сказать, что экономика является основной деятельностью нравственного и политического общества. Говоря о рабочих, в данном случае я имею в виду работников, довольствующихся подачками, которые под видом заработной платы выплачиваются им из сумм, отбираемых у других неимущих слоев населения, из сумм, не выплачиваемых домохозяйкам. Подобно тому, как рабы и крепостные являются принадлежностью своих господ и феодалов, работник, идущий на компромисс с работодателем,

также связан с ним. Важнейшими условиями нравственно-политической жизнедеятельности является скептическое отношение к раболепию, крепостной и батраческой психологии, противостояние им, развитие собственной практики и идеологии именно на основе такого противостояния. Как не заслуживают похвалы господа-феодалы-работодатели, так и рабы-крепостные-батраки, неразрывно связанные со своими хозяевами, недостойны возвеличивания в обществе. Они заслуживают жалости как представители униженных социальных слоев, и наиболее правильной позицией при этом было бы стремление к их освобождению.

Экономика в основном своем значении является акцией исторического общества. Ни один индивид (господин, феодал, работодатель, раб, крепостной и работник) и ни одно государство не могут быть действующими лицами экономической акции. Например, ни один работодатель, феодал, господин, работник, сельчанин, горожанин не в состоянии заплатить за все труды, прилагаемые таким общественно-историческим институтом, как материнство, потому что оно определяет наиболее тяжелую и необходимую функцию общества, а именно продолжение жизни. Я не хочу говорить только лишь о деторождении. Я смотрю на материнство с более широкой точки зрения, а именно как на культуру и традиции, явление, отражающее состояние сердечного мятежа, в котором постоянно находится женщина. Правда заключается в этом. Но каким умом, и какой совестью надо руководствоваться, чтобы отправить женщину, находящуюся в столь трудном состоянии постоянного умственного и сердечного сопротивления, на пенсию без денежного содержания? Как можно считать социальным шагом анализ экономики, поставившей во главу угла слугу и работодателя, но оставившей без заработной платы истинных хозяев положения? Об этом не говорится даже в марксизме, считающемся самой сильной идеологией трудящихся. Мы считаем, что марксистская экономика является буржуазной экономикой в худшем ее состоянии и должна быть подвергнута серьезной критике. Поиски социализма в сфере интересов буржуазии — это, вероятно, едва ли не самая ценная услуга, безвозмездно оказываемая капиталистической системе в разложении 150-летнего социалистического движения. Парадоксальность ситуации состоит

в том, что услуга эта оказывалась самыми марксистами! Говоря о том, что путь в ад выложен благими намерениями, Ленин излагал истину. Но разве мог он думать о том, что эта фраза подтвердится, в том числе и его деятельностью? Надеюсь развить эти рассуждения в соответствующей части своего труда.

Считая экономику основной нравственно-политической акцией действительно исторического общества, при необходимости можно абстрагировать ее, подвести по нее научную базу. Но считать экономическую политику с центром в Европе наукой — все равно, что заковать мышление в кандалы второй, после шумерской, поработительской мифологии. Радикальный научный переворот сыграет жизненно важную роль в данной сфере.

Я считаю своим долгом еще раз повторить, что никакое социальное явление не может иметь столь нравственный и политический характер, как экономика. В этом смысле экономика, неминуемо обретет смысл в качестве первостепенной темы демократической политики. Система демократической цивилизации должна обещать не только верное толкование, но и реальный переворот в общественно-исторической экономике, которая в тысячу раз больше медицины нужна для здоровья общества.

Элемент мышления — это не такая уж далекая от экономики надстройка, как принято считать. Впрочем, аналогичное разделение базиса и надстройки осложняет процесс осознания социальной природы. Сама по себе социальная природа — явление, в котором больше всего сконцентрировано мышление природы. Разговоры об отдельных элементах мышления, вероятно, могут быть восприняты как тривиальные. Но то, что науку, оторвав от исторических корней общества, превратили в самый плодотворный источник силы для власти, диктует нам необходимость обратить внимание на мышление и структуру жизнедеятельности в условиях демократической цивилизации. На протяжении всей истории официальная цивилизация постоянно противопоставляла в качестве альтернативы мышлению и структуре демократической цивилизации свою идеологическую гегемонию и науку. Идеологическая борьба и альтернативные научные течения существовали постоянно. Классические цивилизации оказались теми системами, которые больше всех эксплуатировали развитие

мышления в аналитическом русле. Для того, чтобы замаскировать свою эксплуататорскую сущность, они очень часто пользовались различными совершенно бессвязными символическими системами, любыми способами обманывая, устрашая, насаждая пустую романтическую эйфорию. Представляя в сфере мифологии, религии, философии и науке свои материальные реалии в качестве общих социальных истин, постоянно пытались внушать мысль о том, что поиск других истин — это совершенно бессмысленное занятие.

В данном монистическом идеале видны следы попыток капитала и монополий навязать себя обществу в качестве единственного правильного пути. Облив серой краской величественное разнообразие палитры первой и второй природ, пытаются настойчиво утверждать, что единственной краской является серость. Они никогда не забывали о вопросах идеологической гегемонии, используя незначительную часть своей прибыли от прибавочной стоимости в качестве интеллектуального капитала. Школы и образовательные заведения превращены в места зазубривания удобного для власти имущих стиля жизни. Университеты используются не как очаг освоения истины и социальной идентичности, а как сфера, в которой учат не признавать других, выдворяя за рамки социальной жизнедеятельности. Содержание и структура науки формировались с особым усердием для того, чтобы во имя объективности превратить исторические реалии общества в объект, отобрав у них роль субъекта. Механизмы с грубыми чертами цивилизации навязывались обществу в форме идеалов, вселенских правил и форм.

Гармония демократической цивилизации с общественной природой находит свое отражение и в развитии мышления. Даже члены клана с их «детским» мышлением осознавали живую свою связь с природой. Создание имиджа «мертвой природы» — это предательство цивилизационного мышления и ярлык, который пытаются навесить на природу. Если принять во внимание то, что современная финансовая эпоха видит в деньгах нечто одушевленное и божественное, чего не наблюдается ни в каком ином природном образовании, то поймем, что впереди ожидается не сегодняшний монополизм, а кланы. Родовое сообщество,

племя, народность и демократические национальные образования стали сферами существования живого мышления. Мышление и структура существуют для связи с жизнью. Аналитическое и чувственное мышление могут достичь диалектического союза только в рамках системы демократической цивилизации.

Мышление демократической цивилизации, скептически относящееся к системам официальных школ, академий, университетов, на протяжении всей истории выдвигало свои альтернативы. На всем пути от пророков до философских школ, от мистицизма до естественных наук формировались бесчисленные учреждения, очаги, секты, школы-медресе, религиозные течения, монастыри, молитвенные дома, мечети, церкви, храмы. Совершенно ясно, что в любой сфере социальной природы проявлялось не единичное, а дуалистическое состояние цивилизации. Проблема в том, чтобы, не затерявшись в официальной сингулярной структуре, сохраняя конструктивность в естественно-природной чаше весов дуализма, суметь развить разнообразие свободной жизни как выбор демократической цивилизации.

ж) Демократическая политика и элементы самообороны

Относящиеся к демократической цивилизации элементы политики и безопасности играют значительную роль в существовании нравственного и политического общества. В понимании общества, являющегося, кстати, политической категорией, какая-либо иная категория демократической политики может показаться лишней. Но между этими двумя категориями существует разница. В политическом обществе не всегда может применяться демократическая политика. В принципе, на протяжении всей истории официальной цивилизации политическому обществу в подавляющем большинстве навязывалось деспотическое, монархическое господство. Политическое общество, находящееся под господством, не может полностью исчезнуть, но и не может демократизироваться само по себе. Подобно тому, как не всегда наличие ушей предполагает умение слышать, поскольку для этого, в частности, должен быть нормальный слух, так и на-

личие политической ткани общества не всегда предполагает его свободное функционирование. Здоровая деятельность ткани зависит только от наличия демократической обстановки.

Возникновение политического общества при наличии демократической обстановки, в целом можно назвать демократической политикой, не являющейся просто стилем, а выражающей целостность всего института. Без партий, групп, меджлисов, СМИ, митингов и многих других институтов нельзя представить практическое развитие демократической политики. Истинная роль институтов заключается в дискуссиях и принятии соответствующих решений. Без этого невозможно продолжение жизнедеятельности во всех делах, совместно осуществляемых в обществе, ибо итогом будет или хаос, или диктатура. Такова судьба недемократического общества, как правило, зависящего между хаосом и диктатурой. Невозможно даже задуматься о развитии нравственного и политического общества в подобных условиях. В таком случае первостепенной целью политической борьбы, то есть демократической политики, является формирование демократического общества и создание наилучшего состояния совместных дел посредством их обсуждения и принятия соответствующих решений.

Целью политики, используемой совершенно не по истинному предназначению, в обстановке и институтах, называемых буржуазной демократией, в первую очередь, является стремление к власти. Сама же власть подпитывается от монополии. Ясно, что демократическая политика не может преследовать такие цели. Если даже она займет свое место в структурах власти (к примеру, в правительстве), даже тогда основная ее функция будет аналогичной. Смысл не в том, чтобы питаться из рук монополии, а в том, чтобы принимать правильные решения в русле общих интересов общества. Их практикой является отслеживание. Разговоры о том, что, как правило, нельзя участвовать в деятельности буржуазной демократии, не имеют особого смысла. Речь идет об условном участии. Беспринципность подходит только фальшивой политике господствующего класса.

Ни в коем случае нельзя игнорировать важность вовлечения в работу талантливых представителей демократической политики,

необходимость поддержки СМИ, партийных организаций, организаций гражданского общества, постоянной работы по воспитанию общества, требований пропаганды. В качестве особенностей демократической политики, необходимых для получения результата и достижения успеха, можно перечислить такие, как уважительное отношение ко всем различиям в обществе, равенство на основе различий, необходимость согласия, содержание дискуссий, не уступающее их стилю, политическая смелость, первостепенность морали, знание истории и современности, что имеет особую важность практически для всех вопросов, обобщенно-научный подход к теме.

Самооборона является политикой безопасности нравственно и политического общества. Точнее, нравственная и политическая составляющая общества, не способного себя защитить, теряет всякий смысл. Общество или превращается в колонию, гниет и распадается, или сопротивляется, стремится вновь обрести свои нравственные и политические качества и сделать их действенными. Этот процесс является самообороной. Общество, настаивающее на своем праве оставаться самостоятельным, отвергающее колонизацию и навязываемые ему в одностороннем порядке различные формы зависимости, может развивать свою позицию только лишь при помощи возможностей и институтов самообороны. Самооборона предполагает не только защиту от внешних угроз. Противоречия и напряженность всегда могут иметь место и во внутренних образованиях общества. Не стоит забывать, что исторические общества, развивающиеся в течение длительного периода на базе классового расслоения и авторитарности, будут стремиться сохранить эти свои особенности в течение еще более длительного периода. Вышеупомянутые общества будут сопротивляться всеми силами, дабы сохранить в неизменности свое состояние. Стало быть, самооборона, как распространенное социальное требование, еще очень долго будет занимать важнейшее место в повестке дня общества. Эту задачу не так-то и легко будет реализовать до тех пор, пока сила решения не будет помножена на силу самообороны.

В современном обществе вы видим не только внешнюю угрозу, но и фактор власти, присутствующий внутри общества и про-

никающий во все его структуры. Жизненно важное значение имеет создание групп самообороны в соответствующих ячейках общества. Социум, не способный к самообороне, становится обществом, сдавшимся монополиям капитала и власти, превратившимся в колонию. На протяжении всей истории, в процессе перехода от клана к родоплеменным сообществам, от народностей и наций к религиозным сообществам, от села к городу у любой социальной единицы всегда существовала проблема самообороны. Монополия капитала и власти обладает агрессивией волка в его погоне за жертвой. Общество, не способное защищать себя, подобно отаре овец, которая, подвергшись нападению, разбегается в разные стороны и подвергается захвату.

Условием формирования демократического общества и продолжения его существования является создание института самообороны, наделение его реально действующими функциями и сохранение этой дееспособности, по меньшей мере, настолько, насколько она может ограничивать агрессию и эксплуатацию со стороны монополий капитала и власти. В силу того, что длительное время придется жить бок о бок с механизмами капитала и власти, очень важно не допустить две ошибки. Первая ошибка заключается в доверении вопросов собственной безопасности монополистической системе, что означало бы доверить козе капусту. Разрушающие последствия такой ошибки подтверждаются тысячами примеров. Вторая ошибка заключается в демонстрации сугубо государственного характера поведения в противостоянии государству, что свидетельствует о стремлении стать одним из механизмов этого государства. В этом плане достаточно убедительным является опыт стран социалистического лагеря. Следовательно, осмысленная и действенная самооборона продолжит оставаться тем самым элементом демократической цивилизации, который она же не могла игнорировать в истории, но не может и сейчас, и в будущем.

Несомненно, можно увеличить количество элементов демократической цивилизации и раскрыть их, но я считаю, что сказанного будет достаточно с точки зрения сохранения ясности и осознания значения вопроса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Методы исследования истины европоцентристскими социальными науками сами по себе гегемонистские. Двумя основными методами они едва ли не лишают всех возможностей существования все альтернативные пути установления истины. Первый метод заключается в монистическом (индивидуалистском) подходе. В данном случае истина всегда сводится к «одному». Второй метод сводится к безграничной визуальной модели. Говоря о том, что у каждого своя истина, по сути, сторонники этого метода стараются выразить отсутствие истины. Это все равно, что пытаешься утверждать неизменность, говорить о произошедших во всем изменениях. Ясно, что оба метода объединились в редукционизм. И глобальный «монизм», и визуальная сингулярность открыто выражают свой гегемонистский характер, сведя все к одному.

Несомненно, за этими методами кроется монополистический характер цивилизации. Корни этого явления доходят до тех времен, когда шумерские жрецы создавали самого большого бога «Эна». Причины возвеличивания «Эна» заключаются в стремлении узаконить возвышающуюся иерархию и монополистический характер конгломерата «город-класс-государство», а также в желании придать мышлению общества господствующий и гегемонистский характер (полагаю, что слова [egumen] и [hegemon] имеют один и тот же корень). Первопричина древнегреческой философии, каковой является величайшее изобрете-

ние в виде бога, происходит из того же источника (восприятие высшего начала Платоном и Аристотелем). В монотеистических религиях «Эн» является «Аллахом» того мира форм, которым он окутан. Это понятие исходит от «Эл», «Эллахи». В период возвышения Рима он возникает перед нами как Юпитер. Понятие «бога-царя» — это широко наблюдаемое обстоятельство, которое пытаются узаконить имперские режимы, исходя из принципов узаконения такого рода религии или мифологии в любом из созданных ими обществ. Так в каждом царстве, империи и деспотическом режиме наблюдаются усилия, направленные на возвеличивание аналогичного понятия, установление идеологической гегемонии, ибо без такого рода интеллектуальной гегемонии было бы сложно упрочить статус этих режимов.

Европейский капиталистический монополизм, ставший новым гегемонистским центром и формой цивилизации, набрав высоту в XVI веке, прекрасно понимает, что не мог бы победить без аналогичных усилий. Деньги, которые до того периода прятались в щелях и монастырских стенах общества, как сокровище, впервые в истории стали поднимать голову и возвышаться над обществом в качестве гегемонистской силы. Речь идет о форме капитала, которая отличается от обычного, являясь частью земледелия, торговли и конкретно власти.

Поиски новых методов, которыми занимались Френсис и Роджер Бэконы, Рене Декарт, основывавшиеся на христианской теологии (следовательно, их учения имели средневосточное шумерское происхождение) очень тесно связаны с формированием этой материальной гегемонии. «Истина», которую они искали как в плане метода, так и в плане содержания, имеет много общего с этой новой формой капитала на стадии гегемонистского восхождения. По мере того, как капиталистическая монополия утверждает свою гегемонию, идеологическая гегемония капитала в тесной связи с этим утверждает себя и упрочняет собственное положение. Новый метод, философские и научные перевороты могут найти свое научное объяснение только благодаря преобразующему воздействию этого материального условия. Несомненно, объяснение всех явлений капитализмом приводит к слепоте.

Это может сыграть на руку и привести к вульгарному редукционизму. Но если игнорировать существующую между ними связь, то поиски истины окажутся однобокими, утратят свое значение в гуще метафизических высказываний.

Раскрывая такое явление, как современность, в высшей степени важно и поучительно было бы принять во внимание факт формирования этого метода и истины. Любая современность, концептуально тождественная эпохе, обладает многими дифференцирующими признаками. Различия приобретаются в соответствии с эпохой. Существует много примеров, предшествовавших современности, от шумерской до римской цивилизаций и последующих за ними. Кто мог игнорировать тот факт, что римская цивилизация в одно время с гордостью стояла в центре всех цивилизаций? Разве из археологических данных мы не делаем вывод о том, что шумеры, и даже их предшественники — цивилизация Верхней Месопотамии, возможно, предоставили самые показательные с точки зрения времени и содержания примеры? Разве возможно объяснение этой цивилизации без осмысления ее материальной культуры, имеющей революционный характер?

Говоря о различиях капиталистического модернизма от всех других видов модернизма, Энтони Гидденс внес частичный вклад в установлении истины. Ясно, что его позицию можно понять, учитывая то, что он является детищем английской гегемонии. Утверждения о том, что они монистичны, является своего рода ритуалом возврата «долга» стране, национальному государству (новому божеству). Поучительно то, что он ставит современный капитализм на жреческий треножник, хотя и делает различия между современностью, как вышестоящей категорией, и капитализмом. Ясно, что позиция, в которой он оказался, совершая это, является «монистическим» мышлением, господствующим над методом социологии. Он не хочет дать шанс другому типу современности. Если это современность, то единственная. В один и тот же период не могут сосуществовать два вида современности. Именно это обстоятельство, вместе со всеми правыми, левыми и центристами, является мышлением, господствующим над социальными школами. Вся левая интеллигенция во главе

с К. Марксом не сомневалась в европейском типе единства современности. Центристы и правые прослойки интеллигенции, либералы считали это последним словом истины (как это похоже на утверждения о последнем пророке в средневековом исламе!). Только в риторике постмодернизма различные высказывания начали проявляться вновь.

Несомненно, очень важна критика модернизма, продемонстрированная Ф. Ницше. Принятая в новое и новейшее время критика религиозности имеет смысл только с точки зрения собственной современности (древняя эпоха, оставшаяся за плечами новой эпохи). Идея Мишеля Фуко о том, что современность заканчивается смертью человека, очень важна, но недостаточна. Что касается реальной системы социализма (социалистический блок), то, несмотря на различные идеи, она никогда, ни теоретически, ни практически не сталкивалась с проблемой какой-либо иной современности. Официальные круги реальной системы социализма (социалистический блок) часто утверждали, что являются новой современностью, под этим они подразумевали соревнование с капитализмом во всех сферах. В качестве главной задачи они определили то, что они гораздо ближе к основным шаблонам и платформам современного капитализма (государственный капитализм вместо индустриализма, частного капитализма национального государства), нежели к капитализму, и хотели выйти вперед на их базе. В результате они не преминули подтвердить, что действительно стали свежей кровью современного капитализма — в первую очередь речь идет об опыте России и Китая. Первостепенные цели всех национально-освободительных движений заключаются в немедленном освоении господствующей современности, кажущейся им вершиной успеха, и реализации таким образом счастливой жизни. Такова теория и практика. Сомнений в этом очень мало.

Критикуя содержание и форму господствующей современности, под которой имеются в виду последние четыре столетия, нельзя останавливаться на одном лишь понимании того, что это является просто лишь последней формой пятитысячелетней эпохи цивилизации. Нетрудно будет заметить их тесную, нераз-

рывную связь, как между звеньями одной цепи, и нетрудно будет это проанализировать.

То, что я попытался сделать в предыдущем томе и в этих двух томах, разрушает рамки представления об этой монистической, мировой современной эпохе. Говоря о разрушении этих рамок, я попытался доказать, что, несмотря на все усилия по подавлению, сокрытию альтернатив, они продолжают оставаться; я постарался доказать, что все содержание противоположной стороны диалектической дилеммы продолжает существовать во всех своих формах. Демократическая цивилизация как название, возможно, само по себе недостаточно (слово «цивилизация» является турецким синонимом слова «эпоха» и соответствует по смыслу слову «современность»). Это может вызвать массу критики. Но я ни умом, ни сердцем не мог воспринять ни историко-социального характера общества (позиция Фернана Броделя по данной теме придавала определенную смелость), ни того, что перенос истории с кланового уровня на уровень племен, родовых общин, народностей, сел, религиозных общин и прочих сообществ в рамках тех же цивилизационных подходов («город-государство-класс») называют «примитивным варварством» или «религиозной отсталостью». После того, как стало ясно, что диалектика не является комплексом взаимно уничтожающих полюсов, мне не составило труда доказать, что в диалектическом развитии исторического общества, не имеющего уничтожающего характера (возможно, и наблюдается, но периодически, а не постоянно), как это было на примере образования Вселенной, процесс носит не монистический, а дуалистический характер. Остальное я стараюсь раскрыть в этих томах, пусть и в тяжелых, совершенно не приспособленных для этого условиях. У меня вызывает чувство недоумения и возмущения, что европейские социологи, несмотря на потрясающие условия своей работы, так и не потрудились систематизировать этот дуализм цивилизации как две различные современности.

Еще раз возвращаясь к трем основным пунктам определения современности, данного Энтони Гидденсом, постараемся раскрыть их смысл проанализировать ответы, которые даст демократическая современность с противоположной точки зрения.

А. КАПИТАЛИЗМ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Согласно Энтони Гидденсу (несомненно, подавляющее большинство европоцентристских социологов разделяет его мнение), капитализм впервые возник в Европе. Аналоги нигде и никогда в истории не встречались. Капитализм, о котором идет речь, — это капитализм Амстердама-Голландии и Лондона-Англии, которые в XVI веке стали возвышаться как центры мировой гегемонистской силы. Доля истины отмечается в том, что Амстердам и Лондон, начиная с XVI столетия, действительно приняли на себя функцию гегемонии центра мировой цивилизации. Возможно, имея в виду тот период, когда начало развиваться движение в сторону гегемонии, мировая история обладала богатейшей литературой. В данном случае нет ни возможности, ни необходимости повторения — я довольствуюсь только напоминанием. Частично об этом уже говорилось в других томах. Гораздо большее значение имеет ошибочность и наличие большого количества недостатков.

А. Идея сингулярности капитализма неверна. Я содержательно раскрыл то, что первая финансовая (капиталистическая) монополия получила развитие в храмах шумерских жрецов (зиккураты, возможно, были первыми банками и фабриками). Мы можем совершенно спокойно доказать и то, что триада «город-государство-класс» именно Шумеру обязана формированием первой гегемонистской монополии. В частности, после знакомства со взглядами на центральную цивилизацию и мировую систему Андре Франка Понтера и группы близких ему по взглядам исследователей во мне еще больше укрепилось состояние убежденности в собственных взглядах. Хотелось бы настойчиво подчеркнуть следующее: монополия власти — это разновидность монополии капитала. Я отметил важность осознания того, что это является одним из четырех видов накопления. Первая монополия была создана в земледелии с его возрастающей рентабельностью. В связи с тем, что торговля стала обязательным атрибутом региона, торговая монополия обрела возможность развития. Более того, над ремеслом, базировавшимся в городах

и храмах, была установлена монополия, оказавшаяся первой индустриальной монополией. Городское управление превратилось в наиболее мощную монополию власти, наделенную военно-административными функциями, но находящуюся в тесных связях с первой триадой «город-государство-класс». Различие между уровнями возможностей делает необходимым гегемонистские отношения. Сперва была сильна гегемония жрецов, это положение должно было последовательно меняться. Коротко говоря и монополия, и гегемонистский характер действуют на стадии формирования. В предыдущих томах я постарался в схематическом виде отобразить историческое развитие этого процесса. Более того, очень важное подтверждение, касающееся монополий цивилизации, заключается в том, что, несмотря на все противоречия между ними, против внешней угрозы (против сил демократической цивилизации) они выступают единым фронтом, исторически обладая способностями действовать как звенья одной цепи. Ни одна цивилизация не могла бы возникнуть без наследия предыдущей цивилизации. Я говорю о системе централизованных цивилизации, не о таких, как китайская или цивилизация инков.

Я также постарался рассказать историю формирования европейского звена в цепи цивилизаций. Я особенно подчеркнул роль локомотива, которую более трех веков играла Венеция в установлении связей с Востоком (даже в эпоху неолита). Наиболее важное обстоятельство, о котором можно утверждать в связи с сингулярностью цивилизации, сформировавшейся в Европе после XVI века (в смысле той современности), заключается в более развитом денежно-капиталистическом характере. Несомненно, монополия денег-капитала, начиная с упомянутого столетия, смогла построить в Европе первую гегемонистскую монополию. В этом смысле можно говорить о ее сингулярности и беспрецедентном характере, но совершенно очевидно, что нельзя утверждать о том, что колыбелью денег-капитала является именно этот период европейской истории. Первые предметы, похожие на деньги, появились гораздо раньше цивилизации. Специалисты в области истории древнего мира едины во мнении о том, что впервые сыграли роль денег обсидиан и аналогичные камни.

Многие драгоценности и по сей день играют аналогичную роль в примитивных общинах. Наверно, нет никого, кто бы занимался этим вопросом и не знал о том, что первые чеканные золотые монеты появились в правление царя Креза в Лидийском царстве, созданном на восточном побережье Эгейского моря в VII веке до н. э. То же самое можно сказать и о накоплении денег-капитала. Накопление — это очень древняя традиция. В этом смысле на протяжении истории всегда старались копить драгоценности и товары — археологические материалы дают в этом отношении много примеров. Выражение «богатый, как Карун» Крез выражает эту истину. Ничто не может так оригинально и притягательно объяснять использование денег-капитала с целью извлечения прибыли, как ассирийские карумы (имеют общий смысл денег, торговли, склада для рыночной продукции). Есть много городов Востока, которые, за тысячелетия до Венеции, Амстердама и Лондона стали колыбелью денег-капитала.

Переход к стадии сингулярного возвышения в системе денег-капитала Европы заключается в построении первой гегемонии. Карл Маркс считает, что такая гегемония капитала и его воздействие на современность сыграли положительную и передовую роль. Иммануил Валлерстайн сравнивая капитал со львом, вырвавшимся из клетки, считает необходимым особо подчеркнуть его положительную роль. Даже связывая причины со слабостью позиций церкви и монархий, а также с нашествием монголов на Востоке, он как бы признавал то, что ранее наткнулся на массу вопросительных знаков. В итоге он пришел к выводу, что история подошла к точке, оказавшейся не лучшим выбором. Здесь не место для повторного изучения устрашающего баланса четырехвекового господства денег-капитала. Но когда речь идет о количестве людей, погибших или раненых в войнах, количестве и продолжительности самих войн, разрушительных последствиях экономических кризисов, безработице и бедности и, что особенно важно, об экологическом бедствии, нетрудно понять, перед лицом какой гегемонии мы находимся.

Б. Имеют место ошибочные и недостаточные утверждения о сингулярности современности, основанной на капитализме. Эта идея европоцентристской социологии очень масштабна и

охватывает собой все остальное. Существование и ограниченный характер мировой системы не меньше, чем в другие эпохи, воспринимается как конец истории, как последнее слово истины. Более того, ее научная идея придает мировой системе более категоричный характер. Либеральная идеологическая гегемония уже прилагает чрезвычайные усилия и чувствует себя эпохой в эпохе (эпоха медиа и коммуникаций), для того, чтобы при помощи связанных с ней медиа-монополий сделать эту идею общей истиной для всего человечества. Считая значимым представление реальности — как содержания, так и формы, а также ее исторических масштабов, упомянутая система не остановится даже перед строительством футурологии (науки о будущем), оторванной от прошлого и настоящего. Поразительная «сиюминутность»! То есть, выходит, основным является лозунг «живи сегодняшним днем, остальное все пустое». Неолиберализм, сформированный при помощи эклектического мировоззрения из всех старых и новых интеллектуально-идеологических шаблонов, являясь наихудшим из всех зол, напоминает едва ли не агонию конца Римской империи. Формула трех «С», коими являются спорт, секс и синтез искусств, переживает апогей своей идеологизации. Все эти компоненты наделены религиозными масштабами. Сегодня сложно найти религию, которая была бы таким же опиумом, как происходящий на стадионе футбольный праздник. Аналогичные явления наблюдаются и в индустрии искусства. Даже такой основополагающий инстинкт, как половой, превращен в индустрию секса. Одурманивающее влияние секса освящено, по меньшей мере, так же, как в случае со спортом и искусством. Эту «троицу» можно назвать религиозными играми современного капитализма. Еще одной тенденцией современности является религиозный радикализм во имя веры, какой бы антимодернистской она себя ни считала.

Если взглянуть глубже, то станет ясно, что современность с клеймом капитализма является наименее уверенным в себе видом современности. Потребность в таком эклектизме подтверждает эту истину. Даже несмотря на то, что постмодернизм стал продуктом этой неуверенности, он так и не стал альтернативой, всего лишь желая открыть окно для просвещенных кругов, устав-

ших от современности. В силу своего жизненного стиля постмодернизм по горло увяз в современном капитализме. Типичный пример этого можно наблюдать в трудах философа Т. Адорно. Говоря, что «неправильную жизнь правильно не прожить», он в очень лаконичной форме объяснял суть современности. Но Адорно оказался не в состоянии предложить какую-либо альтернативу. Именно поэтому он вызвал серьезное недовольство революционной молодежи. Неолиберализм, в сущности, хотел стать новым покрытием для современности с уже потрескавшимся лаком. Но как бы она ни пыталась присоединять и обновлять, нелегко будет скрыть сам факт противоречия эпохи мировых финансовых монополий и спасти систему. Определяя место и значение европейской культуры для всей цивилизации, длящейся пять тысячелетий, Андре Франк Гюнтер очень близко подошел к истине, но, за исключением нескольких обобщений, не предложил никаких решений и альтернатив, отсутствие которых, кстати, глубоко ощущал. Точнее, он хранит надежды на это. Формула «единство в разнообразии», будучи верной, в том числе и для классической цивилизации, вместе с тем, является обобщением. Адорно не дает никаких пояснений относительно того, как это должно быть реализовано, и ошибка заключается в том, что он не теряет надежд на возможное наличие внутри системы лучших стилей жизни (теоретически и практически). Иммануил Валлерстайн в этом плане более позитивен и радикален. Он совершенно не верит в решение внутри системы. Неустанно повторяя, что переживаемый кризис имеет системный и структурный характер, он предлагает обеими руками взяться за очень хорошо определенные им интеллектуальные, нравственные и политические функции. Недостаток его заключается в том, что он не может предложить содержательный ответ на вопрос, о какой именно системе идет речь. В этом отношении он прибегает даже к искренней самокритике. Говоря о том, что «все мы испили из священной чаши буржуазии», он, в частности, по этой причине выражает страх перед гневом богов (в фигуральном смысле). Изложенное им позволяет извлечь немало уроков, выражающих связь интеллектуального капитала с современным капитализмом и неминуемости радикального разрыва.

Мое положение может обрести смысл только посредством выражения «в бегстве нет никакой пользы». Я убежал от «современного капитализма». Но этого не хватало для освобождения от его лап. Тогда я посчитал более реалистичным и смелым шагом поиск альтернативы капитализму, нежели смерть в его объятиях. Таким образом я не довольствовался только лишь констатацией истины, как Ницше, не согласился объявить о своей смерти (смерть человечества), как это сделал Мишель Фуко и не стал смиряться с судьбой, как это делал фаталист Адорно, считая, что все происходящее проходит. Я также не захотел уместиться в рамках лозунга «единство в разнообразии», как это делал Андре Франк Гюнтер. Я даже не поверил в достаточность триады интеллектуальных, нравственных (этических) и политических задач, как это делает И. Валлерстайн. Мои поиски, несомненно, впитали в себя значительный вклад и смелость, исходящие от этих интеллектуальных и высокоморальных личностей. Но определяющим оказалось то, что формула «неправильную жизнь правильно не прожить» не могла быть применима ко мне, потому что эти слова означают то, что у меня и вовсе не было никакой жизни. Несмотря на все мои поиски, но ни силы, ни веры моей не хватило для того, чтобы осмыслить современную капиталистическую жизнь. Но еще более поразительным является то, что сказал живущий во мне мятежный человек — не продавай нас, ищи в себе все то, что хочешь найти. Я пишу о своем внутреннем мятеже.

Что можно сделать против современных сил, которые на протяжении почти 5000 лет не оставили ни одной головы и души, где бы ни пустили корни? В течение последних четырех столетий они истерзали общество изнутри и снаружи, превратили все в товар на продажу, все купили и продали, позиционируя себя как силы, которые гораздо выше фараонов и нимродов! Я, несомненно, неправильно ставлю вопрос именно в такой форме. Фактически я ставлю вопросе в стиле, свойственном современности. Моя цель — показать, что все, что кроется за этим вопросом, совершенно ничтожно (в смысле позитивности).

Я не исследую и не изобретаю современную демократию. Если даже у меня есть что сказать по поводу ее реконструкции, не

считаю эти мысли столь важными. Точнее, важный аспект кроется в другой плоскости. Это следующее: демократия в ее современном состоянии была всегда в форме дуализма со времен существования цивилизации. Она существует там и тогда, где и когда формируется цивилизация. То, что я пытаюсь сделать, пусть и схематически, — дать заслуженную оценку этой форме цивилизации, существующей там, где есть официальная цивилизация (название неофициальная демократическая цивилизация не имеет значение), и в основных аспектах сделать определенные пояснения. Я хочу дать некоторые определения демократической цивилизации в комплексе с формами мышления и обществом — как на стадии становления, так и жизнеспособном.

В силу законов диалектики там, куда протянулась рука цивилизации, которой приписывается сингулярность (модернизмы различных эпох), во все времена ее существования возникает ее антипод, и не составляет никакого труда распознать его. Напротив, непонятно то, почему он, находящийся в природной гармонии с диалектическим методом, на протяжении всей истории цивилизации ни разу не нашел своего системного выражения и не был озвучен. Разве у бесчисленных родоплеменных сообществ, религиозных общин, угнетенных и поработанных в Шумере и Египте, Хараппи, Китае, Индии и Риме, перекочевавших из Сахары в пустыни Средней Азии, из Сибири — на Аравийский полуостров, не было никакой реакции, мыслей и социальных образований? Разве можно не размышлять? Разве не подавали никаких признаков реакции, противостояния сельские сообщества, десятки тысяч лет кормившие все цивилизации? Разве это все может как-то укладываться в уме и совести? Разве когда города, возводимые трудящимися народами на протяжении тысячелетий, подвергались всевозможному угнетению и грабежу, люди так и продолжали бессловесно восхвалять свою судьбу, разве это возможно?

Можно задать тысячи вопросов относительно тысячи сфер и периодов. Есть и ответы на эти вопросы. Единственный вопрос, на который нет ответа: почему не удалось построить систему цивилизации, сотканную из этих ответов (архитектура мысли, теория)? Есть структуры, противостоящие этому (позиция

нравственного и политического общества). Ясно только одно: интерес, который проявляется к тысяче деспотов, императоров, монополиям власти и капитала, совершенно угасает в отношении положения нравственного и политического общества, являющегося фундаментальным состоянием социальной природы.

В хорошо знакомой нам исламской цивилизации о халифах, султанах, шейхах, шахиншахах, военачальниках сложены повествования со всеми подробностями, но разбросанные по трем континентам мумины, секты и религиозные течения, повстанцы, их тоска и верования не нашли подобающего отражения в историографии или же таковое было сделано с серьезными искажениями. Ясно, что в данном случае проявляется противостояние и дуализм в рамках самой цивилизации. На фоне восхвалений и возвышения одной стороны другая сторона втаптывалась в грязь. Я стал свидетелем этого в своей жизни. Я наблюдал за курдами-алевитами, курдами-суннитами, курдами-езидами. Должен откровенно подчеркнуть, что традиции и культуру курдов-алевитов и курдов-езидов, дошедшую до нас из глубины тысячелетий, я считаю более нравственным и политическим обществом, нежели противостоящую им, хотя исторические повествования и предания полны компрометаций в адрес алевитов и езидов. Естественно, в данном случае я не имею в виду искусственно созданный класс трудящихся и родоплеменную культуру. Их место в масштабе всей цивилизации — это демократическая культура. Примеры тому можно продемонстрировать всегда и везде. Думаю, этого достаточно с точки зрения определения наших целей.

Считаю очень важным освещение еще одного аспекта, имеющего отношение к современности. Понятие «современный капитализм» в каком-то смысле неверно. Необходимо обратить внимание на то, что это понятие использовано мною условно. Если понятие «капиталистическое общество» является двусмысленным и способно завуалировать истину, то понятие «современный капитализм», возможно, таит в себе гораздо больше аналогичной опасности. Современность в общем смысле является стилем жизни определенной эпохи. Она включает в себя все элементы техники, науки, искусства, политики, моды, которые в

виде материальной и духовной культуры накладывают отпечаток на целый период истории. В этом смысле было бы серьезной ошибкой современность приписывать капитализму. Более того, многими своими элементами она противостоит капитализму, который в подавляющем большинстве случаев является монополией. Подобно тому, нравственное и политическое общество, являющееся основным стилем существования социальной природы, противостоит цивилизации в целом и капиталистической цивилизации в частности, аналогичная ситуация существует и в современности. Современное общество не является обществом капиталистическим. В таком случае почему я использовал понятие «современный капитализм»? Потому что капиталистическая монополия вместе с ее гегемонистскими союзниками хочет оставить свой отпечаток не только на обществе, но и на современности, считаемой стилем жизни эпохи. Вместе со своими идеологическими, военно-политическими союзниками прилагает массу систематических усилий (в сфере образования, в местах совершения религиозных обрядов и в средствах массовой информации), чтобы показаться едва ли не создателем стиля жизни эпохи. Создается господствующая идеология, пытающаяся присвоить себе то, что ей не принадлежит. Если такого рода пропагандистские усилия имеют успех, то они оставляют свой отпечаток на обществе и современности.

Энтони Гидденс, считая капитализм краеугольным камнем современности, возможно, даже не знает о том, что попал в сети дуализма. Вопрос, который следовало бы задать, заключается в том, кто кого породил или определил. Даже и думать не стоит о том, что именно современность породила капитализм. Он существует как самобытная эпоха социальной природы. Но после формирования монополий гнета и эксплуатации в форме «город-класс-государство» они стараются поставить свою печать на стиле жизни эпохи и приписать его к своим заслугам. Надо признать, что в этой ситуации они добываются успеха. Это успех их пропаганды. Огромная эпоха была отдана нечестивцам. Применяя понятие «современного капитализма», необходимо постоянно иметь в виду эти условия. Но социальная природа никогда полностью не усвоит в качестве собственной

идентичности цвет другой монополии. Социальные природы, как самобытности, даже теоретически не могут превратиться в отдел монополии гнета и эксплуатации. Как мы уже доказали, не существует «чистого» капитализма, равно как не может быть и «чистой» цивилизации. Если кто-то станет утверждать, что это возможно, следует задать ему вопросы. Как может существовать триада «город-класс-государство» сама по себе, без угнетаемого, управляемого общества? Как они смогут продолжать свое материальное существование? Но, они оставляют свой отпечаток на социальной природе эпохи, они могут использовать! Когда речь идет о Европе, то мы не можем приписывать капитализму такие достижения, как Ренессанс, Реформация и Просвещение. Те, кому человечество обязано этими явлениями, никогда не владели ни деньгами, ни капиталом, не обладали властью. Но они всегда старались оставить свой след при помощи силы денег и власти, потому что хорошо понимали ситуацию и знали, что если удастся это, то они добьются еще больших денег и власти.

В противовес этому общество, являющееся объектом посягательства, денег-капитала и власти, может также оставить свой отпечаток на стиле жизни эпохи. Здесь тоже есть масса путей и примеров. Самобытность социальной природы имеет, в основном, ту же тенденцию. Общество в подавляющем своем большинстве обладает антикапиталистическим характером, потому что ежедневно переживает эксплуатацию и воздействие финансовой монополии. Молодежь, женщины, безработные, угнетенные народы, многочисленные религиозные общины, любое сообщество, представители которого живут своим трудом, основная масса исторического общества (демос) — это те самые прослойки, которые обогащают стиль жизни, современность. Демократия — так называется управление лично этими слоями населения. Несмотря на то, что это политический термин, поскольку сфера и слои его охвата представляют собой основную массу общества, демократическое общество, определение современной демократии — это и есть те понятия, которые больше всего соответствуют сути и истине. Именно поэтому частое употребление мной этого выражения должно быть воспринято с

пониманием. Говоря об альтернативе современной демократии, я имею в виду эти реалии. В таком случае сингулярный модернизм в стиле Э. Гидденса, а также термин «современность с отпечатком капитализма» очень двусмысленны, с высокой долей негативного потенциала. Колорит этой современности определять идеи противостоящих полюсов, образования, системы борьбы и успехов. Разговоры о том, что современность полностью капиталистическая или демократическая, становятся слепым и грубым принижением. Впрочем, если речь идет об обществе, то надо пользоваться термином «полностью» очень внимательно, потому что социальная природа очень сложна и не может окрашиваться соответственно одним цветом. Не следует забывать о том, что противоречия приносят с собой разнообразие, являющееся смыслом жизни. Прекращение противоречий и, следовательно, разнообразия, означает прекращение жизни. Даже смерть есть ничто иное, как подтверждение жизни. Даже представить себе трудно, насколько ужасающе будет выглядеть субстанция, лишённая смерти, обречённая на бесконечность. Итог может стать страшной пыткой. Постоянные поиски аналогий, не преследующие цель борьбы антагонизмов, означают отрицание жизни. Другими примерами жизненных противоречий является усилия фашизма, современного капитализма, направленные на уничтожение и окрашивание в единый цвет всех социальных различий, за исключением моды (на примере моды можно видеть самое ухищренное искусство, предназначенное для сокрытия того, что с точки зрения борьбы с пыткой уравниловки капитализм противостоит всему обществу).

В итоге, характеризуя столь двусмысленное понятие, как «современность», очень важно сконцентрировать внимание на таких явлениях, как содержание и срок. Сведение всех причин к сингулярности таит в себе массу ошибок. Признание современности актуальностью цивилизации требует внимательных выборов, имеющих социальное содержание. Такого рода недостатки и ошибки социальных наук резко бросаются в глаза. Мы можем объяснить это только при помощи силы денег и угнетения, присущей монополиям финансов и власти, и в данном случае, подобно тому, как наука порождает власть, а власть — финансы,

верным является и обратное. В противовес этому социальная природа в лице своей основной массы является демократичной в эпоху капиталистической гегемонии. Следовательно, нельзя предполагать, что современность, являющаяся стилем жизни эпохи, может остаться в стороне от процесса демократизации. Демократизм современной эпохи, как социальная мощь, многократно выше капиталистов и ренегатов нашего времени. Для осознания этого достаточно правильно мыслить.

Б. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ МАСШТАБЫ СОВРЕМЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

То, что наша эпоха в невиданных масштабах зависит от индустрии, является реальностью. Нельзя отрицать и того, что промышленный переворот стал второй, после земледельческого переворота, крупной революцией, имевшей место в XIX веке. Что касается утверждений о том, что точно так же, как и в накоплении капитала, индустриализация отражает невиданный характер нашей современной жизни, то это явное преувеличение. Может быть, не в XIX веке, но в социальной природе в целом, а в частности в неолитическом аграрном обществе и обществах периода цивилизации осуществлялись многочисленные шаги в сторону индустриализации. В силу того, что развитие техники является своего рода индустриальным шагом, развитие носит постоянный характер. Что касается процессов, происходивших в периоды активных действий, то имел место характер качественных скачков. Можно перечислить первые достижения глиняного производства, ручные мельницы, ткацкие станки, колесо, плуг, молот и серп, топор, нож и меч, жернова, папирус, бумагу, разнообразные технические и культурные, а также тысячи других индустриальных изобретений. Не может вызвать никаких споров и то, что самая крупная промышленная революция совершила большой скачок в начале XIX века под главенством Англии. Несмотря на то, что современная жизнь серьезно отличается, но она не может гарантировать сингулярность, а выявляет различия.

Переход от промышленности к индустриализму представляет собой совершенно иную ситуацию. Он отражает факт обретения промышленностью определенного идеологического значения. Индустриализм, собравший под свои знамена представителей традиционных городских ремесел в борьбе против села, на всем протяжении своего развития и по настоящее время лежит в основе всех болезней современности, в первую очередь, экологических бедствий. Конечно же, индустриализм является идеологией финансовых монополий. По мере того, как с конца XVIII века стали сужаться традиционные сферы применения имеющегося у них в большом количестве капитала, их ориентация на промышленность была основана на желании не только предотвратить падение уровней прибыли, но и повысить этот уровень (закон прибыли). В частности, речь идет о ткацкой промышленности. По мере знакомства механического производства с новыми источниками энергии (уголь, пар, электричество) производство, буквально продемонстрировав фурор, в одночасье подняло уровень своих доходов до максимума. Яростная конкуренция, в русле которой оказалось также национальное государство, связана именно с этим новым уровнем прибыли. Промышленность, индустриализация встала во главе всего. Она стала самой священной верой национального государства, и это соревнование продолжается по сей день, совершенно не утратив своей скорости. То, что итоги уже сейчас достигли ужасающих масштабов, стало общепринятым мнением. Не только экологическое разрушение в узком смысле слова, но и культурные и физические уничтожения, имеющие коренной характер, войны, чьи всемирные, региональные, местные масштабы достигли масштабов, не идущих в сравнение ни с одним историческим периодом, а также общество, оторванное от своей нравственной и политической сути, следовательно, геноцид против общества, проявляют тенденцию к индустриализму, или связаны с его религией. Наука и техника, используемые индустрией, именно по этой причине обрели идеологическое значение, несравнимое ни с одним периодом истории.

Индустриализм, как уникальность современности, создает наибольшую угрозу обществу — как внутреннюю, так и внеш-

нюю. Индустриализм является основополагающим элементом позиции властей, разрушающих село и земледелие, способствующих непомерному росту городов, подобно злокачественной опухоли, установивших наблюдение над обществом и взявших его под свой контроль, не оставив в нем ни одной щели, куда бы не проникало их влияние. Национальное государство, являясь основной формой власти и идеологической гегемонии индустриализма, играет главную роль во всех этих процессах.

Человечество, как социальный организм, давно уже находится под угрозой Армагеддона индустриализма, считающегося уникальностью современного мира. Зарождающиеся бедствия стали предвестниками опасности. Совершенно очевидно, что в данном случае закон прибыли, навязывающий постоянное стремление к накоплению и увеличению капитала, — это ничто иное, как антагонизм общества. Постоянное навязывание обществу закона накопления капитала — уничтожение этого общества. Духовный и культурный геноцид стал первым шагом этого процесса. Общий вывод, к которому пришли все разумные ученые, имеющие к тому же совесть, заключается в том, что если в отношении этого не будут приняты соответствующие меры, то человечество прямо пойдет к Армагеддону. Следовательно, индустриализм, как вторая сингулярность, вместе с капитализмом, с которым он сросся, как сиамский близнец, не ограничиваются лишь отпечатком, который они накладывают на современность, что и формирует уникальный характер нашей эпохи. Используя это, они играют главную роль не только в экономических кризисах общества, но и в процессе возникновения злокачественных опухолей во всех жизненно важных тканях и элементах.

Именно в данной точке со всей ясностью и необходимостью раскрывается роль современной демократии в общественной жизни. Общество или всеми силами продолжит свой путь к Армагеддону, или же, окунувшись в современную демократию, стремясь к восхождению, остановится на краю пропасти. Последствия центристских позиций в данном вопросе с каждым днем могут обходиться все дороже и дороже.

Вышеупомянутые доказательства отнюдь не свидетельствуют о том, что вся индустрия носит негативный характер. Мы

хотим обратить внимание лишь на бедствия, к которым может привести индустрия, находящаяся в погоне за прибылью. Если использовать индустрию в направлении нравственного и политического общества точно так же, как она используется в связи с аналитическим мышлением, она может привести к райской жизни. Можно сказать о том, что роль, которую может сыграть индустрия в тесном сотрудничестве с экологией и земледелием, не ограничится только решением основных экономических вопросов, но и сможет дать положительный импульс всем прочим побочным эффектам этих проблем. Нетрудно догадаться, что прекращение утилизации металлома способно породить революционный переворот во многих сферах, от бензина до транспортных путей, от загрязнения окружающей среды до биологии человека. Кроме того, если иметь в виду то, что вследствие развития индустрии мореходства сегодняшними темпами не останется никакой пользы от моря и от суши, то станет ясно, что ограничение перевозок имеет жизненное значение. Естественно, здесь не место для длительного анализа результатов коренных изменений, которым может способствовать ограничения, установленные в тысяче сфер индустрии, в том числе индустрии культуры, но в первую очередь это касается атомной индустрии. Важное значение этого вопроса прояснится даже в том случае, если осознать масштабы обычного внимательного подхода к проблеме.

Остановить действие закона прибыли, конечно же, можно только путем серьезных социальных действий. Основное стремление современной демократии, главным элементом которой не является прибыль, заключается в том, чтобы стать наиболее целесообразным выбором цивилизации, и по этой причине она имеет глубокое жизненное значение. Важнейшая забота нравственного и политического общества, не базирующегося на системе «класс-капитал-прибыль», заключается в защите свободы собственной идентичности, для чего оно должен сохранять действенные средства демократической политики. Либерализм, провоцирующий личность на стремление к безграничным доходам и прибыли, постоянно прибегает к современному капитализму и индустриализму, которые считает единственным

стилем жизни. Он испытывает потребность в освящении системы первобытных верований. Индустрия культуры — это новая форма этого освящения, не знающая никаких преград. Борьбу экономических классов, всевозможные войны за власть, стихийные экологические и феминистские движения, современность, достигшую таких масштабов, можно остановить только при помощи альтернативной современности. Четыре столетия капиталистической гегемонии достаточно подтверждают эти реалии. Не обязательно быть крупным социологом для того, чтобы осознать тот факт, что распад социалистического лагеря произошел из-за неумения развить альтернативную современность. Сегодня мы можем спокойно констатировать, что он смог бы сохранить свое господство, если бы мог решить проблему индустриализма. Если бы для победы в борьбе за современность, завоевать которую стремится капиталистическая гегемония, не жалея ничего для того, чтобы оставить на этой современности свой ярлык, все основные группы оппозиции, в первую очередь, те, кто находится на социалистических позициях (утописты, анархисты, сторонники национально-освободительной борьбы, экологического и феминистского движений), придерживались в своей борьбе единого теоретического и практического направления, современное состояние мира было бы совершенно иным. Единственная общая точка, которую они утратили, находится в следующем: почему они не задали себе вопрос, связанный с современностью, и почему в поисках ответа на этот вопрос они не действовали систематически по единой теоретической и практической линии? В подавляющем большинстве случаев их вклад в развитие капитализма и индустриализма сводился к тому, что они не видели ничего зазорного в форме своего существования. Но гораздо важнее то, что вместо того, чтобы критиковать государственно-национальную политику как элемент современности, они освоили ее как основную форму жизни, после чего главная борьба всей оппозиции и, в частности, левой оппозиции, окажется крайне затруднительной и двусмысленной.

Вопрос, который вызывает мое изумление, имеет отношение к лозунгу «Возможен другой мир». То, что это было представлено

чуть ли не в виде открытия, тезиса или теории, еще более увеличивало мое изумление. В то время, как выявились проблемы современности, не вмещающиеся даже в грандиозный мешок, система получила подпитку со всех источников, отслаивалась, а земля же всеми своими силами сопротивлялась этому, такая находка поражает. Разве не спросят у человека, при помощи какой альтернативы, не довольствуясь критикой всех основных элементов, он сможет дать ответ существующей ныне господствующей современности (современность, на которой стоит отпечаток капитализма и индустриализма) со всеми ее проблемами и безумием.

Исторически религия, философия и этические учения развивались как реакция на вечные вопросы, ответы на которые искали все уважаемые философы и мудрецы. Можно спорить о том, достаточен ли был уровень развития, но важнее то, что не жалели никаких усилий для нравственного и политического общества. Современная демократия может иметь смысл только тогда, когда в свете всех этих опытов продемонстрирует содержательный анализ и ответы на все проблемы, присущие современному капитализму. История и современность, в отличие от устоявшегося мнения, не являются сферой абсолютной власти сил цивилизации. Просто активно проводится пропаганда для того, чтобы это было именно так. Подобно тому, как любая написанная история не является правдивой, так и учения современной социологии не являются реалистичными для нашей современности. В большей степени они представляют собой риторику введения в заблуждение, ослепления и догматизации, используемую идеологической гегемонией. Демократическая политика не является инструментом деятельности политического общества в узком смысле. Это акция, направленная на всестороннее раскрытие сути исторического общества. Значительный конструктивный и функциональный потенциал нравственного и политического общества выявляется только тогда, когда процесс раскрытия сути современного капитализма и индустриализма сливается с истиной. Только тогда находит свой достойный ответ вопрос о современности, современной жизни. Опыт капиталистической гегемонии в течение последних четырех столетий показал, что

никакой другой метод не может дать ответы, достаточно глубокие и способные привести к успеху. Современная демократия, применяя свои идеи в отношении данного исторического опыта, является эффективным ответом.

В. НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, СОВРЕМЕННОСТЬ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

Национальное государство, являющееся третьим и самым значительным непостоянством современности, представляет собой наиболее эффективную инструментальную форму уничтожения и эксплуатации общества. Если либерализм считает себя единством целей (сборником идей), то национальное государство является основной формой власти. Самое последовательное внутреннее и внешнее уничтожение и эксплуатация общества, происходившее в истории, не могло иметь место без присутствия формы национального государства.

Национальное государство является той самой темой, применительно к которой социальные науки больше всего развивали свои инсинуации, искажения и догмы. И по сей день трудно говорить о сколько-нибудь содержательном анализе государства. Даже такой марксист, как Ленин, совершая одну из величайших социальных революций истории, не смог оторваться от национально-государственных устоев современности при решении «проблемы государства и власти». Оставим в стороне успешность анализа; речь идет о том, что свое стремление превратить Советское государство, являвшееся, несмотря на всю критику, организацией демократического общества, в национальное государство он считал оздоровлением революции. Грандиозным примером такого подхода сегодня является китайское национальное государство, сослужившее величайшую службу мировому капитализму.

Позиция Энтони Гидденса по поводу сингулярности национального государства, несмотря на долю реальности, с точки зре-

ния цепной зависимости от исторических кумулятивных монополий власти является недостаточным утверждением. Поскольку в предыдущих томах я постарался содержательно раскрыть суть национального государства, в данном случае повторяться не стану. Я постараюсь сделать эффективными свои рассуждения с помощью необходимых выводов на базе освещения темы с различных точек зрения.

Прежде всего национальное государство должно восприниматься как максимальная форма сосредоточения власти. Ни одна форма государственности не имеет такой мощной власти, как национальное государство. Основная причина этого заключается в привязывании среднего класса к возрастающему процессу монополизации высшего класса. Ни в коем случае не стоит забывать о том, что национальное государство само является наиболее развитой комплексной монополией. На стадии национального государства торговая, промышленная и финансовая монополии создают наиболее тесный союз с монополией власти. Национальное государство является наиболее развитым союзом всех монополий. Ее идеологическая монополия является неотделимой частью монополии власти, и именно в этом ракурсе стоит ее воспринимать.

Одной из сфер, подвергшихся наибольшему заблуждению, насаждаемым социальной наукой, является сфера взаимоотношений с монополией. Социологи прилагают большие усилия для того, чтобы отделить механизмы власти от торговых, промышленных и финансовых монополий, находящихся над экономикой. Таким образом они хотят представить в целом власть и в частности государство как явления, отличающиеся от монополий. Это и есть одна из основных точек, сделавших социальные науки ущербными. Разницу между монополиями, находящимися над экономикой, и монополиями власти можно объяснить только с точки зрения разделения труда. За исключением этого момента, в остальном между ними обнаруживается конкретное историческое единство. Я должен процитировать одну очень эффектную, на мой взгляд, фразу Фернана Броделя. Он говорит: «Власть накапливается так же, как капитал». Он достиг понимания их целостности. В принципе, этот мудрец внес ясность в этот вопрос со многих точек зрения.

Власть накапливается не просто как капитал. Власть — это наиболее гомогенная, рафинированная, исторически накопленная форма капитала. Если написать крупными буквами, будет выглядеть так: **ВЛАСТЬ — ЭТО НАИБОЛЕЕ ГОМОГЕННАЯ, РАФИНИРОВАННАЯ, ИСТОРИЧЕСКИ НАКОПЛЕННАЯ ФОРМА КАПИТАЛА.** Другие виды капитала, стоящие над экономикой, прошедшие через иные пути накопления, используются для обмена, организации. Взгляд на эти виды капитала как на монополии должен быть основан на понимании того, что они стоят над экономикой, и их смысл сводится в узурпации общественных ценностей в целом и общественной прибавочной стоимости в частности (узурпация=монополия). Любые формы заимствования ценностей из общества, независимо от того, что это — налоги, прибыль от производства или открытый грабеж — имеют монополистический характер. Именно поэтому понятие «монополия» уместно и должно быть ясно осознано.

Историческая миссия национального государства заключается в том, что оно отлично объединило в своей структуре все эти монополии. Это стало максимальной целостностью капитала. Силу свою национальное государство черпает именно из этого своего статуса. Оттуда же исходит умение национального государства быть наиболее эффективным инструментом накопления капитала. Поразительным для всех нас является то, что процесс строительства большевистской партией национального государства через семьдесят лет предстал перед нами в виде грандиозной массы капиталистического накопления. Дело в том, что тема совершенно проясняется, если посмотреть на нее с точки зрения анализа национального государства, потому что организация такого государства является наиболее типичным и знаменательным состоянием государственной организации капитала. В границах национального государства можно организовать не социализм, а чистой воды капитализм. Насколько возможно превратить мула в коня, настолько же возможно превратить национальное государство в социализм или считать его таковым.

Несмотря на это, невозможно объяснить сингулярность национального государства в отрыве от исторических форм. Независимо от причин дифференциации определяющей остается

историческая аккумуляция власти. Рассмотрим пример Англии, которая стала первой страной, организовавшей в национальное государство. В начале XVI столетия она находилась в тисках власти испанцев, французов и норманнов. Совершенно очевидна была угроза ликвидации Англии как страны, если бы ей не удалось организовать в форме национального государства. Само по себе это королевство. Одна за другой приходили и уходили династии. Экономика страны создана миграционными потоками, следовавшими по территории Европы еще со времен неолита. Отличие англичан от других европейцев обусловлено островным расположением страны. Они построили свое национальное государство, исходя из этих конкретных исторических условий. История во всей конкретике поясняет этот процесс, суть которого заключается в существовании сильного фунта стерлингов, благодаря политике долгов и максимальной монополизации экономики. Известно, что промышленный переворот в стране тоже был вызван стремлением к гегемонистскому скачку. Следовательно, без истории Англии, в частности истории монархии и конкретной династии, просто невозможно представить себе существование английского национального государства. Монархия — это наиболее содержательная и долгосрочная форма государственности. Именно с этой стороной истории связано то, что Англия до сих пор не хочет расставаться с монархией. Демократии и республики очень ограничены в своих возможностях. Империи — это несколько иная форма правления. Важно то, что без накопления власти, происходившего на протяжении тысячелетий в форме самой рафинированной монополии, не сформировались бы в целом государства и, в частности, национальные государства.

Связи национального государства с теологическими источниками рассмотрены крайне слабо, хотя этот вопрос крайне важен. Карл Шмит, поясняя, что все современные политические понятия имеют теологическое происхождение, в принципе, в этом смысле раскрыл истину. Внимательное социологическое исследование без труда прояснит то, что религия и связанный с ней символ Бога являются наиболее древней формой социальной идентичности. Их надо воспринимать как необходимость

эпохи мышления, а не как разумные символические идентичности. Коллективное общественное воображение должно восприниматься как самоидентификация с самыми священными понятиями, как один из путей сохранения собственного статуса. В основе религиозности лежит освящение общественного бытия. По мере того, как со временем стала углубляться пропасть между властвующим государством и обществом, святость и божественность уже перестают быть коллективной идентичностью общества и переходят во владение к хозяевам власти и государства. Важную роль в данном случае играет идеологическая гегемония. Тут происходит развитие следующей идеи: если власть и государство имеют небесное происхождение, значит они, как хозяева власти, тоже священны и божественны. Уже не так трудно достичь уровня бога-царя, государства бога. Следом за ними укореняются такие понятия, как «посланник Бога», «тень Бога».

Как бы ни абстрагировалось от этого процесса понятие светского государства, это неверно. То, что светская доктрина, ставшая основным принципом деятельности масонского сообщества, в принципе является противоположным полюсом религиозности, в большей степени обусловлено природой этого понятия. Следует открыто заявить, что, в отличие от устоявшегося мнения, светская доктрина отнюдь не такая мирская и светская, да и религиозность не является спиритизмом. Оба этих понятия носят мирской, социальный характер. Идеологические догмы раскрыли разницу между этими двумя понятиями.

Следовательно, можно ожидать того, что имевшее место на протяжении предыдущих эпох божественное отображение власти и государства может отразиться на нашей эпохе. Невозможно представить себе, чтобы это отражение не воздействовало на современное государство.

На протяжении всей истории этим понятием манипулировали именно так. Понятие светского государства или власти является противоречивым и двусмысленным.

Национальное государство загружено религиозными терминами и представлениями еще больше, чем принято считать. Оно подвержено невиданным в истории обрядами освящения. Термины «родина», «знамя», «унитарный», «независимость», «свя-

тость», «гимн», «повествование», на которые опирается национальное государство, избравшее их в качестве символов, гораздо больше относятся к сфере божественной, нежели к прерогативе бога-царя. Ни одна форма государственности так не закрывается идеологическими, правовыми, политическими, экономическими и религиозными доспехами, как это делает национальное государство. Основная причина кроется в том, что национальное государство является основным источником жизни непомерно разросшейся военно-штатской бюрократии. Ведь стоит только выдернуть из-под бюрократов их кресла, как они превратятся в выброшенных на берег рыб. Для бюрократов государство — вопрос жизни и смерти. Именно с этой особенностью бюрократии связано то, что государство облачается в божественные одеяния. Данная перемена в классовой структуре стала причиной того, что в условиях современного капитализма государство обретает крайне актуальный характер, становится предметом таких социальных бурь, которые не встречаются ни в какой иной современной формации. Между понятиями «современность», «национальное государство», в частности, «союз-унитаризм» и «союз богов», есть тесная связь. Подобно тому, как в истории вражеское племя уничтожалось вместе с его родоплеменными божествами, покоренное племя растворялось в победителе, так и их божества растворялись в божестве господствующего племени. Рассмотрев понятие «союз богов» в ракурсе этих социальных реалий, мы гораздо легче осознаем его смысл. В нем кроется колонизаторский, ассимиляторский принцип.

История национально-государственного унитаризма в очень значительной степени носит божественный характер. В то время, как свойственное национальному государству полное обезоруживание общества и перенос всей оружейной монополии в государство способствуют формированию унитаризма, в сущности национального государства происходят поразительная эксплуатация, колонизация, монополизация. Теоретики суверенитета (в первую очередь, Т. Гоббс и Н. Макиавелли), давая в научных рамках определение современному государству, фактически сослужили самую лучшую службу капиталистической монополии. Концентрация оружия в монистической структуре во имя спо-

койствия общества становится невиданное в истории абстрагирование общества от его политической силы, следовательно, экономической жизнедеятельности. Поскольку государство и власть, благодаря сконцентрированному у них невиданному количеству оружия, действуют, в конечном счете, как монополия, не остается ни одной общественной ценности, которой бы они не овладели. Они придают обществу любую форму, которую желают сами. Могут устранить все, что их не устроит. Наконец, все, что происходило в истории, прошло этот же путь. Были совершены беспрецедентные геноциды.

Представляя собой общий знаменатель для всех монополий, национальное государство не останавливается только лишь тем, что устанавливается на аннексии общественной материальной культуры, завоевании и эксплуатации. Оно играет определяющую роль в ассимиляции духовной культуры. Придав под маркой национальной культуры официальный статус культурным нормам господствующего этноса или религиозной общины, оно объявляет войну всем остальным культурам. Мотивируя ущербом, наносимым национальному единству, национальное государство готовит соответствующую участь многим религиям, этносам, народностям, языкам и культурам, существующим на протяжении многих тысячелетий, применяя для этого или силу или материальное поощрение. Невиданное в истории количество языков, религий, конфессий, этнических родоплеменных сообществ, а также народы и нации стали жертвами такой политики, точнее говоря, геноцида. Материальный геноцид (физическое уничтожение) в сравнении с духовным геноцидом — это все равно, что капля в море. Культурно-языковые ценности вместе с их группами, пришедшие из глубины тысячелетий и сохранившиеся до наших дней, едва ли не в форме священнодействия приносятся в жертву под маркой сохранения «национального единства».

Характерное для национального государства понятие «родина» гораздо более проблематично. Как бы то ни было, географическая территория, взятая под господство государства, то есть монополии, отображается как «священная родина». По сути, она превращается в совместную собственность союзов монопо-

лий. Установленная над ней система гораздо более углубленная и колонизаторская, нежели древняя колонизаторская традиция. Если раньше была одна колонизаторская страна, то в арсенале современного национального государства есть столько же видов колонизации, сколько у нее «священных родин». Подобно тому, как происходит обезоруживание колониальных народов, так и народ «священной родины» обезоруживается и приводится в состояние невозможности несопротивления любого рода эксплуатации. Все материальные и духовные культурные ценности народа, в первую очередь его внутренние ресурсы, подвергаются жесткой эксплуатации. Иными способами невозможно будет насытить непомерно разрастающиеся как опухоль бюрократические монополии.

Дипломатия национального государства формируется для координации действий с другими национальными государствами, являющимися внешними монополиями, а также для ведения всех дел мировой системы национальных государств. Если бы не было признания внешних национальных государств, то было бы просто невозможно сохранить любое национальное государство даже 24 часа. Причина кроется в логике мировой капиталистической системы. Без согласия гегемонистской силы не может быть постоянного существования никакого национального государства. Повествование обо всех государствах изложено в книге гегемона. Тех, кто выходит за черту правил, подвергают или участи Саддама, или же банкротству путем введения различных эмбарго. Считается определенным следующее: никакое национальное государство не может существовать постоянно, если его создание или последующая жизнедеятельность происходили без согласия силы-гегемона. Даже такие известные государства как Советский Союз и Китай не смогли оказаться исключением из этого правила.

Одно из основных особенностей национального государства является его закрытость в отношении многообразных и различных политических образований. Причина ясна. Многообразные и различные политические образования будут представлять собой препятствия для эксплуатации монополии в пределах существующих границ. Если в рамках природной потребно-

сти нравственное и политическое общество достигнет сосуществования с различными политическими образованиями, в частности, демократическими политическими образованиями, сфера монополизма серьезным образом сузится. Именно с этой целью созданы такие понятия, как «неразделимость суверенитета», «целостность страны», «унитарная структура» и т. д. Задача следующая: не делить со своим народом и социальными группами ценности страны. Этот аргумент играет основную роль и в уничтожении культурного достояния. Поскольку политическая демократическая многообразие является наиболее соответствующим равенству режимом, как для свободы, так и на базе различий, она преподносится как взгляды и действия вне рамок опасного закона, «ввергающего в опасность целостность страны и режим».

Национальное государство со своей наиболее часто разрабатываемой титульной нацией, возможно, является самым оппортунистическим в истории представителем гегемонистской силы. Под маской государствообразующей нации оно играет роль самого преданного соглашателя капиталистической системы. Ни одна структура не проявляет зависимости от гегемонистской силы, центральной силы мирового капитализма так, как это делает национальное государство. Именно этот характер обуславливает их роль внутренних эксплуататоров. Чем большим националистом кажется национальное государство, тем больше оно служит гегемонистской силе мировой системы. Считать государством национальную государственность гегемонистской силы, на протяжении четырех столетий серьезно подготавливавшейся, формировавшейся и собственными усилиями превратившейся в этого самого гегемона, означает не сделать никакого вывода из войн поразительных гегемонистских сил мировой капиталистической системы.

Анализируя понятие «национальное государство», очень важно не допустить ошибочных результатов, спутав эту проблему с некоторыми другими. Прежде всего, необходимо точно определить термин «национальное государство». Государства в течение всей истории в целом позиционировали себя в качестве организации, очерчивающей свою территорию вместе со

своими членами. Иными словами, они, являясь кадровыми государствами, осваивались, убеждали друг друга, возвышались, облагораживались, даже обожествлялись. С появлением национального государства этот подход изменился. Теперь уже не только государственные служащие, но все общество, находящееся в подчинении государства и называющееся гражданами, испытало влияние бога национального государства. Все общество почти было растворено в национальном государстве — что называется, было заперто в железной клетке. Не осознав этой истины, нельзя будет понять сути ни национального государства, ни современности. Первое — это оценка национального государства вместе с республикой и демократией. Национальное государство не только не является республикой, но, более того, развивается на базе противостояния с фундаментальными философскими институтами и практикой республиканского строя. Национальное государство — это отрицание республиканской идеологии. Имеющееся по сей день влияние в стане левых и являющееся взглядом 150-летнего социалистического учения мнение о том, что без централизованного национального государства не может быть демократии и социализма, в сущности, является чудовищным самообманом. Ужасающие последствия этого взгляда привели, в частности, в Германии к гибели многочисленных социалистов и демократов во главе с Розой Люксембург. Последствия проявились также во время распада социалистической системы. Никакой обман до сих пор не причинил социализму и демократии столько вреда. Республика и демократия могут обрести свой истинный смысл только с помощью формирования плюралистической демократической политики против национально-государственного монополизма. Только тогда совместное существование в условиях осознанного патриотизма может быть реализовано в рамках плюралистического режима демократической политики в условиях демократической республики.

В стремлении современных мировых финансово-капитальных монополий гегемонии просматривается их желание реконструировать национальные государства старого типа. Даже, несмотря на другие цели (в частности, обман посредством надевания

демократической личины) эта тенденция неолиберализма ясна. Национальный монополизм со многих точек зрения не может идти в ногу с мировым монополизмом. Он не может положить необходимость всемирной политики на фазу быстрого применения. Следовательно, он становится причиной окклюзионности целостности системы. Реконструкция не предусматривает ликвидацию национального государства, она предназначена для приспособления потребностям нового мирового гегемона, каковым является финансовый капитал.

В навязанной обществу идеологической гегемонии национальное государство не преминет использовать четыре формы, причем в тесно сопряженном эклектическом виде. Национализм, являющийся основной идеологической формой, полностью облачен в религиозную суть. Насколько современным капиталистическим государством является национальное, настолько же современной религией является национализм. Он подготовлен в качестве общественной религии позитивистской философии. Патриотизм надо воспринимать как антагонизм национального общества, которое, кстати, по природе своей социально. В этом смысле национализм является наиболее антинациональной идеологией. Национализм и капиталистическая идеологии, устанавливая свою гегемонию над нацией, являющейся, в сущности, демократическим явлением, таким образом верно служит эксплуататорским монополиям. Всю нацию он превращает в совместную собственность и объект эксплуатации монополий, сплотившихся в союзы (торговые, промышленные, финансовые и авторитарные). В частности, эти действия осуществляются под позитивистской националистической маской. Национализм, являющийся религией национального государства, в этом смысле может показаться противоречивой религией, но, тем не менее, по своей сути демонстрирует себя в форме двух явлений.

Первый феномен заключается в божественности «унитарного государства». Будучи государством единого бога в рамках нации, оно проявляет большую чуткость. Эта форма единобожия на международной арене отражается в виде супер-гегемона (подтверждением этому служит высказывание президента

страны-супергегемона США Дж. Буша о том, что он наделен полномочиями от Бога). Супергегемон, по высказыванию Ф. Гегеля (хотя говорил он это в адрес современных ему Наполеона и Франции), — это состояние движения бога, сошедшего на землю. Второй феномен заключается в том, что любое национальное государство является национальным идолом супергегемона. Увеличение в этой форме не может быть по смыслу сведено к разрушению единства и переходу к системе многобожия. В данном случае речь идет о возрастании в качестве идолов. Философским источником является позитивизм, в то же время эклектической идеологией второго уровня в национальном государстве также является позитивизм. Это наиболее близкий к национализму идеологический источник. Они питают друг друга. Основатель позитивизма Огюст Конт хотел лично создать позитивизм как светскую религию вселенной. Позитивизм не смог оказаться столь стойким, как марксизм. Все же он является фундаментальной верой лаицизма. Несмотря на то, что Ницше очень уместно высказался о том, что является противником этого учения, назвав позитивизм вульгарной метафизикой, фактически он сделал очень важное открытие. Позитивизм, являясь одним из так называемых вариантов и порождений современности, фактически стал той самой гегемонистской идеологией, которая более всего затмевает обзор социологии, превращая ее в идола.

Как наука позитивизм является самой грубой позитивистской философией. Явление — это образ реальности, в позитивизме же это сама реальность. Все, что не считается явлением, не может быть реальностью. Квантовая физика, астрономия и биология, даже анализ мышления дают нам понять, что реальность протекает в мирах, находящихся за максимально видимыми глазу явлениями. Реальная ситуация во взаимоотношениях объекта наблюдения и наблюдателя облачена в такую таинственность, что невозможно втиснуть ее в какие-либо физические параметры и пояснения. Позитивизм, будучи отрицанием этой глубины, больше всего напоминает первобытное поклонение идолам. Поскольку идол обрел видимость как явление, он отражает общую связь между позитивизмом и язычеством. Именно поэтому

все виды мышления, охваченные рамками национального государства, считая мир состоящим из простых видений (феноменов), воспринимают его как своего рода объект поклонения. Падкость потребительского общества на «объект» — это и есть поклонение. В данном смысле формирование потребительского общества как продукта, созданного в обстановке национального государства, является в высшей степени важным и понятным. Таким образом, все единицы общества, становясь чрезмерными потребителями в плену у товара (с появлением национального государства товар полностью превратился в идола потребительского общества), предоставляют капиталистическим монополиям хорошие возможности для извлечения чрезмерной прибыли. С другой стороны, потребительство, ставшее своего рода религией, но будучи самым доверчивым, захваченным в плен и ассимилированным обществом, превращается в легко управляемое общество, закутавшееся в мышление, провоцируемое устрашающими националистическими лозунгами, и открыто выражает эту истину.

Третья важная идеологическая форма эта царящая в обществе половая дискриминация. Она стала инструментом, которым чаще всего в истории пользовались системы цивилизации (против нравственного и политического общества). Многоцелевая эксплуатация женщины является самым поразительным примером. Женщина рождает детей. Она является бесплатным работником. Выполняет самую тяжелую работу. Женщина — самая безвольная рабыня. Она пребывает в роли постоянного объекта реализации сексуальных желаний. Она используется как средство рекламы. Она — самый дорогой товар, королева товара. Являясь объектом постоянной агрессии мужчины, женщина стала едва ли не фабрикой, претворяющей в жизнь власть мужчины. Являясь символом красоты, обаяния, очарования, женщина в моральном смысле продлевает существование общества, в котором господствует мужчина. Все эти качества женщины способствуют тому, что женщина достигает своего статуса в обществе с мужским господством, как правило, в структуре национального государства. Женщина, изображаемая в национально-государственном обществе почти богиней, на первый

взгляд является объектом преклонения. Но статус «богини» в данном случае используется в самом приземленном виде, скорее всего, напоминающем жаргонное обращение к женщине легкого поведения. Так общество называет своей богиней униженную женщину. Половая дискриминация в национально-государственном обществе, наделяя, с одной стороны, мужчину максимальной властью (каждый мужчина-господин внушает себе мысль, себе, что, вступив в половую связь, «решает все дела с проституткой», «имеет ее»), с другой стороны, превращает общество в лице женщины в самую жалкую колонию. В этом смысле женщина занимает в структуре национального государства место самой колонизированной нации исторического общества.

Национальное государство, будучи традицией более раннего времени, не останавливается перед использованием религии в тесной связи с идеологией. Причиной этого являются факторы, до сих пор сохранившие значение во всех обществах. В частности, в этом отношении ислам имеет очень живой характер. Но, с точки зрения использования в современных условиях, сама по себе религиозная традиция уже не является религией. Религия, используемая в условиях современного национально-государства, как в радикальном, так и в несколько аморфном виде, оторвана от реальной социальной функции, то есть лишена роли в нравственном и политическом обществе и находится в выхолощенном состоянии. Социальная роль религии остается в границах, определенных ей национальным государством. Оно ставит жесткие препятствия перед выполнением религией положительной функции в нравственном и политическом обществе. В этом смысле главная роль принадлежит лаицизму. Следовательно, не стоит удивляться тому, что между ними время от времени вспыхивают столкновения. То, что национальное государство окончательно не отрешивается от религии как от старой традиции, связано со структурой религии, что весьма благоприятно для использования глубокого влияния религии на общество и кристаллизации национального характера. Порой религия сама играет роль национализма. Шиизм, очень распространенный в Иране, является самым сильным геге-

монистским идеологическим оружием в руках Иранского государства. Шиизм — это националистический пример самой развитой религии. Аналогов этого много. Суннизм, пусть и в ограниченной форме, является ближе всего подошедшей к национализму религиозной идеологией Турции.

Для четырехступенчатой объединенной монопольной эксплуатации (торговая, промышленная, финансовая и административная), осуществление которой взяло на себя национальное государство, оно не ограничится только лишь использованием фашизма. По крайней мере, национальное государство считает важным условием гегемонистское использование четырех эклектических идеологий.

На усилия национального государства, направленные на создание однотипной человеческой личности, массы, современная демократия должна ответить при помощи плюралистических, позитивных, открытых для альтернативы (положительные). Современная демократия развивает свою альтернативу, открытую для различных политических образований, многокультурную, экологическую, феминистскую, закрытую для монополизации. Политической альтернативой современного капиталистического национального государства, которую выдвигает современная демократия является Демократическая Конфедерация.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

А. Открыта для разнообразных и многоуровневых политических образований. Различные политические образования горизонтального и вертикального уровней необходимы в силу смешанного характера структуры современного общества. Конфедерация способствует гармоничному сосуществованию центральных, местных и региональных политических образований. Плюралистическая политическая структура, умеющая найти ответ в любых конкретных условиях, ближе всего к выявлению путей наиболее правильного решения социальных проблем. Естественным правом культурных, этнических, национальных идентичностей является собственное самовыра-

жение посредством политических образований. Точнее, это потребность нравственного и политического общества. Конфедерация открыта для принципиального согласия с традициями государственности, независимо от их формы — национально-государственной, республиканской, буржуазно-демократической. Она может сосуществовать с ними на базе принципиального мира.

Б. Конфедерация базируется на нравственном и политическом обществе. Шаблонный проект, основанный на капиталистических, социалистических, феодальных, индустриалистских, потребительских, социально-инженерных идеях, видит усилия общества только в рамках капиталистической монополии. Такого типа общества нет в сущности конфедерации. Есть пропаганда. В основном общества носят нравственный и политический характер. Экономические, политические, идеологические и военные монополии, разрушая эту фундаментальную природу общества, становятся механизмами, стремящимися к прибавочной стоимости, даже социальной дани. Они не представляют из себя ценности как таковой. Даже революции не могут создать новое общество, они могут сыграть положительную роль только как операции, к которым прибегают для возвращения функциональности изношенной нравственной и политической ткани общества. Остальное определяют свободное волеизъявление нравственного и политического общества.

В. Конфедерация основывается на демократической политике. В противовес системе бюрократического управления национального государства с ее жесткой централизацией и отношением к волеизъявлению конфедерация реализует принцип самоуправления общества посредством самовыражающихся политических образований. Дела на различных уровнях будут вести управленцы, не назначаемые сверху, а избираемые на местах. Действительным станет избранное собранием, прошедшее через обсуждение, закрепленное решением. Управление посредством спускаемых сверху приказов будет недействительным. Демократическое управление и контроль общественных дел на всем протяжении от общего центрального координа-

ционного совета (собрание, комиссия, конгресс) до местных органов будет осуществляться посредством институтов управления, соответствующих структуре любых групп и культур, обладающих развитой структурой, ищущих единства среди многообразия.

Г. Конфедерация основывается на самообороне. Это сила, основанная на подразделениях самообороны, которые действуют не как военная монополия, а в соответствии с внутренними и внешними потребностями общества под строгим контролем демократических органов. Действия самообороны утверждают действительность демократического политического волеизъявления, являющегося основой принятия нравственным и политическим обществом решений на базе свободы и равенства. Самооборона должна нейтрализовать вмешательство внешних и внутренних сил, пытающихся парализовать волю общества, препятствовать ее проявлению, вообще ликвидировать ее. Командная структура союзов, будучи под двойным контролем со стороны органов демократической политики и членов союза, при необходимости может быть легко изменена путем взаимных предложений и голосований.

Д. В конфедерации нет места гегемонии, в частности, идеологической гегемонии. Принцип гегемонии действителен для классических цивилизаций. В условиях демократических цивилизаций и современной демократии гегемонистские силы и идеологии не могут найти приветливого к себе отношения. По мере того, как будут стираться границы между различными формами самовыражения и демократического управления, гегемонии нейтрализуются при помощи принципов самоуправления и свободы волеизъявления. В коллективном управлении обществом условием успеха станут взаимопонимание, уважительное отношение к различным предложениям и связь с принципами принятия демократических решений. В этом смысле, несмотря на столкновение общего для классической цивилизации и современного капитализма мировоззрения с мировоззрением национального государства, между всеми этим и мировоззрением демократической цивилизации и современной демократии существуют глубокие различия и противоречия, на основе которых

развиваются такие стили управления, как бюрократический, волюнтаристский и нравственный демократический стиль управления.

Не может быть и речи об идеологической гегемонии. Плюрализм действителен и для различных взглядов и идеологий. Управление не испытывает потребности в усилении собственных позиций при помощи идеологического камуфляжа. Следовательно, конфедерация не нуждается в националистических, религиозных, позитивистских идеологиях и идеологиях полового равенства, противясь также созданию гегемонии. Любой взгляд, мысль, верование имеют право на свободное самовыражение до тех пор, пока не противоречит нравственно-политической линии общества.

Е. В ответ на понимание единства национальных государств, находящихся под контролем супергегемонов в рамках ООН, конфедерация позиционирует себя как сторонница мирового демократического конфедеративного союза. Условием для создания более надежного, мирного, экологического, справедливого и плодотворного мироустройства является объединение на базе критериев демократической политики в рамках Мировой демократической конфедерации широких, как в количественном, так и качественном отношении, народных масс.

В итоге можно подчеркнуть, что различия и противоречия современного капитализма и современной демократии, которые мы могли бы очень содержательно сравнивать, это не просто идеи, а два конкретно существующих огромных мира. На протяжении всей истории эти два мира, находящихся в состоянии диалектического противоречия, порой безжалостно воевали друг с другом, но, являясь спутниками, между которыми было нередким мирное сосуществование, дошли до наших дней, и сейчас между ними наличествуют в аналогичной форме и противоречия, и мирное сосуществование. Выводы, несомненно, сделают те, кто может совершить хороший интеллектуальный, политический и этический скачок, исходя из существующего системного, структурного кризиса.

Г. ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ, КАПИТАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Без правильного осознания истории и современности иудеев очень трудно в полной мере осмыслить суть общественно-исторического развития. Восприятие иудеев, как их называли в истории, или евреев, как принято называть сейчас, просто как этноса или нации является крайне недостаточным. Очень важно восприятие их как ближневосточного по происхождению источника культуры, являющегося предметом интереса для всего мира и оказывающего на этот мир значительное влияние. Я не имею в виду культуру в узком смысле слова. Я предлагаю целостное восприятие материальной и духовной культуры. Следует избежать двух серьезных ошибок, имеющих отношение к данному вопросу. Первое — это мировоззрение, преувеличенно представляющее и возвеличивающее евреев в качестве силы, правящей миром. К этой же сфере относится выражение о том, что евреи — это Богом избранная нация. Чем дальше от подобного рода преувеличений, являющихся предметом спекуляций, тем легче будет осознать истинный смысл. Вторая ошибка заключается в демонизации евреев и их превращение в козлов отпущения. Очень распространенным является стремление считать евреев источником зла. Чем дальше от воздействия этой позиции, приводящей к последствиям не менее негативным, нежели первая, тем легче будет охватить суть вопроса.

В предыдущих томах я постарался с различных позиций представить иудеев в рамках авраамистических религий. Здесь же я постараюсь развить свои взгляды с несколько других позиций. В основном вопрос иудаизма и еврейства будет рассматриваться в связи с капитализмом и современностью.

История рассеяния евреев по всему миру, начавшаяся после разрушения в 70-х гг. н. э. Храма во второй раз, со стороны Римской империи, способствовало возникновению на Ближнем и Среднем Востоке, в Европе и во всем мире множества проблем и их последствий, хотя и раньше имели место аналогичные проблемы и их последствия. Исход пророка Авраама из Урфы в окрестности Иерусалима и по сей день продолжает сохранять

свое возросшее в мировом масштабе значение с точки зрения проблем и их последствий. Жизнь сыновей Авраама в Египте, история Иосифа, исход Моисея — все эти события оставили следы всемирного значения. Составление Священного Писания, ранее имевшее место создание первого Иудейского царства, вавилонское изгнание, связи, установившиеся в этот период с персами и греками, способствовали появлению значительных результатов. Влияние, оказанное евреями, занимает определенное место в истории цивилизации. Написание Священной Книги само по себе является очень важным событием. Это своего рода завоевание авраамистическими религиями официального статуса. Владение Святым Писанием — это явление, оказывающее на историю колоссальное влияние.

Однако диаспора, сформировавшаяся после 70-х гг. н. э., имела более глубокое значение. В данном случае я не буду углубляться в историю, ограничившись лишь краткими оценками. Общеизвестно, что еврейская диаспора разделилась и в дальнейшем концентрировалась по двум направлениям — восточному и западному (сефарды и ашкенази). Влияние, оказываемое ими, обуславливалось именно этим разделением. Известно, что на Востоке еврейские поселения возникали и распространялись в виде масштабных колоний на территориях современной Сирии, Ирака, Ирана, на побережье Каспийского моря, в России и, возможно, вглубь внутренних территорий Азии. В западном направлении тоже происходила активная миграция евреев и их расселение в виде колоний на территориях, подконтрольных Римской империи. Волна переселений и возникновения еврейских колоний наблюдалась на всем пространстве от Северной Африки до Восточной Европы, от Иберийского полуострова до Балкан. Анатолия стала центром водораздела между Востоком и Западом на пути становления еврейской диаспоры. Вплоть до падения Рима влияние евреев имело важное значение с религиозной точки зрения. Несомненно, и иудаизм, и христианство, возникшее в его недрах, оказали на историю передовое влияние. Они стали своего рода духовной империей эпохи.

Безусловно, вопрос о том, как евреи перешли на денежные взаимоотношения, как, испытывая духовное влияние денег, они

превратили деньги в не менее эффективный материальный инструмент, является темой глубоких исследований. Ясно одно — если первая стратегическая тема, над которой много работали евреи, это духовная сфера — религия, литература и наука с преимущественным значением духовной культуры, то вторая тема заключается в том, что деньги стали предметом стратегической деятельности и прибыли евреев. В истории обе линии имеют значение потому, что довели духовную и материальную культуры до стратегического уровня. Еще в те времена тот, кто имел превосходство в обоих вопросах, обретал стратегические позиции в мировой истории. Мое предположение заключается в том, что евреи уже в те столетия глубоко осознали стратегическое превосходство в обоих вопросах и работали в этом направлении. Основными причинами этого являются конкретные условия проживания народа. Небольшое население, постоянное пребывание в тисках двух цивилизаций восточного и западного происхождения, идеологическое восприятие самих себя в образе избранных слуг Господа (мы видим четкую идеологическую гегемонию) требовали ведения постоянных стратегических поисков. Небольшое население, миграции, священные верования евреев и их постоянное пребывание под дамокловым мечом полного уничтожения не только активизировали развитие умственных способностей, но и стимулировали развитие «освободительной стратегии» (как же это похоже на революционную освободительную стратегию!). Условия жизни требовали от них стратегического мышления и развития возможностей для освобождения. В противном случае их полное исчезновение, подобно тысячам других племен, было бы легче легкого.

В данном случае постоянное состояние сопротивления становится единственным путем к освобождению. Но сопротивление требует выполнения двух конкретных условий — это наличие веры и материальных средств. Если вера евреев проявлялась как духовный стратегический элемент, то деньги стали материальным стратегическим элементом. Следовательно, стратегическая роль религии, имеющей для евреев большое значение как духовный элемент, и стратегическая роль денег, как материального элемента, это два незаменимых главных источника, объединив-

шихся для освободительных целей. Если искать ответ на вопрос, почему у еврейского народа налицо господство денег и религии, смысл ответа будет таков: у них попросту нет иного выхода. Образ их жизни требует постоянного сопротивления. Не исчезнуть и жить на высоком уровне, потому что они верят в то, что являются избранными слугами Господа, — вот главное условие. Но ведь сопротивление — это такое искусство, которое тяжело проводить без освободительных стратегий (идеологическое превосходство) и материальных стратегических возможностей, каковыми являются деньги (материальное превосходство). Если этого нет, то народ оказывается один на один со своей пустыней, как арабы, или с горами как курды. У евреев нет ни того, ни другого. У них остаются только идеологические и материальные возможности.

Внутренняя роль христианства в падении Рима ясна, несмотря на продолжающиеся дискуссии. Если принять во внимание тот факт, что первый христианин, Иисус Христос, происходил из иудеев, то станет несомненным то, что если и не все, то одно крыло евреев сыграло бесспорную роль в падении Рима. Можно сказать, что таким образом иудеи отомстили римлянам за два разрушенных Храма (Храм — это одна из величайших святынь еврейского народа, своего рода символ еврейской государственности и столицы иудеев Иерусалима). Не осталась без ответа казнь в Риме святого апостола Павла, родившегося в Тарсе (ныне Тарсус), одного из первых, кто принял христианство и распространял это учение. Их борьба отмечена тысячами распятых, растерзанных хищниками, уничтоженных христиан. Первая успешная акция еврейской диаспоры была достигнута с помощью использования христианства как стратегической духовной силы. Можно также отметить, что упадок Рима изнутри стало первой крупной стратегической духовной акцией еврейской диаспоры. Несомненно, очень серьезное влияние имели нашествия германских, гуннских и галльских племен из Европы. Опять же, определяющий характер получили внутренние факторы.

Выступление западных евреев после падения Рима проявилось в материальном плане в процессе возникновения городов и развития вокруг них рынков (первая европейская революция,

происходившая X века н. э.). Развитие взаимоотношений по формуле «товар-деньги-торговля» позволило евреям овладеть вторым стратегическим элементом, то есть стратегической ролью денег. Господство денег означает обретение роли в управлении новыми государствами, возвышение которых практически наполовину обеспечивало рост городов. К X веку уже была завершена христианизация Европы. Это завоевание оказало очень сильное косвенное воздействие на евреев, причем как положительное, так и отрицательное. Позитивная сторона заключалась в том, что одна из авраамических религий завоевала Европу, а негативная сторона заключалась в том, что иудаизм, являвшийся узкой родоплеменной религией (избранной еврейской верой), постепенно оказывался стесненным. Секулярная и родоплеменная Европа, начиная с Гитлера по настоящее время увидит влияние духовной силы иудаизма а также силу еврейских денег, в проявлении многих проблем и кризисов. Постановление Латеранского собора 1179 года об ограничении перемещения евреев и заключении их в гетто впервые продемонстрировало силу этого влияния.

С начала X века еврейство стало постоянно развиваться как идеологическая и материальная стратегическая сила Европы, не исключая Россию. В каждом городе богатыми и интеллигентными людьми непременно были евреи, что неминуемо приводило к ревности, противоречиям и стычкам. Первые гетто (закрытые кварталы) стали предвестниками последующих последствий. Данная новая ситуация стала причиной созданию новых стратегий и тактики со стороны евреев. Первое, это целая волна переходов в другие религии, а с другой — «секулярно-светское» движение евреев. Оба течения имели большие последствия. При помощи этих двух новых стратегических акций евреям удалось совершить успешный прорыв из Средневековья. Не стоит забывать, что уход от старой веры был первым стратегическим действием, совершенным и Авраамом, и Моисеем. Исход может вполне естественно восприниматься как стратегическая духовная акция.

Масонские ложи, организованные в Средневековье еврейскими каменщиками, можно воспринимать как первые проявления

секулярно-светского движения. Б. Спиноза, известный философ еврейского происхождения, возглавит в дальнейшем первое мощное секулярно-светское философское движение в Амстердаме, являющемся одним из первых храмов современного капитализма. Лаицизм, в первую очередь в Турции, а также в странах называемых исламскими (подобно тому, что я считаю пропагандой именование общества капиталистическим или социалистическим, именование страны светской, исламской, христианской или буддистской я оцениваю также. Я считаю более реалистичным классифицировать общества как нравственные, политические и не являющиеся таковыми) является темой активных дискуссий. Лаицизм в смысле секуляризации обладает одной положительной функцией, сводящейся к отдалению от догматизма и обретению свободы. Но понятие «светский», использованное в смысле лаицизма, может превратиться в догму, то есть в свою противоположность. Я должен особенно подчеркнуть, что в этом смысле лаицизм не сильно отличается от прочих разновидностей религиозности. Тенденция к смене веры усиливалась по мере того, как усиливалось противостояние еврейству. До того, как евреи обрели возможность оставаться в лоне иудаизма в период национального государства, на Ближнем и Среднем Востоке и на Востоке в целом события такого рода были достаточно действительны и интересны.

До возникновения ислама у евреев были хорошие взаимоотношения с персидским государством Сасанидов. Известно, что они имели значительное влияние при дворе правителей. Известно также и то, что Эстер, жена одного из персидских царей, играла важную роль при дворе Сасанидов. Она упоминается и в Священном Писании. С большой долей вероятности можно сказать, что евреи обладали мощным влиянием в решении торгово-финансовых вопросов империи, а также в ее идеологическом развитии. Эта традиция была заложена тогда, когда родоначальник персидской монаршей династии Кир спас евреев от вавилонского правителя Навуходоносора во время вавилонского плена (596-546 гг. до н. э.). Влияние евреев в Иране было настолько сильным на протяжении всей истории, что преуменьшить его значение просто невозможно. Евреи всегда занимали важные историче-

ские позиции на Аравийском полуострове, в Северной Африке, даже в Восточной Африке — Абиссинии. Нельзя преуменьшить влияние еврейского народа на процесс материально-культурного развития этих регионов.

В период становления ислама еврейский народ в виде торгово-религиозных общин был одним из передовых слоев населения в Аравии. Они обладали собственностью на плодородных территориях. Складывается ощущение, что евреи были предводителями семитских групп, впоследствии именованных арабами. Аналогичная позиция характерна и для ассирийцев.

Арабы в каком-то смысле стремились при помощи ислама установить вместо еврейской монополии собственную монополию на торговлю и власть. Данный факт подтверждается тем, что арабы испытали заметное влияние евреев. Это можно сравнить с созданием национального государства в условиях современного капитализма. Современное им Средневековье арабы встретили в лоне ислама. Вышеназванные реалии кроются в основе идеологических и материальных противоречий с евреями и иудаизмом. Необходимо подчеркнуть, что в становлении ислама классовый аспект сыграл не меньшую роль, нежели этнический. Быстрое распространение ислама и жесткое подавление иудейских мятежей чуть не привели ко второй трагедии, подобной римской. Перед евреями было два пути: или новые изгнания, или переход в другую веру. Можно предположить, что часть евреев нашла убежище в Иране, Северной Африке и Анатолии. Существует множество примеров того, что значительная часть евреев для видимости перешла в ислам, в сущности, не приняв его; тем не менее, имел место факт смены веры. Можно с уверенностью говорить о многочисленных восстаниях, а также отречениях от веры предков в конфессиональном движении, вспыхивавших против шовинистской, искусственно созданной арабской власти. В частности, стоило бы изучить вклад еврейского народа в развитие ряда оппозиционных течений в Иране и Месопотамии.

Самым заметным прогрессом стало создание иудейского тюркского Хазарского каганата на северных берегах Каспийского моря на территории современного Туркменистана и Азербайд-

жана. Предания гласят, что родоначальник сельджуков Сельджук ибн Дукак был военачальником в этом каганате. Кстати, данная информация находит сильное подтверждение в том, что четверем своим сыновьям он дал еврейские имена. Если это верно, то можно утверждать, что роль евреев в сельджукском движении, равно как и во многих движениях, предпринятых против экспансии арабских султанатов через территорию Ирана, не может быть умалена. Это очень перспективная тема, требующая исследования. Анатолия еще в древности была важным центром еврейства. Евреи, так же, как и греки сыграли свою роль в становлении многих городов. Между ними была конкуренция. Традиционной стала концентрация в Анатолии евреев, притесняемых на Западе и на Аравийском полуострове. Имея в виду эту историческую перспективу, можно гораздо лучше понять то, почему евреи считали Анатолию своей второй после Израиля родиной. Более того, Анатолия была важным рынком торгово-финансовых и идеологических течений, где также велика была роль евреев.

Известно, что евреи попали в Анатолию через Испанию на волне миграции 1391, 1492 и 1550 гг. Принимая во внимание привилегированное положение евреев в Сельджукской и Османской империях, можно лучше понять то, какой плодотворный регион они заняли. Кроме того, достаточно большая масса представителей еврейского народа перешла в мусульманство. С 1650 года стало играть серьезную роль саббатизм (движение по активному переходу в ислам, начавшееся в Измир-Манисе). Известно его влияние на финансовую политику Османской империи. Возможно, евреи играли роль учителей, раскрывавших значение денег и торговли. Несмотря на периодически имевшие место серьезные противоречия и конфискацию имущества, нельзя отрицать роли евреев в низвержении и утверждении многих султанов.

Как видим, переход в другую религию стало третьим крупным стратегическим шагом, на который пошли евреи для сохранения своего положения. Без этого они не могли бы выжить ни среди исламского большинства на Востоке, ни среди христианского большинства на Западе. Этот шаг следует воспринимать как стратегию жизни. До тех пор, пока религиозный догматизм не

признает свободу самовыражения, как и в других идеологиях, неизбежными становятся изменения и переходы в другую веру. С помощью трех указанных стратегий евреям удалось в Средние века избежать полного уничтожения.

На деньги надо смотреть не только с позиций материального интереса. Сила, придаваемая деньгами, позволила сохраниться еврейскому народу. Формирование идеологической значимости помогло им при помощи духовных методов сохранить свое влияние и продолжить существование. Количество великих писателей, интеллигентов, мыслителей, идеологов, ученых среди евреев тесно связано с позицией духовного поиска, в чем они испытывали колоссальную потребность на протяжении всей истории. То, что евреи развили множество религиозных, философских, научных движений, было вызвано их жизненными стратегиями.

Что касается стратегии перехода в другую веру, то свое истинное серьезное значение она продемонстрировала в эпоху национальных государств. Англия, ставшая первым национальным государством, сыграла ключевую роль в осознании данной темы. Испанские и французские короли-католики, представлявшие собой две крупные силы и применявшие политику изгнания и геноцида как в отношении христиан-протестантов, так и в отношении евреев, прилагали невероятные усилия, в том числе военные действия, чтобы нейтрализовать влияние Англии в Европе XVI века, а также предотвратить ее выступление. В том же столетии евреи наряду с поддержанием тесных связей с Измиром-Анатолией, Амстердамом-Голландией и Лондоном-Англией, которые были для них наиболее надежными регионами (между тремя этими силами существовало взаимодействие на уровне союза), в последующем выбрали в качестве своей базы Лондон. С тех самых пор Лондон продолжает сохранять данный статус.

Известно, что XVI век стал началом становления английского национального государства. Национальное государство, как известно, означает консолидацию в общих идеологических рамках не только государственных кадров, но и всех граждан вместе с государственными кадрами (по аналогии с одной и той же рели-

гией), считая все общество членом государства, его гражданами. Именно эта особенность стала развитием и продолжением черты, которая изначально была свойственна иудейскому племени, и которую оно развивало сначала на уровне народности, затем уже в рамках национального государства. Иудейское племя, народность, в конце концов, еврейская нация является единым этническим и религиозным целым. Точнее говоря, этническая составляющая одновременно является составляющей религиозной. Религия евреев является их этническим признаком. В частности, с точки зрения дифференциации повелителей и повелеваемых, они объединены единой целью. Откровенно говоря, мое личное толкование, которое я считаю очень важным, сводится к тому, что национальная государственность, являясь развитой производной еврейской родоплеменной идеологии, представляет собой форму, которая навязывается всем нациям, приспособляется к ним и направляется на них.

Организация современного капиталистического государства в стиле евреев, иудеев (нынешних израильтян) демонстрирует себя в качестве национального государства. Важнее всего то, что стержень любого национального государства не в расистском, а в идеологическом смысле имеет общие черты с еврейским типом национального государства. Национальное государство как модель стало формой государственности, полученной евреями в условиях современного капитализма. Вернер Зомбарт, считая капитализм результатом деятельности евреев, может быть, смотрел вперед. Великий английский философ-неогегельянец и историк Робин Джордж Коллингвуд Коллингвуд, давая определение, если не ошибаюсь, национально-государственному национализму, подчеркнул, что победила еврейская всеохватность (можно сказать, идеология), имея в виду, что победу одержал убийца еврейской нации. Победило национальное государство, в основе которого лежит еврейская идеология (родоплеменная по характеру, то есть национализм, сионизм). Но в итоге оно же породило убийцу собственной нации. Это утверждение очень важно по своей сути. Оно раскрывает общую особенность. Любой национализм имеет общие с сионизмом черты. Арабский национализм тоже в этом плане является сионистским. Не будет

ошибкой считать палестинский, турецкий, курдский, ирано-шиитский национализм по своей сути формами еврейской идеологии, примененными в первую очередь национальными монополиями. Исследование национализма английского и голландского национальных государств в яркой форме продемонстрирует не только теоретическую, но и практическую роль, сыгранную монополиями, в деятельности которых участвовал еврейский капитал.

Не следует видеть в этом заговор или плохое намерение. Евреи, будучи коммерсантами и банкирами, больше всех остальных концентрировавшими в своих руках капитал, делали огромные инвестиции в процесс формирования любого национального государства. Национальное государство способствовало росту еврейского капитала, подобно снежному кому. Если бы Вернер Зомбарт раскрыл свою теорию в таком виде, то он был бы более реалистичен. Увеличиваясь в мировом масштабе, еврейский капитал, конечно же, должен был породить собственного антипода. Именно это является источником современных противоречий национальных и наднациональных монополий. Становится очевидным то, что те, кто накапливал еврейский капитал, помня о своем постоянно угнетенном положении в истории, оказывая на базе своих традиционных идеологических линий услуги в формировании национального государства, фактически объективно закладывали основы геноцида в отношении еврейского общества, которое совершенно не имело к этому никакого отношения и не должно было нести никакой ответственности. Это несколько напоминает пример Иисуса Христа и предавшего его Иуды Искариота. Евреи, мобилизовавшие свою материальную и духовную культуру для развития немецкого национального государства на протяжении около трех столетий (неслучайно немецкая идеология имела сходство с еврейской идеологией), до наступления эпохи Гитлера были самыми яростными немецкими националистами. Самые заметные сионистские националисты во многих отношениях были сильнейшими представителями немецкого национализма. Можно перечислить и другие подобные примеры (в частности, Россию, Османскую Турцию). Победил уже упоминавшийся

Коллинвудом еврейский универсализм (национализм-позитивизм-религиозность), способствовавший при этом не только геноциду еврейского народа, но всем физическим и культурным геноцидам во всем мире.

В связи со значением данной темы ее следует рассмотреть несколько подробнее.

Евреи, возможно, являются одним из первых примеров общественно-исторической идентичности, в которой идеологический смысл возникает благодаря тесному переплетению этнических и религиозных особенностей. Данная особенность еврейского народа отмечается со времен пророка Авраама и до сегодняшнего дня. Если к этому прибавить еще веру в собственную избранность, станет ясно, что третья важная особенность еврейской идеологии заключается в том, что они считают себя выше всех остальных народов. Это мировоззрение на протяжении истории было загружено потенциалом противопоставления себя всем остальным обществам, что во многих случаях приводило к столкновениям, вплоть до геноцида.

Евреи постоянно хранили идеологическую социальную особенность, развивавшуюся параллельно этим столкновениям. Они, естественно, были вынуждены развивать стратегию и тактические возможности самозащиты. Способы сохранения идентичности развивались теоретически и идеологически. Тактические средства больше были связаны с материальной силой. В первую очередь, это деньги и вооружение. Если деньги накапливались торгово-банковскими способами, то под вооружением имелось в виду развитие и прогресс в области техники. Сила еврейского народа в обеих сферах известна и достаточно подтверждена. В этом смысле можно подчеркнуть, что новая, то есть современная, эпоха, не говоря уже о Древнем мире и Средневековье, по мере своего развития окажется в сфере интересов и взаимоотношений евреев, несомненно, являющихся наиболее организованным и опытным народом во всем мире. Начиная с XVI века, значительную роль в процессе усиления гегемонистского восхождения капиталистического мира-системы с центрами в Амстердаме-Голландии и Лондоне-Англии играла финансовая и идеологическая мощь евреев, занимавших

стратегически сильные позиции. Тем, кто подробно изучает указанный период истории, не составит труда подтвердить данный факт.

Говорить о том, что капитализм стал изобретением евреев (В. Зомбарт), было бы преувеличением, но в то же время нельзя отрицать очень значительной роли, сыгранной представителями еврейского народа в обретении капитализмом системного вида и завоевании им гегемонистской силы. Это является темой, определенной всеми исследованиями, еврейские коммерсанты и банкиры верховодят на всех значительных городских рынках, биржах и выставках, в первую очередь, в Лондоне и Амстердаме. Молчание и неведение, проявляемые политэкономией в этом вопросе, связано с ослепляющей ролью, которую играет идеология. То, что этническое и национальное происхождение накопления капитала до сих пор еще в достаточной мере не разработано ни в каких трудах, включая «Капитал» К. Маркса, является очень заметным недостатком. Вместе с тем, это наводит на размышления. Ошибочным является заученное выражение в стиле «у капитала нет религии, веры, национальности». На самом деле у капитала есть тесные связи с религией, верой и национальностью. Естественно, когда у некоторых лиц, религиозных, искренне верующих и обладающих национальным самосознанием, появляются многочисленные монополии капитала и власти, соответствующее этому большинство испытывает тяжесть колониального гнета. Наиболее неприкрытым примером являются сегодня США. Нельзя отрицать тот факт, что больше всего владельцев капитала в религиозном и национальном отношении выходцы именно с этой страны.

Бесспорной является роль евреев как нации в строительстве двух других опор современного капитализма, каковыми являются индустриализм и национальное государство. Прослойка еврейских купцов и банкиров, развивающаяся со времен первой городской революции Европы (1050—1350 гг.) по настоящее время, в период торгового капитализма в XV—XVIII вв. выступили уже в более заметном виде. Им удалось продемонстрировать такое же развитие и в городах Востока (Каир, Алеппо, Дамаск, Измир, Тебриз, Антакья, Багдад, Стамбул и т. д.).

Когда выяснилось, что промышленный переворот является наиболее прибыльной сферой, евреи не преминули направить мощный поток сконцентрированного у них капитала в промышленную сферу. Нет серьезной необходимости в раскрытии этого факта. Любая сфера с высоким уровнем прибыли становится сферой атаки капитала. Разве это не есть принцип, называемый законом прибыли?

В таком случае как можно не заметить передовой роли и не подчеркнуть значения еврейского финансового монополизма, ставшего современностью, с печатью капитализма и современным промышленным капитализмом? Это было бы если не умышленным искажением, то идеологической слепотой. С точки зрения самих евреев эта ситуация не является преступлением. В каждой нации, религии и этническом сообществе могут формироваться торговые и промышленные монополии. Особое значение имеет стратегическая роль еврейских торговых и промышленных монополий. В принципе, финансы испокон веков существовали в еврейских монополиях. То, что политэкономия избегает раскрытия связей между торговым, промышленным и финансовым монополизмом, с одной стороны, и идеологией, в целом (о либерализме можно говорить только с точки зрения пропаганды) и националистической, религиозной, сциентической идеологии и идеологии равенства полов, в частности, отнюдь не исходит из угрозы «идти на поводу у объекта», как пытается это преподнести политэкономия. Напротив, это связано с нежеланием политэкономии стать объективной наукой, из-за чего она стремится скрыть религиозную, половую, националистическую и научную идентичности всех монополий, включая монополию власти. То, что она прячет конкретную, осознаваемую истину в поразительно недоступных точках, объясняется тем, что она считает их незначительными. Таким образом, это связано с тем, что политэкономия позиционируется не как наука, а как инструмент идеологической пропаганды.

В четырехвековой гегемонистской мировой системе, все возрастающая, продолжает ощущаться стратегическая позиция еврейского народа в торговых, промышленных, финансовых, инфор-

мационных и интеллектуально-капиталистических монополиях. Без констатации этого факта невозможно достойно теоретически разработать и практически решить ни одной глобальной или локальной проблемы.

Евреи, представляя собой и стратегическую идеологическую силу, и стратегическую материальную силу, занимают более определенное положение в строительстве современного национального государства. Раскрывая и реализуя конкретный капиталистический характер современности при помощи национального государства, они конкретизируют современность при помощи национального государства, являющегося сводным состоянием торговых, финансовых, промышленных монополий и монополий власти. Евреи, конечно же, не являются божеством национального государства. Но со времен родоплеменных структур по сегодняшний день, от зародышевого состояния до сегодняшнего зрелого возраста они не прекращают совершенствоваться в сфере своего мастерства.

Я совершенно не доверяю теориям заговора, хотя таким утверждениям часто пытаются придать убедительность. Определенные круги пытаются оправдать теории заговора при помощи таких названий, управляющих миром, как тайные масонские общества, собрания Wildenberg, саммиты в Давосе, совет 12-ти, постоянно управляющий миром, а также то, что ООН является инструментом в руках евреев. Наряду с идеями, обладающими долей реальности, общей особенностью всех этих теорий является преувеличение, догматизм, ненаучный характер. Но истина кроется посередине. Шила в мешке не утаишь. Не требует никаких дискуссий преобладание во всех трех столпах современного капитализма представителей еврейского народа. Во всех трех сферах они действуют эффективно и даже имеют определяющий характер как идеологическая и материальная сила стратегического характера. Следует обратить внимание на содержание моих слов. Я говорю о влиятельности евреев в сфере современного капитализма. Я не говорю здесь о современной демократии, которая является более содержательной реалью исторического общества. Еврейский фактор присутствует и в них, но здесь его стратегическая мощь многое утеряло.

До перехода к этим факторам считаю полезным еще не надолго остановиться на национальном государстве. Еврейская идеология, с точки зрения стратегии жизни, на закате Средних веков никогда не жалела усилий по нейтрализации христианской и мусульманской оппозиций. Национально-государственная модель, таящая в себе элемент национального бога (авторитет священнослужителя-раввина в традиционном еврейском обществе почти непререкаем), также представляющая собой концентрацию торговых, финансовых, индустриальных, идеологических монополий и монополий власти, оказывается наиболее подходящей для данной темы стратегической моделью. Лаицизм в национальном государстве находится в том же положении, что и национальный бог евреев. Создание такого рода терминологии со стороны еврейских Масонов очень важно. В этом ракурсе и в этом смысле национальное государство является наиболее значительным универсальным орудием управления данной группы. Еврейские монополии использовали национально-государственную модель в качестве эффективного орудия ликвидации монополий англо-саксонского происхождения, а также французских и испанских монархий, потому что обе силы пестовали планы, смертельные для двух других сил, будучи на грани полного уничтожения и исторического забвения. Национальное государство, являясь наиболее концентрированной монопольной силой, стало эффективной моделью в борьбе против испанского и французского монополизма, не имевшего такого уровня организации и стремившегося достичь результатов при помощи традиций, идущих еще со Средневековья. Значение этих реалий раскрывает И. Валлерстайн в своей знаменитой работе «Мир как система», подчеркивая, что основным фактором преимущества Англии над Францией является национально-государственная систематика.

После падения австрийского дома Габсбургов союзники выдвигают вперед национально-государственное формирование Пруссии. Проблема единства Германии из-под протектора Австрии передается под протекторат Пруссии. В период Великой французской революции центром оппозиции всевозможных врагов против короля становится Лондон. Масонская организация

играет значительную роль в данном революционном движении. Короля казнят — отрубая голову. Подобные процессы имели место в более ранних революциях в Англии и Голландии. В то время, как прусское национальное государство стремится занять место Франции в качестве новой гегемонистской силы, аналогичная игра ведется против самой Пруссии. Даже К. Маркс, будучи в оппозиции англичанам, проживал в Лондоне. В ходе Первой и Второй мировой войн союзники нейтрализовали все гегемонистские устремления Германии. Истинные мотивы организации Гитлером еврейского геноцида заключается в том, что стратегическую силу своего капитала евреи использовали в интересах Англии, что в дальнейшем сыграло серьезную роль в поражении немцев. Тот же самый союз, в виде новых формаций, сделает безрезультативными все гегемонистские устремления СССР в ходе «холодной войны». Пусть ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что при рецидиве гегемонистских устремлений Китая, которых на сегодняшний день много, его ожидает такая же участь.

Сегодня более двухсот национальных государств представлены в ООН с центром в городе Нью-Йорке. Известно, что эта организация действует под руководством того же союза, без одобрения которого не может принять ни одного решения.

Должен еще раз подчеркнуть, что эти двести национальных государств не управляются сионизмом или какой-либо иной еврейской силой. Но все двести (в том числе кровные враги евреев Иран и арабские национальные государства) созданы по еврейской националистической парадигме. Все бразды правления на протяжении четырех столетий находятся в руках стержневой силы упомянутого союза. Даже если среди элиты национальных государств не будет ни одного еврея, как с парадигматической точки зрения, так и по причине принятых союзом конкретных мер (то есть теоретически и практически) сферы их независимых действий крайне ограничены. Все, что им следует делать, это соответствовать традиционным идеологически и структурным шаблонам четырехвекового современного капитализма, и тогда никаких проблем не будет. В таком случае они могут продолжить свой путь. По словам У. Буша, если эти национальные государ-

ства пойдут путем мятежных государств, то судьба каждого из них будет аналогична талибанскому Афганистану, саддамовскому Ираку и десяткам других примеров, имеющих в истории. Такова международная система, таково явление, называемое статус-кво, установленное ООН.

Даже Советский Союз с его семидесятилетней историей был допущен к интегрированию в систему только после того, как стал соответствовать требованиям современного капитализма. Китай начал интегрироваться гораздо раньше. Ясно, что система черпает свою мощь из двух стратегических силовых источников, которые я изначально пытаюсь объяснить. В обоих источниках евреи исторически и актуально близки к уровню определяющего фактора. Стратегическая идеологическая сила! Элементами этой силы являются индустрия культуры, интеллектуальный капитал, средства массовой информации. Содержание: национализм, религиозность, сциентизм и половая дискриминация. Элементы стратегической материальной силы: торговые, промышленные, финансовые монополии, а также монополии власти. Государственная система в виде национального государства является выражением их международных союзов и официальной структуры. Не следует путать сферы двух гигантских стратегических сил с государствами и системами, которые являются их официальным выражением.

Считаю, что было бы важно в качестве дополнения представить свои рассуждения, касающиеся евреев Анатолии. По этому поводу я уже останавливался на истории Древнего мира и Средневековья. Очень важны взаимоотношения евреев с сельджуками и греками. В Средние века миграция восточных евреев проходила от Андалусии до Средней Азии. Плодом этого процесса стал Хазарский каганат, созданный тюрками-иудеями. Тенденции перехода в другую веру и открытый иудаизм в исламских странах не только не были под запретом, но и испытывали на себе влияние традиционных идеологических и материальных сил, находившихся у власти и в стратегических сферах государств. Уровень торговли и банковского дела отнюдь не уступал Западу.

Когда традиционные противоречия с христианами (распятие еврейскими старейшинами Иисуса Христа и становление хри-

стианства в качестве официальной религии Запада), обернулись решением Латеранского собора 1179 года о создании еврейских гетто, а в 1391 г. и 1492 г. имело место изгнание евреев из Испании, и в итоге евреи стали еще больше ощущать потребность в родине. Еще живо было понятие «земли обетованной». Связи, установленные евреями с Османской империей еще на стадии восхождения, дали свои положительные результаты. Так, по мере роста банковского дела и торговли в Османской империи усиливались позиции евреев. Постоянное распространение османскими правителями своей власти над христианским населением, постепенное ухудшение положения евреев в западном христианском мире (среди католиков и православных) привело к тому, что евреи установили с османскими падишахами союз, аналогичный союзу с Англией. По общепринятому мнению, этот союз усилился в 1550–1600 гг. В эти же годы аналогичные союзнические отношения установлены с протестантскими Голландией и Англией. Такие темы, как протестантство, капитализм, национальное государство, современная эпоха и связи с евреями, заслуживают глубокого изучения.

Изгнание мусульман и иудеев с испанского Иберийского полуострова, завершившееся к началу XVII века: вызвало ответную волну репрессии Анатолии в отношении христианства. Именно из-за того, что этот вопрос оказался актуальным в повестке дня, порочный круг истории начал вращаться обратно: это трагедия понтийских греков, армян и сирийских христиан, являвшихся одними из древнейших в истории народов Анатолии, обладавших мощной материальной и духовной культурой и рано принявших христианство. Полуострова в обоих концах Средиземного моря словно пытались осуществить взаимное возмездие, шаг за шагом происходило их взаимное уничтожение. Второе после 1550–1600 гг. Заметное выступление евреев имело место с приходом к власти партии «Единение и прогресс» (1890-е гг.; Сионистский конгресс был создан в этот же период, в 1896 году). Доподлинно известно, что евреи составляли, по меньшей мере, одно крыло партии «Единение и прогресс», ядро которой образовалось в Салониках, а сама партия развивалась в тесной связи с тенденциями к вероотступничеству, идущими (с 1650 г.) еще от

Цви Саббатая. Разработанное иттихадистами понятие нация по смыслу означает «турок». Однако на практике оно воплотилось в привлечение и связи с масонами, а также перешедшими в иную веру курдами, албанцами и евреями. Как социологическое явление оно не имеет никакого отношения к тюркизму — речь идет об исключительно политическом понятии «турок». Значительное влияние оказали на евреев Германия и Англия. Это долгая история, и здесь мы не будем ее касаться.

В итоге, на мой взгляд, история евреев в Анатолии, их изгнание и опыт строительства национального государства, помноженные на стратегические идеологические и материальные силы, сыграли важную роль в создании Турецкой Республики и ее быстром превращении в национальное государство (предположительно с 1926 года) — точно так же, как в Голландии и Англии XVII столетия. Мнение, что быстрое превращение республики в национальное государство и культурная ликвидация традиционного ислама и курдов вскоре после ликвидации христианства в Анатолии (речь идет также о физическом уничтожении христиан), — это планы турок, стремящихся стать нацией, таит в себе серьезные ошибки. Вопрос более глубокий и очень тесно связан с позицией евреев, считавших Анатолию родиной еврейского народа гораздо ранее образования Израиля. Известно, что этот вопрос очень активно обсуждался их представителями. Навязывавшийся Мустафе Кемалю еврейский план с центром в Салониках или Эдирне это тема которую скрывают. Можно говорить о том, что данный план утратил свою значимость после того как был образован Израиль. Но интерес евреев и Израиля к Анатолии и по сей день имеет стратегический характер.

Позиция Мустафы Кемалю Атаюрка в построении Турецкой Республики не вызывает никаких сомнений. Но его обожествление против его же воли, так же, как это делалось во многих местах на протяжении всей истории, это еврейские инсинуации. Во вселенности евреев, обожествление является очень развитым и применяемым понятием. Такие явления и понятия, как всевозможные литературные утопии, «золотая эпоха», теории, версии и законы, некогда развиваемые пророками, а далее, в свое-

менную эпоху, интеллигенцией, тесно связано с этой традицией. До тех пор, пока не будут правильно оценены гегемонистские догмы божественного и секулярно-светского характера, применяемые к туркам так же, как ко всем народам Ближнего и Среднего Востока, крайне сложно будет осознать ситуацию в регионе.

Безусловно, материальная сила еврейского народа тоже имела стратегическое значение. Я верю, что М. Атаюрк не примкнул к этим тенденциям. Но, несмотря на то, что он много читал и изучал эти тенденции (отнюдь не случайно, что он дошел вплоть до шумеров и хеттов), я не уверен, что он полностью изучил их. Я совершенно не сомневаюсь в том, что он хотел быть хорошим республиканцем, хотел развития республики не в форме национального государства, а в форме демократии. Он не придерживался антикурдских и антиисламских взглядов, как это принято утверждать. Но я должен особо подчеркнуть свои сомнения по поводу того, что ему не удалось изначально проявить либеральный подход к проблеме ислама и лаицизма (только в 1937 году этот вопрос нашел отражение в Конституции), а также к курдской проблеме, что объясняется личными качествами его окружения — сотрудников из числа иттихадистов-вероотступников.

Продолжение в Турецкой Республике гегемонистских распрей, начавшихся еще в 1926 году между исламистами и сторонниками лаицизма, на мой взгляд, не должно быть отнесено к ошибкам или устремлениям Мустафы Кемалю Атаюрка. Гораздо больше доказательств и признаков его личной склонности к режиму демократической республики. Я не верю в то, что идеологическое противостояние в наши дни может совершенно успешно завершиться в пользу одной из сторон. Хочу подчеркнуть свои возросшие надежды на то, что на землях Анатолии, которые, я уверен, обладают большими демократическими традициями. В этот раз выход на политическую арену демократической республики будет гораздо более впечатляющим. Внутреннюю суть борьбы гегемонов за Анатолию и Турцию я надеюсь раскрыть в части касающейся Среднего Востока, который задуман как отдельный том.

Было бы неверно связывать представителей еврейской нации только с капитализмом, современностью и национальным государством. Они оказали серьезное влияние и на современную демократию. Если на протяжении всей истории эта тенденция не была столь сильна, как авторитарно-государственное крыло евреев (Иудейское царство, Государство Израиль), все же сильное демократическое еврейское крыло современной цивилизации всегда давало о себе знать. Бедные евреи со слабыми родоплеменными связями постоянно напоминало о себе на протяжении всей истории. Другая сторона еврейского народа, представленная многочисленными пророками, коими были Измаил — сын пророка Авраама от наложницы Агари, Иосиф, занимавший важный пост в Египте, сестра Моисея, мать Иисуса Мария, а также писателями, просветителями, социальными анархистами, феминистами, философами и учеными, а также всеми, кто трудился, не покладая рук, в ходе борьбы за демократическую цивилизацию и современную демократию ознаменовалась многочисленными находками, изобретениями, теориями, революциями, произведениями искусства. Евреи прилагали свои идеологические и материальные усилия не только для создания монополий. Они внесли очень важный вклад для создания более просвещенного, справедливого, свободного и демократического мира, достигнув на этом поприще больших успехов. Трудно представить себе какие-либо движения, связанные с пророками, братством, солидарностью обездоленных, утопией, социализмом, анархизмом, феминизмом и экологией без участия представителей еврейского народа. Также крайне тяжело представить себе без них философские школы, развитие наук и искусства, религиозные конфессии. Разве могли бы без участия еврейской интеллигенции и еврейского народа получить развитие такие движения, как социализм — против капитализма, интернационализм — против национального государства, коммунизм — против либерализма, феминизм — против половой дискриминации в обществе, эко-экономизм — против индустриализма, лаицизм — против религиозного мировоззрения, относительность — против универсализма?

Ясно, что еврейский народ имеет серьезное значение для обоих современных миров. Евреи смогли сохранить это значение как на преломных этапах истории, так и в наши дни. Несмотря на это, еврейская проблема существовала на протяжении всей истории, существует и сейчас. Как я уже подчеркивал в начале, не следует видеть в евреях ни Богом избранное общество, ни козлов отпущения, ибо в обоих случаях имеют место ужасающие ошибки, как это неоднократно было в истории. Именно по этой причине я счел необходимым остановиться на данной теме пусть и схематически, но исходя из ее значимости. Ни локальные рассуждения, ни анализ на мировом уровне не могут быть достаточно правильными и результативными без учета реальной роли еврейского народа.

В связи с этой темой хотел бы повторить одно высказывание К. Маркса. Он говорил, что если пролетариат хочет спасти себя, то должен исходить из соображений о том, что спасти себя невозможно без спасения мира. Я говорю следующее: если евреи хотя спасти себя, они, зная о том, что это невозможно без спасения мира, должны использовать для этого свои идеологические и материальные силы, имеющие стратегическое значение. Основу этого фундамента составляет современная демократия.

Д. АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Я уверен, что наши рассуждения, благодаря содержательной критике цивилизации и современности, в тесной сопряженности с историей развития цивилизации и в виде разделов, характеризующих различные основные элементы, предельно четко прояснили суть современной демократии. В данной главе мы постараемся сделать вопрос более ясным путем акцентирования внимания на основных аспектах и, рассмотрев его в целостном виде. Я отвечу на вопрос о том, как современная демократия в виде ее основных аспектов может быть представлена взглядом сверху. Фундаментом наших научных исследований должно стать стремление разрушить мировоззрения сингулярной современно-

сти, пролить свет на потрясающую общественно-историческую практику, которую столь тщательно пытаются замаскировать. История цивилизации похожа на пропасть, дна которой не видно, сколь глубоко бы туда не спускались. Как бы мы ни старались пролить свет на эту историю, тут же возникают другие темные пятна. Можно предположить, что общественная память, насчитывающая тысячелетия, подвергнувшись идеологической бомбардировке господствующих монополий, конечно же, превратится в некие слои, напоминающие мозговые извилины, тысячи ячеек и щелей; сформируется такая социальная память, которая будет похожа скорее на явление, называемое подсознанием. Опять же, не следует на этом останавливаться. Подобно тому, как отсутствие точного диагноза не позволит осуществить лечение какого-либо человеческого органа, без тщательного анализа социальной проблемы, то есть диагноза, невозможно правильное ее решение, то есть излечение.

Я считаю нужным часто подчеркивать этот факт, дабы не оказаться неверно информированным. Если бы социология или иная научная дисциплина, идеалы и цели которой сходны с социологией, добились бы неоспоримых результатов, то человечество не оказалось бы в таком состоянии, в котором пребывает на протяжении последних четырех столетий с их ужасающими войнами, истреблением наций и обществ, пропастью между бедными и богатыми, безработицей, миграцией, культурной деградацией и безнравственностью, обезличенными людьми, ставшими жертвами произвола монополий, упадком окружающей среды, ведущим человечество к пропасти Апокалипсиса. На протяжении пяти тысячелетий мировая система цивилизации, казалось бы, использовала все материальные и культурные ценности, которые она считала средством к существованию. Уже не осталось ничего, что можно было бы уничтожить и вновь прибрать к рукам при помощи военных действий. Если даже кто-то скажет, что еще что-то осталось, вреда от оставшегося больше, нежели пользы. Налицо земледельческое общество, отставшее от города и обреченное на нищету из — за городов, растущих как злокачественная опухоль, где не осталось ничего от города. От средства, называемого и

воспеваемого как экономика, остались, с одной стороны, мировые монополии, которые буквально распухли, делая деньги из денег самым безнравственным путем, с другой стороны, безработные и беднота, чья численность ежегодно увеличивается на миллионы. От орудия, воспеваемого как государство, остались монополии власти и государства, которые, пожирая общество изнутри, распухают на глазах, не выполняют никаких полезных функций, с другой же стороны, осталось совершенная оглуевшая масса граждан, некая толпа, не сохранившая никаких связей с нравственным и политическим обществом. От идеологических средств, на которые возлагались надежды, остались религиозность, потерявшая свои нравственные функции, половая дискриминация, заполнившая собой буквально все щели общества, национализм, сделавший огромный шаг от родоплеменного характера к шовинизму, а также сциентизм, который не способен ни на что, кроме как помочь монополиям власти и государства в извлечении максимальной прибыли. От искусства осталась индустрия культуры, превратившая в товар все высокие чувства и красоту. Эта картина цивилизации, видимо, и есть то, что называют «концом света». Несмотря на то, что общество, задушенное и обезличенное в виртуальном мире при помощи медиа-монополий, продолжает молчать, оставаться объектом экспериментов и наблюдений для всех механизмов власти, но современная система, насчитывающая в целом пять тысячелетий и, в частности, четыре столетия, находится в самой низшей точке интеллектуального и структурного кризиса. Открытым свидетельством этого является финансовый капитализм, превратившийся в мирового гегемона. Мир, чьи колеса крутятся этим самым финансовым капитализмом, стал миром кризисов.

Я не ставил перед собой цель развивать теорию кризисов и депрессии. Я уже охарактеризовал капитализм, являющийся системой не только периодически повторяющихся депрессии, но и сферой системного, структурного депрессии цивилизации, находящейся в состоянии длительного, периодического системного кризиса. Если в внутренней сфере депрессии и существуют более сильные циклы, то современная действительность — именно это

и есть. Подчеркивая все это, я должен сказать, что не отношусь к тем социалистам, которые и по сей день ждут революционных перемен от кризисов. Кризисы порождают не только революции, но и контрреволюции. Лично я расцениваю все эти теории кризисов-революций и контрреволюций не столько как реальность, сколько как риторику и пропагандистские усилия. Следовательно, я не разглагольствую о том, что обстановка очень быстро становится более благоприятной для современной демократии. Я воспринимаю кризисы как явление, но не вижу в них силы, способной порождать исторические события. Сторонники универсализма старались подвести под марку теории кризисов общественные формации, бок о бок совершавшие в одно время движение от плохого к хорошему. В общем-то, конкретная действительность не подтвердила эту теорию.

Значит, факторы, имевшие определяющее значение в истории и имеющие сейчас, надо искать в других сферах. Выбор современной демократии, скорее всего, стал следствием этих поисков. Представляя их, я постоянно затрагиваю их. Я уверен, что познание дифференциальных особенностей данного выбора способствуют плодотворности практической стороны этого признания. Я испытываю глубокое уважение к позитивному, демократическому наследию истории. Я воспринимаю это как отдельный предмет самокритики. Я не призываю просто извлекать уроки, я верю в то, что создание современности анализом истории имеет большую методическую ценность. Я не могу относиться с таким же уважением и привязанностью к тем мыслям и делам, носители которых не в состоянии осознать, что история должна быть современностью, а современность — историей. Но при этом мое отношение не зависит от того, какую ценность в себе несут и к каким результатам смогут привести эти мысли и дела, поскольку я не верю им. Я также не верю в существование какого-то будущего у тех, кто не понимает, что будущее протекает в настоящем, и не может проанализировать настоящее и решить все его проблемы.

Эти повторы, касающиеся метода, приводятся для того, чтобы настойчиво указать, что демократическая культура — это не воспоминания о пережитой в прошлом «золотой эпохе» и не «уто-

пия», касающаяся будущего. Это смысловое выражение стиля жизни, реализуемого в мыслях и делах как ежедневная, даже ежеминутная потребность. Это не означает ни игнорирование прошлого, ни эйфория в мечтах о будущем. Это не сиюминутные создания, ни состояние огульно утвержденных истин. Было бы правильно называть современной демократией состояние общественной природы, для которого характерно гибкое мышление, высокий освободительный потенциал, единство всех различий. Но мы не должны забывать то, что этим определением необходимо обязательно обобщить то, что современность, соответствующая по смыслу эпохе, становится противоположным для диалектики полюсом.

Подобно тому, современность, являющаяся эпохой гегемонии капитализма, воспринимается как самобытное название классической цивилизации последних четырех столетий, так и современная демократия должна восприниматься как самобытное название демократической цивилизации последних четырех столетий.

Другое важное обстоятельство заключается в том, что современная демократия во всех сферах присутствия сетей современного капитализма позиционируется в качестве противоположного для них полюса. Современная демократия постоянно существует в недрах современного капитализма, независимо от того, успешно или безуспешно, в свободной форме или в рабском состоянии, равноправно или бесправно, обретая экологический и феминистский смысл или нет, а также и от того, близка ли ее суть к особенностям нравственного и политического общества.

Я должен еще раз особо подчеркнуть, что, назвав глупостью и пропагандистскими измышлениями методы правой и левой оппозиции, направленные сначала на захват власти путем революций и контрреволюций, а затем уже централизованное планирование обществ, по которым они ностальгируют, посредством внедрения «социальной инженерии», я не останавливаюсь на этом. Я считаю, что подобный стиль является или игрушкой в руках либерализма, или мировоззрением и практикой, не испытывающими никаких затруднений в ассимиляции по истечении 70 лет.

Социальные организмы так же, как и биологические, обладают генетическими кодами в аналогичной форме. Я понимаю, что такое биологизм. Понимаю, что перенос биологизма на поверхность социальной природы является дарвинизмом, обеспечивающим интеллектуальной пищей социальные инженерии, являющиеся самым грубым материализмом. Несмотря на то, что уровень мышления, о котором я говорю, будучи высочайшей природой, открыт для выбора свободы, речь идет о свойственной социальной природе чуткости в изменении общественно-исторической памяти и структурных особенностей. В настоящее время мы не в силах подвергнуть общества таким изменениям, которые сродни выращиванию растений и приручению животных путем изменения генетических кодов. Память социальной природы, впрочем, неслучайно определило это как нравственное и политическое общество. Очень важно отметить то, что социальный путь перемен может найти свое законное место только посредством повышения нравственного и политического социального уровня. В противном случае нравственный и политический социальный уровень будет резко снижен с помощью различных тоталитарных и авторитарных методов, следовательно, независимо от результатов, не найдет своего законного статуса.

Современная демократия относится к системным особенностям, способствующих появлению законных путей перемен. Высокий уровень нравственной и политической ценности связан с этой систематической сущностью. Законный путь перемен одновременно очень серьезен и очень прост. Каждый член общества вносит свою лепту в эти перемены независимо от места и времени своего нахождения. Член базирующегося на руинах неолита, даже кланового общества, и член общества, проживающий в Москве или Нью-Йорке, обладают потенциалом, позволяющим ежеминутно вносить свой вклад в изменения. Для этого не нужны ни священные предания, ни героизм. Единственным условием, точнее, основной формой существования социальной природы, является проявление способностей к нравственному и политическому мышлению и поведению. Каждая личность должна сделать функциональной эту добродетель,

существующую у них, мы уверены, пусть и на минимальном уровне. Несомненно, этим самым я не собираюсь утверждать о бесполезности великих и священных пояснений, приписываемых человеческой памяти для освещения пути к законным переменам, что появилось в процессе общественно-исторической практики. Напротив, эти пояснения играют серьезную роль по той причине, что пути законных перемен закрыты идеологическими и материальными монополиями. Опять же, героические деяния имеют такую же непреходящую, священную ценность на пути к свободе. Очень важно знать то, что без целостных общественно-исторических усилий в современной демократии не могут быть обеспечены перемены. Не отрицается роль значимых личностей и организаций, но проблема в том, что без приобщения к нравственной и политической ткани общества, не пройдя по законному пути, они не смогут обрести какой-либо глубокий смысл.

Аналогичные признаки характерны и для революций: перемены, как не легализованный и не приобщенный к нравственно-политической ткани общества прогресс, не следует оценивать как особенность социальной природы. Общества не создаются, в них живут. Несомненно, между одной жизнью и другой есть различия. Есть жизнь более свободная, равноправная и демократичная, но есть жизнь, протекающая под ярмом невыносимого рабства, неравенства и диктатуры. Может быть, такое встречается чаще. Современная демократия выражает мышление и структуру превращения этой жизни всеми методами в более свободную, равноправную и демократичную. В современной демократии имеет большую ценность совершение революции в плане легальных перемен, и это равносильно тому, как убрать камень преградивший путь. В противовес этому ни божественное спасение, ни рабский фатальный суфизм не воспринимаются и не считаются этичными в том же объеме. В период системного и структурного кризиса гегемонии, мирового кризиса финансового капитализма, переживаемого нами в свете уроков, извлекаемых нами из четырехсотлетнего опыта борьбы за свободу, равенство и демократию, можно усилить современную демократию и даже местами обновить ее при помощи сильных, новых строений.

Следовательно, концентрация усилий над основными аспектами современной демократии и освещение ее проблем поможет обрести успех нашим усилиям в этом направлении.

а) Аспект нравственного и политического общества (демократическое общество)

Подобно тому, как современный капитализм можно представить в виде трех значительных аспектов, аналогичный подход возможен и применительно к современной демократии. Если в отношении современного капитализма в качестве показателей его основополагающего непостоянства и индивидуальных качеств можно говорить о капиталистическом обществе, индустриальном обществе и национально-государственном обществе, то в случае с современной демократией выявляются такие аспекты, как нравственно-политическое общество, экологически-индустриальное общество и демократически-конфедеративное общество. С позиций обеих систем может быть увеличено количество более детальных аспектов, но для определения в общих чертах эти три аспекта могут иметь достаточный смысл. В предыдущих разделах нами были глубоко изучены аспекты современного капитализма. Что касается современной демократии, то мы постарались пролить на это свет в общих чертах, в сравнении с историческим развитием, классической цивилизацией и современностью. Более глубокое изучение ее аспектов по отдельности придаст значительность и глубину ее определениям и практическим подходам.

Нравственно-политическое общество можно также считать демократическим обществом (демократической коммуной). Это было бы наиболее правильным категориальным подходом, способным противостоять капиталистическому обществу. Но поскольку главные черты демократического общества кроются в природе нравственно-политического общества, мы неизбежно основывались на нравственно-политическом обществе как более категориальном понятии. Вопрос этот разрабатывался в различных разделах. В данном случае будет компиляция. Пре-

жде, чем перейти к характеристике нравственно-политического общества, обращу внимание на одно обстоятельство, повторение которого никогда не будет излишним. Речь идет о следующем: взаимоотношение таких понятий, как добро, счастье, правда и красота, с одной стороны, и свобода, равенство и демократия, с другой стороны. Добро и счастье, впрочем, это суть нравственность. Правда имеет отношение к истине, но искать истину вне нравственно-политического общества это дело крайне бесполезное. Тот, кто безнравственен и аполитичен, не сможет отыскать истину. Что касается красоты, то она является целевым понятием эстетики. Красоту вне нравственного и политического общества я не принимаю за красоту. Красота — нравственно и политично! Связь другой триады понятий, каковыми являются «свобода», «равенство» и «демократия», с нравственно-политическим обществом уже достаточно проанализирована. Ни одно общество не способно породить столько свободы, равенства и демократии и обеспечить их развитие, как нравственно-политическое общество.

Первая особенность нашей компиляции связана со способностью нравственно-политического общества к видоизменению и преобразению. Если способность видоизменяться и преобразовываться, как фундаментальный основополагающий нравственно-политический аспект не будет вытеснена, то общество может считаться самым широким. Несомненно, ни в одном обществе нравственность и политика не могут быть полностью задушены, но их функции могут быть предельно ограничены. Например, в современном капиталистическом обществе под воздействием национального государства роль нравственности и политики сведена к минимуму, более того, доведена до границы полного исчезновения. Мы подробно останавливались на причинах и следствии этого факта. Но меняется ли общество в такой ситуации? Нет. Напротив, оно оказывается в крайне суженном состоянии, какие-либо перемены и различия отсутствуют, помимо этого, обществу навязывается гомогенизация, и оно буквально втискивается в рамки жесткого правового статуса. О каких переменах может идти речь, если для воспитания единого типа граждан, под маркой единообразия общество опускается до уровня

дилеммы «мы и чужие»? Пытаются представить, что современное общество якобы переживает неограниченные изменения и имеет разнообразную палитру. Но это, полностью — лишь усилия средств массовой информации и пропаганды. Реалии, кроющиеся под этими попытками, совершенно монотонны, или близки к серости, или абсолютно черны.

В противовес этому, демократическое общество является современным состоянием нравственно-политического общества где действительно в самом широком виде сосуществуют различия. Любая общественная группа, не обреченная на единый тип культуры и гражданства, может жить в комплексе разнообразия, формирующегося вокруг его самобытной культуры и идентичности. Оно может выявить потенциал всех сообществ — от личностной дифференциации до политической и превратить это в активную жизнь. Никакое демократическое общество не опасается гомогенизации, то есть единообразия. Это воспринимается как монотонность, уродство, неудобство и бедность. Многокрасочность же подразумевает богатство, доброжелательность и красоту. В этих условиях лучше всего обеспечиваются свобода и равенство. Свобода и равенство имеют ценность только тогда, когда основаны на разнообразии. Как это видно из общемировых примеров, свобода и равенство, достигнутые при помощи национального государства, могут существовать только для монополий. Реальные свобода и равенство не могут исходить от монополий капитала и власти. Достигается только при помощи демократической политики демократического общества и защищается в пределах самозащиты.

Возможно, возникнет следующий вопрос: как может одна система включать в себя столько различий? Ответом на этот вопрос является единство на базе нравственно-политического общества. Единственная ценность, за которую ни одна группа или общество ничем не заплатит, — это упорство в стремлении оставаться нравственно-политическим обществом. Единственное и достаточное условие существования различий, равенства и свободы это нравственное и политическое общество. Демократическое общество, являясь современным состоянием этого исторического общества, со временем все сильнее и сильнее проявляет себя.

Либерализм, будучи центральной идеологией официальной системы современности, использует массу аргументов для того, чтобы вывернуть эту истину наизнанку. В каком-то смысле либерализм отождествляет с демократией. Таким образом создается путаница в понятиях. Типичный пример этого — то, что либерализм, являющийся идеологией, отождествляет себя с демократией, являющейся политической системой. В сущности, либерализм означает необузданное разрушение личности в глазах общества, и свидетельством этого стало господство монополий над обществом. Любого рода индивидуализм, которому не присущ демократизм, становится тенденцией к диктатуре от семьи до государства. Но демократическая индивидуальность отличается от нее. Она руководит личностью как коллективный голос общества, его неуклонное стремление. Личность может иметь ценность только в том случае, когда руководствуется этим голосом и волей. Личность занимает почетное место в обществе. В таком случае либеральный индивидуализм, будучи своего рода безграничной и бесчисленной монополией, является антидемократичным. Ни одна либеральная или новолиберальная неразбериха в понятиях не может изменить этой кардинальной особенности. Либерализм, звучащий на уровне понятия как «обретение свободы», на практике показывает, что не может существовать без неограниченного развития монополий. Свобода, предоставляемая для видимости, на практике приговорена к разнообразным идеологическим и материальным кандалам так, как этого не было даже во времена египетских фараонов. Истинная свобода может иметь в обществе смысл только в том случае, если она пользуется поддержкой всего общества. Личные свободы, не поддерживаемые обществом, могут обрести свой смысл только при милосердии монополий, но это состояние противоречит духу свободы. У либерализма в принципе нет такой проблемы, как равноправие.

Нравственное общество в условиях современного капитализма переживает самые ужасные времена, когда оно сужено и лишено дееспособности. Вместо нравственных устоев насаждаются правовые коды в беспрецедентной форме. Буржуазия как класс, законсервировав мораль, закодировав во всех тонкостях классовое

господство, насаждает его обществу под маркой закона. Вместо нравственного общества насаждается правовое общество. Мы стоим лицом к лицу с очень серьезным изменением. В истории есть примеры подведения событий под общий правовой знаменатель, но ни в одном из них это не делается столь дотошно, как в условиях современного капитализма. В сущности, то, что происходит, — это классовая монополизация под маркой права. Капитализм создает монополию права. При помощи права нельзя управлять таким в высшей степени сложным организмом, как общество. Несомненно, право может иметь место в обществе только при условии, если оно справедливое. В этом смысле оно неизбежно. Но то, что преподносится обществу под названием позитивного права, это не справедливое право, это монополия господствующего класса и нации, втиснутая в правовую оболочку. Это своего рода правовой прескриптивизм национального государства. Разрушение морали означает разрушение общества. Эти реалии подтверждаются всеми происходящими событиями. Сегодня такие масштабные общества, как США и Россия, не смогут продержаться даже часа без статус-кво, то есть свода официальных правил. Общество, как это мы время от времени видели во время кризисов, возвращается в сферу дикости и варварства.

Собственно говоря, эта ситуация выражает одну истину. Давая определение национальному государству, мы установили, что это — ничто иное, как состояние войны, втискиваемое чуть ли не во все щели общества. Эта истина находит свое подтверждение во времена кризисов. Наиболее критический потенциал характерен для обществ, живущих в рамках официального права. Причина кроется в скудости нравственного принципа. Если окружающая среда переживает кризис в масштабах бедствия, причина этого заключается в том, что на фоне скудости нравственного аспекта экологическое право находится в еще не развитом состоянии. Что касается окружающей среды, то она не может быть защищена правом, поскольку безгранична. Но правовое влияние предполагает установку предельно четких границ. Следовательно, в основе экологической проблемы кроется отрыв от принципа нравственного общества. У общества, не признающего за

принципом нравственного общества заслуженного им места, не остается ни внутреннего, ни внешнего потенциала. Современные реалии очень четко подтверждают это.

Аналогичные признаки характерны и для принципа политического общества. Когда вместо политики утверждается ужасающий бюрократизм, у общества не остается никакой возможности к демократической деятельности. Национально-государственное администрирование, проникающее буквально в самые узкие «щели» общества, является выражением парализованного состояния общества. Общество, отдавшее в руки бюрократии все свои разработки, совместные дела, действительно, переживает глубокий паралич мышления и воли. Отнюдь не случайно Европа, осознавшая эту ситуацию, всеми своими силами лелеет принцип демократической политики. Развитие, пусть и в ограниченной форме, происходит из за того, что вместе с бюрократией она дает возможность проявиться социальной политике.

Современное национальное государство воспринимает политическое общество как угрозу своему существованию, единству и целостности. Волевые решения и бюрократический аппарат национального государства не только стали дамкловым мечом для политического элемента, являющегося формой существования общества, доведя его до недееспособного состояния, но попросту ежеминутно режут его на части. Это не только самая основная философская проблема современности — своей склонностью к фашизму она представляет собой на практике серьезное жизненное препятствие. Я говорил о том, что Гитлер лично потерпел поражение, но его система победила. Национально-государственная модель, своим стремлением ликвидировать политическое общество, однозначен фашизму Гитлера. Если он и не был первым, кто этого добился, то стал первым, кто официально объявил об этом.

Общество, лишенное политического принципа — это или труп, или, в лучшем случае, эксплуатируемое общество. Именно поэтому действенность, появившаяся в политическом принципе благодаря демократическому обществу, имеет очень важное значение для жизни. Она является основным подтверждением превосходства политической системы.

История цивилизации в каком-то смысле представляет собой историю сужения политического общества, его недееспособность и преждевременное старение. Классовое расслоение общества стало возможным только в результате подавления государством жестокой классовой борьбы. На это обстоятельство следует обратить особое внимание. Даже марксисты, больше всего занимавшиеся проблемой классовой борьбы, не смогли точно определить в классовой природе проблемы. Они воспринимали классовое расслоение едва ли не как добродетель, авангард прогресса цивилизации. Считали его этапом, который обязательно должна пройти история и подойти к которому нужно с уважением, как некому мосту, соединяющему разные эпохи. Это преподносилось как необходимость, продиктованная историческим материализмом. В своем анализе цивилизации я особо подчеркнул, что классовое расслоение — это сужение нравственного и политического общества и его переход к гегемонии власти и государства по мере того, как углублялся процесс развития классового расслоения. История в этом смысле представляет собой жесткую классовую борьбу. Но классовое расслоение общества — это не только не прогресс и даже не развитие, а, напротив, социальный регресс и упадок. В нравственном смысле это не положительный, а отрицательный шаг. Утверждения о том, что классовое расслоение является неизбежным пунктом на пути к прогрессу, более того, озвучивание этого в форме марксистского постулата, стало серьезной ошибкой освободительной борьбы.

При сравнении политического общества с классовыми обществами видим, что наиболее верным признаком политического общества является его постоянная сопротивляемость классовому расслоению. Самым лучшим обществом является то, которое менее всего допускает классовое расслоение. Успех политической борьбы можно определить как умение не допустить классового расслоения в собственной структуре. Успешная политическая борьба может утвердить себя только тогда, когда она удерживает собственное общество от классового расслоения, следовательно, от попадания под воздействие односторонней силы механизмов власти и государства. Говорить об успешной политической

борьбе в обществах, погрязших по горло в насилии, осуществляемом властью и государством, было бы серьезной ошибкой. Идеальным для политического общества стало бы признание таких власти и государства, которые или никогда не прибегали к авторитарно-государственному насилию (в этом смысле не столь важно, внутренний или внешний, национальный или над-национальный характер) или основаны на взаимном согласии, ставшем следствием консенсуса, определенного в ходе жесткой борьбы.

Современный капитализм является последней стадией цивилизации, на которой политическое общество более всего сужено и лишено возможности действовать. Это обстоятельство следует хорошо осознать. Позиции либерализма, являющегося идеологической гегемонией, гласят, что политическая борьба, даже демократическая политика, наибольшее развитие получили якобы в этот период. Данная идея, которая при поверхностном взгляде кажется правильной, на самом деле выражает совершенно обратное. Либерализм — это такой период, в котором нравственное и политическое общество вследствие максимального развития индивидуализма и монополизма были доведены до полного бездействия. Национальное государство, как максимальное сосредоточение власти, является максимально неполитическим обществом. Оно порождает такое общество, в котором нет места политике. Более того, не остается ничего того, что можно было бы назвать обществом. Общество как бы растворяется в структуре национального государства и компаний, принявших масштабы глобализации. Мишель Фуко считает в этом смысле защиту общества основой свободы. Он видит в утрате общества (то, что происходит вследствие чрезмерной индивидуализации и монополизации, то, что составляет суть современности) потерю не только свободы, но и самого человека.

В этом смысле современная демократия является единственным выходом для обретения свободы в меру защищенности общества. Общество, защищающее самого себя при помощи демократической политики (от индивидуализма, национального государства и монополий), делая действенной свою политическую структуру, превращается в современное демократическое обще-

ство. А современное демократическое общество, подтверждает свое умение, справляясь со всеми социальными вопросами, выпавшими на его долю, а также, концентрируя свою решимость, переходя к конкретным действиям, утверждая свое преимущество с помощью оживления идей культурного многообразия и, на этой основе, равенства. Таким образом, современная демократия не ограничивается осуществлением классовой борьбы на верной основе. Она не душит собственное общество руками новой власти или государства (в чем и заключалась трагическая историческая ошибка социалистической системы). Она не попадает в эту историческую ловушку. Она понимает, что по мере усиления власти и государственности развивается классовое расслоение, следовательно, теряется классовая борьба. Она должна считать одной из основных своих особенностей умение распознавать.

Как видим, при помощи современной демократии не создается новый тип общества — ни капиталистическое, ни социалистическое. Она не дает характеристики этих понятий, считая их пропагандистскими понятиями. Несомненно, реализуется общество, но такое современное демократическое общество, в котором максимальную роль играет нравственный и политический принцип, классовое расслоение не имеет никакой реальной возможности для развития. Следовательно, механизмы власти и государства или совершенно не могут насаждать свою власть, или же лишь посредством взаимного согласия. Принцип единства среди многообразия, равенства и свободы становится особенностью и индивидуальности (не индивидуализма), и общества. Более того, еще больше равенства, свобода и демократия становятся следствием преобразования и развития этого общества, чему в силу природы этого общества способствовали институты демократической политики.

б) Аспект экологического индустриального общества

Основой экономического и индустриального аспекта современной демократии является экология. Очень важно, особенно, дать правильное определение экономики. В этом смысле перво-

степенное значение имеет осознание того факта, что политическая экономика является инструментом искажения и инсинуаций. В особенности понятие «капиталистическая экономика» полностью является пропагандистской игрой и глупостью. Как мы уже установили в предыдущих томах, капитализм сам по себе является не экономикой, а кровным врагом экономики. Это сетевая организация, которая во имя прибыли монополий может привести в безжизненное состояние весь мир (за исключением горстки фараонов и немродов), а присущие ей социальные ценности (не только прибавочная стоимость) основаны на грабеже (речь идет о гегемонии идеологической и материальной культуры). В отличие от сорока разбойников и пиратов, капиталисты сформировали для себя многоуровневую идеологическую легальность, облачились в правовые одеяния и опираются на фундамент власти. При помощи этих средств они стараются скрыть свои истинные лица и суть. При помощи некоторых так называемых научных дисциплин, в первую очередь, политэкономии, они считают себя едва ли не столпами истины. Без брони, сотканной из мощной идеологии и силы, они не смогли бы просуществовать и дня. Установив при помощи этих действий свое господство над экономической деятельностью общества (основная форма деятельности нравственного и политического общества), включающей в себя и экологический смысл, являющийся фундаментальной формой существования общества, они и предотвращают развитие общества, и превращают его в источник счастья горстки «избранных».

Большое поучительное значение имеет то, что Фернан Бродель в своем определении экономики установил цокольный ярус, включающий в себя основные потребности человека, далее первый ярус, определяющий основную экономическую сферу деятельности товара вокруг рынка, не включающую в себя монополии и эксплуатацию цен, а верхний этаж, располагающийся над этими двумя и сформированный монопольными сетями и эксплуатацией цен, он определил как настоящую сферу деятельности капитализма, являющуюся противником рынка (И. Валлерстайн счел это определение очень важным). В свете этого определения становится предельно ясным, что стремление ли-

берализма назвать капитализм рыночной экономикой — полнейшая чушь. Связь капитализма с рынком сводится только к тому, что, оперируя с ценами, эта система дикой игры, не стесняясь никаких гнусных поступков, стремится присвоить себе прибыль монополий и при необходимости, во имя этой прибыли может прибегнуть к таким действиям, как войны, кризисы. Более того, возможно остановить деятельность экономики, связанную с удовлетворением социальных потребностей, и перенаправить ее деятельность в наиболее прибыльные сферы (закон максимальной прибыли). Говоря об игре, мы имеем в виду противоположную деятельность, способы агрессии, способные оторвать человеческое общество от основополагающих причин жизнедеятельности.

Все монополии цивилизации в целом и капиталистические монополии, в частности (аграрные, торговые, финансовые, монополии власти и национального государства), на протяжении всей истории были основными факторами экономической нестабильности, кризисов, проблем, голода и нищеты, экологических бедствий. На базе этого фундаментального фактора появились различного рода социально-политические классы, власти, чрезмерная урбанизация (и все болезни, основанные на этом), идеологические искажения (различного рода религиозные метафизические и околонуточные догмы), уродливые явления (искажение сути искусства) и зло (моральная нищета и коррупция). Последние четыре столетия современного капитализма дают многочисленные примеры этих искажений.

В условиях современной демократии экономика обретает свой истинный смысл. Она выражает собой осмысленную систематическую структуру, где находят свое отражение и потребительские ценности, являющиеся основной необходимостью обитателей вышеназванного цокольного яруса (удовлетворение наиболее важных потребностей), и обменная стоимость, являющаяся признаком реально рыночной экономики (пропорции взаимного обмена товаров). Экономика перестает быть сферой, относительно которой делаются расчеты на прибыль. Экономика обретает свой истинный смысл, став сферой общественной деятельности, в которой основные потребности не способствуют

классовому расслоению, не наносят вреда экологии, а решается вопрос о том, как и при помощи каких методов можно сделать ее наиболее плодотворной сферой. Экономика обретает смысл как основная форма деятельности, на базе которой развивается нравственное и политическое общество. Экономика развивает это общество.

Экономическое мировоззрение современности, включая марксистскую политэкономия, так и не смогло избавиться от классового взгляда (гегемонистская точка зрения буржуазии). Привязав ценность к дилемме работник-работодатель, это мировоззрение так и продолжает пренебрегать и затемнять всю общественно-историческую почву. Ценность является продуктом деятельности исторического общества. Работодатель и наемный работник — не только не хранители этого продукта, но и самые настоящие узурпаторы. Доказательства предельно очевидны. Не будь бесплатного женского труда, ни один работодатель и наемный работник не смогли бы даже прокормить самих себя. Они не смогли бы продлить свое ежедневное существование. Даже один этот пример конкретно подтверждает антиэкономическую сущность капитализма. Мы всесторонне подчеркиваем то, что без общественно-исторической практики не было бы в целом цивилизации и, в частности, официальной современности.

Для экономического аспекта современной демократии основополагающей является индустриальная и экологическая целостность потребительских и обменных ценностей. Индустрия граничит с экологией и основными потребностями. Она не в состоянии нарушить эти две границы. То, что может сформироваться в данной ситуации, и есть экоиנדустрия. Индустрия, не являющаяся экологической, не является экономической. Индустрия, утерявшая свои связи с экологией, ничем не отличается от механизированного чудовища, постоянно пожирающего и уничтожающего окружающую среду. Более того, у индустрии, утратившей свои связи с экономикой основных потребностей, нет никаких иных ценностей, кроме извлечения прибыли. Экоиנדустрия с этими реалиями является основным принципом. Это основной принцип, в рамках которого должны быть взаимно связаны все виды экономической деятельности. В такой ситуации экономи-

ческая деятельность обретает свой истинный смысл, и тогда исчезает социальная почва для таких явлений, как безработица, перепроизводство и недостаточное производство, малоразвитые страны и регионы на фоне сильных развитых, противоречия между селом и городом, пропасть между классами, экономические кризисы и войны.

Безработица полностью является следствием искажения экономической структуры, преследующей одну лишь цель — извлечение прибыли. Экономический аспект современной демократии не предоставляет возможности для такого искажения. Безработица — это состояние общества, не вписывающееся в рамки человеческих представлений.

Перепроизводство и недостаточное производство тоже являются следствием искаженной экономической структуры, преследующей одну лишь цель — извлечение прибыли. В условиях актуальности основных потребностей и такого уровня развития индустрии не имеют смысла не перепроизводство, ни недостаточное производство. Я должен особенно подчеркнуть то, что в рамках климатических, природных условий перепроизводство и недостаточное производство, творимое руками человека, становится столь же нечеловеческим явлением, как и безработица.

Вопрос слаборазвитых и передовых стран и регионов является другим выражением нечеловеческого состояния, порожденного экономикой, основной целью которой является извлечение прибыли. Таким образом, посеяв семена различного рода противоречий между странами и регионами, такая экономика способствует бесчисленным кризисам, войнам на локальном, национальном и международном уровнях. Ясно, что экономика, находящаяся на службе у человеческого общества, ни в коем случае не может способствовать, не должна способствовать таким событиям.

То, что взаимоотношения между селом и городом, построенные на протяжении общественно-исторической практики на базе определенной деятельности и разделения труда, постепенно превращаются в клубок противоречий, нарушаются не в пользу сельского земледельческого общества, вызвано, опять-таки, тем, что экономика привязывается к институтам, преследующим единственную цель извлечения прибыли. То, что вместо взаимно

обогащающих отношений города и села, земледелия, ремесел и индустрии насаждаются взаимно уничтожающие друг друга отношения, является еще одним ужасающим последствием закона максимальной прибыли. Село и земледелие доведены едва ли не до края пропасти ликвидации, город и индустрия уже переживают рост раковой опухоли. Не только экономика, но и само историческое общество поставлены перед гибельной пропастью уничтожения.

Обречение экономики, основанной на законе максимальной прибыли, на такого рода искажения, способствовало классовому расслоению, политическим распрям, локальным, национальным и международным войнам. Совершенно очевидно, что в основе всех этих негативных явлений, преподносимых в повествованиях цивилизации почти как неотвратимая судьба человечества, лежат эксплуатация и грабеж экономики ее антиподами в лице индивидуализма и монополизации.

Современная демократия не остановится на спасении экономики от этих убийственных тенденций. Она обладает той самой систематикой, которая позволит в более развитых условиях не допустить безработицу и бедность, перепроизводство и недостаточное производство, снизить до минимума различия между сильно и слабо развитыми странами, превратить противоречия между селом и городом в отношения, взаимно обогащающие друг друга. В пределах собственной систематики социальные и экономические различия не могут быть доведены до аспектов классовой эксплуатации. Развитие классов не углубляется. Не могут расти масштабы экономической эксплуатации и социальных противоречий, являющихся причинами кризисов и войн. Система современной демократии также не позволит поглотить ни село и земледелие, ни город и индустриальную деятельность, развивающиеся в реальных масштабах. Основные аспекты современной демократии преподносят механизм этот в виде целостности. Современная демократия охватывает все сообщества в аспекте их экономической деятельности, в связи с нравственным и политическим аспектом, в единстве ее экологических и индустриальных элементов. Они связаны неразрывными узами. Они не оставят места для когтей индивидуализма и монополизма.

Во всех видах общественной деятельности уделяется внимание экологической экономике и экологической индустрии. На этой почве проекты, направленные на восстановление окружающей среды и оживление земледелия, превращения села в сферу жизнедеятельности с наиболее здоровой окружающей средой, обладают потенциалом, позволяющим даже самостоятельно ликвидировать безработицу и бедность. Безработица противоречит природе человека. То, что человек, обладающий столь развитым мышлением, остается без работы, возможно только в результате властных действий другого человека, что, в конце концов, и происходит. Как может природа, не оставляющая без дела даже муравьев, вдруг оставить без работы самое развитое существо, каковым является человек? Как может бедность стать роком в эпоху технологии, являющейся наиболее потрясающим продуктом человеческой практики, и индустрии, основанной на этой технологии?!

Ясно, что необходимо структурное преобразование. Исторические реалии и актуальность демократической современности обладают такими способностями, которые не отчуждают человека от собственной практики и труда. Промышленный переворот, став одним из крупных этапов этой практики, является победой общества и экономики. Проблема в том, что современный капитализм изначально поставил эту беспрецедентную борьбу на службу своему закону извлечения прибыли. Создав для этого невиданный индивидуализм и монополизм (торговый, промышленный, финансовый, авторитарный и национально-государственный), довел историческое общество до пропасти уничтожения. Современная демократия в определенном смысле является названием систематической и структурной революции на фоне этого искаженного восприятия современности. Экоиндустрия является одним из основных аспектов этой революции. Даже этот аргумент самостоятельно может подтвердить жизнеспособность современной демократии.

Хотя классическую экономическую единицу официальной современности пытаются представить в виде компаний семейной и профессиональной структуры, это единицы, целью которых является извлечение прибыли. Ни у кого из них нет никаких

иных забот, кроме извлечения прибыли. Несмотря на то, что, развернув, как спрут, свои щупальца, они не оставили в мировом масштабе ни одной нетронутой экономической сферы, единственная проблема, которая их интересует, касается того, как обеспечить максимальную прибыль. С одной стороны, безработица достигла грандиозных размеров, а бедность и разница в доходах растут как снежный ком, сотни миллионов людей умирают с голоду. С другой стороны, колоссальный производственный потенциал оставлен впустую, способствует кризисам перепроизводства и недостаточного производства. Банкротство земледелия и ликвидация сельского общества, создание компаний, основанное на законе максимальной прибыли, являются следствием деятельности экономических, точнее, не имеющих никакого отношения к экономике, единиц. Основная экономическая единица современной демократии, с интеллектуальной и структурной позиций, конечно же, будет антагонистична этим компаниям, цель которых — извлечение прибыли.

Экономика, являвшаяся деликатной темой на протяжении всей истории, всегда была головной болью нравственного и политического общества. На вершине этого айсберга размещаются такие явления, как беднота, голод и смерть, представляющие собой глобальную угрозу обществу. Прибыль, как и накопление, никогда не воспринималась обществами на легальном уровне, всегда считалась источником зла, воровства и при первой возможности подлежала конфискации. Ясно, что, привязавшись к такой цели, нельзя построить экономику. Впрочем, как уже говорилось, разговоры об экономике как о деятельности, являющейся антиподом экономики, сами по себе являются противоречием.

Единственный путь освобождения от этого противоречия пролегает через экономику экосообщества. Тысячи экосообществ могут организоваться в экономическую единицу. Если принять во внимание экоиндустриальный принцип земель, утративших свое предназначение и подвергшихся раздроблению в следствие семейного характера землепользования, можно понять, что их реорганизация является проблемой, которая вновь стала постоянной. Формирование экосообществ в земледелии является

одним из основополагающих экономических принципов современной демократии. Привязанность к поместью, оставшаяся от крепостной и рабовладельческой эпох, утратила в связи с этим реальность. Экосообщества, которые начнут реализовываться по мере формирования земледельческих единиц в экологических мерках, станут фундаментом современного села. Иными словами, село, точнее, современное село, становясь экосообществом, могут вновь существовать как экономические единицы в рамках экологических параметров.

В городах тоже могут быть сформированы аналогичные экосообщества. В планировании градостроительства с сильной экологической составляющей экономика выстраивается как часть общего плана. Точно так же, как нет необходимости в бюрократии, поглощающей город, не должно быть и экономики, поглощающей город. Виды экономической деятельности, соответствующие природе каждого города, могут быть организованы в качестве единиц оптимальной величины, целью которых будет ликвидация безработицы и бедности населения городов, созданных не с целью извлечения прибыли. Население может быть распределено по этим единицам в соответствии со структурой и способностями.

Может показаться, что здесь речь идет о социалистической плановой экономике. Но модель, о которой мы говорим, — это совершенно иное. Централизованная экономика не имеет никакого отношения ни к экономике, развивающейся по команде сверху, ни к диким, так называемым «экономическим», но находящимся вне экономики компаниям, единственной целью которых является извлечение прибыли. Это структура, в которой реализуются решения и практические действия местного нравственного и политического общества. Безусловно, необходима координация, предусматривающая национальные, региональные, даже международные условия. Но она не сможет отменить причастность этих решений и практических действий к инициативам локального общества. Должен повторить, что экономика не является технической базисной проблемой. Эта деятельность, являясь основополагающей тканью существования обществ, осуществляется при помощи взглядов, дискуссий, ре-

шений и организационных усилий и действий всего общества. Отрыв человека от экономики лежит в основе всех отчуждений. Предотвращение этого отчуждения является важнейшим условием успеха, а единственный путь к этому пролегает через распределение экономики между всеми сообществами. Подобно тому, как невозможно чтобы «один ел а другой смотрел», также невозможно чтобы «один работал а другой гулял». Экономика является основополагающим условием существования общества, и ее следует организовать на основе привязанности к устоям абсолютного социального стержня, экологии и рентабельности. Ничто, кроме общества и всех сообществ, не может обладать правом ни на такое существование, ни на его отмену. Единицы, в том числе торговые, промышленные, земледельческие, даже при условии исполнения инструментальной роли, финансовые, должны соответствовать этим фундаментальным принципам. Эти принципы должны лежать в основе и огромной фабрики, и земледельческой организации.

В условиях современной демократии собственность экономических единиц теряет свое значение и отодвигается на второй план. Собственность, конечно же, будет принадлежать сообществам, хозяйствующим соответственно принципам. Ни семейная, ни государственная собственность не могут стать отражением современной экономики. Государственная и семейная собственность, оставшаяся от иерархии, не в состоянии продолжить свое существование даже в условиях современного капитализма. Даже компании под давлением экономических аргументов постепенно входят в состав совместной собственности трудящихся. Но, сэрванно не следует грубо делить друг от друга нормы собственности. Точно так, как две культурные системы сосуществуют в тесной взаимосвязи, так и системы собственности длительное время сохраняют свое сосуществование. Подобно тому, как семейная собственность сохраняется в общественной собственности, государство тоже сохраняет свое влияние и вклад. Важно быть открытым для гибких норм собственности, способных дать ответ на проблемы окружающей среды, производительность, безработицу. Любая форма экономности служащая существованию, свободу, доброту личности ценна, даже как собственность. Но

поскольку эти ценности не могут формироваться без сообщества, правильное всего было бы решение проблем в оптимальных границах. Современная демократия вновь разместила в современных условиях на фундаменте нравственного и политического общества собственность, имеющую общественное происхождение и на протяжении всей истории никогда не терявшую своего общинного характера существования. В этом смысле она в состоянии успешно сыграть свою историческую роль.

в) Аспект демократического конфедеративного общества

Третий аспект социальной природы можно на административном уровне определить в форме демократической конфедеративной системы. Несмотря на все опасения, тройственный аспект имеет поучительный характер. Важно теснее переплетение аспектов. Волонтаристское установление одного аспекта вместо другого может быть и возможно, но то, что из этого получится, не будет современной демократической системой, это будет нечто иное. «Триада» современного капитализма тоже развивается в тесной внутренней сопряженности. Существование одного аспекта требует наличия другого.

В противовес национальному государству, являющемуся основной государственной формой официальной современности, в условиях современной демократии формируется демократическая конфедеративная система. Ее можно назвать «негосударственной системой политического администрирования». Именно эта особенность делает систему самобытной. Ни в коей мере нельзя путать демократическое администрирование с государственным управлением. Государства правят. Демократии управляют. Государства основаны на власти, демократии на коллективном согласии. Государства назначают управленцев, демократии выбирают их. Для государств важнее всего необходимость, для демократий добровольность. Такие же различия можно перечислять и дальше.

Демократическая конфедерация не является формой управления, свойственной, как это принято считать, нашему време-

ни. Это система, находящая свое место в истории. История в этом смысле является не централизованно государственной, а конфедеративной. Государственная форма, благодаря своей официозности, является более распространенной, но общественной жизни близок конфедеративный характер. Постоянно стремясь к централизации, государство берет за основу интересы монополий, на которых оно базируется. В противном случае оно не сможет защитить эти интересы. Только очень жесткая централизация может обеспечить уверенность. В конфедерации действует принцип обратного. Взяв за основу интересы не монопольные, а социальные, она по возможности избегает централизации. Общества состоят не из однородной единой массы, а из многочисленных сообществ, институтов и различий, поэтому ощущают необходимость обеспечения единства всех сообществ в общей гармонии. Следовательно, чрезмерно централизованное управление в сфере этого большинства приводит к частым взрывам — в истории есть множество примеров. Что касается демократической конфедерации, то на сей счет существует гораздо большее количество примеров, поскольку это соответствует самовыражению каждого сообщества и структуры. То, что данная система не получила широкого признания, объясняется гегемонистской структурой и идеологией официоза. Даже не получив официального признания, общества на протяжении всей истории в основном носили конфедеративный характер. Стиль управления племенами, родами, народами давал возможность проявления гибкой конфедерации. В противном случае была бы нарушена их внутренняя специфика, что привело бы к разрушению их жизнедеятельности. Даже империи в своей внутренней структуре основываются на бесчисленных различных управлениях. Различные родоплеменные сообщества, народности, теократии, королевства, даже республики и демократии могут объединиться в структуре одной империи. В этом смысле очень важно понять, что даже те империи, которые считаются наиболее централизованными, в каком-то смысле являются конфедерациями. Тенденция к централизации исходит не от общества, а является той моделью управления, в которой ощущает потребность монополия.

Современный капитализм — это показатель максимальной централизации государства. В то время, как политическая и военная сила общества применяется в пользу самой сильной монополии, называемой властью, а общество обрекается на совершенное военно-политическое бессилие, современные монархии и развиваемые следом за ними национальные государства становятся именно тем руководством, которое с военно-политической точки зрения больше всего обессиливает и обезоруживает общество. Явление, называемое социальным спокойствием и правом, это ничто иное как институт господства класса буржуазии. Усиление эксплуатации и обретаемые ею новые формы породили потребность в национальном государстве. Национальное государство, которое можно было бы назвать также организацией власти в форме максимально централизованного государства, является основной формой управления современности. Такого рода понятие, как «буржуазная демократия», ставшее одеянием буржуазии, применяется, в основном, для сохранения ее легального статуса в обществе. Национальное государство воплощается на почве отрицания демократии и даже республики. Демократия и республика — это формы управления, по своей сущности отличающиеся от национального государства.

То, что современная демократия, имея в виду историческую платформу и актуальную сложную социальную природу, считает демократическую конфедерацию основополагающей политической моделью, отнюдь не является волонтаристским выбором. Современная демократия отображает политический пояс нравственного и политического общества. Не осознав в полной мере того, что социальная природа не является однородной и монолитной, очень сложно понять сущность демократической конфедерации. Последние четыре столетия истории официальной современности — это история своего рода геноцида полиэтнического, поликультурного общества с многообразной политической структурой и системой самообороны в угоду гомогенной нации (в целом это — культурный геноцид, но время от времени осуществлялось и физическое истребление). Демократическая конфедерация — это история настойчивого стремления к укреплению самозащиты, этническому разнообразию, многогранно-

сти культуры и различным политическим образованиям. Новейшая эпоха — это продолжение столь противоречивой истории современности в новых формах.

Трещина, появившаяся в мировую финансовую эпоху на теле национального государства, восславляемого в качестве высшей божественной ценности последних двух столетий, и актуализация насильственно ассимилированных, угнетенных и как бы мстящих ему социальных реалий — это два взаимосвязанных процесса. Характерное для финансовой эпохи понимание прибыли требует изменения национального государства. Это изменение играет серьезную роль в обретении кризисом системного характера. Что касается попыток неолиберализма реставрировать национальное государство, то никакого успеха не наблюдается. В этом смысле очень поучителен опыт Ближнего и Среднего Востока.

Демократическая система, противостоящая официальной и вынужденная последовательно упрочнять свое положение, на пути утверждения факта своего существования в подобных условиях оказывается лицом к лицу с необходимостью решения проблем, связанных с формой своей реализации. С этой целью мы постарались определить то, что конфедерация не только не чужда истории, но является наиболее точным ответом на усложняющуюся природу современного общества. Мы часто говорили о том, что наилучшей возможностью самовыражения нравственного и политического общества является демократическая политика. Демократическая политика является способом построения демократической конфедерации. Именно это — источник ее демократичности. Противостоящая демократии современная система, стремящаяся продлить свое существование при помощи своих последовательно централизующихся, проникающих во все сферы общества механизмов государства и власти, по сути, уничтожает политическую сферу. С другой стороны, демократическая политика, дающая всем слоям общества и всем народам и нациям возможность самовыражения в качестве политической силы, одновременно строит политическое общество. Политика вновь вступает в общественную жизнь. Без активизации политики кризис государства не

может быть урегулирован. Источником кризиса является игнорирование политического общества. Демократическая политика — единственный путь урегулирования углубившихся в настоящее время государственных кризисов. Иначе более жесткие, централизованные поиски самого государства неизменно приведут к резким разломам.

Вышеупомянутые факторы еще раз подтверждают то, что демократическая конфедерация становится актуальной в качестве сильной альтернативы. То, что конфедерация, изначально поддерживаемая в Советской стране, была активно ликвидирована во имя централизованного государства, повлияло на распад социалистической системы. То, что национально-освободительные движения не только не достигли больших успехов, но и распались в кратчайшие сроки, тесно связано с их неумением развить достаточный уровень демократической политики и конфедерации. В основе двухсотлетних опытов и неудач революционных движений лежит ошибочное признание национального государства наиболее революционной, а демократической конфедерации, наоборот, отсталой политической формой.

Личности и движения, считавшие, что, обратив свои взоры к национальному государству, являющемуся фактически сильнейшим оружием современного капитализма, можно будет кратчайшими путями осуществить важнейшие социальные преобразования, очень поздно осознали, что этим оружием они выстрелили в самих же себя.

Демократическая конфедерация не только обладает потенциалом, позволяющим ей преодолеть все негативные явления, исходящие из национально-государственной систематики, но также является самым подходящим инструментом политизации общества. Это очень простой и легко применимый инструмент. Любое сообщество, этнос, культура, религиозная община, интеллектуальное движение, экономическая единица и т. п. могут автономно самовыражаться в качестве политической единицы. Понятия «федерализм» или «автономия», «самостоятельность» могут быть оценены в этих рамках и в этом ракурсе. Любая самобытная единица от местного до мирового масштаба имеет шанс на формирование конфедерации. Основным признаком

местной конфедерации является право на свободное обсуждение и принятие решений. Любая самобытность или федеративная единица уникальна в силу того, что имеет шанс на внедрение прямой демократии, которую можно назвать еще и представительной демократией. Источником ее потенциала является возможность применения прямой демократии. Именно это является обоснованием ее основной роли. Если национальное государство отрицает прямую демократию, то демократическая конфедерация, напротив, формирует демократию и делает ее дееспособной.

Федеративные единицы, являющиеся главными клетками прямой представительной демократии, являются идеальными и беспрецедентными с точки зрения своей гибкой структуры, позволяющей им преобразоваться в конфедеративные единицы, если этого потребуют условия и возникнет необходимость. Демократическим является любой политический союз, учитывающий интересы единиц, основанных на демократии. Политическую функциональность любого уровня, начиная от местных самостоятельных единиц, основанных на принципе прямой демократии, вплоть до самых крупных, имеющих мировой характер, можно назвать демократической политикой. Реальная демократическая система является формулированным воплощением всех этих процессов.

Внимательное наблюдение за социальной природой позволит легко прийти к следующему выводу: национальное государство — это железная клетка, а демократическая конфедерация — это наиболее подходящая освободительная модель. Насколько национальное государство давит на общество, делает его однотипным и максимально отдаляет от демократии, настолько же демократическая конфедеративная модель является освободительной, допускает плюрализм и способна к демократизации общества.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание: это очень богатое содержание федеральных и самостоятельных местных единиц. Очень важно понять, что потребность в конфедеративных единицах может быть и в селе, и в любом городском районе. Любое село или район спокойно могут стать

конфедеративным союзом. Приведем примеры: с одной стороны, — это экологическая единица села, то есть ее федеративность, с другой стороны, — это многочисленные единицы прямой демократии, например, союзы женщин, самообороны, молодежи, образовательные, фольклорные, общества здравоохранения, взаимопомощи и многие другие, объединяющиеся в масштабе данного поселения. Эту новую единицу единиц легко можно назвать конфедерацией (единицей федеративных единиц) или союзом. Проецируя данную систему на местный, региональный, национальный и всемирный уровни, можем спокойно осознать, насколько охватывающей и содержательной системой является демократическая конфедерация. В ракурсе конфедеративной систематики еще лучше можно понять, что все три аспекта современной демократии обладают взаимодополняющим характером. Поскольку каждый из аспектов обладает потенциалом, позволяющим открыто обсуждать, выносить оценки, принимать решения, реорганизоваться и проявлять оперативность, историчность и целостность социальной природы обеспечиваются наилучшим образом.

Общественную самооборону можно наилучшим образом реализовать в рамках демократической конфедеративной системы. Являясь одним из институтов демократической политики, самооборона входит в структуру данной системы. Само понятие «самооборона» является концентрированным выражением демократической политики.

Национальное государство в основе своей — военная система. Все национальные государства оказываются следствием крайне беспощадных, длительных внутренних и внешних войн, протекавших в различных формах. Невозможно найти ни одно национальное государство, которое не было бы результатом войн. Не только на стадии создания, но более того, на стадии структуризации и распада национальное государство внутренне и внешне заковывает все общество в милитаристские доспехи. Общество полностью военизируется. Структуры власти и государства называемые гражданской администрацией на самом деле являются занавесом этой военной брони. Механизмы, называемые буржуазными демократиями, идут еще дальше, и, маскируя под

слоем демократического лака эти милитаристские образования и мышление, загружают сознание пропагандой либеральной, демократической социальной системы. Не разобравшись в этом страшном противоречии современного управления, нельзя говорить о сколько-нибудь правильной политической деятельности и реализации демократической политики. Это явление и называется «нацией воинов». Оно характерно для всех национальных государств, создававшихся на протяжении четырехсот лет. Именно это лежит в основе всех социальных проблем, кризисов и разложения. Навязываемые как модели решения и часто повторяемые различные фашистские административные практики (с переворотами, без переворотов, военный, гражданский фашизм) соответствуют природе национального государства. Это — наиболее специфическое состояние его формального выражения.

Демократическая конфедерация может остановить эту милитаризацию, исходящую от национального государства, только при помощи такого инструмента, как самооборона. Общества, не способные на самооборону, теряют свою идентичность, политические особенности и демократизацию. Именно поэтому аспект самообороны для общества — это не обычная военная защита. Самооборона тесно связана с такими явлениями, как сохранение национального самосознания, обеспечение политической активности и демократизация. Общество может говорить о сохранении своей идентичности, обеспечении политической активности и умении осуществлять демократическую политику только в том случае, если оно может защитить себя самостоятельно. В свете этих реалий демократическая конфедерация одновременно позиционирует себя как система самообороны. В эпоху всемирной гегемонии монополий и в условиях милитаризации всего общества в национально-государственной форме современная демократия может противостоять этой гегемонии только с помощью организации самообороны в любое время и в любых условиях, базируясь на демократической политике, основанной на конфедерации. В противовес существующим в мире гегемонистским сетям и узам (торговые, финансовые, промышленные, авторитарные, национально-государственные

и идеологические монополии) современная демократия должна развивать жизнеспособную сеть конфедераций, самообороны и демократической политики.

Последняя проблема, которой нельзя не коснуться в этом аспекте, — это проблема продолжения взаимоотношений и противоречий между ними. В частности, авторитарные подходы, характерные для социалистических и национально-освободительных течений (власть, даже диктатура пролетариата вместо власти буржуазии, национальная власть вместо колониальных, соглашательских режимов), совершая самые трагические в истории ошибки, фактически предоставляют капитализму заметные шансы на продолжение собственного существования. Это и аналогичные течения, для которых характерно стремление разрушить власть и государство для того, чтобы установить на его месте новую власть и новое государство, несут ответственность за то, что общество буквально задушено милитаризацией, утратило свой политический характер и позиции в борьбе за демократию. Около двух столетий сторонники аналогичных позиций своими руками преподносят национально-государственной системе капиталистического гегемона победу на золотом подносе. Анархисты и некоторые феминистские и экологические движения нашего времени, а также иные гражданские общества и сторонники левого мировоззрения пусть и поздно, но пришли к более позитивным позициям по данному вопросу.

Длительное мирное, хотя и противоречивое сосуществование двух современных систем в такой форме, условия и принципы которого мы раскрыли ранее, попросту неизбежно. Это жизненные реалии. Столь длительное сосуществование при отсутствии принципов, на основе капитуляции или же при помощи милитаризма и конфликтов было бы невозможно. В тех случаях, когда систематика национального государства попирает условия и принципы мирного сосуществования с систематикой демократической конфедерации, политическая философия, стратегические и тактические подходы, общественно-историческая свобода, равенство и демократия, продолжат свой путь на основе самозащиты.

Я надеюсь, мне удалось достаточно убедительно раскрыть двойственный характер современности, являющейся для нас последним периодом истории цивилизации, которую я постарался проанализировать в этом большом разделе нашего труда. Сама по себе современность, ее краткая история полны важных диалектических процессов, как и диалектическое развитие всей истории цивилизации. Говоря о диалектическом процессе, следует понять то обстоятельство, что развитие таит в себе два типа взаимоотношений и противоречий, два разных мышления и образования. История последних четырех столетий подтверждает, что капитализм поставил свое клеймо на современности. Но этот ярлык капитализма отнюдь не является свидетельством того, что современная история сплошь капиталистическая. Что касается самого капитализма, то, больше чем общественной формацией, она является системой извлечения прибыли и накопления капитала. Как система это не подходит для характеристики такого содержательного явления, как современность. Часто употребляя понятие «современный капитализм», я подчеркивал то, что это следует воспринимать в смысле капиталистического клейма на современности. Вместе с тем, я постарался подчеркнуть и то, что вторая ипостась современности может быть названа «современной демократией», и в этом гораздо больше доля реальности. Я не считаю приемлемым выражение «современность с печатью демократии». Для того, чтобы не повторять исторических ошибок, существующих при разделении обществ на капиталистические и социалистические, я воздержался от таких мелких шагов, как противопоставление современного капитализма и современного социализма.

Я постоянно использовал метод сравнительного исторического анализа двух разных типов современности, хотя истина сама по себе оказалась раздвоенным. Как это было на протяжении всей истории цивилизации, эту дилемму подтверждает более краткосрочная современность в комплексе всех взаимоотношений и столкновений. Опираясь на эти свидетельства, я постарался сформулировать определения и краткий анализ, пусть это и носило экспериментальный характер. Я не сомневаюсь в том, что это будет воспринято, по меньшей мере, как проект мыш-

ления. Несомненно, критика и различные предложения пойдут на пользу моей работе.

Нельзя отрицать, что капитализм, как система извлечения прибыли и накопления капитала, оставил на современности собственное клеймо и по сей день продолжает существовать как мировой гегемон во власти финансового капитала. Нельзя отрицать и того, что капитализм как система (всемирная капиталистическая система) во всех условиях места и времени своего создания таит в себе силы, находящиеся с ним в состоянии глубоких противоречий. Эти силы, которые мы для терминологической легкости постарались определить как силы современной демократии. Это не просто социалистические и национально-освободительные движения, это, в первую очередь, анархизм, а также дающие о себе знать в последнее время экологические, феминистские и радикальные религиозные системы. Целостность системы давно уже разорвана, все внутренние и внешние тенденции (скорее всего, их стоит назвать внешними, потому что социальная природа признает истинными только внешние силы), во всех условиях места и времени существования системы постоянно напоминают о своем существовании, говорят о свободе и равенстве. Они не прекращают своих системных поисков.

Как на протяжении всей истории цивилизации, так и в современном мире взаимное уничтожение системами друг друга и их тяга к монополизации не только не дают результатов, но и сами становятся тяжкой платой за это. Несомненно, их слепота усугубляла список этих системных войн. Активно наступая друг на друга, системы стремятся продолжить свое существование. Все гегемонии, от мировых до локальных, а также порождаемая ими борьба продолжают существовать, усиливая свои позиции благодаря извлеченным урокам. По мере того, как проходит существование мира и войны, мы тоже продолжим свое сосуществование. Если анализ и решения больше всего отражают успех, правду, добро и красоту, конечно же, мы можем мечтать о таком красивом мире, который можно было бы назвать жизнью без мира и войны. Мы можем реализовать этот мир. Конечно же, более ценным было бы такое состояние, где больше мира и меньше

войн, и усилия, направленные на его осуществление, поистине благородны — только при условии, что эти усилия должны быть принципиальными и достойными.

Мы дали определение гегемонии всемирного финансового капитала как самого глубокого кризиса. Развитие событий подтверждает это определение. В частности, мы детально раскрыли системный и структурный характер кризиса. Даже ежедневные сообщения о кризисах подтверждают его системный и структурный характер. В периоды кризиса современные системы отличаются генеративностью. Если одни системы порождают себе подобные в тяжелых паралистических спазмах, то немало и таких, которые разрешаются здоровым потомством. В либеральной утопии капитализма всегда актуален пакет очень широких и эклектических решений. Составляются дневные, недельные, месячные, годовые, десятилетние, пятидесятилетние планы. Это их дело, они и дальше будут составлять эти планы.

Шанс сил современной демократии может еще больше раскрыться в эти кризисные периоды. Величественная история борьбы, утопические теории свободы и равенства буквально озаряют им путь, как и серьезные выводы, сделанные из поражений и недостатков. Когда в ход пускаются тесно сопряженные друг с другом интеллектуальные, нравственные и политические функции, то, конечно же, повышаются шансы на успех. Опять же, периоды системных и структурных кризисов обладают такими специфическими сторонами, которые необходимо принять во внимание. Как бы ни тащились по следам прошлого наука и нравственно-политическая философия, которые следовало бы применить в жизни, нельзя игнорировать то, что они должны содержать в себе новизну. В противном случае имевшие место в прошлом проблемы могут стимулировать появление новых. Опасность усугубляется тем, что либерализм очень активно становится неолиберализмом. Нельзя забывать того, что пока все ждали революционных перемен во время Великой депрессии 1929 года, появилась фашистская волна, которая и по сей день не теряет своего влияния. Общество, как никогда и нигде прежде, лишалось своих нравственных и политических качеств. Коммуникативные технологии дают силам всемирной идеологической

гегемонии огромные возможности представления виртуальных миров и искажения реального мира. Они не видят никакого вреда в том, чтобы преспокойно представить загнивающие образования под видом новых, в новой упаковке. Существующая масса давно уже превратилась в стадо на службе у фашизма. Все это я говорю для того, чтобы подчеркнуть следующее: до тех пор, пока мы, не ограничиваясь объединением аналитической и чувственной сторон действительности, вместо того, чтобы ломать чувства, не перенесем во все сферы и в каждое мгновение нашей жизни обязательный принцип нравственности и политики, перед нами могут вставать любые проблемы. В следующей части труда мы рассмотрим эти вопросы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Наиболее трагической стороной современных революций является то, что они становятся жертвами современности, в реализации которого принимают участие. Неумение провести анализ современности является недостатком этих революций, и они считали, что добьются успеха, даже не разобравшись в связях и противоречиях, существующих между поставленной целью и эпохой. Таким образом, утопическое содержание революций достаточно быстро растворилось в ледяных расчетах современности. Урок, который можно извлечь из общей истории цивилизации протяженностью в пять тысяч лет и, в частности, ее последних четырех столетий, — это неумение сформировать с помощью сопоставления различий с противостоящей системой еще одну, противодействующую систему. Оценив цивилизации и современность в ракурсе монистического подхода, они отождествляют их с универсальной жизнью, которой надо следовать. Несмотря на то, что бесчисленные восстания не оставили ни одной неразрушенной цивилизации, все, что осуществлялось, становилось новыми версиями старой цивилизации.

В данном случае перед нами предстает источник мощи цивилизаций. За редким исключением, люди, в том числе самые известные революционеры, являются детьми цивилизации своего периода. Эпоха в которой они живут является их настоящими родителями. Я не подхожу к этому вопросу с фаталистической точки зрения. Я хочу подчеркнуть, что до исправления кардинальной ошибки, длящейся 5000 или 400 лет, даже самые ради-

кальные в теоретическом и практическом смысле революции, не смогут избежать неудачи. Мы ни в коем случае не можем утверждать, что общественное сопротивление и революции не оставили никакого наследия. Без этого наследия наша жизнь потеряла бы всякий смысл. Но даже кризис, переживаемый нашей современностью, очень уверенной в себе, не только не анализирует источник проблем, но даже подтверждает большую удаленность от решения проблем. На протяжении долгих лет современность не избавляется от своих ошибок. Проблемы тоже не теряют своей актуальности. Если ничего не изменится, все мечты о равенстве, свободе и демократической жизни останутся утопией.

Сводя счеты с историей цивилизации и современностью, в своей Защитной речи я, с одной стороны, фактически прохожу через жернова жесткой самокритики. С другой стороны, несмотря на все мои недостатки, я стараюсь представить свой альтернативный взгляд. Этого требует последовательность. Европоцентристская социология не может продемонстрировать такую последовательность. Говорить о научном прогрессе, равно которому не было никогда и не сумеет победить такую дикость, как война! В данной ситуации критика прошедших эпох силой научного оружия теряет всякую легитимность. Необходимо обратить внимание только на науку, сохранившую свою законную силу. Я оцениваю свои усилия в этих рамках.

Все, что я сказал, не должно показаться преувеличением в отношении цивилизации и современности. Поистине не может быть никаких сомнений в искренности пророков, как глас Божий, критиковавших систему фараонов и немродов. Но те, кто считал себя их последователями, реализовали систему новых фараонов и немродов, обогнавших своих исторических предшественников. Если султаны, шахи и падишахи оказались в плену созданных ими систем, надо видеть в этом силу новых цивилизаций. Благие намерения, следование за пророками не спасает от причастности к системе немродов и фараонов.

Маркс, Ленин и Мао, вступив в схватку с капитализмом, были искренни в своих действиях. Они даже глубоко верили в то, что построили социализм вместо капитализма. Но вывод, который

назрел спустя недолгое время, — это то, что построенная ими структура не многим отличается от капитализма. И в этом случае проявилась во всю силу новая цивилизация, или современность. Их поверхностные рассуждения о капитале оказались недостаточны для развития социализма. Недостаточными оказался их анализ современности. Позитивистское мировоззрение, оказавшее на них глубокое воздействие, представляло им современность как наиболее священное состояние реальности. Что уж говорить о критике, если они считали, что им удастся сделать его еще прекраснее. Результаты, однако, налицо. Когда цепочка исторических ошибок продолжается, даже самые священные цели становятся орудием в ледяных расчетах цивилизации и современности.

Несмотря на то, что новейшая эпоха является первым серьезным критическим движением, подчеркнувшим невозможность дальнейшего продолжения современного капитализма, ему очень далеко до статуса альтернативной системы. Его эклектичная и двусмысленная структура не позволила даже успешно подчеркнуть свое отличие от классической современности. Аналогичные усилия романтиков XIX-го века не ушли дальше литературных опытов. Критика современности, высказанная Ф. Ницше в конце XIX-го века и Мишелем Фуко во второй половине XX-го века, несмотря на свою высокую ценность, не смогла выйти за рамки индивидуальных усилий, не смогла стать нравственным и политическим течением коллективного характера. Более актуален анализ цивилизации и современной системы, сделанный Фернаном Броделем, Иммануэлем Валлерстайном, Андре Франком Понтером и другими, близкими по деятельности учеными, несмотря на более реалистический, критический подход к теме в рамках общественно-исторической ценности, тем не менее, не увенчался успехом в создании альтернативы. Казалось бы, цивилизация и современная эпоха рассматриваются как системы закрытого цикла, которые должны существовать постоянно, приводится содержательная критика, но все то, что делается во имя создания альтернативы, не выходит за рамки нескольких предложений. Мы можем понять безумие Ницше, раннюю смерть М. Фуко, но никак невозможно считать доста-

точным то, что Ф. Бродель посчитал социализм альтернативной системой, И. Валлерстайн решил довольствоваться представлениями о равенстве, свободе и демократизации, а Андре Франк Пунтер в общем разнообразии нашел единство. Своими недостатками они как бы признаются в том, что не смогли оторваться от цепей европоцентристской социологии, которую сами так усердно критиковали.

Возможно, мои критические рассуждения и представление альтернативы в форме Защитной речи может показаться личным осуждением древней централизованной цивилизации и ее представителя в наши дни, каковым является современный капитализм. Это взгляд в определенном смысле правлен. Мое личное мнение заключается в том, что человек, не разобравшись в собственной обреченности, не может заниматься нормальной наукой. Я не имею в виду обреченность в узком смысле слова — я говорю об общей социальной обреченности, которую цивилизация и современность навязывают свободной жизни. Первым условием осмысленного занятия наукой является умение занимающегося ею субъекта использовать самоанализ и необходимость практической реализации собственных позиций. В противном случае науке не удастся избежать использования накопленных знаний на рынке в качестве интеллектуального капитала, следовательно, превращения в науку на службе у власти.

Основной идеей моей критики является то, что система цивилизации, насчитывающая 5000 лет (включая более древнюю иерархическую систему), основана на накоплении капитала и власти, установленной в сельской местности над земледельцами и кочевниками, в городах же над ремесленниками и работниками, выполняющими рабский труд. По сегодняшний день эти государственные и авторитарные монополии, вырядившиеся в торговые, финансовые, индустриальные и иные формы, не только сохранили свою специфику, но и в формальном смысле остались неизменными. История цивилизации базируется, с одной стороны, на войнах, которые ведут между собой монополии за место под солнцем, с другой стороны, — на войнах, которые эти монополии совместно ведут против всех противостоящих сил.

Что касается войн за идеологическую гегемонию, то это сплошь милитаристские и авторитарные игры, целью которых является аннексия социальных ценностей. Это все механизмы. Период капиталистической цивилизации, то есть современность, является наиболее развитой формой этой системы. Системе изначально свойственен кризисный характер противоречий типа «центр и периферия», «гегемония и конкуренция», «подъем и спад». Что касается современного периода, в особенности периода, в котором гегемонистскую роль играет финансовый капитал, то он выражает состояние наиболее глубокого структурного кризиса.

Предлагаемое мною альтернативное решение основано на необходимости выявления социальной природы в сознании и характере всех сил, сконцентрировавшихся на противоположном полюсе системы в соответствии ее диалектическим характером на всем протяжении истории от периода укрепления иерархии и становления цивилизации вплоть до последнего периода с клеймом капитализма. Ни одна из версий официальной истории цивилизации не может быть вариантом решения, приемлемым для противостоящих сил. Основная причина того, что в ходе истории социальной борьбы эти силы не могли своими утопиями о равенстве и свободе достичь какого-нибудь успеха, связана с оружием, примененным распадавшимися цивилизациями (авторитарные и государственные силы), а также с планами, являющимся одной из ее версий. То, что альтернативные силы так и не смогли независимо развить свое мышление и структуры, привело к тому, что они растворились в версиях, навязываемых силами противостоящего полюса.

Течение истории не только не является системой поворотов, состоящих из повторов, но и не является схематическим движением вперед. Это совокупность сознания и акций, значение и целостность которых зависит от того, насколько серьезные и глубокие мыслительно-практические действия сформировались внутри. Практически всегда можно обрести исторический характер, стать одним из звеньев в цепи исторического потока. Условием этого является обретение силы мышления и структурной формы. История в этом смысле обладает природным механиз-

мом, не дающим сбоев. Все взгляды и практические действия, не сумевшие продемонстрировать силу мышления и структуры, достойные того места в истории, на которое они претендуют, должны обвинять самих себя.

А. ЦИВИЛИЗАЦИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА КРИЗИСОВ

Системы цивилизации подвержены кризисам в силу своей структуры. Это не те ситуации, в которые попадает система периодически, в тех или иных условиях времени и места вследствие внутренних и внешних факторов. Система сама постоянно порождает депрессии (чрезвычайная форма которых является кризисом). Логика депрессии крайне проста. На базе экспроприированных социальных ценностей и прибавочной стоимости создаются авторитарные и в более официальной форме государственные классы, которые, внедрившись в структуру общества, в силу своей вооруженного и организованного характера демонстрируют тенденцию к постоянному укрупнению. Трудящиеся слои общества еле сводят концы с концами, рано умирают из-за болезней и войн, и вследствие этого в пропорциональном отношении их численность снижается в сравнении с государственными классами. Тем временем количество других слоев населения, являющихся механизмами государства и всевозможных властей, непомерно возрастает благодаря благополучному образу жизни и высокой рождаемости (династический характер первых государств сформировался на базе численно развитых семейств. Этого требовала политика силы). Такого рода взаимная дисгармония, имеющая систематический характер, и является кризисом. По мере того, как численно возросшие и усилившиеся государственные классы экспроприируют социальные ценности, само общество оказывается не в состоянии продолжить свое существование. Именно это и называется периодами депрессии.

Необходимы два пути, помогающие выйти из кризиса. Первый — это сила, уничтожающая конкурентов в ходе разгораю-

щихся войн за идеологическую гегемонию и формирующаяся в виде нового гегемона. Считается, что эти новые силы, аннексировав имущество уничтоженных ими конкурентов, в течение некоторого срока, до появления новых конкурентов, относительно приостанавливают кризис. Второй путь, который во многом тесно сопряжен с первым, это достижение роста производства путем внедрения более эффективных методов производства, торговли и промышленного развития. Гегемонистская система, развивающая рост производства, приходит в состояние благоденствия, являющегося противоположностью кризиса. В древних цивилизациях кризисы наступали с гораздо более длительными перерывами и длились гораздо больше. История знает много примеров кризисов, длившихся от двухсот до тысячи лет. Каждый период глобального кризиса завершался, как правило, сменой династии и центральной власти. Эти процессы можно наблюдать на протяжении всей истории, начиная от цивилизаций Шумера и Египта. Кризисы в эпоху Средневековья проявляли аналогичные свойства, но сроки уже заметно сократились. Это были широко распространенные депрессии протяженностью в среднем в сто или сто пятьдесят лет.

Кризисы капиталистической системы, развиваясь в общем русле, тем не менее, проявляют индивидуальные особенности. В этой системе денежный фактор и торговые монополии изначально играли серьезную роль. Их интерес к производству имел ограниченный характер. В сравнении с этим в экономике деньги использовались более широко, и роль денег возросла в связи с товаризацией торговли и обретением особенностей господствующего фактора. Со временем финансово-торговая монополия концентрируется в руках одной малочисленной силы. В такой ситуации наступает спад покупательной способности общества вследствие отсутствия денег. Поскольку возникший излишек производства остается невостребованным, наступает первое состояние кризиса, каковым является кризис перепроизводства. С одной стороны, непроданный излишек производства уничтожается, с другой стороны, от нищеты и голода повсеместно умирают трудящиеся, лишенные покупательной способности вследствие отсутствия у них денег. В кратчайшие

сроки начинается обратное явление. Производство, не приносящее денег, заметно падает. Наступает разрыв связи между скопившимися в определенных сферах деньгами и производством. Возникает ситуация, когда при наличии больших денег существует минимум производства. Возрастающая дороговизна жизни (инфляция) становится новым состоянием кризиса. Пути выхода из обоих типов кризиса, помимо традиционных войн за гегемонию, пролегают через создание определенной оплачиваемой прослойки путем увеличения государственных затрат, что завершается стремлением компенсировать излишек и недостаток производства. В течение последних четырехсот лет капитализма такого рода кризисы имели распространенный и тесно сопряженный друг с другом характер. Сроки протекания этих кризисов несколько укоротились, и кризисы стали длиться от пятидесяти до ста лет.

Войны за гегемонию обрели несравнимый с другими эпохами более масштабный, жесткий и длительный характер. Монополии, участвующие в войнах, имели уже национальный и транснациональный характер. Таким образом, впервые за всю историю человечество столкнулась с войнами мирового масштаба, хотя на этом фоне никогда не прекращались войны локального и регионального характера. Однако страшнее всего то, что последовательно милитаризуемое национальным государством общество превращалось в поле боя. Так, современные общества правильнее всего было бы назвать состоянием войны, что навязывается им по двум каналам. Первый канал: механизмы государства и власти, просачиваясь во все сферы общества, буквально обволакивают его своими сетями, устанавливая тотальное наблюдение, контроль и давление, что является наиболее реальным путем. Второе — это подмена реального общества виртуальным, что осуществляется по каналам коммуникативной технологии (медиа-монополии), совершившей качественный скачок за последние полвека. Оба состояния войны можно назвать последовательным истреблением общества. Наряду с геноцидами, которые в прошлом осуществлялись даже в более ограниченной форме, эта новая форма истребления общества своим масштабным и постоянным состоянием буквально

подготавливает почву для уничтожения природы. Может быть, тогда жизнь будет продолжена существами, напоминающими человеческую особь, но только это будут толпы фашистов. Пано라마 подобного истребления общества, будучи гораздо тяжелее геноцидов, проявляет себя на фоне утраты всем обществом своего нравственного и политического характера. Эти реалии подтверждаются на примере возникновения толп людей, не ощущающих никакой ответственности за самые тяжкие социальные и экологические бедствия. Нельзя отрицать того, что наступила ситуация, перешагнувшая за рамки депрессий и кризисов. Пусть и в виде повтора, но было бы поучительно ради сохранения целостности изложения дать краткий анализ событий, которые привели к подобной ситуации.

А. С момента создания первых иерархий власти и государственного господства до наших дней история в каком-то смысле является кумулятивным ростом власти, подобно нарастающему снежному кому. История полна войн за власть, время и место которых, собственно говоря, и являются сущностью истории цивилизаций. Все войны, локальные и мировые, родоплеменные и национальные, классовые и религиозные — завершались расширением, кумулятивным ростом власти. Расширение власти означает развитие классов, паразитирующих на социальных ценностях. Изначально управление, сформировавшее ограниченную иерархию, порой, благодаря своему мастерству и опыту, вносило собственный вклад в развитие общества, и, реформируясь в государство, превратилось в касты. Сохраняя династические качества и организовываясь в качестве привилегированных классов, эти кастовые группы добились привилегий вплоть до того, что возомнили себя божественными созданиями. Древняя история полна богов-царей и императоров, свидетельствующих том, что власть постоянно росла и возвышалась именно при помощи таких идей. Триада в лице жреца, правителя и военного вождя, организовавшаяся в виде классов власти и государства, даже в этом состоянии являлась ограниченным кланом, представляя собой очень небольшую долю населения общества. Но они превратились в тяжкий груз на сердце общества, что стало началом паразитирования — это

нам известно из многочисленных примеров. Характер вышеупомянутого груза ясно раскрывается на примере пирамид, храмов и арен.

В эпоху Средневековья темпы роста власти совершенно не уменьшились. Распространившаяся на более широкие сферы история включала в себя бесчисленные войны за власть. В данном случае причиной, несомненно, служить возрастающая рентабельность общества. К королевским династиям добавились широкие слои знати, класс. Несмотря на это, в тот момент правящий класс еще не превратился в злокачественную опухоль на теле общества. Беда наступила тогда, когда буржуазия и бюрократия среднего класса, разрушая и преобразуя монархическую и аристократическую структуру, начала преобразовываться и превращаться в правящий класс. Несомненно, и предыдущие власти тоже можно назвать бедствием, но они не были в состоянии полностью проглотить общество, поскольку этому не способствовал ее количественный и качественный уровень. То, что вместе с высшими монополистическими слоями буржуазии к власти стала приходиться значительная часть средней буржуазии и бюрократии и их превращение в государственные классы привели к такой ситуации, когда вместо нескольких древних династий и монархических дворов появились тысячи, десятки тысяч новых династий. Это соответствует по смыслу тому, что вместо одного на тронах восседают тысячи королей. Слияние таких факторов, как господство мужчины в обществе половой дискриминации с этими новыми «монархами» означает захват и колонизация всей социальной природы. Все слои нравственного и политического общества, в первую очередь женщины, стали жертвами этой колонизации.

Проникание среднего класса в государство до сих пор еще не раскрыто в силу того, что у социологии сохраняются коренные связи с этим классом. Чтобы государство имело какой-то смысл для общества, необходимо действие с обязательным проявлением мастерства и опыта. Нетрудно понять, что мастерство и опыт управления присущи только очень ограниченному кругу людей. Но если представлять непомерно раздутую массу, а также саму буржуазию и бюрократию в качестве государственного правя-

щего класса, то ясно, что это сделает неизбежным разрастание власти в виде злокачественной опухоли на теле общества.

Власть стала всем, полностью слилась с национальным государством, представляющим собой объединение с механизмами власти монополий экономической эксплуатации и идеологической гегемонии. Тем временем общество превратилось в ничто. В этом и заключается смысл явления, называемого кризисом власти. Капиталистическая система является порождающей силой этого кризиса. Капиталистические сети с их «озверевшим» средним классом и финансовыми монополиями, не знающими пределов в расширении за счет экономики, может продолжить свое существование только в том случае, если власть найдет свое воплощение в форме национального государства. Это явление называется застопориванием системы. Становление власти отражает ситуацию, которая хуже кризиса.

Б. Нравственное и политическое общество, являющееся нормальным состоянием социальной природы, в условиях современной эпохи, как никогда в истории, находится лицом к лицу с проблемой лишения всех своих основных качеств. Нравственное и политическое общество, развивавшееся в эпоху Древнего мира и Средневековья в противовес государству, с наступлением современного капитализма вынуждено очень быстро уступить свои позиции беспредельно разросшимся статьям позитивного права. В условиях современности нравственные и политические качества общества уступили свое место массе, превратившейся в некое стадо, и его гражданам, ничего из себя не представляющим и превратившимся в муравьев.

То, что не несет в себе никакой нравственной и политической нагрузки, всего лишь на словах называется современным гражданином, и, напротив, представляет собой наиболее слабый период личностного становления. Связь такого гражданина с обществом ограничивается его же женой, над которой он установил свою «императорскую» власть. Сам гражданин — это безличное существо, растворившееся во власти и государстве настолько, что это не идет в сравнение даже с эпохой фараонов. Точнее, под физическим, идеологическим, гегемонистским и информационно-техническим давлением гражданин не просто сдался моно-

полистской системе, но безусловно и добровольно превратился в его участника, фашиста. Это — явление, которое я назвал кризисом личности. Социальная природа не может состоять из таких людей, потому что природа общества имеет нравственный и политический характер. Но у данного рода личностей этих качеств днем с огнем не найти. Государства могут сосуществовать с такими людьми, но ни одно общество не может иметь их в своих рядах. Точнее говоря, эти люди отражают полное забвение социума.

Но поскольку государство не может существовать без общества, то мы наблюдаем ситуацию сопряженного взаимного кризиса государства и общества. Состояние безличных граждан, до которого дошел капиталистический индивидуализм, — это ничто иное, как следствие кризиса и общества, и государства. Ясно, что если бы общество и личность не были доведены до такого состояния, то не было бы возможным существование монополий капитала и власти, и национального государства, являющегося их объединенной государственной формой. Общественный кризис — это состояние, гораздо худшее, нежели структурный кризис. Вместо одной структуры может быть построена новая. Утрата основных качеств, являющихся условием существования общества, не может быть восстановлена реконструкцией. Эта ситуация требует коренной трансформации нравственного и политического общества. Трудность состоит в этом.

В. Урбанизация является одним из порождающих кризис элементов современности. Городское общество, развивающееся в диалектическом единстве с сельским земледельческим, выполняло значительные социальные функции. Оно сыграло общественную роль в развитии рационализма и индустрии, у которой еще не развились противоречия с окружающей средой. Роль города исказилась в период становления государственности. Город стали превращать в базу правящего класса, и в течение определенного исторического периода город был наделен практикой и мировоззрением и идеологией, направленными против сельского земледельческого общества. Вместе с производящим классом, в силу центральных позиций торгового класса оно

пострадало от действий, направленных против общества. Эти негативные деяния, имевшие ограниченный характер в ранние века и Средневековье стали расти, как снежный ком, в современную эпоху. Города, на волне промышленного переворота увеличивающиеся, подобно злокачественной опухоли, начали превращаться в центры распада традиционного общества. Промышленный город перестает быть городом — это своего рода дезурбанизация. Не только миллионные города, но и города с сотней тысяч населения уже противоречат логике построения города. В сущности, не должно быть города с миллионным населением. Да, существуют миллионные города, но если есть город с пятиллионным населением, значит, в нем умещаются, по меньшей мере, пятьдесят городов. Разрушительные качества города в отношении всего общества кроются именно в этой их особенности. Такого рода города не может вынести на себе нормальное общество, а окружающая среда такого вообще не выдерживает.

Логика, кроющаяся под численным ростом, сводится к колонизации некапиталистических обществ, расширению власти и вознесении среднего класса на правящие позиции. Все три фактора формируются на почве ликвидации нравственного и политического общества. Речь идет не только о ликвидации сельского земледельческого и кочевого обществ, но и о том, что это влечет за собой ликвидацию материальной и духовной культуры деятелей искусства, ремесленников, интеллигенции и других трудящихся слоев, представляющих собой традиционных носителей положительных функций. Город осуществляет переход от своего общества к городской массе. Что касается сельского общества, то оно больше частью переносится на пригорода и превращается в подконтрольную колониальную территорию. Государство и монополия капитала поглотили город, а тот, в свою очередь, поглотил село. Общество, уже не являющееся, в сущности, таковым, поглотило окружающую среду. Поскольку уже не осталось ни сельского общества, ни окружающей среды, ни традиционного городского трудящегося класса и интеллигенции, способных вынести на своих плечах заботы города, образовалась ситуация, во многом превосходящая кризис.

Не только экологические бедствия, но и реальное уничтожение общества тесно связаны с патологическим разрастанием городов. Это является общим выводом всех наук, касающимся того, что многочисленные города, рост которых не может вынести не только конкретный регион, но и целая страна, нанесли экологическому балансу смертельный удар. Что касается уничтожения общества, то это — ткань нравственного и политического общества, разрушенного разрастающимся, как опухоль, правящим средним классом. Это безработные массы, толпа безответственных граждан.

Г. Последовательно растущая гегемонистская сила монополий, являющихся антиподами экономики, подвергая экономические источники угрозе накопления прибыли и капитала, фактически отделили их от функций удовлетворения насущных потребностей общества. Системные кризисы капитализма доказывают то, что он является не наиболее результативной системой, как это принято считать, а является монополией, противостоящей экономике. Несмотря на все противоречащие тезисы политэкономии, влияние сетей капиталистических монополий невиданными за всю историю темпами превратило экономику из системы, производящей основные человеческие ценности, в систему, обеспечивающую постоянное накопление прибыли-капитала. Научно-технический прогресс обладает параметрами, позволяющими легко удовлетворить насущные человеческие потребности. Правильно управляя экономикой, спокойно применяя науку и технику, можно удовлетворить эти потребности. В таком случае система накопления прибыли-капитала не позволит экономике развиваться, поскольку это грозит ей опасностью. Она просто вынуждена противостоять экономике.

Системные и структурные кризисы следует искать именно в плоскости этих реалий. Депрессии и кризисы, постоянно дающие о себе знать, прежде всего, в форме невиданной за всю историю безработицы (кстати, история крайне редко упоминает о безработных рабах и крепостных крестьянах), бедности и голода, а также недостатка производства и перепроизводства (при различной степени насилия), активизируют войны и столкновения, являющиеся традиционными для них орудиями решения про-

блем, делают их долговечными и формируют на этой базе своего рода режим кризисного управления. Противостояние экономике нуждается в обязательном кризисном управлении. Другого управления быть не может. Следует четко осознать, что национально-государственное управление является ненормальным режимом кризисного управления. Лишение общества собственной идентичности и превращение его в фашиствующие массы — метод, присущий не только Гитлеру. Это связано с милитаристским характером национального государства. Поскольку другими путями продолжать развитие монополистической системы невозможно, национально-государственное управление, являющееся максимальной формой концентрации власти, окружающей все общество и просачивающейся во все его сферы, неминуемо становится режимом кризисного управления. Формирование нации является для них целью второстепенной, но национализм вместе с другими идеологическими элементами — святая святых этого стиля управления.

Востребованным стилем анализа ситуации применительно к капиталистическим монополиям является дифференциация торговых, промышленных и финансовых кризисов. Кроме того, теории и заявления на тему «кризис порождает благоденствие» совершенно не в состоянии прояснить суть системы. Реальную суть системы не могут отразить такие повороты, как центр-периферия, гегемония-конкуренция и кризис-благоденствие. Несомненно, все эти реалии имеют место. В частности, верным является утверждение о том, что эволюция гегемонии финансовых монополий отражает период, которому наиболее свойственно переживать кризис. Но очень важно развивать рассуждения, понимая, что все эти реалии не могут иметь особого смысла без осознания того, что система является антиподом экономики.

Д. Отнюдь не случайно то, что экологический кризис буквально взорвался в период современности. Это связано с противостоянием системы экономике. Он имеет структурный характер. Биологический баланс в основном поддерживается за счет симбиотических отношений между видами. Часть универсального интеллекта, выпавшая на долю биологии, обеспечила развитие

этого процесса. Мы постарались охарактеризовать жизнь как постоянное дифференцирование и развитие различий. Биологический баланс связан с этим правилом. Я коснулся также зависимости процесса возникновения различий от способности обрести свободу и умение выбирать. Микромир (мельчайшие частицы энергии и материи, пакеты) и макромир (астрономической величины острова энергии и материи) действуют по аналогичной системе. Невозможно подвергнуть допросу причинный характер стилей взаимоотношений, развивающих различия. На сегодняшний день мы довольствуемся тем, что «это так, потому что это так». Возможно, недостаток знаний и неверное понимание науки лишают нас возможности познать истину.

Социальная природа человека в ракурсе связей с окружающей средой подчиняется этому закону. Вместе с тем, в силу самого гибкого мышления человек является самым развитым видом, владеющим способностью выбора и свободы. Антиэкономические монополии капитализма входят в столкновение с этими правилами. Подобно тому, как они превратили симбиотические взаимоотношения в максимальную степень господства и власти во внутренней структуре общества, экологическая связь с окружающей средой стала взаимоотношениями, необходимыми для покорения природы и ее порабощения. Почти так, как это происходит у мхов-убийц или каких-то иных аналогичных видов, монополии стремятся взять всю окружающую среду под свое одностороннее господство. Монополии превратились в чудовище с огромным телом — Левиафана. Система, основанная только на накоплении прибыли-капитала, не может действовать никак иначе. Если она будет действовать в противном направлении, то есть примерит на себя стиль симбиотических связей, то правило извлечения прибыли не будет работать. Система вынуждена будет преобразоваться.

Природа, окружающая среда, несмотря на имеющееся обратное мнение, находятся в гармонии со своей собственной логической системой. Мнение о нахождении в плену слепых сил является ошибочным. Это хрупкое соотношение разрушают система цивилизации и, более того, современные монополии и механизмы господства. Нездоровый рост среднего класса, превращаю-

щегося в фактор власти, схожий со злокачественной опухолью рост городов, являющихся основными сферами жизнедеятельности, связывание всего мира в цепи национального государства — вот истинные социальные причины кризиса окружающей среды. Она способствует этому, превращая в господствующие и колониаторские отношения уже существующие симбиотические связи с социальными образованиями, наделенными наиболее гибким мышлением, а также с окружающей средой. Именно поэтому между социальным кризисом (уничтожением общества) и экологическим кризисом существует очень тесная связь. Кризисы в обеих сферах постоянно служат пищей друг для друга. Если прибыль монополии обязательно приводит к росту населения, безработице, голоду и бедности, то этот же самый демографический взрыв вынужден подвергнуть окружающую среду угрозе разрушения во имя преодоления безработицы, бедности и голода. Леса, растения, мир животных оказываются перед серьезной опасностью.

Несомненно, такая ситуация оборачивается еще большей прибылью для монополий. Пока продолжается это преобразование (например, если население достигает 10 и еще больше миллионов), полностью нарушается мировой баланс. Именно так происходит ожидаемый конец света. Подобно тому, как здоровая и злокачественная стороны расширения на клеточном уровне сталкиваются между собой и приводят к онкологической опухоли и смерти, таким же образом рост монополийной прибыли, препятствуя здоровому росту прибыли (на всех уровнях социальной природы), провоцирует ненормальное развитие обществ и природы. Медицинским путем можно объяснить и то, что биологические раковые заболевания, свойственные человеку, развиваются как следствие этих социальных злокачественных опухолей — у человека, у которого выше всех уровень гибкости мышления, стремление к свободе и умение выбирать, во всяком случае, не меньше, чем у муравья. Но если в природе невозможно встретить муравья, который ничем не занимается, то справедливо ли то, что человек с его современным уровнем мышления оставлен без работы? Если правило извлечения прибыли не будет соблюдаться, тогда достаточно одних экологических перераспределении чтобы само-

стоятельно искоренить безработицу. Занятость экологического характера, с одной стороны, спасая окружающую среду, с другой стороны, могут окончательно покончить с безработицей. Можно найти сотни таких сфер, но, не имея прибыли согласно закону максимальной прибыли, их лишают работы. Взаимоотношения между экологической ориентацией и системой крайне очевидны и не могут дальше продолжаться.

Е. Либерализм, являющийся гегемонистской идеологией системы, ни в классической, ни в «нео» форматах не могут выработать решение. Либерализм, семантический смысл которого означает «свобода», является понятием с жестким релятивизмом. Для одного человека или группы либерализм создал рабство вместо свободы или же создал рабовладельческий класс, обладающий максимальной свободой, подобно богам-царям Древнего мира. Появление средневековой знати стало возможным только путем порабощения широких масс сельчан-крепостных. Либерализм для буржуазии Нового времени развивался в тесном переплетении с эксплуатацией рабов новой эпохи, каковыми стали пролетарии, батраки и другие трудящиеся слои, нанимаемые за минимальную плату. Если в официальном смысле либерализм для всех классов национального государства является свободой, то для граждан, являющихся современными слугами, он оборачивается безработицей, неплачиваемым трудом, бедностью, голодом, неравенством, отсутствием свобод и ущербностью демократии. Следует обратить серьезное внимание на то, что либерализм не является свободой в обязательном смысле. Гегель считал государство лучшим средством обретения свободы. Но в итоге получилось так, что эта самая свобода действительна только для государственных классов и бюрократии. Иными словами, если для экономических и авторитарных монополий (избранных) это свобода, то для всех остальных это — самое настоящее рабство.

Большое значение имеет признание либерализма в качестве идеологии. Для определения недостаточно назвать его только индивидуализмом и стремлением к свободе. Как понятие оно вышло на историческую арену вместе с равенством и братством во времена Великой Французской революции в виде знамени-

того лозунга «Свобода — равенство — братство!». Как важнейший тезис оно нашло союзников: справа — консерваторов, и слева — сначала демократов, затем социалистов. Поскольку система либерализма (капиталистический монополизм) не ощущала необходимости в революционных переменах, был придуман такой умеренный термин, как «эволюционное развитие». Консерваторы были противниками любых перемен, революционных или эволюционных. Они с остервенением защищали монархию, семейственность и церковь. Что касается социалистов и демократов, то они считали революции необходимыми для того, чтобы перемены осуществлялись быстрее. Общим знаменателем для них всех была эпоха капиталистической цивилизации. Несмотря на некоторые претензии, каждый считал, что вносит свой вклад в модернизацию общества. Переживать перемены в самых общих чертах было достаточно для того, чтобы считать жизнь современной. Современная жизнь, основы которой были заложены в европейских городах, а ускорение набрано во времена Возрождения, Реформации и Просвещения, представляла собой общее восхождение трех основных идеологий. Проблема замыкалась в том, кто, какие идеологии и партии, методы и практика, акции и войны смогут лучше освоить это развитие.

Либерализм очень хорошо определил эту ситуацию. Понимая, что современность и сейчас развивается под эгидой капитализма, и в дальнейшем будет развиваться так, он не преминул мастерски сыграть в игру с правыми и левыми идеологиями и образованиями. Либералы разделились на правых и левых. Нейтрализовав при помощи правого либерализма консерваторов и превратив их в отдельное крыло в собственных рядах, при помощи левых либералов они частично превратили демократов и социалистов в свою подсобную силу. Именно так либерализм утвердился на центральных позициях. При каждом углублении кризиса они могли усиливать свои позиции, манипулируя имеющимися силами. На всем протяжении кризисного управления развивались такие процессы, как превращение знати в буржуазию и пополнение рядов социал-демократов прослойкой наемных рабочих. Для этого было достаточно малой толики моно-

польных прибылей. Оппозиционеры системы XIX—XX вв. таким способом были не только нейтрализованы, но и превращены в подсобную силу для управления кризисной структурой во все времена. Именно так строилась идеологическая гегемония либерализма.

Для продолжения своей идеологической гегемонии либерализм воспользовался четырьмя важными идеологическими вариантами.

1. Эффективное использование национализма. Как в легализации внутренних и внешних войн, так и в формировании нации руками государства национализм был любимым союзником либерализма. Он создал первое эклектическое звено. Он овладел серьезным опытом в плане воспламенения национальных чувств при помощи которых преодолевал самые тяжелые кризисы. Национализм был облачен в одеяния священной идеологии в религиозном смысле. Под этим покрывалом не только легко преодолевались и развивались кризисы, но, с другой стороны, монополии могли легко завуалировать под ней свои системы самой тяжкой эксплуатации.

2. Национализму была предана роль традиционной религиозной идеологии. Либерализм национализировал под знаменами своей идеологии традиционные религии, лишив их нравственных и политических особенностей. Точнее, он довел их до состояния национальных религий. Легко окрасив в национальные цвета религиозные чувства, глубоко укоренившиеся в обществе, при помощи национализма он сыграл ту же, даже гораздо большую цементирующую роль. Тесно переплетая иногда друг с другом две идеологии, они старались построить общество на этнически-религиозной основе. В особенности, иудейская и исламская идеологии легко отождествились с национализмом. Другие религии (христианство, верования Дальнего Востока, древние религиозные традиции Африки) тоже не отставали в усвоении аналогичных ситуаций. Таким образом, либерализм, используя религиозные каналы, перенес духовное наследие цивилизации в капиталистическое общество, которое до этого уже переняло материально-культурное наследие цивилизации. Нельзя игнорировать роль религиозно-национальных идеологий, присоеди-

нившихся к либерализму, в преодолении обретших невыносимые масштабы кризисов системы.

3. Идеология позитивистической научности внесла серьезный вклад в развитие либерализма, в частности, в качестве философского варианта. Позитивистская идеология, пользующаяся серьезным доверием к естественным наукам, сыграл главную роль в воздействии и на правые и на левые идеологии. Будучи легко прикрепленной к идеологиям в виде научного ярлыка, он способствовал чудовищным заблуждениям. В частности, позитивистский сциентизм оставил свое клеймо на всей деятельности левой идеологии. В этом смысле социалистическая система играла предводительскую роль. Общество попало в капкан современного капитализма усилиями позитивистского сциентизма. Справа был фашизм, набиравший обороты на почве позитивистского сциентизма. Таким образом, позитивизм предоставлял для либерализма идеологический выбор в самой широкой панораме от крайне левых до крайне правых. Используя этот выбор в любых условиях места и времени с помощью присоединения к себе либерализм извлекал максимальную выгоду из процесса преодоления структурных кризисов системы.

4. Женская дискриминация больше всего в истории использовалась как идеологический фактор именно в эпоху либерализма, который, переняв традиции общества половой дискриминации, не остановился на превращении женщины в домработницу, чей труд не оплачивается. Более того, превратив женщину в объект половых устремлений, либерализм вывел ее на рынок. Если применительно к мужчине имела место товаризация его труда, то в случае с женщиной в товар превращались и тело, и душа. В сущности была создана самая страшная форма рабства. Если замужняя женщина становится объектом ограниченной эксплуатации, то полное превращение в товар означает порабощение, что гораздо хуже рабства в эпоху фараонов. Быть в рабстве у всех гораздо опаснее, нежели быть рабом государства или конкретного человека. Это и есть ловушка, устроенная современностью для женщины. Женщина, которая с виду открыта для свободы, превращается в средство самой подлой эксплуатации. Женщина является основным средством эксплуатации в рекламе, сексуаль-

ной и порнографической индустрии. Могу совершенно откровенно сказать, что в процессе развития капитализма женщина оказалась под самым тяжелым прессом.

Мужчина, представляющий государство в границах семьи, считает, что он наделен ответственными полномочиями по эксплуатации женщины и осуществлению власти над ней. Распространяя традиционное давление на женщину, государство превращает каждого мужчину в частичку власти. Общество таким путем вступает в синдром максимального усиления власти. Статус женщины придает обществу, в котором господствует мужчина, чувство безграничной власти. С другой стороны, женщина, именно женщина страдает во всех случаях, и в наемной работе, и безработице, неоплачиваемой работе и работе с минимальной оплатой. Характерная для либерализма эклектическая идеология женской дискриминации искажает ситуацию и представляет ее в другом виде. Более того, она превращает ситуацию в идеологическое варьете, тщательно разрабатываемое для женщин. Это — то же, что и установление рабства для самой себя собственными руками. Можно сказать, что система, эксплуатируя женщину в материальном и духовном отношениях, не только преодолевает самые тяжелые кризисы, но и обеспечивает собственное существование. Женщина является самой древней и самой новой эксплуатируемой «нацией» в истории цивилизации, в особенности, современного капитализма. Если мы говорим о совершенно невыносимой в любом отношении кризисной ситуации, в этом основное значение в первую очередь имеет чудовищное закабаление женщины.

Мировая капиталистическая система, в частности, в границах гегемонии всемирных финансовых монополий переживает не только глобальный системный кризис, но и кризисы, характерные для финансовой системы. Это обусловленный антиэкономическим характером общий системный кризис в тесном переплетении с сугубо финансовыми кризисами, представленными различного рода виртуальными бумагами и прочими аргументами, оторванными от производства денег, золота и даже доллара, переживает самые тяжелую за всю историю времена. До сих пор система в основном преодолевала кризисы двумя путями.

Первый путь — это постоянно наращиваемые механизмы материальной силы власти и национального государства. Это всевозможные войны, тюрьмы, лагеря, пытки, гетто, неправомерное помещение в психиатрические лечебницы и, что самое опасное, геноцид и истребление обществ. Второй путь — это преодоление кризисов при помощи механизмов гегемонии либеральной идеологии, которые постоянно развиваются. Как господствующая идеология в центре располагается сам либерализм и его «добавки» в виде национализма, фундаментализма, сциентизма и сексизма. В промежутках находятся школы, казармы, религиозные учреждения, средства массовой информации, университеты и, наконец, сети Интернета. Сюда же надо добавить и превращение искусства в культурную индустрию.

Даже рядовые ученые соглашаются с тем, что оба эти пути вместо того, чтобы найти конструктивное решение, больше всего развивают кризисное управление. Депрессии и кризисы преодолеть не удастся, даже в той же степени, как это было раньше. Напротив, если депрессии и кризисы, возникающие как исключение, обретают постоянный характер, то нормальные периоды, уже став исключением, начинают меняться местами между собой. Несмотря на то, что в основе всех систем цивилизации лежат признаки депрессии, человечество еще не сталкивалось с такой тяжелой депрессией. В случае длительного продолжения кризисного управления общества этого не вынесут. Их ожидают или распад, или раздробление. Еще один вариант — они могут восстать и привести к возникновению новых систем, что и поможет преодолеть эту ситуацию. Сейчас мы переживаем именно такой период.

Б. ПОЛОЖЕНИЕ, В КОТОРОМ НАХОДЯТСЯ СИЛЫ, ПРОТИВОСТОЯЩИЕ СИСТЕМЕ

Противостояние системе как понятие очень проблематично. Прежде всего, включает ли оно в себя цивилизацию? Какие стороны оно воспринимает, какие исключает? Как представляет себе взаимоотношения системы с современностью? Может ли за

рамками системы возникнуть новая система до тех пор, пока система не станет противостоянием той современности, в которой развивается? Как силы, противостоящие системе, воспринимают современность, смогли ли они уяснить для себя ее двойственный характер? Есть ли у них понимание альтернативной современности? До тех пор, пока не будут даны ответы на подобные вопросы, представление о противостоянии системе так и будет висеть в воздухе. Очень тяжело развивать осмысленное противостояние системе до тех пор, пока сама система не будет тщательно проанализирована не только в ракурсе ее планов на будущее, но и в ракурсе исторического прошлого. Для того, чтобы преодолеть эти трудности и дать ответ на возможные вопросы, я взял за основу в своей работе понятия «демократической цивилизации» и «современности». Я уверен, что это правильный поиск метода и альтернативы для того, чтобы не попасть в порочные круги прошлого.

Несмотря на свою проблематичную структуру, силы, противостоящие системе, — это реальность. Они оказали влияние на нашу эпоху — по меньшей мере такое же, как и система. Может быть, они не смогли реализовать свои системы в теоретическом и практическом смыслах, но, безусловно, они обладают большим опытом. Помимо значительных различий, существующих внутри широкой палитры сил, противостоящих системе, можно открыто говорить о множестве общих ценностей.

Под системой подразумевают капитализм. Нельзя говорить о том, что имеется в виду вся современность. Различия между ними проявляются гораздо больше в плане отношений к другим двум аспектам современности, каковыми являются индустриализм и национальное государство. В вопросах цивилизации взгляды расплывчаты — из-за своих запутанных взглядов зачастую размещаются на различных полюсах. Нельзя сказать, что их утопические взгляды на будущее способны выйти за рамки современности. Можно говорить о том, что за основу берется не радикальное искоренение современного строя, а его исправление. Современность без капитализма может отвечать требованиям программ большинства, но они не могут понять, что это всего лишь утопия.

В настоящее время противостоящие силы в целом придерживаются общего мнения о системе и о том, что она испытывает кризис. Но в плане выхода из кризиса их мнения сильно различаются. Предлагается масса путей от эволюционных изменений до революционных преобразований, от мирных до вооруженных методов. Есть не только те, кто считает смену власти и государственного строя революцией, но и те, кто предлагает общественный строй без государства и власти. Корни всех этих взглядов в большинстве своем кроются в недрах Великой Французской революции. Структура их мышления предлагает широкую перспективу от национализма до коммунизма, от фундаментализма до позитивизма, от феминизма до экологии. Противостоящие силы не понимают этого, поскольку тесно переплетены между собой. Главное обобщение, которое можно сделать по поводу их социальных статусов, относится к тому, что все они составляют основную прослойку, оставшегося за пределами монополий власти и капитала среднего класса. Эти движения, возглавляет которые интеллигенция, прошедшая сквозь горнила современного воспитания, не в состоянии охватить подавляющее большинство общества. На том же уровне находятся оппозиционеры, связывающие свои интересы с капитализмом и обладающие десятками процентами голосов общества. Восемьдесят процентов общества для обеих прослоек является не субъектом, а объектом анализа и решений, связанных с некапиталистическим обществом. По мере того, как капитализм просчитывает свою выгоду, связанную с ними, оппозиционеры воспринимают их как толпу, которую можно толкать и приводить в движение извне. Эти реалии лежат в основе их неумения выйти за грань современного капитализма.

Говоря о том, что система (как современный капитализм) находится в состоянии кризисного управления, мы отнюдь не имеем в виду какое-то новое «революционное состояние». Такого типа ситуации, также считающиеся объективными условиями революции, активно использовались в прошлых дискуссиях, но нет оснований говорить о каких-либо успешных результатах. Если следствием кризисов становится кризисное управление, не исключены и более жесткие контрреволюционные выступления. Может быть, шансы сводятся к самой посредственной, вспо-

могательной революции. Что касается революций, то их роль в преобразованиях сильно преувеличена. Во многом имели место ошибочные суждения. Основные преобразования происходят не вследствие революций, а благодаря системным различиям. Революции могут способствовать осмысленным преобразованиям только в пределах той системы, в которую они входят. Несомненно, верно и то, что силы, противостоящие системе, испытывают серьезное влияние депрессий и кризисов. Но было бы ошибкой связывать все надежды с результатами депрессий. В прошлом такого типа ошибки совершались довольно часто, что приводило к глубоким разочарованиям.

То, что социалистические (СССР), социал-демократические и национально-освободительные течения примкнули к капитализму менее, чем в течение столетия, способствовало глубоким негативным проявлениям в отношении сил, противостоящих системе. Движения оказались обреченными на потерю собственных сил. Эта ситуация, в сущности, объясняется недостатками, кроющимися в их структуре, неверными идеологическими и программными взглядами. Анализ мышления и структур вышеуказанных течений дает основания полагать, что им не удалось оторваться от либерализма и современности. То, что они из всех реально существующих левых оказались самым правым крылом либерализма, не помешает им в конце концов беспрепятственно превратиться в либерализм. Что касается вопроса их примыкания к капиталистическим монополиям, то это связано с их восприятием современности. Постмодернизм, радикальный фундаментализм, феминистские и экологические движения — это, скорее всего, новейшее течение, ставшее результатом реакции на эти процессы. Но их действующий идеологический и практический статус ставит под сомнение способность оказаться столь же влиятельными, как старые противники системы. По этой причине несколько более влиятельными могут оказаться неолиберализм и радикальный фундаментализм. Противники системы в силу этих причин испытывают потребность в радикальном интеллектуальном, нравственном и политическом обновлении. В рамках этих основных рассуждений важно, нужно и полезно перейти к оценке сил, противостоящих системе.

а) Наследие социалистического лагеря

Это движение возглавляет тех, кто первым выразил осознанную реакцию на капиталистическую систему. Как говорили основатели движения К. Маркс и Ф. Энгельс, оно базируется на трех основных источниках и стремится развить анти-систему. Источниками социализма были немецкая идеология, английская политэкономия и французский утопический социализм. Складывается впечатление, что идеологи реального социализма взяли из немецкой идеологии теорию диалектического материализма, из английской политэкономии — теорию стоимости, а из французского утопического социализма — теорию классовой борьбы. Они развивали свое учение с помощью синтеза, сформированного из трех упомянутых теорий. Период их жизни и первого оппозиционного устремления, глубокая депрессия капитализма 1840–1850 гг., оказали на них определенное влияние. Были заметны определенные надежды на быстрое падение действующей системы. На повестку дня стали проблемы немецкого национального единства и Французской Республики. Англия, как гегемон системы, находилась на пути к своему апогею. Народные волнения в Европе 1848 года были восприняты как сигналы осуществления их надежд. «Манифест коммунистической партии» рассматривался как общая программа всех этих революционных волнений. Что касается Союза коммунистов, то он был основан как первая единая интернациональная партия или организация. Эти два действия открыто свидетельствуют о том, что от депрессии капитализма и национально-освободительных революционных движений ждали успехов и побед.

Когда революционные движения были подавлены, возникла потребность более глубокого изучения капитализма. К. Маркс эмигрировал в Каабу капитализма — Лондон, и часто виделся с Ф. Энгельсом. Деятельность, связанная с I Интернационалом 1864 года, стала плодом этого периода. Другим значительным результатом деятельности данного периода стало осознание того, что революция может задержаться, следовательно, будет необходима длительная эволюционистская деятельность. В результате была сочтена приемлемой работа в синдикатах и парламентах.

Парижская коммуна 1871 года возродила надежды, но быстрое подавление этого движения привело к тому, что все чаще стали подниматься такие темы, как диктатура, власть и государство. Симпатизируя централизованному национальному государству, социалисты и коммунисты способствовали не только формированию оппозиции в лице анархистов, но и возникновению первых споров о ревизионизме.

Провозглашение в 1880 году II Интернационала происходило уже в тени национального шовинизма. В.И. Ленин в своем труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский» обвинил этот процесс в ревизионизме. Уже в этот период немецкая социал-демократическая партия (первая партия) будет обвинена в том, что возглавила движение ревизионизма (Бернштейн). Октябрьская революция в России еще более усилила надежды на реализацию коммунистической утопии (то, чего не смогла добиться Парижская коммуна) и способствовала развитию процессов мирового масштаба. Одним из первых шагов этой революции стала поддержка турецко-курдского национально-освободительного движения в Анатолии, что способствовало более активному подъему эпохи национальных движений в Ближневосточном регионе на более высокий уровень. Ранняя смерть Ленина, период, называемый борьбой с ликвидаторством, социалистическое строительство, антифашистский фронт во время Второй мировой войны, организация Варшавского договора против НАТО в период «холодной войны», космическая эра, экономическое соревнование с капитализмом и обширная поддержка национально-освободительных движений — все это формирует основную панораму периода. Тогда, в 20-е годы прошлого века, III Интернационал пережил обновление, но точно так же, как и II Интернационал, распался изнутри из-за нерешительности в борьбе против национального государства. Советский Союз, став новый кандидатом на гегемонию, смог распространить свое влияние на одну треть всего мира. Оставив на произвол судьбы социалистические движения, зарождавшиеся в недрах национального государства, он соскользнул на тот же путь ревизионизма (как первая немецкая социал-демократическая партия). Коммунистическая партия Советского Союза стала спутницей капитализма. Кратковре-

менные мятежи в Китае (период правления Мао в 1960–76 гг.) и Албании не дали никаких результатов. То, что национально-освободительное движение и синдикалистское рабочее движение очень рано были интегрированы в капиталистическую систему, привело к тому, что сначала Китай в 80-е, затем уже Россия и союзники в 90-е гг. официально объявили об отказе от социалистической системы, чем период и завершился.

Насчитывающий около 200 лет, если в качестве точки отсчета выступает Великая Французская революция, опыт поколений, вставший одной из причин возникновения названия «социалисты» дает нам возможность обобщить характерные черты этих движений.

1. Как известно, наиболее активными были выступления против частных монополий. Что касается государственного капитализма, то критика его как монополии власти и монополии финансов отсутствовала. Именно с этими основными тенденциями связано то, что анализ власти и государства проводился крайне поверхностно. Социалисты были глубоко убеждены, что построенный ими социализм станет государственной силой и властью. Иной путь просто не представлялся. Даже демократия рассматривалась как своего рода диктатура обоих классов, буржуазии и пролетариата. В качестве одного из предшественников социализма выступала английская политэкономия, что стало одной из причин крайней узости проведенного анализа капитализма.

2. Создавалось впечатление, что социалисты вообще не разбирались в классовой основе современности или не считали необходимым превращать этот вопрос в предмет рассуждений. Если даже это осуществлялось, то неизбежным оказывалось сползание вправо. Даже при анализе капитализма, являющегося основным столпом современности, социалисты не смогли выйти за рамки таких позиций, как «работодатель-работник», «прибыль-зарплата», «стоимость — прибавочная стоимость». Не удалось распознать в капитализме стиль накопления, существующий еще со времен Шумера. Они сочли началом системы итальянский городской капитализм, насчитывающий всего лишь 300 лет. Своего рода началом истории они считали победу капитализма в Англии

и Голландии XVI-го века. Индустриализм, являющийся вторым столпом современности, попросту восхвалялся. Качественные связи индустриализма с капитализмом и последующие проблемы не стали предметом их критики. Спасительная роль приписывалась индустриализму. Передовым считался также национально-государственный фундамент современности, в дальнейшем же это переросло в тяготение к национальному и социальному шовинизму. Централизованное национальное государство предпочиталось конфедерации. Другая сторона современности, по примеру традиционных историков цивилизации, рассматривалась как отсталость, беспробудный сон, варварство, консерватизм, поворот колеса истории вспять.

3. В идеологическом смысле имела место историческая ошибка: наукой считалась наиболее грубейшая материалистическая форма позитивизма. Построенный и реально существовавший социализм рассматривался ими как научное открытие и достижение по аналогии с законами Дарвина в биологии и Ньютона в физике. Однако методы социалистов оказались грубым дарвинизмом. Не испытывая потребности в определении социальной природы, они верили в то, что действуют в рамках законов, аналогичных живой природе, и тем самым открыли двери жесткому детерминизму. Последующее развитие процессов привело к тому, что строгой научностью стали считаться все вульгарные толкования, проникшие в эти самые двери.

4. Попытки проведения анализа власти в целом и национального государства в частности отсутствовали. Эти институты считались всего лишь комиссиями, преобразующими функции буржуазии. Наиболее слабой стороной теории стало неумение распознать то, что власть, в частности, национальное государство, представляет собой сконцентрированный монополистический капитализм. Проведенный анализ просто счел положительным факт существования национального государства. Социалисты были уверены в том, что смогут построить социализм при помощи самого справедливого национального государства. Не было никаких сомнений по поводу того, что в случае захвата власти государства, в анализе которого, кстати, не удалось продвинуться дальше рассуждений Гегеля, окажется возможным использовать

это государство в любых целях, в том числе для установления свободы и равенства. Взаимоотношения между социализмом и демократией стоят во главе тех связей, которые были изучены крайне поверхностно и абсолютно неверно. Революции в Китае и России имели место именно в направлении таких течений. Не слишком сильно отличались от них и другие национально-освободительные движения и поиски социал-демократической власти. Частному капитализму социалисты предпочли государственный. Их практика стремления к власти конкретно продемонстрировала эти реалии.

5. Критика цивилизации, осуществленная социалистами, еще более узка и недостаточна. Не особенно упоминалось о том, что капиталистическая стадия цивилизации является частицей исторической цивилизации, последним звеном основной цепи. Социалисты не считали необходимым выявить свойственный цивилизации исторический кумулятивный накопительский характер власти и совершенно спокойно рассуждали о том, что и их система тоже может превратиться в аналогичную власть и цивилизацию. Вместо того, чтобы открыто заявлять о том, что власть — это накопление капитала, грязь, войны, ложь, уродство, пытки, создавались теории о том, каким орудием прогресса это может стать для истории. История же доказала ошибочность этих взглядов.

6. Социалисты не сочли нужным подвергнуть анализу противостоящие цивилизации силы, являющиеся второй стороной истории, занимающие второй полюс исторической диалектики, с чем, казалось, связаны строители социализма. Их истолкования во многом демонстрируют негативное отношение к этим силам. Даже капиталистический колониализм, и тот не замалчивает прогрессивные явления, имеющие место в Америке, Азии и Африке. Но социалисты критиковали своих противников, обвиняя их в защите старого общества.

Неумение социалистов видеть то, что противостоящий цивилизации полюс обладает значительным весом, демократическими традициями, восстает, стремится к свободе, равенству и справедливости, осуществляет попытки общественного миростройства, вызвано с тем, что социалистическое движение тесно

связано с реалиями класса буржуазии и мелкой буржуазии. Не смогут увидеть, потому, что они возникли из этих классов.

7. Универсалистский, схематический и прогрессивистский подход к социальной природе привел к мировоззрению социализма, которое реализуется с крайним запозданием. Эсхатология (вера в конец света, искупление и загробную жизнь), о которой говорится в священных книгах, в каком-то смысле нашла отражение в социализме. Общественное устройство отображено ими в виде линейно развивающихся моделей, а именно первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического обществ. Речь идет о некоем фаталистическом мировоззрении. Осознание того, что в корне всех этих догматических мировоззрений, оказавших на нас столь глубокое влияние, лежит вера в религиозный фатум и конец света, оказалось запоздавшим и горьким. Не удалось осознать и то, что социальная природа в основном имеет нравственный и политический характер. Вместо того, чтобы привить себе эти качества, системы цивилизации размещают свои грубые правовые нормы и государственное устройство, и этот процесс, протекающий в условиях современного капитализма, бесконечно развивается вширь и вглубь, — это и есть экономический, социальный, авторитарный, государственный кризис. Не было предусмотрено самое верное, доброе и прекрасное, что заключается в обеспечении нравственного и политического характера общества. Но для этого необходима демократическая конфедеративная система, развивающаяся в русле демократической политики, что социалистами не предусмотрено. Такого рода анализ не проводился, такие решения не принимались. Не удалось развить теорию и практику того, что общество свободы, равноправия и демократии не может быть сформировано механизмами власти и государства, а способно только противостоять этим механизмам. В данном случае их сосуществование возможно только по принципу взаимного признания и принципиального мира. Если видеть фундаментальную парадигму в форме революция-власть-социализм, то не стоит удивляться тому, что в итоге не выйдет ничего, кроме государственного капитализма.

Другой смысл того, что социалистическое движение заканчивается государственным капитализмом, связан с его классовым фундаментом. Необходимо еще раз подчеркнуть, что единственным выбором буржуазии и мелкой буржуазии, способных реализовать свои ожидания в частных монополиях, накопить капитал, даже вынужденных бесцельно тратить имеющееся, а также бюрократии, происходящей из этих классов, заключается в стремлении стать коллективными владельцами капитала при помощи государства. Такие понятия, как «национальная буржуазия», «национальный капитализм» выражают именно это. При помощи государственного капитализма они доходят до коллективной монополии, иными словами, влившись в национальное государство, усиливают свои позиции. Именно поэтому национально-государственное устройство в социалистической системе выглядит гораздо сильнее. Этот материальный фундамент свидетельствует также о том, что социалисты легко соглашались и сливаются с современным капитализмом.

8. Социалисты считали феминизм, экологические и культурные движения неким препятствием для классовой борьбы. Не производилось даже попыток содержательного анализа того колониального статуса, в котором пребывает женщина в плане эксплуатации не только ее труда, но и тела, и духа. Не удалось преодолеть узость параметров равенства, характерных для буржуазного права. Женщина, являющаяся самой древней и самой новой трудящейся истории, работающей в большинстве случаев бесплатно или за мизерную плату, в силу требований истории, в которой господствует мужчина, продолжала оставаться объектом всяческих притязаний. Ясно, что класс подвергающийся анализу являлся мужским. Аналогичный подход демонстрировался и в отношении экологии. Социалисты не только не смогли предусмотреть эти проблемы, но даже выдвинули тезис о том, что дескать, данные вопросы отрицательно воздействуют на целостность классовой борьбы. Что касается культурных движений, социалисты считали это реставрацией старины, еще одним элементом, разлагающим классовую борьбу. В итоге осталась одна лишь абстрактная, оторванная от союзников, задыхающаяся в экономизме классовость.

9. Социалисты не считали классовое расслоение негативным в нравственном и политическом смысле явлением, оценивая это явление как положительный, прогрессивный, обязательный этап, продиктованный соображениями свободы. Не удалось объективно взглянуть на то, что, считая классовое образование законным явлением, социалисты служили власти и государству. Рабов, крепостных и пролетариев превратили в дань, которую необходимо отдать во имя исторического прогресса и свободы против природы. В качестве ответа легко можно заявить, что, напротив, эти три классовые формы имеют одинаковую суть, не имеют никакого отношения к прогрессу и свободе, более того, нравственное и политическое общество не может жить бок о бок с данными образованиями, и необходима нравственная, политическая и интеллектуальная борьба против такого рода классового расслоения.

Нельзя сказать, что сегодняшние наследники двухсотлетнего социалистического движения, пусть и в ограниченной форме, но стоят на позициях самокритики и переживают коренные преобразования. Они испытывают глубокий кризис надежд и ослабление, но, тем не менее, это движение занимает свое место в истории. Социалисты, которым не удалось разрушить границы капиталистической системы, тем не менее, очень старались это сделать. Достижение сегодняшнего состояния частично является результатом положительных и отрицательных моментов, внесенных в движение ими. Переживаемый ими кризис является частью структурного кризиса всей системы. Опять же, можно сказать, что наиболее правильным было построить линию поведения и союз, воспринимая реально существовавший социализм, оказавший наибольшее влияние на противников системы, как определенный этап, оценивая его в комплексе уроков, которые можно вынести из его наследия как части создания современной демократии.

б) Новый взгляд на анархизм

Анархистские движения, являющиеся ровесниками социалистического движения и корнями уходящие в Великую Француз-

скую революцию, заслуживают пересмотра и переоценки в свете распада социалистической системы, точнее, ее слияния с системой. Сегодня становится еще более ясным тот факт, что взгляды видных представителей анархизма П. Прудона, М. Бакунина и П. Кропоткина на систему и социализм нельзя назвать полностью ошибочными. Являясь движением, которое подвергло капитализм критике не только как частную и государственную монополию, но и как современность, анархизм привлекает внимание своей позицией явного противника системы. Критика, которую анархисты направили против власти и с моральной, и с политической точки зрения, несет в себе значительную долю истины. Известно влияние их социальной структуры на происходящие движения. Эту истину отражает классовая позиция аристократической прослойки, у которой капитализм буквально отобрал власть, и городских ремесленников, чье относительно нормальное положение заметно ухудшилось в эпоху капитализма. То, что они остались на индивидуалистском уровне, не смогли обрести мощную платформу и создать противостоящую систему, тесно связано с их социальной структурой. Они хорошо знают, что сделал капитализм, но не очень-то знают о том, что им самим нужно сделать. Взгляды анархистов можно вкратце представить следующим образом:

1. Анархисты подвергают критике капиталистическую систему с ярко выраженных левых позиций, гораздо лучше осознавая, что нравственное и политическое общество разрушено. Они, подобно марксистам, не придают значения прогрессивной роли капиталистической системы. Позиции анархистов характеризуются более позитивным отношением к уничтоженным капитализмом обществам, которые не рассматриваются как отсталые и обреченные на вымирание. Анархисты считают более нравственным и политическим дальнейшее существование этих обществ.

2. Взгляды анархистов на власть и государство в сравнении с марксистскими являются более содержательными и реалистическими. Именно М. Бакунин говорил, что власть — абсолютное зло. Но то, что они требовали неперменной, во что бы то ни стало, ликвидации государства, оказалось утопическим подходом, не имеющим особых шансов на практическое применение.

Тем не менее, анархисты смогли предвидеть, что построение социализма, основанного на государстве и власти, невозможно, и такой шаг, вероятно, может увенчаться гораздо более опасным бюрократическим капитализмом.

3. Очень реалистической оказалась гипотеза анархистов по поводу того, что построение централизованного национального государства обернется бедствием для всего рабочего класса и народных движений, станет сильнейшим ударом по всем их надеждам. Они оказались правы и в критических прениях с марксистами по поводу союза Германии и Италии. Очень важным обстоятельством, заслуживающим упоминания, является то, что развитие истории в пользу национального государства обернулось значительной потерей для их утопий о равенстве и свободе, а также то, что анархисты подвергли марксистов жесткой критике за их действия в русле интересов национального государства, обвинив их в предательстве. Анархисты защищали идею конфедерации.

4. В значительной степени оправдались критические взгляды анархистов на бюрократизм, индустриализм и урбанизацию. Именно эти взгляды и критические позиции сыграли заметную роль в том, что анархисты изначально заняли антифашистскую и экологическую позицию.

5. Объективность критики, выдвигаемой анархистами в адрес социалистического лагеря, подтвердил распад этой системы. Анархисты оказались тем социальным слоем, который лучше всех диагностировал, что построен не социализм, а бюрократический государственный капитализм.

Навевает на размышления тот факт, что, несмотря на столь существенные и оправдавшиеся взгляды и критические позиции, анархистское движение по сравнению с социалистическим не смогло обрести массовый характер и шанс на практическую реализацию. Считаю, что это объясняется серьезным недостатком и ущербностью их теории. В данном случае важную роль сыграла недостаточность их анализа цивилизации и неумение создать систему, способную к практической реализации. Анархисты не смогли особо развить историко-социальный анализ и предложения по решению проблем. Более того, анархисты сами находятся

под влиянием позитивистской философии. Нельзя сказать, что представителям этого движения удалось ощутимо выйти за рамки европоцентристской социологии. На мой взгляд, наиболее существенным недостатком анархистов было то, что они не смогли развить систематическое мышление и структуры, относящиеся к демократической политике и современности. Тщательные усилия, продемонстрированные ими на поприще изложения взглядов и критики, не нашли продолжения в плане систематизации и практического применения. Вероятно, этому препятствовали классовые позиции анархистов. Другим существенным препятствием является нетерпимость и агрессивная реакция анархизма на любого рода власть в теории и практике. Справедливую реакцию на реальную власть и государство распространяли на все виды и органы власти, что и помешало поставить на повестку дня вопрос о теории и практике современной демократии. Я считаю, что наиболее слабым местом анархистов является вопрос законности демократической власти и необходимости современной демократии. Более того, анархисты не смогли реализовать выбор в пользу демократической нации вместо национального государства, что тоже является их существенным недостатком и серьезной ошибкой.

Распад социалистической системы, развитие экологических и феминистских движений, общее раздувание гражданского общества, несомненно, оказало положительное воздействие на анархистов. Но я не вижу особого смысла повторять то, что они оказались правы. Вот вопрос, на который они должны ответить: почему им не удалось продемонстрировать функциональность системы, построить такую систему? Но это наводит на мысль о пропасти, которая существует между их теоретическими воззрениями и образом жизни. Возникает вопрос: смогли ли анархисты отказаться от той современной жизни, которую сами так часто критиковали? Точнее, насколько они принципиальны в этом вопросе? Смогут ли они, отказавшись от европейского образа жизни, сделать шаг в сторону настоящей современной мировой демократии?

Можно увеличить количество подобных вопросов и критических замечаний. Но важнее всего то, чтобы это движение, име-

ющее столь известное наследие, совершившее в ходе истории многочисленные важные самоотверженные действия, известное своими выдающимися мыслителями, занимающее, благодаря своим взглядам и критическим подходам, важное место в интеллектуальном обществе, смогло объединиться в рамках возможной системы, способной стать антиподом действующей. Можно ожидать от анархистов того, что, в отличие от сторонников реального социализма, они смогут при помощи спокойной самокритики обратить все свои взоры на актуальную практику. До сих пор остается важным вопрос о занятии анархистами заслуженного ими места в экономической, социальной, политической, интеллектуальной и этической борьбе. Масштабы цивилизации и культуры, растущие на почве Ближнего и Среднего Востока, дает анархистам возможность и обновить собственные позиции в начавшейся борьбе, и внести свой серьезный вклад в это дело. В ходе деятельности, направленной на построение системы современной демократии, одной из тех важнейших сил, которые необходимо развить, является союз.

в) Феминизм: восстание древнейшей колонии

Термин «феминизм» переводится на турецкий как «женское движение», но это далеко не полностью раскрывает суть женской проблемы. Противостоящий статус мужчины может завести вопрос в тупик. Тенденция ограничить ситуацию тем, что женщина принадлежит господину — мужчине отличается крайней узостью. Связанные с этим ситуации, как и сама личность женщины, отличаются глубиной содержания, внутренней многогранностью и сложностью. Природа женщины не может быть ограничена половым фактором — как и любая социальная группа или класс, женщина зависит от целого ряда содержательных экономических, социальных и политических аспектов. Если понятие колониализма переместить с плоскости стран и народов на плоскость межчеловеческих отношений, то положение женщины с легкостью можно было бы назвать самым древним колониализмом. Действительно, ни одно социальное явление, наделенное духом

и плотью, не изведало колониализм так глубоко, как женщина. Она заключена в рамки колониального статуса, но эти рамки не так -то и легко определить.

Все высказывания о женщине, выходящие из уст мужчин, оставивших свое клеймо на социальных науках так же, как и на всех других, все, что написано о женщинах, полно пропагандистских воззрений, совершенно далеких от действительности. Реальный статус женщины, вероятно, также окутан сорока вуалями, как и классовая, эксплуататорская суть цивилизации, завуалированные в высказываниях, авторами которых являются мужчины. Утверждение феминологии — науки о женщине — вместо феминизма может лучше соответствовать цели. Реалии, которые выдвинет эта наука, будут не менее значимы, нежели те, что разработаны теологией, эсхатологией, политологией, педагогикой, многими частями социологии и прочими «логиями». Не вызывает никаких споров тот факт, что женщина охватывает собой наиболее широкую сферу природы, причем в плане как физического присутствия, так и осмысления. Почему же, в таком случае, эта очень важная часть социальной природы не должна стать предметом изучения отдельной науки? То, что социология, разделенная так же, как и педагогика, на воспитание и обучение детей, не смогла сформировать такую отрасль, как наука о женщине, невозможно объяснить ничем иным, кроме как тем, что эта наука является словом мужчины-господина. До тех пор, пока не будет глубоко и всесторонне изучен данный вопрос, останется загадкой и природа всего общества. Реальное и всестороннее освещение социальной природы возможно только посредством и с помощью реального и всестороннего решения этой проблемы. Раскрытие темы, начиная с истории колонизации женщины, вплоть до ее экономического, социального, политического и интеллектуального порабощения, станет серьезным вкладом в дело всестороннего раскрытия всех остальных вопросов истории и современного общества.

Несомненно, не раскрытый до сих пор статус женщины — это один аспект вопроса. Но более важный аспект связан проблемой ее освобождения. Иными словами, решение проблемы имеет большое значение. Очень много сказано о том, что общий уро-

вень свободы общества пропорционален уровню свободы женщины. Очень важно и то, насколько будет оправдано значение этого правильного высказывания. Свобода женщины и ее равноправие, требующие создания необходимых для этого теорий, программ, организаций и практических действий, относятся не только к социальным аспектам. Но гораздо более важно, что это показывает невозможность осуществления демократической политики без женщины, более того, свидетельствует о том, что без нее и классовая политика будет иметь недостатки, нельзя будет развить и сохранить мир и окружающую среду.

Необходимо исследовать вопрос, избавив женщину от статуса «священной матери», «воплощения чести», жены, без которой невозможно существование мужчины, и посмотреть на нее как на некое субъектно-объектное единое. Естественно, при этом надо уберечь ее от шутовского отношения, зачастую называемого любовью. При этом следует раскрыть подлость (в первую очередь, насилие, преступления, побои, сквернословие в адрес женщины), которую успешно маскируют под словом «любовь», что является самым важным аспектом исследования. Высказывание Геродота о том, что «все войны между Востоком и Западом происходили из-за женщин» может свидетельствовать только о том, что женщину наделили ценностью, характерной для колониальной собственности, и именно поэтому она превратилась в причину войн. Поскольку история цивилизации является именно такой, современный капитализм представляет собой колонизацию женщины, оказавшейся в тысячу раз тяжелее и многостороннее. Под идентичность женщины сделан мощный подкоп. Можно бесконечно продолжать такой ряд характерных признаков женского статуса, как «мать всех трудов», «источник бесплатного труда», «работник с наименьшей оплатой труда», «наибольшее количество безработных», «объект беспредельного аппетита и давления со стороны мужчины», «детородная машина на службе у системы», «акушерка и воспитательница», «средство рекламы», «инструмент секса», «порнографии» и т. п. В отношении женщины капитализм развил такую систему гнета, которой нет ни в какой иной системе эксплуатации. Само упоминание о статусе женщины сразу же

вызывает боль. Но язык реалий не может звучать по-другому для эксплуатируемых.

В свете существующей действительности феминистское движение, несомненно, призвано стать наиболее радикальным движением, направленным против системы. Женское движение, корни которого в современном состоянии можно проследить еще со времен Великой Французской революции, пройдя несколько стадий, дошло до наших дней. На первом этапе особое внимание уделялось правовому равенству женщин и мужчин. Это самое равенство, не имеющее особого смысла, сегодня широко распространено, но надо хорошо осознать то, что оно лишено какой-либо сути. Формальное развитие имеется в правах человека, экономических, социальных, политических и других правах. На первый взгляд, женщина свободна так же, как мужчина, и имеет равные с ним права, хотя самый кощунственный обман кроется именно в таком стиле свободы и равенства. Проблема свободы, равенства, демократии женщины, которая не только в условиях официальной современности, но и во всех социальных ячейках во все периоды иерархии и цивилизации подвергалась духовной и физической эксплуатации путем глубочайшего порабощения, требует многосторонних теоретических усилий, идеологической борьбы, программной и организационной деятельности, но что важнее всего — мощных акций. Без всего этого феминизм и всевозможная деятельность, направленная на пользу женщинам, не уйдут дальше либеральной деятельности по женскому вопросу, всего лишь пытающейся успокоить систему.

Всего одним примером можно отобразить решение проблем в случае развития науки о женщине. Во-первых, надо осознать то, что половое инстинкт является одной из древних форм обучения воспроизводству. Это ответ на потребность продолжения жизни. То, что индивид не может жить бесконечно, привело к развитию потенциала, позволяющего индивиду повторять самого себя. Данный потенциал, называемый сексуальным мотивом, является продолжением иерархии в благоприятных условиях — своего рода противостояние процессу вымирания рода и смерти. Первое деление клетки — достижение клеткой бессмертия путем

размножения. Если обобщить еще больше, то это — продолжение в условиях живой природы тенденции к бессмертию путем постоянного саморазвития, обнаруживаемое эволюцией в борьбе против пустоты, пытающейся ее поглотить.

Единицей или личностью, более всех реализующей это универсальное явление, скорее всего, является женщина. Размножение происходит в теле женщины. Роль мужчины в этом деле является второстепенной. Следовательно, с научной точки зрения становится ясно, что вся ответственность в деле продолжения рода лежит на женщине. Это не ограничивается только лишь вынашиванием плода и рождением детей. Практически до смерти женщина абсолютно естественно несет ответственность за своих детей. В таком случае первый вывод, который мы должны сделать из этого факта, заключается в том, что во всех вопросах, касающихся половых отношений, женщина непременно должна иметь право слова, потому что любые отношения между полами обращаются для женщины тем, что выход из такой ситуации потенциально сопряжен с серьезными проблемами. Надо понять то, что женщина, родившая десятерых детей, физически и даже духовно попадает в такие ситуации, которые гораздо хуже смерти.

Взгляд мужчины на половые вопросы отличается крайней искаженностью и безответственностью. Первостепенную роль в этом играет мракобесие, к которому приводят невежество и власть. Более того, в условиях иерархии и династического государства иметь много детей для мужчины означает быть такой силой, не считаться с которой нельзя. Многодетность формирует гарантии не только продолжения рода, но и сохранения власти и государства. Величие династии позволяет не терять государство, являющееся своего рода монополией собственности. Так женщину превращают в средство для рождения множества детей для продолжения как биологического рода, так и власти и государственности. Именно таким образом подготавливается почва для ужасающего угнетения женщины, связанная с живой и не живой природой. Очень важно рассматривать подчиненное состояние женщины в тесной связи с этими двумя природами. Нет необходимости подробно рассказывать о том, что женщи-

на, находящаяся под статусом этой двойственной природы, не может длительное время жить спокойно и без раздвоения. Физический и духовный упадок очень рано начинают проявляться в тесном единстве, и ответом на все усилия женщины, связанные с продолжением рода, оказываются боль, тяжелая жизнь и ранняя смерть. Очень важно суметь прочесть и проанализировать историю цивилизации и современности именно в ракурсе этой истины.

Оставим в стороне всю ту тяжесть, которая падает на плечи женщины в связи с этой проблемой. Гораздо более тяжелым аспектом является чрезмерный рост населения, то есть демографическая проблема, оказывающая влияние на всю социальную природу и экологию. Одним из основных уроков, который надо учесть как в связи с наукой о женщине, так и в связи со всеми остальными социальными науками, это то, что методом инстинктивного обучения воспроизводству нельзя осуществлять рост населения. Основной причиной чрезмерного роста населения является оказываемая научными методами, развивающимися на протяжении всей цивилизации, поддержка продолжения рода по средствам такого примитивного метода, как инстинктивность. Уровень мышления и культуры человечества обладает потенциалом, позволяющим продолжить свое социальное существование в качественно более развитой форме. Личности и сообщества, благодаря своему интеллекту и культуре, философии и политическим институтам, в состоянии использовать свои возможности для длительного существования. Следовательно, не останется смысла в продлении своего существования путем полового инстинкта. Культура и интеллект человека давно уже вышли за рамки этого метода. Таким образом, ответственность за эту примитивность несет, прежде всего, свойственный цивилизации и современности принцип извлечения прибыли. Несомненно, чрезмерный рост населения — это ЧРЕЗМЕРНАЯ МОНОПОЛИЗАЦИЯ И ВЛАСТЬ. Это равносильно чрезмерной ПРИБЫЛИ. На протяжении всей истории чрезмерный рост населения приводил к гибели не только общества, но и окружающей среды и всей природы, что однозначно является следствием КУМУЛЯТИВНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И ВЛАСТИ и,

следовательно, ЗАКОНА МАКСИМАЛЬНОЙ ПРИБЫЛИ. Все остальные факторы и причины носят второстепенный характер, играют роли второго плана.

В таком случае уже сейчас на женщину возлагается основная ответственность за решение демографической проблемы, являющейся единственным путем как решения женской проблемы, так и преодоления экологического упадка. Первым условием этого станет полная свобода женщины и ее равноправие с мужчиной. Непременным условием будет право женщины осуществлять демократическую политику. Все взаимоотношения, связанные с полом, также станут воплощением ее права слова и волеизъявления. Без этих реалий не может быть речи об освобождении женщины, общества и окружающей среды, о свободе, равенстве. Невозможны также ни демократическая политика, ни какие-либо формы конфедеративной политики.

Помимо того, женщина играет важную роль с точки зрения этики и эстетики жизни в свете свободы, равенства и демократизации, что является фундаментальным признаком нравственного и политического общества. Такие науки, как этика и эстетика, являются неотъемлемыми частями науки о женщине. Не нуждается в дискуссиях тот факт, что женщина в силу грандиозной ответственности, которую она несет в этой жизни, в плане мышления и практической силы способна добиться значительного прорыва и развития во всех вопросах, касающихся этики и эстетики. Если сравнить с мужчиной, то мы увидим, что связь женщины с жизнью гораздо глубже. Именно этим вызван более развитый аспект ее чувственного мышления. Тем самым эстетика — теория красоты — будет, как способ сделать жизнь прекрасней, существовать благодаря усилиям женщины. Более глубока ответственность женщины и с точки зрения этики — теории нравственности. Определение, оценка и конкретизация хороших и плохих сторон человеческой жизни, значения жизни и мира, зла и ужаса, которые таит в себе война, критериев правоты и справедливости также является потребностью женщины действовать реалистично и справедливо с точки зрения нравственного и политического общества. Безусловно, речь идет не о той женщине, что является тенью мужчины, куклой в его руках. Речь

идет о свободной женщине, имеющей равные с мужчиной права и освоившей идеи демократизации.

Гораздо более правильным было бы развитие экономики в качестве отрасли науки о женщине. Экономика от начала и до конца является той самой сферой социальной деятельности, где основную роль играет женщина. Поскольку вопрос воспитания детей полностью возложен на плечи женщины, экономика имеет для нее важный смысл. Тем более, само слово «экономика» означает закон домашнего хозяйства, правила ведения домашнего хозяйства. Совершенно очевидно, что это и есть дело женщины. Самым тяжелым ударом по хозяйственной жизни стало то, что экономику отняли из рук женщины и передали ростовщикам, торговцам, денежным воротилам, капиталистам, государственной власти и помещикам. Экономика, переданная в руки антиэкономических сил, была превращена в основную цель власти и милитаризма, и на протяжении всей истории цивилизации стала главнейшим фактором безграничных войн, столкновений, кризисов и конфликтов. Сегодня экономика превращена в сферу игры, в ходе которой определенные круги, не имеющие никакого отношения к экономике, играя в карточные игры, гораздо худшими, нежели в картах, методами аннексировали неограниченные социальные ценности. Священная профессия женщины превращена в мастерские и биржи, а также игры в цены и проценты, позволяющие наращивать производство боевых машин, транспортных средств. Все это, то есть создание излишней продукции, не имеющей особого отношения к фундаментальным человеческим потребностям, практически уничтожает окружающую среду.

Ясно, что движение женщин за свободу, равенство и демократию, основанное на науке о женщине, включающей в себя также и феминизм, сыграет главную роль в решении социальных проблем. Не довольствуясь критикой женских движений недавнего прошлого, необходимо больше углубляться в историю цивилизации, сделавшей женщину потерянными существом. Если социальные науки тоже в какой-то степени отрицают существование вопросов, связанных с женщиной, ее проблемой и движением, то ответственными за это должны считаться цивилизация, а

также мышление и материальная культура современности. Узкие подходы к понятиям права и политическому равенству могут только внести вклад в развитие либерализма, но не в состоянии проанализировать это явление, не говоря уже о решении проблемы. Утверждение, что существующие феминистские движения полностью отошли от либерализма и противостоят системе, означает просто самообман. Если одной из важнейших проблем феминизма, как уже говорилось, является радикальная позиция, то феминистки попросту должны оторваться от своих привычек, мышления, чувств, стиля жизни и интересов либерализма и проанализировать стоящую за всем этим цивилизацию и современность, которые являются врагами женщины. В этом смысле они должны взяться за поиск осмысленных путей решения проблемы.

Современная демократия, считая одной из своих основополагающих сил роль женщины и борьбу за ее освобождение, а одной из своих важнейших обязанностей — развитие и организацию союзов, должна оценить ситуацию в свете необходимости реорганизации данного движения.

г) Экология: бунт окружающей среды

Одна из фундаментальных проблем, порожденных системой цивилизации, заключается в нарушении критической точки баланса во взаимоотношениях между обществом и окружающей средой. Социальная природа в течение длительного эволюционного периода жизни и развития всегда была зависима от баланса в своем соответствии с окружающей средой. Игнорирование искажений, возникающих тогда, когда собственное развитие социальной природы в корне меняет баланс, также является еще одним следствием естественного развития. Системы в основном развиваются, не разрушая, а помогая друг другу. При появлении искажений система оказывается под воздействием их логики. В этом смысле цивилизация становится отклонением в системе социальной природы. Как бы мы ни

говорили о системе цивилизации, это выражение имеет всего лишь пропагандистскую ценность и придумано для того, чтобы выдавать себя за реальную систему социальной природы. Называя тех, кто действительно является системой, «варварами», «кочевниками» и «маргинальными группами», системой цивилизации считают тех, кто паразитирует на социальных ценностях. С какой бы стороны ни посмотреть, войны, грабежи, разрушения, массовые убийства, монополии, выборы и налоги, являясь основными показателями развития в пределах цивилизации, заслуживают того, чтобы считать их самым настоящим варварством. Постоянные разрушения сел и городов, убийство миллионов людей, вовлечение подавляющего большинства общества в систему эксплуатации не продиктовано естественной необходимостью системы социальной природы. Это можно назвать лишь искажением данной природы.

История цивилизации длиною в пять тысяч лет, является, вместе с тем, историей развития и усиления этого искажения. Взрывы экологических бедствий в эпоху капитализма, считающегося эпохой наивысшего развития цивилизации, неоспоримое доказательство этого искажения. Социальная природа в течение своей жизни, продолжающейся около трех миллионов лет, ни разу не способствовала такого рода бедствиям. Общество и окружающая среда всегда были взаимно питающими друг друга системами. Экологические кризисы, подобные взрывам в недолгой истории цивилизации, связаны с ее разрушительной сущностью. Не только капиталистическая прибыль, но и чрезмерное накопление прибыли во все периоды цивилизации осуществлялось параллельно разрушению обеих природ. Пирамиды тоже являются накоплением. Но можно более или менее точно представить себе то, ценою каких социальных разрушений они были воздвигнуты. Аналогичные этому бесчисленные накопления дополнительно загрузили экологию. Социальный упадок принес с собой и разрушение окружающей среды. Бесчисленные монополистические образования современного капитализма накапливают трудности, которые не сможет вынести общества и окружающей среды, что в результате привело нас к эпохе экологического кризиса.

Определяющей в этом стала стратегическая роль индустриализма. Индустриализм и современность, основанные на ископаемом горючем, основные факторы этой определяющей силы. В частности, использование ископаемого горючего в автомобилях косвенным образом может привести к бедствиям на дороге, что по цепной реакции оборачивается разрушениями. Таким образом экологические бедствия становятся социальными, а те, в свою очередь, вновь превращаются в экологические бедствия, что оказывается цепной реакцией. Именно поэтому, называя капитализм эпохой рационализма, совершают ошибку. Накопление само по себе слепо. На протяжении всей своей истории оно осуществлялось, исходя из соображений собственной слепоты, а не рациональным соотношением экологии и общества, и результаты налицо. Может быть, в аналитическом смысле оно может быть рациональным, но с точки зрения чувственного мышления, являющегося единственной формой мышления окружающей среды, аналитическое мышление — мышление слепоты и разрушений.

Основываясь на наших прежних достижениях, можем подчеркнуть, что окружающая среда не в состоянии вынести чрезмерного роста населения и урбанизации, которые происходят в силу превращения городов и среднего класса в очаги власти. Социальная природа также не может выдержать всего этого. Власть и государство растут вместе с процессом накопления капитала, достигают такого объема и становятся такой обузой, которую не в состоянии вынести баланс между обществом и природой. То, что экологический и социальный кризисы тесно переплетены и носят постоянный характер, также связано с монополистическим ростом в обеих сферах. Они подпитывают друг друга, как две кризисные системы. Все научные данные единогласно подтверждают тот, что эта спираль еще на протяжении пятидесяти лет будет проявлять продолжительные признаки распада. Оно и видно. Но слепой разрушительный характер монополий финансов и власти будто бы не замечает и не ощущает этого.

Сравнительно новая история экологии и движения в защиту окружающей среды развивается с каждым днем. Точно так же, как и в вопросах, касающихся женской действительности, по

мере развития науки, имеющей отношение к факту, развивается познание, по мере развития познания, развивается движение. Это наиболее распространенная сфера движения гражданского общества. Она постепенно все больше притягивает и сторонников социалистической системы, и анархистов. Это движение гораздо больше подчеркивает свое противостояние системе. Поскольку это движение интересует все общество, участие в нем приобретает надклассовый и наднациональный характер. Движение само по себе несет четкие следы либералистской идеологической гегемонии. Либерализм, как и во всех общественных вопросах, и в случае с экологической проблемой подавляет ту сторону ее, которая связана со структурными особенностями, возлагая всю ответственность на технологию, ископаемое горючее и потребительское общество, хотя все эти сопутствующие явления являются продуктом современной системы, точнее ее отсутствие. Таким образом, экологическое движение нуждается в той же идеологической конкретности, что и феминистское движение. Необходимо переместить организацию и практические акции из узких городских улиц на все общество, в частности, на сельское аграрное общество. Экология является руководством к действию всего сельского земледельческого общества, всех изгнанных, безработных, обездоленных и женщин.

Эти реалии, формирующие основу современной демократии, со всей очевидностью свидетельствуют о том, какую серьезную роль сыграет экология в новом строительстве.

д) Культурные движения: традиции мстят национальному государству

Культурные движения никогда не прекращались в течение всей эпохи цивилизации. Причина столь частого упоминания о них в новейшее время связана с разрушением границ национально-государства. Уместно было бы назвать культурные движения «восстанием традиций». В процессе гомогенизации общества и нации со стороны национального государства, основывающего-

ся на господствующем этносе, религиозной конфессии или иных группах, многочисленные традиции или культуры подвергаются геноциду или уничтожению путем ассимиляции. Так, тысячи языков, диалектов, родоплеменных и национальных культур доведены до полного исчезновения. Запрещались многие религии, конфессии и секты. Фольклорные традиции ассимилированы. Те же, кого не ассимилировали, стали вынужденными переселенцами, превращены в изгоев, их единство раздроблено. Этот процесс, который можно было бы назвать принесением всех исторических ценностей, разнообразных культурных традиций в жертву национализму, пытающемуся установить один язык, одно знамя, одну нацию, одну родину, одно государство, один гимн, одну культуру. Все это используется в качестве маскировки процесса объединения при отсутствии серьезного общественно-исторического смысла и является, в конечном счете, торговыми, индустриальными и финансовыми монополиями современности, с господством власти под крышей единого национального государства, что активно продолжалось около двух столетий. Этот процесс, который был, возможно, самым продолжительным и грозным в истории периодом войны, продемонстрировал максимум своей разрушительной силы именно в отношении тысячелетних культур и традиций. В своем стремлении к извлечению прибыли предельно организованный монополизм не сжалился ни над одной священной традицией или культурой.

По мере того, как некоторые движения, не связанные с системой и именуемые новейшим временем, пробивают «доспехи национального государства» или разбивают его «железную клетку», все культуры и традиции, обреченные в большинстве своем на полузадушенное существование перед лицом полного уничтожения, начинают оживать и распространяться подобно тому, как цветут цветы после дождя. Определенное влияние оказал на это и распад социалистического лагеря. Молодежное движение 1968 года стало искрой, из которой разгорелось пламя. Кроме того, сказалось влияние всех национально-освободительных движений, восставших против капиталистического колониализма и не проявивших тенденций к срастанию с национальным государством. В принципе, традиция и культура — это уже борьба. И то,

и другое или погибает, или живет свободно, не зная, что такое капитуляция. Это их особенность. Сущность традиции и культуры диктует им наращивание волны сопротивления при первой же возможности. Такова реальность, которую не смог просчитать национально-государственный фашизм. Подавление, даже ассимиляция отнюдь не означают полного уничтожения. Это — как пример с цветами, расцветающими на скалах, пробиваясь сквозь щели в камнях. Подтверждением данной реальности является то, что, раздробив душивший их бетон современности, традиции и культура пробиваются к солнечному свету. Вкратце можно перечислить эти движения, которые мы могли бы разделить на несколько групп:

1. Этнические и демократические национальные движения

В число важнейших движений, которые национальному государству не удалось полностью подавить и растворить, входит микро-национализм этнических образований. Он отличается от национализма национального государства. Демократическое содержание является здесь преобладающим. Помимо поиска новой государственности, важнейшей целью является превращение в демократическое политическое образование, сконцентрировавшееся вокруг собственных культур. Это образование отличается от региональных или местных автономий, выражая единство и солидарность тех, кто независимо от границ местности разделяет одни и те же культурные ценности. Еще одной важнейшей целью является защита собственной жизни перед господствующим этносом.

С социологической точки зрения было бы верно называть движение различных угнетенных этносов, или другими словами находящихся под гнетом народов, демократическим национальным движением. Одному отдельно взятому угнетенному этносу выжить крайне тяжело. Движение схожих культур, имеющих общий язык и диалекты, географическое пространство и политические границы, в силу нескольких причин называют демократическим национальным движением. Первая причина заключается в том,

что, помимо цели, направленной на отдельное государство, они пребывают в поисках демократического и политического формирования и метода. Демократическое политическое формирование под крышей одного государства является наиболее известной в истории формой политического существования. В какой-то степени история полна политических формирований культурных групп, являющихся в подавляющем своем большинстве разными. Нормальной формой управления является сосуществование множества политических образований в пределах любого государства или империи. Ненормальным является игнорирование или подавление этих политических образований. Однако власти применяли не только ассимиляционные методы. Рим, Византия, Османская империя, персидская империя Сасанидов, арабская империя Аббасидов считали уместными сотни единиц политического управления. Достаточно было признания легитимности императора или султана. За всеми сохранялось право на свой язык, религию, национальную культуру и самоуправление. Но Левиафан — чудовище по имени национальное государство — разрушило эту систему. На этой же почве был взращен фашизм. Итогом стало культурное и физическое истребление.

Либералы и сторонники социалистической системы, считая, что угнетенные и поработанные этносы или народы, отстаивающие свое право стать нацией, стремятся к созданию национального государства, не просто глубоко заблуждались — они совершали трагическую ошибку. Это стало последствием фашистского национализма и тоталитаризма. Наиболее правильным, гуманным и соответствующим социальной природе путем является строительство нации на культурной основе и фундаменте демократического управления, не замыкая этот процесс в рамках тех или иных границ. Исторические реалии тоже чаще всего указывают на этот путь. Страсть монополистического капитала, стремящегося к максимальной прибыли, заключающаяся в ускоренном накоплении капитала, является наиболее серьезным препятствующим фактором на этом пути. В то время, как ненормальный, по своей сути, национально-государственный путь формирования нации стал нормальным, настоящий, естественный путь формирования демократической нации вос-

принимался как ненормальный, даже ошибочный. Именно это стало огромным большим заблуждением.

По мере выявления глубокой тупиковой ситуации, в которой оказалось национальное государство (мировые и региональные войны, национальные распри, размазывание капитала по национальным стенкам), активнее стали проявляться процессы формирования демократических наций, что является нормальным явлением. То, что происходило в Европе после Второй мировой войны, в сущности, является поворотом от национально-государственной модели к демократической нации. США, впрочем, всегда удавалось оставаться нацией всех демократических наций, несмотря на многочисленные национально-государственные заблуждения монополизма. В СССР национально-государственная модель тесно сосуществовала с демократической нацией. В Индии тоже сильны демократические национальные тенденции. В Африке и Латинской Америке демократические национальные тенденции всегда имели преимущественный характер. Жесткая национально-государственная модель ограничивалась некоторыми регионами, в первую очередь, Ближним и Средним Востоком. Но и здесь процесс находится на стадии быстрого разрушения.

Второе. До тех пор, пока не будет обращено серьезное внимание на процесс формирования нации, проводимый властью и государством, придется иметь дело с соглашательскими властями, основанными на некоторые институты, доставшиеся в наследство от Ближнего и Среднего Востока (феодалы, шейхи, секты, племенные вожди). На рельсы современности придется становиться вместе с ними. Или же надо будет развивать институт демократические власти. Первый путь — это современное состояние столь известного в истории классического соглашательства. Второй путь — тот, который также является целью современной демократии. Сопrotивление национальному государству и его соглашателям может управляться только демократическими методами. Это — самый нормальный и свобододлюбивый путь к формированию демократической нации.

Третье. Множество культур, языков и диалектов также делало неизбежным формирование демократической нации. Речи не

может быть о том, чтобы за основу брались язык, диалекты и культура господствующего этноса! Единственным выбором могло быть формирование нации на базе множества языков, широкой культурной панорамы и политического плюрализма. Ясно, что это соответствует смыслу демократической нации. Более того, открывается путь для формирования единой демократической нации на базе нескольких таковых. Именно такого рода процессы имеют место в Испании, Индии, даже в Южно-Африканской Республике, которая нам не нравится, даже в Индонезии и многих африканских странах. Более того, США и ЕС можно охарактеризовать как своего рода нацию демократических наций. Других похожим, серьезным примером служит Российская Федерация.

Четвертое. Поскольку экономические, социальные, политические, интеллектуальные, языковые, религиозные и культурные различия стремятся сохраниться как можно дольше, совершенно очевидно, что этот путь будет пролегать через формирование демократической нации. Если какое-либо различие превращается в признак разделения, значит, теряются все различия, хотя наиболее приемлемой формой идеального состояния для всех должно быть «единство среди различий». Даже этот конструктивный потенциал может самостоятельно свидетельствовать о величественной конструктивной силе демократического национального движения и предложить альтернативные структуры против национального государства.

Кандидатом на рождение новых систем является хаос, возникший в силу воздействия на тупиковое состояние национального государства, которое оказывается мировыми монополистическими силами сверху и, с другой стороны, городскими силами. Местными и региональными движениями за самоопределение, а также демократическими национальными и религиозными движениями снизу. Заметен ряд признаков и доказательств этого.

Если либерализм, с одной стороны, выйдя за рамки классической национально-государственных позиций, пытается перестроиться, то, с другой стороны, он всячески пытается продемонстрировать эти свои действия под маской развития демократии. Что касается сторонников жесткой национально-государствен-

ной позиции, то они так и пребывают в своей реакционности и отсталости, совершенно не напоминающих прежний консерватизм. Выходит, что современные консерваторы как бы зафиксировали свои позиции. Что касается верующих, то они находятся в традиционных поисках умы. С большой долей вероятностью можно предполагать, что они будут стремиться актуализировать современную ситуацию в религиозных одеяниях и строить национальное государство на религиозном фундаменте. Поучительный пример в этом отношении представляет собой Иран.

Выбор, основанный на формирование демократической нации, благодаря высокому конструктивному потенциалу, предлагаемому для решения сложных идеологических и структурных проблем современности, фактически обещает будущее. В частности, эффективен путь, взятый за основу ЕС. Очень важно, чтобы современная демократия выбрала вариант демократической нации в качестве одного из своих фундаментальных аспектов как с идеологической, так и со структурной точек зрения. Это даст шанс не просто внести определенный вклад в цивилизацию, но и спасти ее. Наиболее обнадеживающими проектами являются деятельность по перестройке, которую современная демократия сможет осуществить на базе демократической нации, и решение фундаментальных социальных и экологических проблем.

2. Оживление религиозных традиций: религиозно-культурные движения

В религиозной традиции, которую современная эпоха, в частности, национально-государственный строй, стараются эксплуатировать, обрядившись в одеяния лаицизма, наблюдается оживление, подобное возвращению у этноса интереса к жизни. Несомненно, это не является оживлением, происходящим на аналогичном уровне с его прежней социальной дееспособностью. Это все же поворот назад под клеймом современного официоза, его радикальных элементов или более умеренных течений. Осуществляет поворот, освоив многие особенности современности. В сущности, вопрос несколько сложнее. Как бы

ни старались трактовать лаицизм как полный отход религии от мирской жизни, в частности, от государственных дел, это все же расплывчатое понятие.

Как уже говорилось, лаицизм не является абсолютно светским понятием, а государство не может полностью абстрагироваться от религии. Что более важно — религии никогда не строят потустороннюю жизнь. То, что они устанавливают по-настоящему — это мирские, социальные, в частности, государственные, властные функции.

Лаицизм — это Масонская секта, возникшая в Средневековье как светское ответвление иудаизма в ответ на мировую гегемонию католицизма. Какое бы тесное переплетение лаицизма с позитивными науками ни наблюдалось, несомненно то, что он является производной божественности элемента еврейской идеологии и жизненного уклада. До тех пор, пока не будет четко осознано данное обстоятельство, не будут осознаны ни сам лаицизм, ни порожденные им проблемы. Раббаническое — «божественный», на иврите означает «господин», и данного элемента в нем столько же, сколько, по меньшей мере, других религиозных традиций. Но эти реалии вынуждены создаваться в строгой тайне, под массой упаковок. Безжалостное давление средневекового католицизма просто вынуждало использовать такого рода методы. Сторонники светского образа жизни набрали обороты в русле буржуазных революций в Голландии и Англии и добились гораздо больших успехов, нежели деятели Великой Французской революции. Ими было организовано такое трудное дело, как создание национального государства, а также формирования ядра государственности, его признание и лишение его власти. Их гегемония так и продолжается с тех пор по наши дни. Столь глубокое явление, как закулисное государство, в какой-то степени отражает эту реальность. Каждое национальное государство, число которые в мире превышает две сотни, столь же светское, сколь и масонское. Это фундаментальная сила идеологической гегемонии современного капитализма. Их влияние носит мировой характер. Национальное государство и по сей день сохраняет эти позиции. Другие влиятельные очаги, в первую очередь, такие, как медиа-монополии,

научна и творческая интеллигенция, представляют собой организации гражданского общества, внесшие свой вклад в стратегическое развитие мира. Они являются мозговым центром и первопроходцами современности, называемой ими светским обществом. Именно таков характер их деятельности, которую они называют «мирской, секулярной».

По мере того, как жесткие религиозные традиции, в первую очередь, католические, а также суннитские исламские традиции, теряют свое влияние под воздействием современности, лаицизм как идеология и политическая программа также теряет свое значение. В тех обществах, где наблюдается оживление традиционной религии, в частности, там, где и по сей день сильно влияние исламской традиции, разгорается дискуссия по поводу лаицизма и религии. Неверно было бы считать, что эти события, связанные с идеологической и политической войной между национальным государством и мировоззрением уммы, обусловлены просто современным стилем жизни. То, что происходило когда — то между христианством и иудаизмом, вновь повторяется в наши дни, но уже между исламом и иудаизмом. В основе серьезных столкновений на Ближнем и Среднем Востоке лежат именно эти реалии. Соглашение между иудаизмом и исламом пытаются установить именно в стиле Европы и США. Если радикальные элементы формируют, в свою очередь, другие, конфликтные элементы, выступающие против этой договоренности, то умеренные элементы, кажется, относятся к этому более положительно.

Кроме того, очень важно не видеть в оживлении традиционной религиозной культуры только возрождение отсталости. Демократическое содержание религиозных воззрений пропорционально степени сопротивления современному мироустройству и национальному государству. Более того, нельзя игнорировать тот факт, что они представляют собой сильный нравственный источник. С точки зрения современной демократии очень серьезное значение имеет восприятие этих явлений в качестве одной из культур, которыми больше всего манипулирует и эксплуатирует современность. Такое же оживление можно видеть на примере каждой из упомянутых культур и установившихся традиций. Во-

прос имеет глобальный характер. Таким образом, проблема заключается не просто в исламско-иудейском противостоянии, но и в явлениях, происходящих в мировом масштабе.

Подобно тому, как различные этнические культуры можно рассматривать в рамках демократической нации, очень важное значение имеет оценка демократического содержания религиозных течений как явление культуры — в качестве равноправного, свободного и демократического элемента в рамках демократической нации. Развитие толерантности и союза, взращиваемых современной демократией против всех движений, противостоящих системе, является для религиозных течений, имеющих демократическое содержание, другой важной функцией, имеющей серьезное значение с точки зрения реорганизационной деятельности.

3. Городские, местные и региональные движения за самоуправление

Органы самоуправления городского, местного и регионального уровней, всегда игравшие в истории преимущественную роль, входят в число очень важных культурных традиций, принесенных национальным государством на жертвенный алтарь. Во всех социальных и государственных органах управления постоянно присутствовали порожденные данными конкретными условиями и соответствующие им органы управления и самоуправления городского, местного и регионального уровней. В принципе невозможно управлять другими способами, в частности, обширными государствами и империями. Жесткий централизм, отражая монополистический характер современности, в основном является болезнью национального государства. Он навязывался как необходимость, продиктованная законом максимальной прибыли. Средний класс, разрастающийся как снежный ком, в сущности, был сформирован для прихода буржуазной бюрократии к власти. Он был создан как модель, развивающийся на волне фашизма, для того, чтобы учредить не одну, а тысячу монархических систем.

По мере усиления процесса разрушения классической современности и развития культурных движений новейшего характера, многие из которых имели либеральный характер, а некоторые являлись отражением радикального отрыва, самая большая доля выпала на плечи движений по самоуправлению городского, местного и регионального типов. Собственно говоря, имели место оживление и возврат к культурным традициям, для которых были характерны политические, экономические, социальные масштабы, ярко выразившиеся во все времена и эпохи. Эти традиции стоят во главе всех движений, которые имеют и должны иметь серьезный общественно-исторический смысл. Без спасения города, местности и региона невозможно спасение от национально-государственной болезни. Лучше всего это понимают и применяют на практике члены ЕС. Европейская культура вынесла и из четырехсотлетнего периода варварства, прошедшего под маркой современности, а также из Первой и Второй мировых войн достаточно уроков. Отнюдь не случайно то, что их первыми шагами, реализованными на практике, были законы о самоуправлении городского, местного и регионального уровней. Это связано с тем, что европейцы понимают, каким жестоким геноцидом, в том числе уничтожением культурных ценностей, является национальное государство.

Сегодня самые громкие дела Евросоюза осуществляются в ходе развития городских, местных и региональных культур, что является одним из важнейших элементов в решении всех мировых проблем. Пусть это движение и не является радикальным, но зато оно очень важное, необходимое культурное движение. Впрочем, однородный характер центрального управления, навязанный на всех материках земного шара, не мог дальше развиваться, и самоуправление многих городов, местностей и регионов обеспечивало живость этих движений. Самыми активными и актуальными темами являются самоуправление и автономная деятельность на всем протяжении от Российской Федерации до Китая и Индии, от двух американских континентов (США — федеративное государство, в Канаде самоуправление широко распространено, Латинская Америка в принципе находится в состоянии регионального самоуправления) до Африки (не будь

традиционного родоплеменного и регионального управления, в Африке не могли бы возникать государства). Жесткая централизация, являющаяся болезнью национального государства, реализуется в некоторых государствах Ближнего и Среднего Востока и других диктатурах.

Распад, который под давлением мирового капитала сверху и культурных движений снизу переживают жестко централизованные структуры национального государства, представляющие собой наиболее важный аспект классической современности, стараются компенсировать больше всего при помощи автономного управления городскими, местными и региональными уровнями. Эта последовательно усиливающая тенденция современности развивается в тесном переплетении с движением по формированию демократической нации. Демократическая нация, будучи формой управления, близка к конфедерации. Конфедерация является своего рода формой политического управления демократических наций. Сильный город возможен только при наличии органов самоуправления городского, местного и регионального уровней. С точки зрения формы управления она проявляет аналогии и противоречия с двумя движениями. Без самоуправления городского, местного и регионального уровней демократические нации не могут обрести силу власти. В таком случае демократическая нация или впадает в хаос и разваливается, или же прививается к новой модели национального государства. Для того, чтобы не оказаться в какой-либо из этих ситуаций, движение демократической нации обязательно должно развивать органы демократического самоуправления городского, местного и регионального уровней. Наряду с этим, для того, чтобы не дать себя полностью поглотить, суметь в полном объеме использовать свои экономические, социальные и политические силы, органы самоуправления городского, местного и регионального уровней должны объединиться с демократическим национальным движением в качестве демократической нации. Только путем крепкого союза оба движения смогут преодолеть воздействие силовых монополий чрезмерно централизованной власти, навязываемой национальным государством и держит наготове для их подавления. В противном случае им не избежать ликвидации и растворения

под угрозой повторной гомогенизации, как это частенько происходило в истории обоих движений. Исторические условия XIX века, скорее всего, способствовали национальному государству, но что касается современных условий, то есть реалий XXI столетия, то они способствуют утверждению органам самоуправления городского, местного и регионального уровней, черпающих силы в недрах демократических наций.

Ясно, что необходимо быть чрезвычайно внимательными для того, чтобы не допустить деградации и растворения этих положительных тенденций к демократизации, что может иметь место под воздействием идеологической и материальной гегемонии либерализма, как это неоднократно происходило в истории. Наиболее значительной стратегической обязанностью современной демократии является объединение всех противников системы, городских, местных и региональных политических течений исторического общества с новыми идеологическими и политическими образованиями. В этом смысле она вместе с глубокими теоретическими разработками развивает программные и организационные акции. Сегодня условия крайне благоприятны для того, чтобы в XXI веке достичь победы демократической конфедерации, а не повторить судьбу конфедеративных образований, ликвидированных в середине XIX века национально-государственным механизмом. Кризис современности в период финансового капитала обрел глубокий и постоянный характер, а его актуальность поддерживается только с помощью кризисного управления в реорганизационной деятельности. Для того, чтобы победно вывести современную демократию из постоянного кризиса, обрело серьезное значение реализация интеллектуальных, политических и нравственных обязанностей.

ОБЯЗАННОСТИ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Тема, которую я постарался осветить, не является ни оживлением воспоминаний о «золотой эпохе», ни мечтой о новой будущей «утопии». Я не считаю нужным что-либо планировать в отношении этих двух вопросов. Несмотря на то, что социальное мышление загружено подобными действиями, это не те заявления и пояснения, которые вносили бы какой-либо вклад в развитие нравственных и политических аспектов общества, являющихся темой моего исследования. Не отрицая полностью их вклада, необходимо, зная о том, что они способствуют возникновению проблем, подробно остановиться на них, сделав предметом некоторых пояснений.

С этих точек зрения понятие «современная демократии» не является ни попыткой освещения «золотой эпохи», ни «райской утопией», касающейся будущего. Кроме того, данное понятие не освещает ни исторические эпохи, ни общественные формации, активно разрабатываемые позитивистской наукой. Независимо от того, какими методами происходит обработка, метафизическими или позитивистскими, я не воспринимаю в качестве метода такого рода исторические и социальные пояснения. По меньшей мере, со своей личной точки зрения хочу подчеркнуть, что все они приводят к аналогичным итогам, а рассуждения о реальности и истине отнюдь не являются принципиальными, как частенько пытаются представить. Привлечение исторического материала я считаю крайне необходимым с точки зрения размышления. Я считаю необходимым не только исторический

материал, но и природный материал и опыт. В этом отношении я далек от типично эмпирического (сугубо опытного) подхода. Я также не отношу себя к идеалистам (абсолютный идеализм), считающим, что они способны создать мышление, независимое от природного и исторического материала и опыта. Я знаю, что такими методами на протяжении всей истории цивилизации формировались гигантские образования. Я также убежден, что надо быть готовыми к такой ситуации, но она не является неизбежной с точки зрения рассуждения об истине. Хочу сказать, что истина может быть вполне истолкована без них. В частности, считаю, что позитивистская исследовательская школа, буквально утопающая в обилии исторического материала, выглядит очень бедной и жалкой. Я также не вижу серьезной связи с истиной крайне самодовольных шейхов, не имеющих никакого понятия, и творящих чудо от имени бога. Они тоже выглядят жалкими и несчастными.

Недостаточно критиковать эмпирические и идеалистические воззрения. Очень важно продемонстрировать критический подход к этим двум методам, к универсализму, линейному прогрессивизму, релятивизму, являющимся разновидностями этих методов. В целом истина не может быть построена или найдена ни методами линейного прогрессивизма, ни релятивистскими методами. Несомненно, гибкий и высокий уровень общественной природы дает широкую свободу в строительстве общества. Но это не означает, что «каждый может строить действительность так, как ему хочется», что имеет в виду релятивистский метод. Такие же реалии, как считают идеалисты, «осуществляются в свое время, как написано в защищенной книге памяти судьбы» тоже не уместно. Наиболее реалистичным методом нам представляется путь мышления, основанный на создании социального материала в виде новых реалий при помощи новых мыслей, в новых условиях времени и места — или так может быть принято.

Необходимо, чтобы метод, который я повторно пытаюсь раскрыть, обязательно был основан на общественной природе, в частности, на нравственном и политическом обществе, являющемся его фундаментальным состоянием, во всяком случае,

я надеюсь на это и верю в это. Я стараюсь показать, что все философские школы, произведения науки, философии и искусства, не связанные с нравственным и политическим обществом, ущербны по своему состоянию и станут причиной тревог. Я считаю, что все проблемы метода и продукты науки, этики и эстетики, с которыми они должны быть связаны, обязательно должны основываться на принципах нравственного и политического общества, что является важнейшим условием. Я хочу обратить внимание на то, что все методы, науки, этические и эстетические воззрения, формирующиеся вне данного условия, будут ненадежны, убоги и полны ошибок, уродства и зла. Эти обстоятельства я излагаю не только в качестве собственных убеждений и мыслей, имеющих отношение лично ко мне; я настаиваю на том, что это — критерии истины.

Ясно, что после повторного разъяснения своих методических воззрений на современную демократию я постараюсь развить двусторонний подход на оснований всех суждений, высказанных мной ранее. Первое обстоятельство, которое я настойчиво старался раскрыть в своих рассуждениях, касается того, что нравственное и политическое общество, являющееся плодотворным состоянием общественной природы в системе цивилизации, развивается по средствам постоянной прививки, эксплуатации, построения на его базе монополий эксплуатации и власти. Это обстоятельство очень важно и требует обязательного понимания, необходимых для этого рассуждений. Я постарался сделать это так. Исходя из условий, в которых я нахожусь, используя имеющийся у меня ограниченный материал, но в основном, рассуждая о жизни, являющейся постижением истины, о своей жизни, в тесном переплетении с этим материалом я постарался проанализировать систему цивилизации. На мой взгляд, нет необходимости в чрезмерном обилии материала. Есть угроза углубления в подробности. Но я постарался продемонстрировать то, что со всем обойтись без материала тоже невозможно.

Вывод таков: против кого с диалектической точки зрения были развиты гигантские эпохи цивилизации? С кем, когда и как были построены взаимоотношения и противоречия? Поскольку сочетание двух таких корней, как «демос» в значении

связей и оппозиции, и «кратия» в значении самоуправления, широко известно и используется в интеллектуальной сфере, я тоже объединил их в одно значение. Несомненно, демократия не включает в себя все единицы нравственного и политического общества. Может быть, она полностью соответствует «союзу племен», некогда существовавшему в Ионии. Следовательно, оно, возможно, не включает в себя нижние, верхние и различные иные единицы нравственного и политического общества — не включает дальше «возможного». Но я использовал эту фразу, потому что среди всех существующих она несет в себе смысл настоящего и соответствующего. Если в будущем будет разработана более подходящая терминология, несомненно, не будет никаких сомнений в необходимости их применения. Важно то, что подразумевается под содержанием.

Что касается второго термина «современность», то нет особой необходимости его раскрывать. Он раскрывает периоды, эпохи и сроки, для которых было характерно широкое распространение и наличие определенных норм. В таком случае, сколько ни существовало эпох цивилизации, возникало столько же и даже гораздо больше демократий, потому что есть единицы нравственного и политического общества, которые мы могли бы назвать современной демократией и до которых система цивилизации не смогла полностью добраться и включить в свою монополию власти. История представляет в этом смысле массу материалов. Я тоже постарался коснуться всего лишь некоторых из них в качестве примеров.

Второе важно обстоятельство, имеющее отношение к современной демократии, — это то, что она, будучи материальной культурой, не смогла так, как системы цивилизации, самоорганизоваться, поскольку цивилизации вынуждены ежедневно включать в действие свои монопольные механизмы эксплуатации, власти и требуют высшей степени организованности, единства и активности как в идеологическом, так и материальном смыслах. Исторического материала в этом отношении достаточно много — желающий может получить все, что хочет. Но подразделения современной демократии находятся в неодинаковом положении. Точнее, одинаковое идеологическое и материальное

положение исключено в силу того, что еще не достигли должного уровня развития все существующие диапозоны между постоянной борьбой и колонизацией независимые единицы, на вершинах гор, в пустынях и других различных уголках. Я не хочу сказать, что они не в состоянии развить систему, идеологию и образования. Несомненно, в истории также много элементов их богатой идеологической и материальной культуры. Если даже они не могут проявить себя по причине идеологической гегемонии цивилизации, то, тем не менее, не может быть никаких сомнений по поводу внесенного ими в историю важного вклада.

Я постарался в общих чертах проследить, как дошли до наших дней обе цивилизации. Я уверен, что, несмотря на все мои грубоватые выкладки, мне удалось отразить, пусть и недостаточно, все тенденции. В частности, будет совершенно ясно то, как я постарался содержательно раскрыть сущность современности, называемой капитализмом. Кроме того, совершенно очевидным будет и то, что я представил глубокий анализ вкупе с критическим подходом ко всем антиподам упомянутого периода современности. Совершенно ясно, что вывод, который необходимо сделать из всей критики, связан с тем, насколько современная демократия осознает свою обязанность обновления. Известно, что силы современного официального капитализма под предводительством либерализма, независимо от того, что они обновляются или нет, используя все свои силы и возможности, очень успешно себя преподносят. Но мы знаем, что в плане позиционирования себя вышеупомянутые силы достаточно способны и опытны. То же самое нельзя сказать о силах современной демократии. То, как они позволили идеологически растворить свой опыт как далекого, так и близкого исторического прошлого, как потеряли свою конкретику, можно четко проследить на примере их действий по отношению к либерализму. Для того, чтобы по возможности не попадать в такие ситуации, не давать еще один повод для возникновения трагических ситуаций, очень важно конкретизировать функции по реорганизации институтов современной демократии.

Говоря об институтах, мы имеем в виду все общества, единицы, движения, которые так или иначе знают о позиции,

противостоящей системе, и стоят на этих позициях. Как жаль, что эти образования, представляющие собой подавляющее большинство социальной природы, в качественном отношении сильно уступают собственному количеству! Прежде всего реконструкция преследует цель превращения количественного большинства в качественную мощь. Если на секунду не забыть о всесторонней, поразительной, уничтожающей деятельности торговых, промышленных, финансовых, идеологических, авторитарных и национально-государственных монопольных сетей, то станет ясно, что обязанности институтов современной демократии, как минимум, с точки зрения устранения огромного дисбаланса между ними, сводятся к обязательной реконструкции и объединению. Данные функции можно изложить под тремя основными названиями. Эти три обязанности, тесно связанные друг с другом, относятся к интеллектуальному, нравственному и политическому аспектам, но тесная взаимосвязь между ними совершенно не отменяет необходимости их однозначной, структурной независимости. Напротив, каждая сфера, являясь определенным институтом, и в историческом прошлом, и сегодня вынуждена сохранять свою независимость. Иначе они не смогли бы достойно выполнить свои функции. В связи с этими сферами обязанностей, исторически очень тесно переплетенными между собой, необходимо определиться в том, каковы структуры и обязанности, как они должны между собой взаимодействовать.

С этой точки зрения имело бы определенное просветительское значение освещение данного исторического процесса при помощи ряда примеров. В родоплеменных единицах интеллектуальные, нравственные и политические обязанности в целом выполняются в тесной взаимосвязи, там нет особой дифференциации и специализации. Конфедерации племен в основном связаны с политическими функциями. Если нравственная традиция представлена опытом пожилых людей, то просветительские, мыслительные функции в основном представлены на уровне шаманов, шейхов или жрецов. На протяжении длительного исторического периода, в течение которого монотеистические религии Авраама обрели нравственные и политические масштабы, все три обязан-

ности получили определенный структурный характер. Если медресе в исламском мире стали играть скорее интеллектуальную роль, то мечеть стала нравственным институтом, султанат — институтом политическим. Тесная связь между ними предотвратила их творческое развитие. С этим связано то, что они не смогли достичь развития, по меньшей мере, такого, как в христианстве и иудаизме. Экуменизм или умма, став господствующей формой существующей между ними связи, оказались выражением своего рода интернационализма.

В условиях греко-римской цивилизации интеллектуализм обретает некоторую независимость. Философские школы являлись скорее интеллектуальными институтами. Их независимость имела широкий характер. Если институт нравственности складывался в храме, институт политики ранее формировался в законодательном собрании и республиканском сенате, то с развитием империи по этим институтам был нанесен сильный удар. Империя — это своего рода отрицание политического института на центральном уровне. Убийство Юлия Цезаря тесно связано с этими реалиями.

В новую эпоху интеллектуализм был законсервирован в университетских стенах, а нравственность претерпела сильный удар и оказалась на краю полного исчезновения. Ее пытались заменить позитивистским правом, стремясь полностью свести к нулю ее роль в обществе. Что касается политики, то ее сфера постепенно сужалась под тяжелыми одеяниями парламентаризма, а под управлением бюрократии национального государства она, как и нравственность, оказалась в состоянии едва ли не бездействия. Политика уже не может играть свою истинную роль. Институты современной демократии переживают разнообразные и сложные изменения. Братские организации в себе объединяют все три обязанности. Утопические организации имеют схожий характер. Интеллектуальные, нравственные и политические особенности и обязанности становятся функциями, переплетающимися в виде секты вокруг одного человека, и претворяются в жизнь. В частности, в процессе развития социализма, «Манифест коммунистической партии», I, II, III Интернационалы позиционируются как тесно переплетенные организации

всех трех институтов. Они разделили между собой аналогичные ассимиляционные тенденции современного капитализма в отношении сфер проявления этих трех функций. Если политика как институт была принесена в жертву механизмам управления национального государства, то нравственность была принесена в жертву позитивному праву, являющемуся частью того же механизма управления и оформляющему закрепощение гражданина. Интеллектуальные функции или совершенно отрицались, или приносились в жертву паре интеллектуального капиталиста и носильщика (осла, переносящего знания), воплощенной в университетах, играющих роль новых храмов национального государства.

Даже эти краткие исторические экскурсы открыто и со всей значимостью выявляют необходимость полного всестороннего включения институтов современной демократии в деятельность всех трех функций как противодействия этим сетям — если, конечно, упомянутые институты не хотят полного распада.

До того, как перейти к функциям, было бы поучительным кратко коснуться вопросов единиц и сетей. Единица подразумевает сообщество, являющееся антиподом монополии. Любое сообщество, будь то демократическая нация или сельский совет, международная конфедерация или квартальный комитет — все это единицы. Так же единицами являются все органы управления — от племени до города, от местных органов до национальных. Можно говорить как о единицах, состоящих из двух человек, даже из одного, так и о единицах, включающих в себя миллиарды людей. Будет поучительным посмотреть на это понятие в рамках такого богатства. Но очень важным здесь является то, что каждая из этих единиц является отдельным нравственным и политическим обществом. Таким образом, принципиальное значение имеет участие всех этих единиц в интеллектуальных, нравственных и политических обязанностях. Подобно тому, что быть единицей означает принадлежность к нравственному политическому обществу, так и нравственное и политическое общество требует единства интеллектуальных, нравственных и политических функций. Сеть и узел противоположным полюсом связаны с организационными подразделениями и управлением.

Более того, внутренние единства могут организоваться в виде наиболее удачных сетей. Жестко центристская, иерархическая, командная организация и ее управление, полностью противоречат принципам организации и управления единиц современной демократии.

А. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Должен сразу же сказать, что я не смогу раздробить интеллектуальные обязанности и перенести их на знания, формирование и единицы. Первое, что необходимо сделать, это оценка интеллектуальности. Часто говорят о том, что современность была предопределена «эпохой Просвещения» (Европа XVIII века). Бесчисленные физические и культурные репрессии, уничтожение, систематически организуемое национальным государством, в первую очередь, геноцид евреев, оказались смертельными ударами по идее просвещения современности. Это момент про который философ Т. Адорно говорил, в ту минуту должны были замолчать все божества. В то же время это было последней стадией цивилизаций. Данный момент исключительно важен. Не проанализировав его, нельзя сделать ни одного шага вперед. Мы говорим о временах исторического краха, лжи и массовых убийств. Интеллектуальность, как акция просвещения, знания, науки, не может абстрагироваться от этого времени. Она осуждается в качестве одной из главнейших обвиняемых. Наиболее отвратительной пропагандой либерализма является стремление взвалить всю вину на нескольких Гитлеров. Не раскрыв смысла системы, вскормившей Гитлера и поддерживавшей вплоть до самой гибели, нельзя узнать правду. Если даже что-то будет придумано, это станет предательством по отношению в истине. «Поиск истины», являющийся основной обязанностью интеллектуальности, — это обстоятельства, которые необходимо тщательно изучить, когда сталкиваешься с предательством, тем более, когда это предательство осуществляется самым распространенным образом — «интеллектуальными капиталистами и грузчиками».

До тех пор, пока не будут изучены вопросы, требующие тщательнейшего рассмотрения в интеллектуальной сфере, мы вновь будем прозябать в том же положении «интеллектуальных капиталистов и грузчиков».

Если постоянный кризис, переживаемый мировой системой, продолжается только посредством чрезвычайного кризисного управления, то умалчивание интеллектуального кризиса имеет место или ввиду слепоты, или, возможно, в силу принадлежности к классу «интеллектуальных капиталистов и грузчиков» системы. Самый обычный и достойный интеллектуал не испытает никакого труда в понимании того, что кризис возникает тогда, когда возникает ступор в мышлении. Между системными образованиями и мышлением существует связь, аналогичная той, что существует между телом и духом. В структурном смысле болезнь тела не просто влечет за собой кризис духовный, но и выдвигает его вперед. Первенство принадлежит не телесному, а духовному кризису. Подобно тому, как смерть мозга является конкретным подтверждением смерти тела, кризис мышления тоже может быть подтверждением структурного кризиса. Откровенно говоря, налицо глубокий интеллектуальный кризис. Ответ, который может быть дан, требует глубины, неспособной компенсироваться новшествами в некоторых сферах. Этот ответ требует связи с преобразованием системы. Интеллектуальный кризис системы возможен только путем его преодоления, то есть «интеллектуальной революции». До рассуждений о современной интеллектуальной революции было бы полезно рассмотреть некоторые исторические примеры.

Первая в истории мощная интеллектуальная революция, насколько об этом можно рассуждать, имела место в Месопотамии 6000—4000 гг. до н. э. Это был период, когда потенциал природных сил впервые ярко продемонстрировал свои возможности, приведя к практическим результатам гигантских масштабов. Это был период, о котором говорят, что сравнение Гордона Чайльда возможно только с Европой XVI века. Все еще, большая часть социальных достижений, существующих по сей день в интеллектуальном и инструментальном смысле, относится к тому времени. Вторая масштабная революция произошла в период

возникновения цивилизаций Шумера и Египта. В эту эпоху удалось теоретически и практически перенести в систему цивилизации все достижения раннего периода. Революционными научными достижениями этого времени стали, в первую очередь, письменность, математика, литература, медицина, астрономия, теология, биология. Вся последующая история, вплоть до Древней Греции, станет всего лишь изучением и повторением этих достижений.

Третьим крупным шагом станет интеллектуальная революция, произошедшая в Древней Греции, в Ионии. VI столетие до н. э. стало еще одним знаменательным историческим периодом с точки зрения высоты философского мышления и научных достижений. Переход от верований, смешанных с мифами, к философской революции, несомненно, стал колоссальным прорывом в интеллектуальной сфере. В частности, революционные перемены произошли в сфере письменности, литературы, физики, биологии, логики, математики, истории, искусства и политики. До XVI века история развивалась лишь путем переноса и повторения плодов этой революции. Несомненно, в другие времена и других местах происходили интеллектуальные открытия, но их нельзя считать великими революционными переменами. Формирование монотеистических религий можно считать значительными этапами мышления. Кроме того, нравственная революция зороастризма является великим этапом развития мысли. Значительными философскими величинами стали Конфуций в Китае, Будда в Индии. Существенными являются интеллектуальные проблески в исламе VIII–XII вв., и то, что они не переросли в революционные перемены, стало большой потерей.

Интеллектуальная революция в Европе, несомненно, была глубокой и многоплановой. Но несомненно и то, что ее источниками стали те же самые революции и проблески, о которых мы говорили. Должен сразу же отметить, что интеллектуальная революция не имеет совершенно никакого отношения к монополиям эксплуатации и власти. Напротив, именно из-за этих монополий упомянутые течения не смогли найти своего достойного продолжения и развития. Скорее всего, речь идет о том, что монополии

поставили эти революции в зависимость от себя, превратив их в некий капитал. В великой интеллектуальной революции Европы эти реалии очень откровенны и поразительны. Капиталистические монополии, а также абсолютизм и национально-государственные системы, будучи государственными монополиями, приложили много усилий, чтобы воспрепятствовать интеллектуальным движениям, повести их по неверному пути и поставить в зависимость от собственной власти. Они считали это своей главной задачей, развернув на этом поприще широкую борьбу. Стремясь не утратить своей интеллектуальной независимости и достоинства, революционеры прошли через все — от инквизиции до судов Великой Французской революции, восставая против безжалостной власти. Они всходили на костры, как Джордано Бруно, подвергались унижениям, опале, терпели нищету, как Эразм Роттердамский, Галилео Галилей, Томас Мор и другие.

В XIX–XX вв. в интеллектуальных сферах и единицах, как и во всех сферах и структурных единицах общества, нашли глубокое отражение монополистский капитал и гегемония национального государства. В значительной степени они интегрировались в науку, философию, искусство и даже религию, в особенности же, в структуры национального государства. Монополизм, имевший место в обеих указанных сферах, нанес сильный удар по интеллектуальной независимости. Интеллектуалы, находящиеся в зависимости от них, превратились или в интеллектуальных капиталистов, или в значительной части стали батраками-поставщиками знаний в университетах и прочих образовательных системах. Новыми храмами каждого национального государства стали образовательные учреждения, в первую очередь, университеты. Именно здесь «промывались мозги», обрабатывался духовный мир нового поколения, которое превращалось в граждан-рабов, поклоняющихся божеству национального государства так, как не преклонялись никогда никакому богу. Преподаватели всех уровней стали обретать статус класса новых жрецов. Несомненно, отдельные интеллигенты сохраняли свое интеллектуальное достоинство людей науки и искусства. Но они составляли настолько незначительное исключение, что это никак не могло повлиять на общее правило.

Гораздо более важные обстоятельства связаны с процессами, происходящими в недрах европейской интеллектуальной революции. Необходимо, прежде всего, отметить то, что они хорошо усвоили религиозные, научные философские и искусство предыдущих эпох. Ясно и то, что именно на этом основан их вклад. Необходимо принять и то, что они ознаменовали собой целый этап на пути приближения к истине. Однозначны их достижения в области методики и практики. В частности, именно такого рода успехи они достигли применительно к первому ряду естествознания (физика, химия, биология, астрономия). Невозможно упомянуть это же обстоятельство применительно к их вкладу в сферы второго ряда естествознания, в частности, их воззрения на общественные вопросы с позиций науки, философии, искусства и нравственности. Безусловно, удалось выступить с развернутыми и значительными заявлениями, развить научные дисциплины, философские школы, тенденции в искусстве и этические учения. Однако не удалось достичь таких успехов, которые позволили бы защитить нравственный и политический характер общества. Напротив, по мере попадания в зависимость от финансовых и авторитарных монополий они становились соучастниками преступлений против нравственного и политического общества, которые выразились в доведении общества до состояния мишени, что нельзя объяснить просто недостатками и ошибками. Именно так начался интеллектуальный кризис.

Несомненно, интеллектуальная прослойка несет ответственность за превращение не только общества, но и окружающей среды, в состояние мишени. В принципе, именно взаимосвязанным характером причины кризиса и обусловлена совместная ответственность интеллигенции и монополистов. Наиболее важным обстоятельством, которое следует в данной связи разъяснить, является то, как в стратегическом и тактическом отношениях развивалось интеллектуальное поражение, деградация и искажения. В частности, кого и что следует считать ответственным за страшное поражение и предательство в сфере общественных наук (в первую очередь хочу выразить свою уверенность в то, что естественные науки тоже имеют социальный

характер). Можно ли говорить о болезни, целиком связанной с научной парадигмой? Следует ли искать самую большую часть этой болезни в некоторых дисциплинах? Является ли эта болезнь системной? Или она все-таки имеет случайный характер? Возможно ли излечение от нее? Как должны развиваться пути и методы лечения? Какими могут быть основные показатели новой научной революции или парадигмы? С чего следует начать в стратегическом плане? Только содержательные ответы на эти и подобные вопросы позволят нам определить собственные парадигматические и научные функции, вплоть до выхода из интеллектуального кризиса.

Научный кризис европоцентристской цивилизации имеет структурный характер. Он связан с процессами, происходившими на ранних стадиях цивилизации. Централизация науки в храмах — это то же, что и ее единение с властью. Существует множество примеров, подтверждающих то, что в условиях цивилизаций Египта и Шумера наука превратилась в неотделимую часть власти. Жрецы, накапливавшие научные знания, являлись, в принципе, важными партнерами властей. Но ведь в эпоху неолита структура науки была совершенно иной. Знания женщин о растениях, может быть, и послужили основой биологии и медицины. Более того, сезонные и годовые наблюдения способствовали созданию счета. Можно уверенно говорить о том, что тысячелетняя жизненная практики села сформировала огромный клад знаний. Цивилизация, собрав все эти знания, превратила науку в часть механизма власти. Здесь имел место качественный поворот, в отрицательном смысле.

Так, до цивилизации и в эпоху цивилизации знания и наука в оппозиционных обществах были частью нравственного и политического общества. Невозможно было использование науки как-то иначе, чем в рамках потребностей общества. Единственной целью знаний и науки было продолжение жизнедеятельности общества, его защита и рост — нельзя было бы даже задуматься о какой-то иной цели. Цивилизация же в корне поменяла данную ситуацию. Установив свою монополию над знаниями и наукой, она оторвала их от общества. В то время, как общество стало испытывать острую нехватку знаний и науки, власть и го-

сударство, благодаря знаниям и науке, непомерно усилили свою мощь. Привязав создателей и распространителей знаний к династиям и дворцам, власти упрочили свою монополию на науку. Кардинальный отрыв науки от общества, в частности, исключение женщин из данной сферы, означает разрыв связей науки с жизнью и окружающей средой. Вместе с тем усугублялся разрыв между аналитическим мышлением и чувственным, которые последовательно дистанцировались друг от друга.

Смысл науки в социальной природе сводится к религиозной ипостаси. Общество обожествляло уровень своих знаний о собственной природе как выражение собственной идентичности. Оно ставило знания в один ряд с божественным. Цивилизация изменила ход и этой теме. По мере того, как наука переходила в руки династий и их окружения, менялся и статус божественного. Если обществу был уже уготовлен удел слуги, недостойного божественных высот, то династии и их ближайшее окружение перешли в мифологию и религию в виде произошедшей богов знати. Боги-цари, знать, предками которой, как утверждалось, были все те же боги, стали результатом именно этого процесса. Такой разрыв связей, соединявших создателей и распространителей наук и знаний с обществом, продолжался во все эпохи цивилизации. Если и находились те, кто осмеливался выступить против этого, то их достаточно легко уничтожали. Знания и наука практически сформировались в отдельную касту. Что касается европейской цивилизации, в частности, противостояния между церковью и монархиями, а также относительно свободной в чем-то интеллектуальной атмосферой монастырей, то создатели знаний и наук пережили период, пусть и ограниченной, но все же независимости. Активные войны за власть не причиняли вреда их исследованиям, более того, предоставляли им возможность более легкого обретения защиты. Возрождение, реформы и просвещение тесно связаны с автономной обстановкой, возникновению которой способствовали войны за власть. Отсутствие такого абсолютизма, как в Китае и Османской империи, внесло свой вклад в развитие этой автономности. Итогом стали философская и научная революции. Но, с одной стороны, рост капиталистической гегемонии, с другой

стороны, формирование национального государства, привели в XIX–XX вв. к созданию монополии финансов и власти над знаниями и наукой. Отныне, наука уже стала неотъемлемой частицей капитала и власти. Впрочем, эта ситуация, развивавшаяся на протяжении всей истории цивилизации против нравственного и политического общества, достигла своего апогея в современной Европе.

Можно сказать, что европоцентристские научные парадигмы еще очень давно оторвались от общества. Те, кто занимался знаниями и наукой, преимущественно лелеяли перспективу капитала и власти. Нравственное и политическое общество давно уже ничего не значило. Поражение церкви в борьбе с властью ускорило данный процесс. Наука, чьей основной заботой не является нравственное и политическое общество, уже не может найти никакой иной сферы занятий, лишь прочно приковаться к целям капитала и государства. Чем больше наука привязана к власти и капиталу, тем больше становится их пленницей. Полное исчезновение связей между наукой, с одной стороны, и нравственностью и политикой, с другой стороны, полностью открыло двери перед войнами, столкновениями, спорами и всякого рода эксплуатацией. Наконец, история европейской цивилизации стала историей регулярных массовых войн. Ролью, которая отводилась науке в данном контексте, стала концентрация на проблемах изобретения убийственного оружия, способного принести только победу. Итогом стала эскалация вооружений вплоть до ядерного оружия. В обществе, где господствуют правила нравственного и политического общества, невозможно изобретение не только ядерного оружия, но и оружия для самообороны. Если таковое и будет изобретено, то оно не будет применяться — по меньшей мере, против общества.

Нравственный упадок является важнейшим фактором начала полосы кровопролитий. Разрыв связей между наукой и нравственностью становится фундаментом для изобретения различного рода разрушительного оружия. Невозможно даже представить то, что установление такого рода отношений между наукой, во — первых, и властью и обществом, во- вторых не отразилось бы на всей парадигме и методе. Влияние на про-

цесс развития общества по своему смыслу соответствует превращению общества в некий объект — точно так же, как многим раньше в объект превращались женщины и рабы. В дальнейшем, субъектно-объектная дифференциация, начатая Бэконом и Декартом, была перенесена во все науки. Объективность в науке очень восхвалялась, хотя самые распространенные трагедии случались именно вследствие конкретного разделения на субъект и объект. Вслед за этим возникало углубление по принципу разделения на «я и остальные». После этого разделение превратилось в борьбу взаимно уничтожающих друг друга диалектических постулатов. Эти дилеммы однозначно являются отражением уже упомянутого водораздела, который существует между нравственным и политическим обществом, с одной стороны, и капиталом и властью, с другой стороны. При этом принижение до уровня объекта, имевшее место в отношении природы, следом за этим — женщин и рабов, и наконец, всего общества, получило в науке название очень известного «правила объективности». Взаимоотношения бог-раб, существовавшие в истории, теперь уже превратились во взаимоотношения субъекта-объекта. Существовавшее раньше мировоззрение живой природы уступило свое место взаимоотношениям с природой, воспринимаемой в качестве мертвого объекта, а божественным субъектом, некогда находившимся над этими взаимоотношениями, стал человек.

Влияние такого рода парадигматических подходов на науку, в особенности, на социальные науки, имело разрушительный характер. Например, физики, берущие за основу совершенно объективную физическую природу, верят в то, что они свободно могут проводить над природой безграничные эксперименты. Физика считает, что вправе испытывать ядерное оружие, приводить в движение различного рода автомобильные динамики. При этом нет никаких нравственных тревог. По мере того, как восприятие природы в качестве объекта порождает ее безграничную эксплуатацию, итогом может стать атомная бомба. Когда божественная наука превращается в инструментальную науку, у нее не остается никаких связей с обществом. В руках власти и капитала такая наука превращается в инструмент, тесно свя-

занный с правилом максимальной прибыли. На первый взгляд, физика — это абсолютно нейтральная наука, интересующаяся объективной природой. Но, в сущности, совершенно очевидно, что она является одним из фундаментальных источников силы власти и капитала. В противном случае ей не удалось бы сохранить свое сегодняшнее положение. Превращение физики в силу, противостоящую обществу в отрицательном смысле слова, показывает, что она отнюдь не является нейтральной объективной наукой. Силловые взаимоотношения, называемые законами физики, в конечном счете, не являются ничем иным, лишь отражением человеческих сил. Но мы знаем, что человек в абсолютном смысле — существо социальное.

Комментируя позитивистскую философию, оставившую свой след на всей научной структуре современности, мы сможем лучше выявить сущность взаимоотношений цивилизация-власть-наука. Мы знаем, что позитивистская философия основана на конкретных объективных фактах и категорически не приемлет никакого иного научного подхода. Более тщательное наблюдение позволит установить, что объекты как взаимоотношения таят в себе гораздо больше идолопоклонничества и более метафизичны, нежели все старые идолопоклонники и метафизики. В этом отношении, чтобы просветиться, достаточно короткого вспоминания исторической диалектики. Также как верования на основе одного бога на базе критики паганизма (идолопоклонничества, верований, своего рода обожествляющих факты) смогли проявиться, сформироваться, и позитивизм, как своего рода контратака, сформировался в качестве нового идолопоклонничества. Критика религии и метафизики сформировалась в качестве нового идолопоклонничества (поиски истины, основанные на фактах, однозначно являются неопаганизмом), неометафизики. В высшей степени важно то, что Ф. Ницше был одним из плеяды тех философов, кто подтвердил эту истину, внося свой вклад в поиски истины. Очень важно отметить и то, что понятие, именуемое объективным фактом, стоит очень далеко от истины. Факты сами по себе или не могут предоставить сколько-нибудь осмысленную информацию об истине, или же влекут за собой крайне ошибочные результаты.

Если факты не обретают смысла в рамках сложных взаимоотношений, они или вообще не несут в себе никакой информации или же способствуют возникновению самых ошибочных последствий. Оставим в стороне факты из области физики, химии, биологии. Остановимся на одном социальном явлении и результатах, к которым оно привело. Согласно позитивизму, национальное государство — это явление. Все факторы, формирующие его, тоже своего рода явления. Тысячи структур, миллионы людей — все это они считают отдельными явлениями. Прибавив сюда еще и существующие между ними взаимоотношения, мы можем дополнить всю картину. Итак, мы сформировали научное понятие по позитивизму. Теперь уже мы стоим лицом к лицу с абсолютной истиной. Это истина — национальное государство. Позитивизм воспринимает это определение не как отдельное толкование, а как абсолютную истину. Сквозь призму данного мировоззрения позитивизм воспринимает все остальные социологические факты, будто бы все они тоже являются конкретными фактами, как факты физики, химии, биологии. Такова характеристика истины в позитивизме. Всю дикость этого метода, с виду совершенно невинного, не содержащего никакой опасности, но, по сути, таковым не являющегося, мы увидели на примере этнических чисток, массовых убийств. Будь то Гитлер, или самый так называемый либеральный лидер национального государства, все они считают, что совершенные ими деяния в высшей степени правильны с точки зрения науки; они, дескать, искали истину, а ход формирования единой нации — это не просто право, а процесс, соответствующий закону эволюции. Они правы в рамках той науки, которую взяли за основу. Эту свою силу они черпают из философии и других наук позитивизма. Наконец, в течение всего периода современности в угоду этому позитивистскому мировоззрению происходили бесчисленные войны за родину, нацию, государство, этнос, идеологию, систему, потому что все эти понятия считаются священными, и за них надо сражаться до последнего. Как известно, в результате такого мировоззрения история превратилась в кровавую бойню. Именно такова была злобная ухмылка невинного на первый взгляд позитивизма.

Если не совсем понятно, то попробуем раскрыть подробнее. На сегодняшний день в мире существует около двухсот национальных государств. Если все они в форме вышеуказанных институтов и гражданских масс в результате взаимоотношений окажутся лицом к лицу друг с другом, то неизбежной станет ситуация, охватывающая, по меньшей мере, двести божеств, тысячи храмов, бесчисленное количество сект, потому что все явления, которые они представляют, священны и достойны того, чтобы за них умереть. Обратим внимание: даже на уровне названия нет упоминания о нравственном и политическом обществе, отражающем истинную социальную природу. В действительности же, если и есть реалии, за которые стоит отдать свою жизнь в случае агрессии, то это нравственное и политическое общество. Что касается национального государства, то там все воюют во имя идолов, которые каждый сам для себя соорудил или которых уже соорудили и поставили перед ними. Налицо период войн за поклонение идолам, и эти войны в тысячу раз страшнее, чем войны, имевшие место в истории. Итогом становится действие закона максимальной прибыли, который на руку финансовым и национально-государственным монополиям. Счастливое меньшинство купается в такой роскоши, которую не видели даже фараоны. То, что называется современной жизнью, есть ничто иное, как следствие уничтожения позитивизмом этих реалий. Сегодня мы уже достигли эпохи виртуального общества. Ни одна истина не способна раскрыть суть позитивизма так, как это делает виртуальное общество. Позитивистское общество — это виртуальное общество, являющееся истинным лицом позитивистского общества, той истиной, которая скрывается за маской общества. Бессмысленность фактов (речь идет о бессмысленности кровавые боен, вымышленного общества, потребительского общества) достигла своего апогея в виртуальном обществе. Медиативное общество, шоу-общество, гламурное общество — все это выявленные реалии объективизма и позитивизма. Это, по сути, является отрицанием истины.

Поскольку в рамках нашей темы нет необходимости подробно на этом останавливаться, могу просто перечислить аналогичные результаты. Такие понятия, как «исламское, христианское, иу-

дейское, буддистское, капиталистическое, социалистическое, феодальное, рабовладельческое общества», являются реалиями, обусловленными этими же подходами. И в данном случае перед нами метафизическая сторона позитивизма. Действительно, исламское общество, капиталистическое общество являются следствием того же подхода, то есть, это понятия, касающиеся явлений. Иными словами, это понятия имеют концептуальное значение. То же самое можно сказать и о национальной принадлежности. Такие понятия, как «немецкая, французская, арабская, турецкая, курдская нации», — это реалии позитивистского характера. Но, в сущности, это — бледное отражение истины. Может возникнуть вопрос — что же такое истина? На мой взгляд, ответ прост. Существует истина нравственного и политического общества, естественная для такого явления, как общество, и существует истина цивилизации, постоянно стремящаяся подорвать устои этой истины. Я не говорю, что образы, имена, стоящие вне истины нравственного и политического общества, не могут представлять истину. Я говорю, что они могут представлять не суть, а изображение этой истины, ее простую и часто изменяющуюся форму.

Например, рассмотрим арабскую нацию. Может, будет выглядеть очень слабо, но арабская идентичность — это общество, живущее на территории, называемой арабской, со своими нравственными и политическими особенностями. Вместе с тем, это власть, которая отторгшись от своего общества, тысячелетиями довлела над ним и на сегодняшний день довело общество до состояния загнивания. Существуют тысячи арабов, совершенно разных, конфликтующих, даже враждующих друг с другом. То есть существуют тысячи противоречивых истин?! Если следовать позитивизму, то должно быть именно так. Но мы очень хорошо знаем, что арабская действительность по своему характеру не такая. Еще один, более понятный пример, — это деревья. На дереве есть тысячи ветвей и бесчисленное количество листьев. Смысл древа зависит от того, насколько ценными являются его плоды. Значимыми тут являются не ветви и листочки. Позитивизм — это слепота, заключающаяся в одинаковой оценке всего происходящего. Действительно, ветви и листочки — тоже реаль-

ность. Но они не представляют собой осмысленную реальность. Один килограмм винограда, растущий на одной лозе, имеет определенную ценность и смысл. Но один листочек — это всего лишь факт, имеющий формальное значение, не отражающее сути этого явления.

Основной причиной научного кризиса является то, что наука задыхается в явлениях, ежедневно появляется очередная новая научная дисциплина, и все они считают себя истиной одинаковой пробы. Изначально подчеркнули его связь с системой. Разделение истины на постоянно существующие и последовательно углубляющиеся в своем взаимном противостоянии дилеммы, как *субъект и объект, мы и остальные, тело и дух, религия и наука, мифология и философия, бог и раб божий, угнетатель и угнетенный, судья и осужденный* и т. п., по своему смыслу является следствием подавления и колонизации, порожденных монополистскими сетями цивилизации, возникшими над нравственным и политическим обществом. Современный капитализм, безгранично увеличивая и углубляя эти дилеммы цивилизации, довел общество до сегодняшнего распада и загнивания. При этом огромна роль соглашательской науки, стоящей на службе у системы. Кризис обретает понятное состояние по мере того, как доходит до точки конфликта между его идеологической сутью и инструментальным воплощением. Тогда возникает ситуация, когда он разрывает на части подавляющее большинство общества при помощи таких инструментов, как безработица, войны, голод и нищета, давление, убийства, неравенство и отсутствие каких-либо свобод.

Подвергая критике позитивизм, считаю необходимым предостеречь от неправильного осознания некоторых вопросов. Во-первых, я далек от тех идей, что явления не имеют никакой ценности и никакой связи с реальностью. Я говорю о том, что эта связь предельно ограничена. Я говорю о том, что позитивизм, перенесенный на плоскость философии, представляет собой серьезную угрозу. Я подчеркиваю, что такая ситуация максимально раскрывается в системе европейской цивилизации. Второе обстоятельство заключается в том, что, вероятно, меня могут обвинить в сползании на позиции платонизма. Говоря о том, что

определяющей является сущность, я особенно жду критики в части, касающейся примера с деревьями. Но мыслью, идеей является не «дерево» как таковое. Я хочу всего лишь упомянуть о реальности, которую общество хочет выразить на примере дерева. Я не являюсь сторонником меркантильного подхода. Я всего лишь подчеркиваю тот факт, что реальность должна найти свое выражение только лишь на базе нравственного и политического общества. Для одной отдельно взятой личности или группы она может быть очень полезной. Но я хочу сказать, что если она не истолковывается при помощи нравственного и политического общества, то реальной пользы не имеет.

Личности, которые либерализм хочет приобщить к своей сути, — это люди, преследующие собственную выгоду, философы, ученые, военные, политические деятели, капиталисты и т. п., и я критически отношусь к их безнравственной и аполитичной философии, заключающейся в стремлении брать от жизни все и использовать. Я хочу сказать, что это крупнейшая идеология лишения нравственности и политики, точнее, современное мифологическое мировоззрение, которое насаждается при помощи пропаганды и на которое натягивается маска современности, возникла, благодаря цивилизации, и капиталистический период этой цивилизации стремится навязать ее всему обществу.

В таком случае, проблема, которая обретет еще большее значение, будет выглядеть так: где и как мы должны найти истину? Я хочу ответить на этот вопрос, прежде вспомнив об одном очень простом правиле. Оно таково: утерянное можно найти только там, где потерял. Даже если искать по всему миру, нельзя найти утерянное в каком-либо другом месте, потому что метод поиска уже неверен. Метод поиска утерянного не на месте утраты, а в другом — это всего лишь потеря времени и энергии. Я бы хотел сравнить с этим примером все современные попытки поиска истины. Наступающая действительность, несмотря на деятельность огромных лабораторий и фондов, как я уже сказал, полна кризисов и горя. Ясно, что это не та истина, которую пытается найти человечество. Мой ответ станет повторением того, что я частенько повторял. Истина может быть только общественной. Когда процесс цивилизации выводится за рамки нравственного

и политического общества и содержится в рамках колонизаторской и авторитарной монополии, это означает утерю социальной истины. Помимо всего, было утеряно нравственное и политическое общество. Если попытаться найти его, надо искать там, где оно было утрачено. Это значит, что надо искать нравственное и политическое общество, являющееся противовесом цивилизации и современности, надо найти его, но не довольствоваться этим. Надо восстановить его существование, доведенное до неузнаваемости. Тогда увидите, что по одной найдете все утерянные на протяжении истории истины, каждая из которых на вес золота. Это принесет еще большее счастье. Вы поймете, что счастье проходит через ткань нравственного и политического общества.

Вновь выстраивая интеллектуальную сферу, я хочу в ходе решения своей задачи выдвинуть некоторые свои предложения, и на базе обсуждения и критики представляю их в форме принципов:

1. Интеллектуальные усилия, разработки в области знаний и науки должны развиваться в границах нравственного и политического общества, являющегося фундаментальным состоянием социальной природы. Эти социальные реалии, которые на протяжении всей истории стремились оторвать и отдалить от нее, с приходом современной эпохи — а на ней стоит капиталистическое клеймо — оказались полностью раздроблены, обречены на загнивание и поставлены на край пропасти полного исчезновения.

2. Интеллектуальные усилия, разработки в области знаний и науки должны в таком случае преследовать цель остановить такое развитие процессов. О какой науке можно говорить применительно к уже уничтоженным вещам! Может быть, остаются только воспоминания. Но память — это не наука, ибо наука связана с тем, что живет и действует. И если общество, находящееся в подобном состоянии, не хочет быть полностью ликвидировано, оно должно сопротивляться современному капитализму со всеми его элементами. Сопротивление уже стоит на одном уровне с правом на существование. Если мы хотим жить не в качестве безмолвных носильщиков интеллектуального капитала, а с до-

стоинством истинных исследователей, то интеллектуал должен каждым своим шагом демонстрировать бойцовский характер, а элементы исследования должны иметь масштаб борьбы. В этом смысле и интеллектуал, и его наука должны быть повстанцами. Иной путь означает или самообман, или маскировку статуса безмолвного носильщика интеллектуального капитала.

3. Наука обязана развиваться, прежде всего, в форме «социальной науки». Социология должна восприниматься в качестве царицы всех наук. Ни науки, связанные с живой природой (физика, астрономия, химия, биология), ни другие всемирные науки — научные знания, связанные с неживой природой (литература, философия, искусство, экономика и пр.), не могут иметь преимущественного по сравнению с социологией значения. Им не удастся установить прочную связь с истиной. Обе научные сферы могут получить свою долю истины только в том случае, если им удастся установить неразрывную связь с социологией.

4. За основу исследования главного предмета социологии, каковым является нравственное и политическое общество, надо принять метод, а не восприятие этого общества просто как дилеммы *объект и субъект, мы и остальные, тело и дух, бог и раб, мертвый и живой*, стоящей выше тех дилемм, которые в восприятии человека углубились и предельно отделились друг от друга. Дифференциация, являясь формой существования Вселенной, обладает таким качеством, которое и в социальной природе сохраняет свою гибкость, свободу и активность. Но перенос дифференциации на плоскость субъектно-объектных отношений, превращенных в основу всех идеологических образований цивилизации и современности, однозначно будет аналогично утрате, раздроблению истины, как универсальной, так и социальной.

5. До тех пор, пока в результате глубокой и всесторонней критики в мусорную яму истории не будет выброшен позитивизм, который и по сей день со всей агрессивностью продолжает оставаться основной философией объективизма, что поднялся над всей наукой в целом и социологией, в частности, и чей пик образовался в современной Европе, невозможно будет выстроить осмысленную парадигму социологии (основополагающую научную философию, противостоящую цивилизации). Несмотря

на то, что европейская наука, в частности, социология, находится в крайне раздробленном состоянии и перед угрозой полной гибели, очень важно осознать и усвоить ее положительные достижения и долю истины этой науки. Какой бы критики ни был достоин позитивизм, от которого вообще надо избавиться, опять же необходимо усвоить обнаруженную им долю истины. Поголовный анти-европеизм в поисках истины может привести к столь же негативным последствиям, что и поголовный европеизм.

6. Как бы эти поиски истины, называемые новейшими философскими исканиями, ни критиковали позитивизм и ни отвергали европейскую социологию, вполне возможно, что такой путь легко может привести к либерализму и превращению в антиевропеизм, что еще больше отдалит нас от истины. Если даже эти последние философские поиски не будут полностью отвергнуты, учитывая кризисное состояние социологии, очень важно продемонстрировать в высшей степени критический подход. Насколько искажающим является универсалистский, прогрессивистский и схематический подход и перспектива современного позитивизма, настолько же полны заблуждений чрезмерно релятивистские циклические методы многих современных философов. Для того, чтобы не оказаться в тисках этих крайностей, очень важно четко осознать основополагающие принципы, которые мы постарались раскрыть. Им необходимо следовать. Как считают многие, кризисная обстановка едва ли не способствует поиску путей истины, но даже это обстоятельство может само по себе привести к искажению этих поисков, даже свести их на нет.

7. Нашим основным методом исследования истины не может быть ни позитивистский объективизм, ни релятивистский субъективизм. Оба этих метода, являясь по своей сути двумя сторонами либерализма, активно смешиваются и выдвигаются на рынок, что приводит к инфляции метода, используемого в производстве интеллектуального капитала и его безмолвных носильщиков. Наиболее эффективным путем блокирования истины является именно эта инфляция метода, что приводит к смешиванию объективистских и субъективистских методов и непомерному увеличению их числа. Очень важно не обмануться

в связи с обилием методов, что может привести к обесцениванию истины до уровня фальшивых монет. Несомненно, реальность имеет объективные и субъективные стороны. В конечном счете знания, истина являются выражением итогом противостояния наблюдаемого и наблюдателя (я не имею в виду отождествление, скорее, положительным может быть их осмысление в форме аналогии). Чем глубже и активнее будут поиски в этом направлении, тем ближе мы будем к истине. В этом смысле ни наблюдатель не окажется субъектом, ни наблюдаемый превратится в объект. Если даже в данной ситуации не может идти речи о сближении и отождествлении обеих сторон, то, скорее, они составят аналогию. Процесс глобализации истины означает обретение возможности такой аналогии. На данный момент я именно таким образом даю определение метода без констатации каких-либо названий. Несомненно, никогда и нигде мы не забываем того, что в качестве наблюдаемой и наблюдающей единицы выступает нравственное и политическое общество.

8. Основными местами исследований не могут быть университеты и прочие официальные структуры цивилизации и современности. Сегодня, как и в прошлом, это будет означать сращивание науки с властью, создание науки в недрах официальных государственных структур, утерю связи с истиной. Это означает то, что наука утратит связь с нравственным и политическим обществом, перестанет быть полезной для общества, и, наоборот, будет способствовать развитию монополии угнетателей и эксплуататоров. Точно так же, как женщина, заключенная в стенах частного и публичного домов, теряет свою свободную реальность и истину, так же и интеллектуал и наука, заключенные в рамки официальных структур, теряют свободу и свою реальную идентичность. Несомненно, это все не означает того, что в этих структурах невозможно вырастить интеллектуалов и создавать науку. Необходимо понять то, что, срачиваясь с властью, интеллектуал и наука уже отдаляются от целей исследования и обретения социальной истины. Некоторые исключения, связанные с формированием интеллектуала в собственном окружении и появлением произведений, имеющих научное значение, совершенно не меняют сути.

9. Условием существования социологии является структурный переворот, или, иными словами, реорганизация. Подобно тому, как в Древней Греции, в Ионии, формировались независимые философские и научные академии, в эпоху Средневековья, как в исламской, так и христианской традициях аналогичные роли сыграли мечеть и монастыри. Если действительно то, что Ренессанс, Реформация и Просвещение в Европе одновременно стали интеллектуальными и научными революциями, то можно утверждать, что для выхода из существующего кризиса и сегодня необходимы аналогичные революционные перевороты. Идеологическая гегемония современности, насчитывающая четырехсотлетнюю историю, сегодня уже не в состоянии хотя бы так, как гегемония материальной культуры, преодолеть глубокий кризис, обретающий постоянный характер. Загнивающая и разрушительная роль кризиса, станет еще больше, без вмешательства современной демократии в плане формы и содержания. Движение от социалистов-утопистов до научного коммунизма, от анархистов до Франкфуртской школы, от французской философской традиции второй половины XX-го столетия до культурной революции молодежи в 1968 году, и наконец, до новейших, феминистских и экологических движений 90-х гг. прошлого столетия имеет богатое интеллектуальное и научное наследие. Современная демократия совершает собственную интеллектуальную и научную революцию на базе усвоения как интеллектуальных всплесков и переворотов периода цивилизации, так и интеллектуальных движений, направленных против современных процессов.

Структуризация является одним из условий данной революции. У интеллектуальной революции есть потребность в новом мировом, структурном центре на основе уроков проб которые произошли в истории. Для удовлетворения этой потребности можно создать Всемирную конфедерацию культур и академий. Такая конфедерация, созданная на независимой территории, не будет зависеть ни от какого национального государства и власти, равно как будет противостоять монополиям капитала. Основным условием должны быть независимость и самоуправление. Каждая местная культура и регионально-национальная академия, на

основе добровольности, может выразить свое участие в рамках программы, организации и принципов действий. Конфедерация может создать функциональные институты на местном, региональном, национальном и континентальном уровнях.

10. Академии демократической политики и культуры могут стать самыми подходящими для этих задач структурами. Поддержку, необходимую для удовлетворения потребностей в реорганизации подразделений нравственного и политического общества, можно получать в этих академиях. Гораздо более подходящим, нежели подражание примерам официальных и монопольных структур, является формирование в качестве оригинальных образований. Копирование структуры официальных институтов чревато безуспешными результатами. Для начала можно представить, что они будут автономными и демократичными и получат возможность самостоятельно формировать научную программу и кадровый состав. Возьмут за основу добровольное посещение и преподавание, будут регулярно практиковать смену ролей между студентами и преподавателями, привлекать широкий диапазон участников со своими идеями и целями, от пастуха до профессора. Целесообразным может быть создание академий с преобладающим числом учащихся-женщин, чтобы наряду с аналогичным содержанием придать научный характер присущим только им особенностям. Для того, чтобы такого рода академии не оставались только на теоретическом уровне, одним из необходимых качеств должно стать многостороннее участие в практической деятельности. Академии создаются и функционируют для реализации практических целей по мере потребности, учитывая место и время. Это простые и добровольные организации, чему в истории имеется множество примеров (горные капища огнепоклонников Зороастра, сады Платона и Аристотеля, уличные шествия Сократа и стоиков, монастыри и мечеть Средневековья и т. п.). Можно избирать различные места — от горных вершин до кварталов. Несомненно, нельзя выбирать здания, подтверждающие величие властей. Монастыри и гражданские медресе, их период обучения, могут устанавливаться соразмерно потоку учащихся. Строгие условия сроков в отличие от официальных структур не нужны. Однако не может быть и речи

о каком-либо отсутствии вида и базы правил. Данные учебные заведения, обязательно, должны иметь своды этических и эстетических правил.

Интеллектуальный и научный вклад в дело реорганизации институтов современной демократии является неперенным условием. Ясно, что существующий на рынке интеллектуальный капитал не отвечает этим условиям. Только кадровый состав и научная база, сформированные в недрах новых академий, могут соответствовать этим требованиям. Этот краткий анализ, который я постарался сделать в рамках интеллектуальных задач, и принципы решения, несомненно, носят характер предложений и требуют обсуждения. Кризис может быть разрешен в положительном смысле только при помощи интеллектуальных и научных изысканий. Если иметь в виду глобальный, систематический и структурный характер упомянутого кризиса, то станет ясным, что для этих изысканий необходимы глобальные, систематические и структурные шаги. Бесчисленные революционные попытки дают возможность извлечь уроки относительно того, что копирование старых шаблонов, структур, научных догм или эклектические подходы ни к чему хорошему не приводят.

Одним из необходимейших и важнейших уроков, даваемых историческим прошлым, является то, что современная демократия рождается в тесной взаимосвязи с радикальной просветительской революцией. Вместе с тем, должен сразу же отметить, что прошлое — это настоящее. Даже если не говорить подробно об истории нравственного и политического общества, являющегося истинной формой существования социальной природы (но при этом нельзя забывать, в частности, о том, что и по сей день в той или иной форме продолжают существовать признаки неолитического общества, земледельческой общины, кочевого хозяйства, родоплеменных структур, религиозных общин), для того, чтобы восстановить достижения этого общества, растерянные на протяжении последних 5 тысячелетий монополиями накопления капитала и власти, воспитание интеллектуалов и создание науки революционного характера сформирует тот самый объект, который нужен более всего. Все наши усилия, направленные на

концентрацию, анализ и решение наших интеллектуальных задач, способных удовлетворить эти потребности, именно сегодня имеют огромное жизненное значение более, чем когда-либо.

Б. НРАВСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Несмотря на то, что о нравственности говорится много, эта общественная структура остается первой в числе тех, анализ которых не сделан. Хотя прилагается много усилий для теоретизации проблемы нравственности под названием «этика», практические результаты настолько незначительны, что разбивают все надежды. Социальная жизнедеятельность постепенно отдаляется от нравственности, что отмечено всеми науками. Причины и следствия раскрыты недостаточно. Нравственность превратили в понятие, постепенно теряющее свое значение. Но на самом деле как вопрос и структурное понятие нравственность гораздо важнее, чем может показаться. Мировой кризис современности, как и все кризисы на протяжении истории, в большей степени можно воспринимать как следствие нравственной нищеты. Говоря об общественной совести, история сообщает о том, как лава, низвергаемая кратером вулкана, накрыла собой Содом (город, располагавшийся в древние века на берегу озера Лут) и Помпею, что стало следствием нравственного упадка. Можно подумать, что таким образом история хочет сообщить нам истину! Нравственный упадок приводит к социальному распаду. Это то, что называется «проклятием богов». В сущности, это форма небесного отражения того, как общественной совестью (нравственностью) наказывается безнравственность. Если считать бога высочайшим и священным определением социальной идентичности, то проклятие становится типичной акцией наказания, свойственной обществу.

Концептуальное определение нравственности очень просто. Умение жить в соответствии с социальными обычаями, привычками и правилами можно характеризовать как нравственность. Но это утверждение остается предельно формальным.

Рассуждения об этике, которые велись философами античной и новой эпох (в первую очередь, Платон, Аристотель, Кант), не дали ничего, кроме вступления в теорию государства. Точнее, это своего рода подготовка к отрыву личности от общества и превращению ее в гражданина государства. Ясно, что эти философские учения продемонстрировали стремление к доведению личности до состояния, наиболее полезного для государства, гражданином которого становится отдельная личность. Одним словом, их толкование нравственности происходило в русле цивилизации.

Как и во всех социальных вопросах, в вопросах нравственности очень поучительно было бы обратиться к истории. Известно, что в течение длительного периода, охватывающего около 98 процентов социальной эпохи, главенствовали не правовые нормы, а нормы морали. Именно поэтому мы говорим о нравственном обществе. Следовательно, без должного осознания того, чему соответствовала мораль этого длительного периода, все рассуждения о нравственности окажутся недостаточными. Утверждения о том, что социальная природа больше всех загружена гибким мышлением, могут пролить свет на данный вопрос. Связь между размышлением и работой непременно включает в себя правило, потому что предписания относительно того, как надо выполнять работу, уже являются правилами. Это первое действие, касающееся работы, можно назвать первой нравственной нормой. Говоря о работе, мы подразумеваем любого рода социальную деятельность. Это и прием пищи, и сон, и ходьба, и стремление любить животных или конфликтовать с ними, и увлечение растениями, и рыбная ловля — все эти действия являются работой. Но справиться с этой работой без правил невозможно. Неудача же в этом деле равносильна гибели общества.

В этом смысле деление общества на экономический базис и нравственную надстройку кажется нам глупостью. Нравственность можно считать наиболее правильным путем удовлетворения основных потребностей экономики, точнее, всей жизни. Нравственность как обряд и метод — это способ приобретения экономики или ее основных потребностей. Следовательно, такие понятия, как «базис» и «надстройка» далеки от четкости.

Нравственность выражает реализацию в наилучшем виде всех социальных акций, в первую очередь, экономических усилий. Следовательно, все социальное является нравственным. А все, что нравственно является социальным. Например, нравственны и экономика, и религия. Политика в русле настоящей демократии — это сама нравственность.

В таком случае, первое правило работы, то есть ее нравственность, изначально является важной темой для общества. То, как выполняется самая хорошая работа, откладывается в сознании в виде наилучшего морального правила. Со временем это правило совершенствуется и в виде крепкой традиции закладывается в память. Тут можно сказать, что мораль уже сформирована. Именно это и есть явление, называемое обрядом, традицией. Наиболее важным обстоятельством, которое в данном случае надо рассмотреть, является то, что нравственность одновременно связана и с мыслительной акцией, и с социальной работой. Она требует и усилий мысли, и дееспособности общества. Лично я предпочитаю называть это состояние «первым оригинальным состоянием демократии». В данном случае оригинальная демократия и нравственность становятся тождественными. Поскольку общество чаще всего стремится к жизненно важным делам, неизбежным будет обсуждение самой работы. Неизбежной потребностью жизни является то, как может быть выполнена наилучшая работа, то есть как управлять этой работой. Ясно, что в обоих случаях непосредственной формой демократии являются, с одной стороны, размышления и обсуждения, с другой стороны, принятие решения и получение результата — именно это и есть настоящая демократия. Это одновременно является нравственным руководством обществом, нравственной жизнедеятельностью. Значит, нравственность и демократия имеют один и тот же источник, которым является способность общественной практики к коллективному мышлению и выполнению работы. Не только 98 процентов общественной жизни проходит под эгидой нравственности и оригинальной демократии, но и в раздробленных, оставленных на самотек социальных институтах и по сей день в подавляющем большинстве случаев действующими являются нормы морали, а не права. Следует хорошо усвоить

то, что без нравственности не может продолжаться жизнь ни в семье, как бы она ни была испорчена, ни в рамках этноса, ни при выполнении работ во многих структурных сферах, устроенных вплоть до самых тонких деталей закона. Закон — это лишь покрывало. Я уверен, что до сих пор основной силой является нравственность.

Окинув взглядом историю цивилизации, заметим, что первое утверждение, касающееся данного вопроса, заключается в том, что против нравственности постоянно пытаются установить государственные нормы. Изложение правовых норм шумерского общества на первых стелах Хаммурапи (вертикальные скальные образования с высеченным на них текстом) очень хорошо подтверждают эту ситуацию. Возможно, могут сказать, что потребность в правовых нормах возникла вследствие недостаточной силы нравственности, но такого рода подход неверен. Проблема не в недостаточности нравственности, а в искажении нравственного общества. О том, как это произошло, мы уже говорили. Над обществом стали формироваться жесткие монополии капитала и власти. Имела место аннексия производимых социальных ценностей. В данном случае можно говорить не о недостаточности нравственности, а о том, что над обществом было установлено господство, общество было обречено на гнет и эксплуатацию с применением норм права, называемых нормами государственного управления. Таким образом, сфера нравственности и связанной с ним истинной демократии последовательно сужается. В противовес этому расширяется сфера государственного управления и права. То, что теряет одна сторона, обретается другой. Точнее, нравственность обрекается на то, чтобы терпеть поражение от государственной силы. Данная ситуация развивается посредством сужения сферы действия нравственности, затрудняется ее применение. Во всех последующих цивилизованных обществах сфера действия нравственности (истинной демократии) продолжает сужаться, а доля права, напротив, постоянно растет. Наконец, эту истину подтверждает тот факт, что цивилизация Рима, представляющая собой своего рода финал и квинтэссенцию Древнего мира, стала государством, где более всего применялось право. Римское право и по сей день является одним из

краеугольных камней закона. В условиях цивилизации Европы, иными словами, в условиях современности, общество практически обречено на господство права. Речь идет об определенной колонизации при помощи закона. Если сфера действия нравственности сужается и втаптывается в самые дальние уголки, то главные позиции занимает право.

Что же отражают данные реалии? Это свидетельствует о том, что над обществом возрастает власть монополий капитала и власти. Действительно, если посмотреть на новый период последних четырех столетий, то увидим, что все происходящее — это максимальное накопление капитала и концентрация власти. Точнее, это кумулятивное накопление их обоих. Одно обстоятельство, которое необходимо отметить в связи с этим, заключается не в том, что мораль недееспособна, а в том, что общество оставлено без морали. Общество, в котором должна действовать нравственность, раздроблено и аннексировано. Таким образом, как уже неоднократно говорилось, лживыми и безнравственными являются суждения о том, что общество, принявшее очень сложный вид, якобы уже не может управляться нравственностью, испытывая потребность только в правовых нормах. Категорически не может идти речи о недостаточном характере нравственности, отсутствии результата, бездействии в силу сложного характера общества. И в данном случае разрабатывается простое правило либеральной идеологической гегемонии. Это правило методического ослабления противника при помощи пропаганды, чтобы легко вывести его из строя. Очевидна роль идеологической гегемонии либерализма в формировании современного подхода к нравственности. Вместо нравственности предлагают установить право. Но кто не знает о том, что предлагаемое право перегружено нормами, несовместимыми ни с разумом, ни с совестью? Неспроста говорят о том, что на голову тех, кто впервые предстает перед судом, сваливается столько тягот, сколько не испытала даже вареная курица. Если где-то, в какой-либо структуре преобладают нормы права, там действует столь же действенная монополия гнета и эксплуатации. Практические реалии подтверждают данное обстоятельство во всех структурах, к которым осуществляется сегодня первый шаг.

Есть еще один важный вопрос, который стоит задать в связи с данной темой. Кто управляет обществом лучше — мораль или право? Наше объяснение определенным образом дает ответ на этот вопрос, но не менее конкретно раскрывает суть происходящего то, что закон является инструментом насильственной власти. Как известно, определение права таково: «Реализация законов силой государства». В морали нет места применению силы. Ни одно правило, не усваиваемое внутренне, не может считаться нормой морали. Ясно, что при сравнении основанного на силе правового управления с нравственным управлением преимущество будет за нравственностью.

Очень важным вопросом, который необходимо решить, является вопрос о взаимоотношениях нравственности и религии. Если между нравственностью и истинной демократией можно поставить знак равенства, тот же знак можно поставить между религией и нравственностью. В тех вопросах, когда на религии еще нет клейма цивилизации, нравственность, вера и истинная демократия тесно сосуществуют. Нравственность — это институт, имеющий преимущественное положение в сравнении с религией. Религия, насколько мне представляется, гораздо больше связана с такими аспектами нравственности, как табу, святость, магия, сложность понимания, невозможность установления контроля над силами природы, чувства и размышления. Способность общества осознавать природу, находящуюся вне собственного бытия, вызывает чувство страха и восхищение. Сознание, диктующее необходимость опасаться негативного характера и пользоваться положительными сторонами сил природы, связь с которыми человек четко осознал, кажется источником первобытной, оригинальной религии и традиции.

Не подлежит обсуждению тот факт, что институт религии возник задолго до цивилизации. Более всего она включает в себя такие элементы нравственности, как запрет, опасение, восхищение и умение прощать. Постепенно религия приобретает черты очень жесткой традиций. В этом смысле именно религия и сформировалась в наиболее жесткой ипостаси нравственности, содержащей священные заповеди и каноны. Несмотря на то, что религия родилась в недрах нравственности и изначально

являлась ее частью, усилившись в связи с изменением условий времени и места, приведя свои структуры и правила в состоянии незыблемых канонов, требующих строго исполнения (типичные Десять заповедей Моисея), она декларирует свою независимость и главенство. Эту ситуацию можно сравнить с аналогичным возникновением права. Изначально право являлось сводом нравственных норм, но затем, в процессе огосударствления, эти нормы превратились в законы, требующие строгого исполнения, что и сформировало известное нам право. Вместе с процессом развития цивилизации, при помощи аспектов, превращающих религию в инструмент реализации интересов эксплуатации и власти, право было превращено в божественную силу, способную вынести тяжкое наказание всему обществу. Те монопольные интересы, которые право хотело реализовать руками государства, новая религия с клеймом цивилизации пыталась реализовать руками бога.

Оба превращения тоже значительны. Они представляют моменты двух значительных разломов в истории. То, что власть и монархия, находящиеся в процессе возвышения, усиливают свои позиции, наделяя самих себя божественными функциями, является фундаментальным правом идеологической гегемонии. Чем глубже вникаешь в сущность религии, тем больше выявится монополий гнета и эксплуатации, насилия механизмов государства и власти, грабежа, порабощения. Но очень важным обстоятельством является подтверждение того, что демократичная, социальная часть религии, ее элементы, тождественные с нравственностью, со временем превращаются в единицы природы и общества. Таким образом, можно считать, что на протяжении истории цивилизации религия развивалась как идентичность, традиция и культура двойственного характера. Если религия и Бог, являющиеся идентичностью сил цивилизации, загружены такими понятиями, как «страх», «наказание», «обречение на адские муки», «голод», «уничтожение», «безжалостность», «войны», «господство», «властитель», «владелец» (нельзя забывать о том, что эти понятия больше всего характеризуют силы цивилизации), то Бог и религия, принадлежащие нравственным и политическим силам, полны таких понятий, как «смелость»,

«прощение», «благотворительность», «надежда», «сострадание», «жалость», «любовь», «мир», «растворение в сущности» и «достижение смысла».

В таком случае очень важно характеризовать религию, рассматриваемую на протяжении всей истории цивилизации, именно в ракурсе этих двух ипостасей. Монотеистические религии обладают свойствами, вмещающими в себя эти две типичные тенденции. Если высшие представители религии (жрец, хахам, шейх-уль-ислам, аятолла и т. д.) выражают тенденции к цивилизации, то низшие слои в лице общин верующих являются представителями демократической тенденции. В зависимости от места и времени главенствующей может стать та или иная тенденция. Эти качества напоминают современных социал-демократов. Подобно тому, как социал-демократы нашего времени представляют согласие между буржуазией и рабочим классом (естественно, в рамках гегемонии монополий капитала и власти), так и монотеистические религии на протяжении всей истории цивилизации представляют согласие между силами капитала и власти, с одной стороны, и силами демократической цивилизации (опять же, преимущественной является гегемония сил власти).

В качестве исключения из исторических взаимоотношений религии и нравственности мы видим зороастризм и личность Зороастра. Исследования характеризуют Зороастра и его учение как масштабную революцию в области нравственности. Упомянутая секулярная революция в сфере нравственности, развивавшаяся в социально-культурной сфере на почве земледелия и скотоводства в предгорьях Загроса (культура, формировавшаяся, начиная 12 000 гг. до н. э., к концу IV ледникового периода, даже с 20 000 гг. до н. э.), помимо священных функций, направленных против мифической и религиозной гегемонии шумерской цивилизации (после 3 000 гг. до н. э.), стала тенденцией к защите мирской нравственности и получила название «зороастризм» по имени его основателя Зороастра. Однако известно, что эта революция базируется на гораздо более древних корнях. Ясно, что известное выражение Зороастра: «Скажи, кто ты?» — является, в сущности, осуждением мифической и религиозной стороны шу-

мерской цивилизации. Следовательно, эта первая нравственная критика религии и богов эпохи цивилизации имеет очень серьезное значение. Отнюдь не случайно, что философ Ф. Ницше назвал свой труд «Так говорил «Заратустра», а содержание этого труда изобилует нравственными суждениями в духе Зороастра. Сам Ницше в этом плане известен как наиболее глубокий исследователь цивилизации. И по сей день заставляет задумываться то факт, что в качестве псевдонимов он часто использовал такие имена, как ученик Заратустра, ученик Дионисия.

В зороастризме преобладают элементы демократической цивилизации. Применительно к семье это учение очень близко подходит к идеалам равенства мужчины и женщины. В своем отношении к животным зороастризм стремится не причинять им боль. Последователи этого учения в большинстве своем не ели мяса, использовали лишь продукцию, получаемую от живых животных. Очень большое значение имело для них земледелие. На первый план выступали лишённые святости понятия добра и зла. Очень четко виден способ дуалистического мышления, ассоциирующийся с первыми семенами диалектики (силы света и тьмы). Они стараются диалектически осознать Вселенную. За основу берется управление обществом при помощи сильных нравственных принципов. Совершенно ясно, что эти стороны отражают глубокую нравственную революцию, совершенную зороастризмом против шумерской и порожденных шумерами цивилизаций. Как известно, самым значительным, пусть и искаженным, результатом этой революции стала Мидийская конфедерация и пришедшая ей на смену (к сожалению, сильно искаженное) Персидская империя. Даже если Мани (250 г. н. э.) и хотел свершить вторую революцию в этом нравственном учении, предельно деградировавшая Сасанидская империя препятствовала этому. Сам Мани был жестоко наказан. Имело место столкновение двух религиозных и нравственных идентичностей.

Существуют следы нравственной традиции Зороастра-Мани на всем протяжении от Ближнего и Среднего Востока до Индо-европейского региона (меджуси, езиды). Слово Zendik, исходящее от Зороастра, имеет общий корень со словом “Science”, ис-

пользуемым сегодня в значении «наука». Необходимо отметить, что иудейские пророки в период вавилонского плена (600–546 гг. до н. э.), греко-ионические философы в период мидийско-персидской империи, а также обе ветви европейской ориенталистики получили воспитание в традициях зороастрийской нравственности. Надо отметить, что они воспитаны на традициях зороастризма. Необходимо с той же значимостью отметить, что учения Конфуция, Сократа и Будды, живших в одно время с Зороастром (VI и V столетия до н. э.), основаны на нравственном обществе, и, несмотря на угрозу, исходящую от цивилизации в адрес нравственности, представляли собой очень сильную защиту нравственности. В исламских и христианских учениях Средних веков нравственный элемент занимает очень важное место. В условиях европейской цивилизации, то есть в эпоху современности, нравственность переживает серьезную эрозию. Причины мы уже детально излагали.

Даже эти краткие исторические напоминания показывают, что нравственное общество продемонстрировало способность активно сопротивляться. Нравственность никогда не сдавалась на милость силам цивилизации. Нравственная настойчивость демоса никогда не уступала напору религии и законам цивилизации. Основные проблемы и задачи, связанные с нравственностью, сегодня касаются их позиционирования. Этика (теория нравственности), являющаяся одним из направлений социологии, выполняет задачи, относящиеся к интеллектуальной сфере, которую, несомненно, надо серьезно развивать. Очень важно то, как этика объединится с обществом, как нравственное общество, находящееся под давлением, сможет заново и с гораздо большей силой обрести нравственные устои. Задача реставрации нравственности является главной проблемой жизни и смерти не только эпохи, современности, но и общества. Уже совершенно ясно, что мировой кризис не может быть преодолен при помощи силы или законов. Возврат к религиозности тоже является делом безнадежным. Надо четко осознать, что до тех пор, пока сильная нравственная ткань социальной природы заново не обретет действенность, никаким путем современный мир не выйдет из глобального кризиса. Переживаемый кризис

порожден против нравственного общества всеми антиобщественными силами цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет. Потребностью диалектики является поиск выхода из этого кризиса именно в нравственном обществе (в политическом обществе, потому что нравственность тождественна с истинной демократией). До тех пор, пока принципиально не будет объединения на почве этого утверждения, никакая нравственная задача не может быть точно определена. В таком случае, в ходе деятельности по возрождению нравственности как наиболее сильного оружия современной демократии в борьбе против мирового кризиса постараемся еще раз изложить в виде принципов все нравственные задачи:

1. Современный мировой кризис (современный систематический, структурный кризис) является следствием разрушительной деятельности, осуществляемой против нравственного общества силами цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет. Потребностью диалектики является поиск этого выхода в рамках возрождения нравственного общества, и это основной выбор.

2. Нравственное и политическое общество, являющееся основной единицей современной демократии, в подавляющем большинстве продолжает свое существование в качестве социальной природы, несмотря на все усилия (прилагаемые силами цивилизации и современности) по его разрушению и уничтожению. Силы цивилизации являются узкой элитной сетью (может быть, они никогда не превышали 10 процентов социальной природы), а основную часть современности и по сей день составляют угнетенные, эксплуатируемые нации, народы, этносы, женщины, сельские земледельческие общества, безработные, кочевники, молодежь, бесправные слои населения и др.

3. Общество существует и продолжает свою жизнедеятельность, благодаря не правовой системе, а нравственному элементу, несмотря на его слабость и все усилия, направленные на то, чтобы полностью абстрагировать его от общества. Нравственность не может быть уничтожена, пока существует само общество. Глубина кризиса в любом обществе связана со снижением

в нем уровня нравственности. Рано или поздно нравственность сыграет свою роль не только для выхода из кризиса, но как основополагающая социальная ткань, и институт нравственности способствует продолжению жизнедеятельности общества в счастливой обстановке.

4. Деятельность в области этики и демократической политики не сможет сыграть свою роль до тех пор, пока в качестве задач, касающихся интеллектуальной и политической сфер, полностью не объединится с нравственным обществом. Нравственность выражает реалии общества, в котором практически выполнены задачи, касающиеся обеих упомянутых сфер. В демократических рамках есть определенное сходство между религией и нравственностью. Следовательно, места совершения религиозных обрядов представляют собой институты, в которых больше всего реализуется общественная нравственность. Наиболее верным было бы, оценив места совершения религиозных обрядов, в первую очередь, мечети и церкви, в качестве практических институтов формирования нравственности, использовать их в строительстве нравственного общества. В частности, очень важно вернуть мечетям функции нравственных центров, в качестве которых они возводились во времена пророка Мухаммеда. Мечети не являются только местами совершения таких предельно простых религиозных обрядов, как намаз. Во времена пророка Мухаммеда мечети были центрами реставрации нравственного и политического общества. Намаз был задуман всего лишь как ритуал утверждения этого дела. В дальнейшем ритуал стал играть основную роль. А основные функции, строительства нравственного и политического общества были забыты — их вынудили забыть.

В качестве реставрируемых институтов нравственности в рамках нравственного и политического общества современной демократии их надо реформировать, применяя при необходимости программу, требующуюся организацию и стиль работы. Несмотря на еще большую роль молитвенных домов алевитов в качестве нравственных и политических институтов, в процессе деятельности по их возрождению необходимо уделить первоочередное

внимание превращению их в структуры самого передового уровня. Несмотря на все контрмеры, осуществляемые государством и властью, единицы нравственного и политического общества обладают священными и нравственными правами сопротивления. При необходимости необходимо использовать эти права. Более того, свобода вероисповедания и совести (нравственности) требуют этого.

5. Ни притязания на лаицизм, облаченные в современные одеяния, ни радикальная или умеренная религиозность во имя традиции не являются антагонистическими тенденциями, как это принято считать. Скорее всего, они являются двумя эклектическими идеологическими версиями либерализма и не смогут сыграть нравственной и политической роли. Для того, чтобы избежать попадания в такого рода ловушки, очень важно развивать методику, осознав демократичное содержание религии и частично свободные и секулярные элементы лаицизма. Только в этом ракурсе оба элемента смогут сыграть свою роль в современной демократии. Надо знать о том, что эти элементы не только не станут стороной вековых игр и конфликтов, но и сведут на нет все усилия, направленные на религиозную и нравственную деградацию, повторную интеграцию с современностью на почве корыстных интересов.

6. Не надо обманываться в отношении террора, организованного законами против общества силами государства. Нравственность первостепенна, право второстепенно. Уважение к праву существует до тех пор, пока оно справедливо. В противном случае единственным условием является настойчивое стремление к нравственному и политическому обществу. Ни на секунду нельзя забывать о том, что основной путь к защите и обеспечению дальнейшей жизнедеятельности общества пролегает через серьезные нравственные позиции.

7. Ватикан в лице католических екуменистов и представляющие исламскую умму старые халифатские (включая иудейские, буддистские и прочие нравственные и религиозные традиции) и схожие с ними структуры должны в качестве нравственных организаций мирового уровня сконцентрировать усилия на про-

граммах, которые гораздо этичнее теологии; это может сыграть важную роль в возрождении нравственного и политического общества во имя всего человечества. Объединение основополагающих нравственных учений против агрессии современности, подобно тому, как национальные государства объединяются в одну организацию ООН, их структуризация является обязательным условием для достижения победы. Против чудовищ цивилизации и современности — левиафанов, проглотивших все святое и нравственные учения, необходимо организовать Всемирную конфедерацию святых и нравственных учений.

8. Силы современной демократии прекрасно осознают, что лишь освоение стоящих перед ними в сфере нравственности задач и придание им новых жизненных сил позволят успешно защитить элементы демократического общества от агрессии, развернутой модернизмом при помощи многофункционального идеологического и материального механизма цивилизации.

Этот краткий анализ вопросов и института нравственности носит характер предложений и нуждается в серьезном обсуждении. Ни нравственность не может зажать общество в схемы базиса и надстройки, ни социальная природа не может соответствовать такого рода схемам. Надо хорошо знать о том, что ни одна общественная единица, даже личность, не могут жить без своей доли нравственности. Очень важно оснастить общество и личность наилучшей степенью нравственности. В какой бы степени ни пытались цивилизация и чудовища современности (Левиафан) напасть и уничтожить нравственное общество, оно должно с той же активностью противостоять агрессии — иного выхода нет. Не может быть права на достойную жизнь у того, кто не может защитить свое общество. Но не может быть речи о защите общества без нравственного богатства. Успех, который будет достигнут в деятельности по реставрации современной демократии, зависит от решения нравственных задач всех общественных единиц, является основным мерилем успешного выхода из мирового кризиса.

В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Политика, как и нравственность, является тем понятием, которое вызывает больше всего дискуссий и осложнений. Лексическое значение просто. Имея древнегреческое происхождение, это слово означает искусство управления городом. Но метод поиска истины по названиям недостаточен и может оставить человека на полпути. Понятия, относящиеся к сфере социальной природы, в целом очень неоднозначны. Они могут указывать на истину, но не могут сформировать путем объединения. Истину надо искать и помимо понятий — как жаль, что это возможно опять — таки благодаря понятиям! В таком случае остается только толкование. Назвав политику искусством свободы, можно гораздо лучше отразить ее суть и цель понятия. Свобода сама по себе ассоциируется с близостью к истине. Несомненно, пользуясь в качестве основной единицы исследования такими понятиями, как «политика», «свобода» и «истина» мы, опять же, имеем в виду нравственное и политическое общество. Откровенно говоря, я стараюсь избегать понятий, основанных на индивидуальных качествах, которые дистанцируются от общества, или основанных на иных единицах. Когда я размышляю о таких понятиях, как «война», «столкновения», «эксплуатация», которые в какой-то степени отождествляются с политикой, мои опасения усиливаются. Опасения усиливаются еще больше, когда отождествляются понятия «политика» и «полис» (государство).

Путь к успеху в таком претенциозном вопросе, как политика, — не такое легкое дело, как это может показаться. Скромный без углубления опыт исследования гораздо лучше, чем вообще не начинать, по меньшей мере, с точки зрения возможности обсуждения, следовательно, развития самого исследования. В первую очередь, я уверен в необходимости определения круга вопросов, которые не считаю политикой. Первое: следует хорошо осознать, что государственные дела — это совсем не политические, а административные дела. Базируясь на государстве, нельзя делать политику, можно управлять. Второе: политику не могут формировать дела, не имеющие отношения к жизненным интересам

общества. Такого рода дела находятся на одном уровне с рутинными делами, выполняемыми прочими социальными структурами. Третье: политику в основном не интересуют дела, не имеющие отношения к свободе, равенству и демократии. Вопросы, являющиеся антагонистами этих понятий, вызывают основной интерес политики: это жизненные интересы общества, его жизненная неспособность, безопасность, обеспечение, свобода, равенство и демократия, каковым препятствуют власть и государство. Как видно, политические и государственные задачи — это совершенно не одно и то же, более того, они предельно противоречивы. В таком случае, чем шире и сильнее становится государство, тем уже и слабее становится политика. Государство — это правило, а политика — творчество. Государство управляет готовым, а политика управляет, формируя. Государство — это ремесло, а политика — искусство.

Взаимоотношения власти и политики еще более неоднозначны. Может быть, власть гораздо больше отрицает политику, нежели государство. Власть всегда насаждалась в обществе сильнее самого государства, а это является выражением того, насколько трудным и ограниченным делом является осуществление в обществе политической деятельности. В итоге взаимоотношения политики и власти постоянно напряжены и полны различных акций.

У нас нет иного выхода, кроме более конкретного подхода к теме, потому что у политики не будет никакого смысла, если она не обретет практические функции. Мы постарались рассмотреть нравственное и политическое общество во многих связанных с ним аспектах и даже, несмотря на наши усилия в плане избегания повторов, вынуждены сделать это. Общество, точно так же, как в случае с нравственностью, является политическим явлением или природой. Оно является политикой в плане социальной природы, а не как совокупность государственных дел, как это принято считать. Если функция нравственности заключается в наилучшем исполнении жизненных функций, то функцией политики является совершение наилучших дел. Если обратить внимание, политика несет в себе нравственный аспект и более того. Хорошие дела найти нелегко. Очень хорошее знание дел требует

знаний вообще и науки, а также обнаружения, то есть исследования. Для этого также необходимо соответствующее знание морали, в том числе понимание. Как видим, политика — это очень сложное искусство. Очень распространенная серьезная ошибка заключается в том, что политика часто воспринимается в тесной связи с государством, империей, династией, нацией, фирмой, классом и подобными объемными понятиями. Рассуждения о политике в одной связи с этими и аналогичными понятиями занижают смысл политики. Настоящая политика не поддается конкретному описанию. Никакие группы понятий не могут объяснить жизненные интересы общества, кроме свободы, равенства и демократии. В таком случае, в первую очередь, политика — это акции, направленные на обретение свободы, равенства и демократии, необходимые для продолжения характера и существования нравственного и политического общества в любых условиях.

Говоря о нравственном и политическом обществе, мы совершенно не имеем в виду доисторическое общество. Мы говорим о естественном состоянии социальной природы, которое постоянно существует и будет существовать до тех пор, пока живо само общество. Сколько бы ни исказили нравственное и политическое общество, сколько бы ни обрекали его на разложение и ни делили, оно живо и будет всегда жить. До тех пор, пока существует общественная природа, оно тоже будет существовать. Роль политики заключается в том, чтобы добиться свободного, равноправного и демократического существования, не допуская искажения, разложения и дробления общества. Любое нравственное и политическое общество существующее в таком положении, является наилучшим обществом. Это означает реализацию общественного уклада, к которому мы стремимся.

Для того, чтобы лучше осознать содержание этого понятия, еще раз обратимся к истории. Для этого цивилизация опять же станет главенствующим понятием. Не только потому, что оно включает в себя такие понятия, как «власть» и «государство», а потому, что роль политики сужается по мере того, как сети идеологической и материальной культуры, расширяющиеся и усиливающиеся над самим обществом в связи с классовым рас-

слоением и урбанизацией, полностью охватывают нравственное и политическое общество. Сужение роли политики приносит с собой отставание или игнорирование общественной свободы, равенства и демократизации. История цивилизации полна такого рода случаев. Дальнейшее порабощение, закрепощение и пролетаризация общества, находящегося под властью, будет продолжаться, превратившись в гнет и эксплуатацию общества свободы, равенства и демократии. Именно этого требует закон максимальной прибыли монополий капитала и власти. В данном случае политика станет сопротивлением институтов демократической цивилизации, потому что без сопротивления не только нельзя будет обрести свободу, равенство и демократизацию, но и невозможно препятствовать дальнейшему искажению, раздроблению и загниванию существующего нравственного и политического общества. Нельзя будет препятствовать колонизации этого общества, предотвратить эксплуатацию со стороны монополий. Именно в связи со своей исторической ролью политика называется искусством свободы. Самый страшный удар будет нанесен по любому классу, городу, племени, религиозному сообществу, народу и нации, не способным заниматься политикой, воздерживающимся от политической деятельности. Там, где нет коллективного слова и волеизъявления, царит безмолвие смерти.

Афины и Рим античной эпохи черпали славу в своей политической мощи. Основным фактором того, что республиканский Рим и демократические Афины, несмотря на определенную ограниченность, до сих пор упоминаются с восхищением, является их искусство блестяще, профессионально осуществлять городскую политику. Афины при помощи своей городской политики не только остановили натиск грандиозной Персидской империи, но и подготовили почву для ее поражения. Что касается Рима, то, используя свою республиканскую политику, он стал центром мира. Еще более важным является то, что политика обеих городов сыграла определяющую роль в развитии греко-римской культуры.

Более захватывающим является пример Вавилона. Возможно, его можно представить в качестве города, первого серьезного

примера независимости и самоуправления. Для того, чтобы не попасть в зависимость от окружавших его гораздо более сильных государств, Вавилон продемонстрировал всю палитру искуснейшей политики независимости и самоуправления. Благодаря этому искусству политики он смог устоять против всех знаменитых в истории империй — ассирийцев, хеттов, касситов, миттанни, персов и вплоть до империи Александра Македонского. Благодаря развитой в Вавилоне науке, искусству и промышленности, в этот период Вавилон стал наиболее долговечным центром притяжения цивилизации (2000 г. до н. э. — наша эра). Несомненно, определяющей является роль проводимой Вавилоном городской политики. Ясно, что Вавилон является первым серьезным примером, подтверждающим, что политика является свободой и искусством. В качестве приемлемых примеров также можно привести Карфаген и Пальмиру. Проводя в течение длительного времени политику сопротивления гегемонии Рима, Карфаген смог не только устоять, но и полноценно развиваться. Когда же он подвергся любви становления империей, как Рим, избежать поражения не удалось: империя несовместима с политикой сопротивления, более того, это — практическое отрицание политики. Итогом становятся трагическое поражение. Пальмира тоже пережила аналогичный процесс. Когда Пальмира, достигшая в регионе второй после Вавилона высоты развития и сумевшая в течение длительного времени (300 г. до н. э. — 270 г. н. э.) сохранить самоуправление и независимость, создавшая почти рай в пустыне, отказавшись от проводимой против Римской и Персидской (сасанидской) империй политики баланса и самоуправления, решила стать самостоятельной империей (период правления знаменитой царицы Зенобия в 270 г. н. э.), избежать трагического краха не удалось. Трагедия Пальмиры стала одним из захватывающих примеров того, как сопротивление во имя свободы приводит к победе, а стремление к власти — к трагедии.

В Средние века гораздо большее распространение имела политика городского самоуправления. Такое впечатление, что возник некий звездный мир, восставший против великих империй. Сотни городов (от Тихого до Атлантического океана, даже до

американского континента, от Сахары до Сибири) стояли насмерть, до последнего, отстаивая политику самоуправления против колоссальных имперских сил — от исламских халифатов (Омейяды, Аббасиды, Сельджукиды, Тимуриды, Бабуриды, Османская империя) до империи Чингисхана, от христианских империй (Византия, Испания, Австро-Венгрия, царская Россия) до Поднебесной. Примером, заставляющим вспомнить разрушенный до основания и перепаханный Карфаген, является неподчинившийся Чингисхану город Отрар. И этот город также разрушен. Можно привести сотни примеров как проводившейся на протяжении столетий централизованной и удушающей политики национальных государств, так и восстаний, вспыхивавших в европейских городах. В частности, очень хорошо помнится о том, что вплоть до середины XIX века города Италии и Германии активно и бесстрашно защищали свои автономные структуры. Знаменитыми в этом отношении являются Венеция и Амстердам.

Повсеместная победа национальных государств в XIX веке стала большим ударом по городскому самоуправлению, существовавшему на протяжении тысячелетий. Только в наше время городское самоуправление вновь оживилось. На арену вышла городская политика.

В истории существуют бесчисленные примеры выступлений против господствующих структур, причем демонстрировали их представители не только городской политики, но и, причем в гораздо большей степени, — племена, роды, религиозные общины, философские школы и т. п. — во имя сохранения своего статуса автономных сил. Возможно, наиболее знаменитым примером является насчитывающая 3500 лет (1600 г. до н. э. — по н. в.) история автономности еврейского народа. Эта автономная политика сыграла определяющую роль в том, что евреи и в истории, и, гораздо больше, в наши дни, представители еврейского народа смогли остаться весьма обеспеченными и творческими людьми. В противостоянии Исламской религии становлению инструментом империи и власти, образовалось много мятежных сект. Секты алавитов и хариджитов отражают существовавшую в родоплеменных сообществах политику самоуправления. Гегемо-

ния суннитов является следствием распространившейся волны выступлений оппозиционных сект, в сущности, повстанческой, самостоятельной политики представителей родоплеменных сообществ, формировавшейся против султанских традиций среди всех народностей. Это стало своего рода первым движением народов за свободу и независимость против исламского колониализма суннитского толка. Такого же рода мятежные секты в большом количестве существовали в христианстве и иудаизме. Средние века прошли под знаком борьбы за политику свободы и независимости городов и родоплеменных сообществ. Главную роль в подготовке современных цивилизаций сыграла в определенной степени тайная мятежная монастырская жизнь, на протяжении 300 лет проводимая христианскими общинами. Автономная политика философских школ античной эпохи стала основным импульсом, подготовившим развитие наук. Сегодняшней действительностью дошедшие до наших дней народы и нации более всего обязаны своим предкам, которые сотни, тысячи лет вели повстанческий образ жизни в горах и бескрайних пустынях.

Национально-освободительные движения современной эпохи являются продолжением этих традиций. Политическая независимость — это та самая цель, к которой стремятся все, пусть даже эта цель и искажена в виде формулы «независимое государство». Несмотря на то, что либерализм превратил политическую независимость в ложную формулу «независимого государства», оторвав политику от ее истинных функций, это все же стало продолжением многовековой традиции политической борьбы.

В истории всегда существовали местные и религиозные политические течения, сыгравшие важную роль в продолжении жизнедеятельности нравственного и политического общества. Свободная и независимая политика народов и наций, живущих в виде родоплеменных, сельских и городских сообществ на широком географическом пространстве по всему миру, в первую очередь, в горах, пустынях и лесных территориях, продемонстрировала неустанный сопротивление колониальным силам. Мы считаем, что именно по этой причине преимущественную роль в истории играет традиция демократической конфедерации.

Господствующая тенденция на протяжении всей истории цивилизации заключается не в преклонении, а в борьбе. Если бы это было не так, то мир превратился бы в Египет эпохи правления фараонов. Мы не сможем правильно рассуждать о политике до тех пор, пока не поймем, что на земле нет ни одного человека, местности, региона, который бы не боролся и не занимался политикой. Если народы Латинской Америки, Африки, Азии и сегодня демонстрируют сопротивление во всех его красках и культурных особенностях, это означает, что такова их история, ибо история — это «сегодня».

Человечество сохранило свое существование и достоинство благодаря своей политической борьбе не только на уровне общества и географического региона. Даже каждый из нас помнит повстанцев, политических деятелей, чьи личные заслуги порой доходят до национального уровня. История полна таких примеров. Бесчисленное количество личностей: это Будда, Сократ, Зороастр, Конфуций, Адам, Ной, Иов, Моисей, Иисус, Мухаммед и другие пророки, которых в священных книгах перечисляется более 120 тысяч, богиня Инанна, святая Айше, Зенобия, Гипатия, Кибела, Дева Мария, это и женщины, огульно обвиненные в колдовстве и сожженные на костре в Средние века, и Роза Люксембург, и Зейнеб, это Джорнадо Бруно и Эразм Роттердамский — все они боролись до самой смерти во имя свободы и собственного достоинства. Тем, что общество и сегодня продолжает свое существование в нравственном и политическом состоянии, оно обязано этим личностям. В противном случае не было бы никакого отличия от стада бессловесных рабов.

Несомненно, очень большое значение имеет рассуждение о современной политике. Но этого нельзя сделать, не установив тот факт, что история и сегодня преимущественным образом сохраняет свою действенность. Мы настойчиво продолжаем отмечать все действия цивилизации и современного капитализма по ограничению политики. Если напомнить о нашем анализе национального государства, то будет видно, что я подчеркивал следующее: современное общество испытывает господство государственной власти сверху, но оно находится в уязвимом поло-

жении перед воздействием механизмов власти на все жизненные точки, подвергается аннексии и колониальной эксплуатации. Очень важно осознать то, что в глобальном масштабе общество окружено этими реалиями, уничтожается, эксплуатируется ими. На сей раз я ограничусь напоминанием о том, насколько распространены сегодня гегемонистские сети идеологической и материальной культуры. Это совершенно новая ситуация. Это можно назвать хоть всемирной супергегемонией, хоть империей, хоть системой ООН, суть от этого не изменится. Более того, я отметил, что финансовый капитал поставил свое клеймо на всемирной гегемонии. В то же время я подчеркивал продолжение мирового системного и структурного кризиса и обретение им постоянного характера.

Задаваясь вопросом о том, что в этих условиях осталось от нравственного политического общества, мы так же должны спросить, способна ли политика сыграть какую-либо роль, или нет. Окинув взглядом существующую картину, видим, насколько все погрязло в пессимизме и безнадежности. То, что пессимизм и безнадежность не только неуместны, но и бессмысленны, видно из глубокого политического анализа ситуации. Как известно, все тренды, тенденции, высота волн (это универсальная истина) имеют свои точки максимума и минимума. Все данные свидетельствуют о том, что существующее состояние цивилизации и современной власти давно уже спустилось с точки максимума. Распространяющаяся в обществе власть теряет свою силу точно так, как волна теряет свою мощь. Подобно тому, как большой камень, падая с холма, разбивается у подножия и теряет свою массу, власть, проникая во все точки общества и раздробляясь в них, аналогичным образом теряет свой вес.

Можно понять социологический смысл этого явления. Распространяясь во всех единицах общества и вовлекая в себя все личности, власть подвергается сопротивлению этих единиц и личностей. В силу диалектики власть порождает повстанческий дух во всех единицах обществ и личностях, в которые она проникает, потому что, неся с собой угнетение, эксплуатацию, пытки, она не может не натолкнуться на сопротивление всех единиц общества и личностей, так как это противоречило бы

универсальному ходу событий в природе. Современная власть предельно дифференцировалась в рамках любой исторической эпохи. Капитализм, как совокупность монополий власти, завершил распространение своих сетей над всей мировой экономикой в такой форме, которая приносит ей максимальную прибыль. Не осталось ни одного уголка, которую бы власть ни накрыла своими сетями. Более того, если принять во внимание экологический кризис, станет ясно то, что не осталось ни одной семьи и клана, где бы власть не распространилась на всю глубину. Итоги капиталистических законов индустриализма усугубили уровень распада во внутренней и внешней структурах общества, доведя его до трагического. Национальное государство, став наиболее сильной в истории священной системой, буквально проникла в личности всех граждан, установив над ними свою гегемонию. В истории нет другого прецедента. Энтони Гидденс был прав, называя это беспрецедентным явлением.

Перед этими реалиями власти (капитализм, индустриализм, национальное государство) политика тоже вынуждена переживать невиданную в истории дифференциацию в качестве противоположного полюса. Поскольку мы не видели эпоху, предшествовавшую цивилизации, и пока не знаем последующий период, формирование политики в русле внутренней сущности современности тоже является дифференцированным процессом. Если кратко сформулировать, получится, что сети власти существуют везде, тогда и политика тоже должна быть везде. Поскольку власть основана на всех общественных единицах и личностях, политика тоже должна основываться на каждой общественной единице и личности.

Совершенно очевидно то, что политика, так же, как и власть, должна создать собственную сеть и вовлечь в нее все институты общества, как это сделала власть. Ясно, что организационная структура старого типа не может удовлетворить эти потребности, тем более, что организационные модели старого типа имеют государственное происхождение. Политика, в первую очередь, является сопротивлением власти. Поскольку власть старается завоевать, эксплуатировать все единицы и личности общества, политика стремится завоевать симпатии и освободить все едини-

цы и личности, на которых она основана. Поскольку все связи, как структурные, так и индивидуальные, — авторитарного происхождения, их антиподы одновременно имеют политический характер. Поскольку власть порождает либеральную идеологию, индустриализм, капитализм и национальное государство, политика должна создавать, строить идеологию свободы, экологическую индустрию, коммуну и демократическую конфедерацию. Поскольку власть организуется на всех уровнях, в том числе личном, структурном, городском, сельском, местном, региональном, национальном, континентальном и мировом, политика тоже должна создать свои организации на личном, структурном, городском, сельском, местном, региональном, национальном, континентальном и мировом уровнях. Поскольку власть насаждает свою пропаганду и различного рода акции на всех уровнях (в том числе, войны), политика тоже должна утверждать свою пропаганду и различного рода акции на всех уровнях.

Пока точно не будет раскрыта суть современной власти, которую мы постарались охарактеризовать в общих чертах, мы не сможем точно сконцентрировать усилия ни на какой политической задаче. Вспомним советский опыт или даже предшествующие этапы эволюции социалистической системы. Капитализму противостоит синдикализм (вымалывание зарплаты), индустриализм — более развитый индустриализм, централизованной национальной государственности — более развитая централизованная национальная государственность. По сути, против власти использовалась власть, против огня — огонь, против диктатуры — диктатура, против частного капитализма — государственный. В итоге гигантский, неподъемный аппарат власти привел к внутреннему распаду. Социалистическая доктрина (левый капитализм) таким путем сформировала политику не просто против власти, она применила власть против самой политики. Чтобы это понять, достаточно изучить историю этого движения. Социал-демократическая доктрина (центристский капитализм), реформируя власть, придала ей более константный характер, и чтобы понять это, достаточно прочесть историю партий их европейских аналогов. Доктрина национально-освободительных движений (правый капитализм) сразу же приняли

национально-государственные формы, сыграв главную роль в распространении капитализма по всему миру. Я уже охарактеризовал все антиподы системы, за исключением этих двух доктрин. Самым серьезным их недостатком является или стремление войти под крыло власти (национального государства) в борьбе против самой же власти, или полная капитуляция перед властью (в частности, анархисты), или полнейший уход в организации гражданского общества. Ни одна из них не обладает пониманием систематической власти, не способна в качестве альтернативы создать свою политику и не испытывает в этом потребности. Оставляя политику на милость всякого рода посредников власти, они даже не понимают, что говорят «аминь» несуществующим молитвам. Остается разжигание глобального кризиса капитализма, но ясно, что это не может и не сможет решить ни одну проблему.

Языком современной демократии является политика, которая окружает все ее системные образования политическим искусством, строит ее. Нравственный и политический характер основных единиц общества ассоциируется не с властью, а с политикой. Реалии, переживаемые сегодня нравственным и политическим обществом, то есть первоочередной проблемой больше чем свобода, равенство и демократия, является их существование. Их существование находится в опасности. Перед лицом многосторонней агрессии современности политика считает важнейшей своей задачей продолжение собственного существования. Ответом современной демократии на эту агрессию является сопротивление в виде самозащиты. Без защиты общества нельзя осуществлять политику. Должен еще раз повторить, что общество одно — это нравственное и политическое общество. Проблема, в первую очередь, заключается в том, что общество, подвергшееся аннексии и колонизации со стороны власти и государства, всемерно привитых обществу цивилизацией, должно быть заново построено в гораздо более развитых условиях современности. Демократическая политика в совокупности с самообороной является сутью политики данного периода. Развивая нравственное и политическое общество, демократическая политика самообороны защищает его от нападков власти,

от агрессии против его идей свободы, равенства и демократии. Речь не идет о какой-либо национально-освободительной войне нового типа или о какой-либо социальной войне. Мы говорим о защите идентичности, свободы, равенстве на базе различий и демократизации. Не будь агрессии, не будет необходимости и в самообороне.

Исторической формой политической жизни сил, противостоящих цивилизации, является конфедерация.

Все социальные единицы могут находиться в гибкой связи друг с другом только при условии проявления взаимного уважения к собственным особенностям. Только при таком условии они могут соглашаться с позицией авторитарных и государственных сил цивилизации. Там, где этого согласия нет, мы имеем дело с состоянием перманентной войны. Там же, где есть это согласие, там царит мир. Принципом общественного управления, способным противостоять власти и образованиям современного национального государства, охватившим все общество, является политическая и демократическая конфедерация. Если политика создается как демократическая, то все общественные единицы принимают участие в процессе конфедерации в качестве единой конфедеративной силы. Эта система представляет собой новый политический мир. Если современная цивилизация управляется при помощи приказов, то демократическая цивилизация и современность управляются при помощи политики, основанной на дискуссионности и согласии. Как бы ни искажались и не вуалировались исторические и современные реалии, основополагающие социальные процессы обеспечены — благодаря превосходству политического искусства. В то время, как капитализм старается в условиях мирового кризиса защитить свою власть и национальное государство на основе реорганизации, все силы современной демократии, развивая систему демократической конфедерации, преследуют цель защиты и развития нравственного и политического общества, и их основной задачей является формирование достойного ответа на кризис.

Общие принципы, имеющие отношение к политическим задачам сил современной демократии, можно в свете этих рассуждений вкратце изложить следующим образом:

1. Социальная природа в основе своей является нравственным и политическим образованием. По мере продолжения жизнедеятельности обществ продолжают их нравственные и политические качества. Общества, утерявшие свою нравственную и политическую сущность, обречены на загнивание, распад и исчезновение.

2. Проектирование обществ в виде форм, постоянно развивающихся по прямой линии в виде первобытных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических, социалистических формаций, не столько вносят вклад в дело осознания истины, сколько служат ее искажению и маскировке. Такого рода рассуждения загружены пропагандой. Если нравственные и политические качества являются общими для всего общества, то наиболее верным было бы характеризовать общества по степени действенности этих качеств. Что касается классовых и государственных качеств или уровней промышленного и аграрного развития, то они имеют временный характер, не отражающий основное лицо общества.

3. Общественная проблема рождается в связи с господством и эксплуататорской сущностью власти. Общественные проблемы развиваются по мере развития власти и эксплуатации. Государства, имеющие классовую основу и навязанные обществу в качестве инструментов решения проблем, обладая ограниченным конструктивным потенциалом, превращаются в источники новых проблем.

4. Политика является основным социальным конструктивным инструментом в решении не только социальных проблем, но и в определении, защите и продолжении всех жизненных интересов. Самооборона не только необходима для защиты общества, но и в качестве военной силы является продолжением политики.

5. Усилия всех цивилизаций, направленные на управление обществами посредством государственных актов, сужают функции политики в обществе. В течение всего времени своего существования общества, сопротивляясь, отвечают на сужение этих политических функций. Под влиянием этих двух основных факторов история не является ни абсолютным волеизъявлением цивилизаций, ни в полном смысле слова демократическим политическим

управлением. Источником исторических противоречий является антагонистический характер этих двух главных источников.

6. Мирные периоды в истории обеспечиваются благодаря взаимному признанию силами цивилизации друг друга, уважительному отношению к идентичностям и интересам друг друга. Столкновения и прекращение огня во имя власти не имеют никакого отношения к миру.

7. В период современного капитализма власть, окружив общество изнутри и извне, превращает его в некую внутреннюю колонию. Национальное государство, как форма власти и основная форма государства, находится в состоянии постоянной войны с обществом. Политика сопротивления черпает свои силы в этих реалиях.

8. Тотальная война, развернутая современным капитализмом против всего общества, подтверждает не только необходимость, но и срочность альтернативы в виде современной демократии. Современная демократия, воплотившая в себе сегодняшнее состояние сил демократической цивилизации, не является ни воспоминанием о золотой эпохе, имевшей место в историческом прошлом, ни утопией о будущем. Это существование и позиция всех общественных единиц и личностей, чья жизнедеятельность и интересы сталкиваются с капиталистической системой.

9. Борьба, развернутая на протяжении последних двух столетий силами, противостоящими системе, осталась безрезультатной и безуспешной или по той причине, что перед ними постоянно маячила перспектива власти, или потому, что они оставили незаполненной политическую сферу. Несмотря на то, что эта борьба оставила после себя ценное наследие, при помощи старого мышления и образований нельзя сформировать альтернативу ни против самой современности, ни против системного кризиса.

10. Альтернативу можно создать только посредством развития собственной системы, направленной против капитализма, индустриализма и национального государства, являющихся тремя столпами современности. В качестве противостоящей системы можно предложить современную демократию, объединяющую под своей структурой демократическое сообщество, экоиндустрию и демократическую конфедерацию. Объединение насле-

дия демократической цивилизации с антиподами системы в рамках новой системы повышает шансы на успех.

11. Демократическая конфедерация, являясь основной политической формой современной демократии, играет жизненную роль в ее реставрации. Наиболее подходящим конструктивным инструментом демократической политики является демократическая конфедерация, представляющая собой основную политическую форму современной демократии, которая, в свою очередь, не является инструментом современного капитализма, а формирует альтернативу национального государства, постоянно порождающего проблемы и являющегося основной формой государственности.

12. Свобода и равенство на базе различий, как демократические процессы в нравственном и политическом обществе с развитой демократической политикой обеспечиваются наиболее прочным образом. Свобода, равенство и демократия устанавливаются только с помощью дискуссий, решений и акций, обусловленных общественным мировоззрением и совестью. Никакая социальная инженерия не может обеспечить такой результат.

13. Являясь основным инструментом решения этнических, религиозных, городских, местных, региональных и национальных проблем, порожденных монолитной, однородной, одноцветной фашистской социальной моделью, осуществляемой современностью руками национального государства, демократическая конфедерация представляет демократически-национальный выбор. В рамках демократической нации любой этнос, религиозное мировоззрение, городские, местные, региональные и национальные реалии имеют свое достойное место в комплексе со своими идентичностями и демократической федеративной структурой.

14. Альтернативой ООН, созданной в лице всемирных демократически-национальных объединений, станет Всемирная конфедерация демократических наций. Континентальные регионы и крупные культурные сферы на нижнем уровне могут сформировать свои конфедерации демократических наций. Если ЕС не продемонстрирует гегемонистский подход в этом направлении, его можно будет считать первым шагом. В этих рамках будут рас-

смагиваться выступления против глобальных и региональных гегемонистских властей.

15. Сегодня между силами современного капитализма и современной демократии может иметь место мирное сосуществование на основе совместного признания идентичностей, демократических методов самоуправления, как происходило неоднократно в истории между силами цивилизации и силами демократии. В данном ракурсе и при данных условиях, в пределах одного национального государства и за его пределами демократические конфедеративные политические образования и национально-государственные образования могут мирно сосуществовать.

Искажения принципов в рамках политических задач современной демократии могут уменьшаться или увеличиваться. Важно определить основы для содержания и практического применения. Я уверен, что такого рода перечисление принципов соответствует цели. Обсуждения определяют итоги реалий свободы.

В отношении принципов, которые я постарался перечислить применительно к трем сферам современной демократии, действуют те же самые обстоятельства. Особо должен подчеркнуть то, что деятельность по реконструкции, с точки зрения принципов и применения, не реализовалась ни в проекте новой Республики, обсуждавшемся во время Французской революции, ни в планах Советского государства, порожденных Октябрьской революцией в России. Даже Социальный проект Медины пророка Мухаммеда не стал планом реконструкции. Единственное мое опасение и обстоятельство, на которое я хотел бы пролить свет, заключается в том, чтобы рассуждения об истине, касающейся социальной природы, а также основы методики и практического применения в отношении общественной свободы не искажались и, как это неоднократно происходило в истории, не привели к глубоким ошибкам и последствиям, маскирующим суть этих ошибок.

Очень важно перейти к вопросам организации и практики, не отрицая исторического наследия тех сил, которые должны быть реконструированы. В силу своих интересов эти силы являются и должны являться антиподами системы, не попадая, умышлен-

но или неумышленно, в ловушки, расставленные либерализмом, подходя ко всем общественным единицам и личностям на основе систематического понимания (парадигмы) и практического применения. Среди этих сил могут быть и такие, которые действуют как революционеры, и сторонники реформ. Все это очень ценно. Современный капитализм сам по себе является наиболее кризисным периодом цивилизованной системы. Более того, наиболее развитая фаза мировой гегемонии финансового капитала — это систематический структурный период, в течение которого кризис обрел постоянный характер. Чтобы избежать систематических потерь в данном кризисе, система ежедневно пробует активные проекты и практические модели. Она действует на базе очень широкой эклектической либеральной идеологии. За ее спиной — большое историческое наследие. Более того, система довела до максимального уровня электронные сети. Она может мгновенно применить любую тактику. Она может подвергнуть критике даже национальное государство, являющееся инструментом стратегического управления, и приступить к его реконструкции по ряду позиций. Компании вышли за пределы влияния сил национального государства. Она по своему усмотрению регулирует деятельность институтов гражданского общества которые являются модными организациями.

В данных условиях у противников системы нет иного выхода, кроме развития собственного понимания и практической реализации системы. Нельзя сказать, что Великая Французская и Великая Октябрьская революции (так же, как и бесчисленные революции и движения, следовавшие за ними) были осуществлены полностью в рамках современного капитализма и в направлении его целей. Более того, они были предельно противоречивыми и руководствовались идеями создания новой системы. В рамках этих идей было реализовано множество периодических акций, в том числе чрезвычайных. Но современный капитализм в итоге смог в течение длительных или коротких сроков растворить эти революции в своем мировоззрении и практике. Несомненно, первостепенной задачей является сохранение преемственности традиций свободы, равенства и демократии, свойственных современным революционным движениям, как

и сохранение верности историческим традициям всех великих революций. Но очевидно и то, что необходимо извлечь уроки из ошибок, допущенных этими революциями. В этой своей работе я старался глубоко подойти к рассмотрению данной темы. Конечно же, извлечение уроков из пережитого опыта является неременной задачей всех личностей и организаций, имеющих одни и те же идеалы.

Основные задачи всегда остаются актуальными, независимо от того, продолжается кризис, или нет. Интеллектуальные, нравственные и политические задачи также требуют постоянного выполнения. Периодические изменения, разумеется, отражаются на стратегических и тактических принципах. Но это ни в коем случае не меняет истинного характера задач. Я уверен в важности обстоятельств, которые постарался определить для заявлений и методов, касающихся задач во всех трех сферах. Это одновременно является критикой и самокритикой в отношении всех явлений, взаимоотношений, личностей и структур, за которые я несу ответственность. Без всестороннего анализа и критики нашей эпохи, даже всей цивилизации, я уверен, не могут иметь никакой значительной ценности ни критика, ни самокритика на личностном уровне. Я постарался подойти к проблеме именно так.

Вопрос, в котором я, возможно, буду вынужден часто повторяться, — это взаимосвязанность деятельности в сфере интеллектуальных, нравственных и политических задач. Как бы независимо друг от друга не функционировали сферы в рамках собственных задач, создаваемый ими продукт может быть только дополнением взаимных услуг. Без интеллектуального просвещения нравственные действия не только не смогут улучшить хорошее, но попросту способствуют усугублению плохого. Там и тогда, где и когда отсутствует истинная мораль, торжествует ее антипод. Политическая сфера выражает состояние ежедневного применения просвещения и нравственности. Политика в этом смысле является ежедневным просвещением и нравственным поведением, она — сущность, просвещение и нравственность. Более того, там, где нет политики и нравственности, нельзя в серьез говорить о просвещении, следовательно, о существовании

интеллектуальной деятельности. Интеллектуализм, потерявший свою связь с политикой и нравственностью, способен превратиться в нечто иное, например, в интеллектуальный капитал. И это не может быть воспринято как интеллектуальная задача, потому что лишена нравственной и политической базы.

Только совместное решение интеллектуальных, нравственных и политических задач позволит достичь максимального уровня свободы, равенства и демократии. Именно поэтому важнейший критерий деятельности всех организаций и личностей, противостоящих системе, связан с совместным выполнением задач во всех трех сферах.

ИТОГ

Знания связаны с вселенским бытием. Существующую систему вселенского бытия можно объяснить только при помощи сознания. Интересно то, каким образом объясняется само сознание. Складывается такое ощущение, что все вселенское разнообразие является следствием той тяги, которую проявляют сознание в порыве самопознания. Мы ничего не знаем о многообразии сознания. Это почти бесконечное разнообразие, поиск которого наводит на размышление о проблеме причинности. Вопрос о причине остается еще более неясным. Знаменитые философы, даже некоторые священные книги связывают эти вопросы со стремлением Вселенной напомнить о себе или с желанием Бога быть познанным своими рабами. Слово «осознание» мне кажется более чарующим и точнее раскрывающим смысл. Осознание может стать ответом на все вопросы о причине и мельчайшей частицы, и космического бытия. Смысл, который мы вкладываем в осознание, не может быть определен иначе, чем жизнь, и наиболее близкое к точному определению жизни может звучать как «понимание». Но гораздо важнее другое: почему это осознание имеет столь серьезное значение? Даже без осознания мы понимаем, что жизнь возможна, но, пытаясь ощутить это глубже, мы сознаем, что это самое «возможное» не так уж и возможно. Можно даже сказать, что жизненный смысл срока, значения которого на протяжении долгого времени не было осознано, постепенно ослабевает, даже растворяется, и такое явление, как смерть, кажется окончательным осознанием, то есть игрой или мастерством природы, необходимым, чтобы сделать жизнь возможной. Например, наказание в виде обрече-

ния на бесконечное существование может чем-то отличаться от трагедии Сизифа (человека, который по воле богов должен был поднять тяжелый камень на вершину горы, но камень при этом скатывался, вынуждая его вновь и вновь волочить его на гору)? Обеспокоенность смертью только поднимает цену жизни, постоянно напоминая о ней.

Знание не может быть ничем иным, кроме как осознанием жизни. Известное есть понятое. Даже если ничего нельзя будет сказать о физических субстанциях, то возникает иллюзия, что в биологических субстанциях живет истинная любовь и это невозможно не прочувствовать. Что касается человека, то любовь как бы реализуется в нем. Очень развитое состояние знания можно охарактеризовать словом «самая лучшая любовь». Но человек — это такое странное существо, которое способно пойти даже на самое страшное искажение и предательство смысла познания. Наиболее верным представляется объяснение этих реалий всеми теми особенностями, которые кроются в сущности, называемой нами «второй природой».

Социология как понятие выросло вместе с европоцентристской цивилизацией. Несомненно, на всем протяжении существования социальной природы развилось множество дисциплин, которые можно было бы назвать социальными науками. Анимизм легко можно назвать доисторической социологией. Разве может считаться настолько примитивным сознанием людей анимизм, являющийся понятием европоцентристской социологии? Кто может дать гарантию, что структура современной социологии, основанной на субъектно-объектной дифференциации, выше анимизма? Опять же только социологи! Но постепенно становится ясно, что школа учений об одушевленности гораздо ценнее, нежели раздробление на субъект и объект, то есть превращение объекта в неодушевленное существо. Ясно, что характеристика Вселенной, имеющая в виду одушевленность, приведет к гораздо лучшим результатам, нежели ее превращение в неодушевленный предмет. Все научные достижения подтверждают это обстоятельство. Как еще иначе, если не анимизмом, можно объяснить потрясающее и являющееся до сих пор таинственным движение внутриатомных частиц, действительность, в пределах которой не

сформировалось хотя бы одно различие? Являясь очень опасной разновидностью метафизики, позитивизм — наука о явлениях — глубоко ранил социологию, как бы он ни стремились представить обратное.

Процесс цивилизации, называемый исторической эпохой, привнес с собой научный способ, развившийся от анимизма до мифологии. Если мифологию нельзя полностью приписать цивилизации, то многие ее стороны носят на себе клеймо таковой. Искажение знаний и проникание предательства в социологию связано с идеологической гегемонией на всех этапах цивилизации. Монополия власти и капитала, реализуемая над социальной природой, не может существовать без лжи, искажений и предательства по отношению к клятве. Мифология большей частью полна анимизма и драгоценна. Но по мере того, как в обиход входили и сказки о богах и героев как мифологическое отражение системы, сформировавшейся на базе триады иерархии «шаман — правитель — военный вождь», деградация стала неизбежной. С учетом этих двух качеств мифология является достаточно поучительной социальной наукой, и я уверен, что со временем обретет еще большее значение. Она сыграет гораздо большую роль в изучении истории.

Ужесточение мифологии в качестве религии способствовало формированию второго вида социальной науки. Религия, несомненно, базируется не только на мифологическом наследии. У нее есть и свои догмы. Даже если религия и несет на себе тяжелое клеймо цивилизации, осознание религии силами, противостоящими цивилизации, гораздо более прозрачно, а их природная сущность более реалистично. Она является одной из тех, кто проторяет пути к современной науке. В монотеистических религиях также можно проследить отражение обеих противостоящих сил. Если повелевающий, карающий, порабащивающий теологический аспект отражает характер сил цивилизации, то участливый, поощряющий и освободительный — верования и мысли всех тех сил, кто противостоит цивилизации. Средневековые полно таких столкновений между религиями и сектами. Формирование европейской социологии было бы категорически невозможно без этих межрелигиозных и межконфессиональных

конфликтов. Задумавшись только о влиянии ислама, мы еще лучше осознаем эти реалии. И еще на протяжении эпох имели место мудрость и философские проблески. Не вызывает никаких сомнений то, что на их основе сформировались ценные источники социологии.

Социальная наука эпохи европейской цивилизации (современности) не только базируется на продуктах исторического наследия, но сама по себе появилась как необходимость, продиктованная великой социальной борьбой. В основе своем она была задумана как дисциплина, решающая проблемы, как некий инструмент. Система безграничной эксплуатации и угнетения, порожденная капитализмом, с самого начала, загрузила кризисами современность. Все науки в целом и, в частности, социальные науки, с одной стороны, поставлены на службу системе эксплуатации и угнетения, с другой стороны, на долю социальных наук выпала изъяснительная роль, то есть функции по легализации системы. Риторика новых монополий власти и капитала оставила свой отпечаток и на социологии.

Позитивистская социология способствовала изначально ущербному рождению социальной науки. Основной ее заботой было создание на базе Великой Французской революции некой «Республики», которая защищала бы интересы буржуазии. Английские политэкономы стремились к рационализации капитала и его легализации. Немецкие идеологи были заинтересованы в создании могущественного во всех сферах немецкого национального государства. Основатели научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс, шедшие во главе противников системы, на базе трех риторических лозунгов капитала создали науку, внесшую в себе отпечаток пролетариата. Противдействие капитализму и проведенный на этой почве анализ «Капитала» могли бы стать вкладом в социальную науку. Но ограничение капиталом всех исходящих источников и антагонизм системе сделали все произведения системы беззащитными перед современностью. Несмотря на то, что разработки анархистов, касающиеся власти, стали шагом вперед, они все же оставили незаполненной политическую сферу. Невзирая на исследования социальной природы с позиций своих обоих крыльев, европейская социология бук-

важно задыхалась в проблемах, порожденных системой. Европейские социологи посягнули на мастерство в решении проблем кризиса. Весь мир, история оказались на втором плане. Не надо удивляться тому, что социология является европоцентристской. Нельзя было ожидать, что в одно мгновение они избавятся от вековых пут. Самой умной среди них оказалась либеральная идеология, нашедшая пути их интеграции в систему. Либералам удалось нейтрализовать последствия всех революционных действий эпохи и противников системы, включая Французскую и Октябрьскую революции и превратить науку в научную базу власти и капитала.

Но не может быть и речи о том, что европейская современность, являющаяся наиболее эксплуататорской и авторитарной системой в процессе всей цивилизации, полностью уничтожила и заставила замолчать всех противников системы. Параллельно ее развитию, не только на идеологическом, но и на нравственном и политическом фронте, эта система наталкивалась на упорное сопротивление. Противостоящие системе силы обновлялись, по меньшей мере, так же, как и сама система. По мере глобализации системы противостоящая ей система тоже обретала глобальные масштабы. Постепенно разрушалась его гегемония, установленная над наукой. Возникло понимание того, что история может быть только всемирной, а кратковременная гегемония Европы — только частью этой истории.

Французская философия после Второй мировой войны, молодежное движение протеста 1968 года, внутреннее разложение советской системы и банкротство благополучного государства, постмодернистские поиски, ликвидация классического колониализма подготовили почву для начала нового периода в развитии социологии. Эта наука продемонстрировала еще более положительные стороны в плане препятствия позитивизму и поисков истины после освобождения от европоцентризма. Надо, чтобы социология не ограничилась только преодолением кризисов и решением проблем, но и, сделав всю социальную природу, в любое время и в любом месте предметом своих исследований как единое целое, в основе своей возглавила такие базовые, основополагающие науки, как физика, химия, биология, космология,

с одной стороны, и философия, литература, искусство. С другой стороны, надо, чтобы социология сыграла роль царицы всех наук. Генеалогическое древо науки может быть начертано только на базе социологии. В таком случае наука избежит чрезмерного раздробления, и исчезнет опасность, выраженная в сильной абстрактности. Очень большое значение имеет также преодоление, вместе с общим кризисом, и кризиса в области науки. Социология, считающая осмысление жизни свободой, а истину поиском свободы, является незаменимым руководством в просвещении и развитии нравственного и политического общества.

То, что в данном труде я уделяю социологии первостепенное внимание, связано с содержанием труда. Риторика научного социализма, которую я практиковал долгое время, уже казалась мне узкой. Что касается либеральной риторики, то я полностью отрицаю ее. Близкое знакомство с анархизмом оказало положительное влияние на мои взгляды, но этого было совершенно недостаточно для решения стоявшей передо мной проблемы. Очень важным оказался вклад некоторых социологов, и в самом начале я подчеркивал то, что считаю это очень ценным. Все же свой путь я должен был найти сам. Без конкретизации своего собственного понимания социологии было бы неправильно переходить на другие вопросы. Как я уже говорил изначально, то, что я делал, было моим опытом, и этот опыт найдет свое конкретное место в реальности только при помощи критики. Я уверен в том, что ожидания от социологии не имеют ничего общего ни с метафизикой, ни с позитивистской догматикой. Многосторонние познания в сфере социологии нужны мне для того, чтобы не оказаться перед такой опасностью, и быть внимательным и честным в отношении всех заинтересованных лиц. После того, как это было достигнуто, другой главной частью труда стали вопросы демократической цивилизации и современности. То, что я уделю первостепенное внимание социальной проблеме, связано с желанием гораздо лучше познать систему цивилизации и правильно обосновать позиции ее противников. Я уверен, что мне удалось содержательно раскрыть эту проблему. Моя критика в адрес других противников системы ставит целью достижение целостности суждений. Я не только далек от полного отрицания

метода обоснования антисистемного характера научного социализма двумя классами, хотя этот метод играет в истории очень узкую роль и отнюдь не в состоянии дать анализ общества — более того, я постарался найти путь решения на основе системы цивилизации, несущей свои воды в виде главной реки уже на протяжении пяти тысячелетий.

Если и искать диалектическое противоречие, в необходимости чего я уверен, то это неизбежно должно происходить в рамках системы цивилизации. Я знаю, что цивилизация стала предметом исследований многих достойных философов и социологов. Моя цель не сводится к тому, чтобы добавить еще одно новое исследование — она заключается в том, чтобы системно и многосторонне обсудить то, что не сделано вообще или сделано половинчато. В этом плане я особенно должен подчеркнуть, что для изучения цивилизации я использовал диалектический метод, использованный К. Марксом для «Капитала». Я был очень взволнован, подумав о том, что как хорошо было бы, если бы этот аспект был реализован самим Марксом, а мы использовали бы его. Но, во всяком случае, самой лучшей поддержкой, получаемой от мастера, является смысл, придаваемый его методу. Насколько успешно я справился с этим, покажет критика заинтересованных лиц и социальная практика. Действительно, цивилизация порождает полюсы, противостоящие группы, как это указано в «Капитале». Даже противостояние буржуазии и пролетариата может быть только одним из многочисленных противоречий, порожденных цивилизацией. В этом смысле я считаю свой труд не противоречием Карлу Марксу — мне кажется, что наиболее правильным было бы считать это стремлением дополнить и развить мои разработки на базе серьезной критики. То, что я всесторонне упомянул многочисленные ошибки и недостатки (монополии, капитал, государство, идеология, позитивизм, история, цивилизация, рынок, экономика, демократия, революция, социология, в частности, власть, национальное государство, гегемония, системный анализ и т. д.), не должно восприниматься как противоречие. Я считаю, что правильно было бы, отметив заслуги всех остальных течений, противостоящих системе, внести необходимый для этого свой вклад.

В предыдущих разделах труда я постарался в общих чертах обрисовать аннексионистское и эксплуататорское лицо цивилизации (эксплуатация и колонизация). В этих разделах я постарался ограничиться по возможности минимумом повторения этих вопросов и обратить гораздо большее внимание на противоположный полюс, которым является демос, силы демократической цивилизации. Всеми своими силами я постарался раскрыть этот исторический полюс. На мой взгляд, история полна недостатков и ошибок именно в этой части. Опять же, бесполезным оказался взгляд даже в наиболее общих чертах, так сказать, крупным планом. Настоящие столкновения в истории происходят не между господствующими группами цивилизаций, как это зачастую представляют (последним примером является Сэмюэл Хантингтон), а между двумя противоположными полюсами. Безусловно, и между господствующими группами цивилизации происходит немало конфликтов. Монополии постоянно сталкивались друг с другом и конфликтовали «из-за макарон». Но важнее всего то, у кого и как экспроприировались эти «макарон». Диалектика гласит, что настоящее столкновение происходит между теми, кто производит «макарон», и теми, кто хочет присвоить себе этот продукт. Пройдясь в общих чертах, я мог только привлечь внимание к этому вопросу, который при помощи очень глубоких исследований становится частью истории. Я так и поступил. Каждый может искать, сколько хочет. Я верю, что результаты не разочаруют никого.

Я постарался уделить всестороннее внимание противникам современной системы. Я сделал это для того, чтобы они правильно определили свое место в новой системе. Необходимо было дать осознанную оценку той неразберихе, которая ускорила с распадом Советского Союза. В той ситуации безнадежность не была нужна. Сторонники социалистической системы и анархисты должны найти в себе умение обновляться. Что касается феминистов и сторонников экологического движения, то они должны знать, что без определения нужной системы, им не удастся развиваться и это приведет к тому, что они будут лить воду на мельницу либерализма. Без политических принципов и систематической деятельности нельзя было достичь никакой

цели. Скорее всего, их больше всего ждёт участие сторонников социалистического лагеря и анархистского движения. Я уверен в том, что конструктивно подошел к культурным движениям. Очень важным было демократическое содержание этих движений, стремившихся освободиться из тисков национального государства — они могли бы сыграть историческую роль в современной демократии.

Я постарался подойти к проблемам и задачам реорганизации современной демократии и с аналитической точки зрения, и конструктивно, то есть в тесной связи теории с практикой. Уверен, что мне удалось успешно представить достигнутые результаты в виде поразительных принципов. Ясно, что современная демократия не была представлена ни как поиск золотой эпохи прошлого, ни как утопический проект будущего. Есть достаточно много противоречащего системе материала. Но нет самой системы. Я верил, что необходимо привязать тему к достаточно прозрачным понятиям. Не столь важным было само название «современная демократия» — важнее было содержание этого понятия. Систематизация была строгой необходимостью; в противном случае не ушли бы дальше философии несчастья, иными словами, философия неизбежно превратилась бы в несчастья. Аналитические рассуждения имели цель прояснить эту ситуацию и исправить ее. Что касается задач в интеллектуальной, нравственной и политической сферах, то я постарался определить их для дальнейших практических решений. И в этих сферах широко распространилась неразбериха. Я уверен в том, что мной было достаточно ясно определено то, каким образом необходимо подойти к практическим действиям. В частности, я верю в то, что принципиальные перечисления способствуют новым творческим поискам в практической сфере.

Другой важный аспект данной деятельности связан с характером фундаментальной единицы исследования. Позитивистская социология всегда давала общий ответ на этот вопрос, превращая общество в один из многих объектов природы. Научный социализм, являясь «левым» отражением социологии, достаточно четко сформировался в качестве более жесткой и позитивной науки. Вкладом научного социализма является то, что он класси-

фицировал общество в соответствии со способами производства. Универсалистский, прогрессивистский позитивизм, развивающийся по прямой линии, был применен сторонниками научного социализма в качестве абсолютной и подтвержденной истины. Именно таким образом появились первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистически-коммунистическая формации. Есть в этом и доля фатализма. Как бы то ни было, рано или поздно очередь дошла бы до социализма. Такой метод изобилует догматическими аспектами. Результаты подхода ко всем социальным аспектам деятельности с позиций подобного мышления оказались гораздо сложнее, чем это предполагалось. В итоге был реализован не социализм, а глобальный капитализм, который они очень критиковали, но, сами того не понимая, оказали ему огромную услугу. Во всяком случае, эту истину подтверждает пример государственного капитализма в России, который, по меньшей мере, на века продлил жизнь системы.

В своем труде я остановил выбор на нравственном и политическом обществе, которое, на мой взгляд, является основной формой существования социальной природы, «второй природы», являющейся фундаментальной единицей исследования, что я постарался подтвердить и охарактеризовать. Даже если такие постоянно и разнообразно развивающиеся в любом обществе явления, как способ производства, класс, государство, идеология, техника, ставшие моими доказательствами (аргументами), и имеют долю реальности, все равно они не обладают тем весом, который позволял бы им стать основным предметом исследования.

Что касается анализа мира как системы и анализа цивилизаций, я подверг их критике в виде одностороннего закрытого лагеря. Я постарался показать и рассмотреть то, что человек на протяжении всего периода существования своего вида будет проявлять все свои качества, будет обязан жить, а социальная природа — это нравственное и политическое общество и никогда не прекратит быть таковым, а если откажется от своего предназначения, все общество разобьется на части и распадется. В течение всей истории цивилизации нравственное и полити-

ческое общество подвергалось постоянному искажению в сетях капитала и власти, подвергалось разрушению и разложению. Но, несмотря на это, общества всегда находили свой собственный путь, защищали, пусть и слабо, свои нравственные и политические особенности, старались дать достойный ответ или жить в состоянии борьбы, что я попытался доказать на целом списке примеров. Я постарался всесторонне проанализировать следующий факт: несмотря на то, что сети капитала и власти капитализма (национальное государство, индустриализм, в частности, средства массовой информации, эклектическая идеология, организации безопасности, внутренняя колониальная политика, чрезмерная нагрузка на женщин и т. д.), опутавшие современность, проникли во все, самые узкие щели общества, они в той же пропорциональности способствовали возникновению реакции, зарождению очагов сопротивления во всех социальных единицах и личностях, возникновению жизненных альтернатив. Нравственное и политическое общество, конечно же, не было стабильно, но продолжало свое развитие еще с доисторических времен.

Наличие кланов, родовых сообществ, семьи, конфедераций племен, стремление к иерархии, раздробление государства, переход от сельской общины к городам, национально-индустриальному обществу — эти процессы, протекавшие в форме поляризации той или иной степени, имели непрерывный характер. Что касается процесса цивилизации, то я постарался внести свою лепту во взгляды, фиксирующие непрерывный процесс в форме кризисов «центр-периферия», «гегемония-конкуренция» и «подъем-упадок». Я постарался проанализировать и решить, теоретически и практически, вопросы, связанные с тем, что, несмотря на все эти процессы, нравственное и политическое общество никогда не перестанет существовать, постоянно будет защищать свои тенденции к свободе, равенству и демократии. Эти особенности обретут максимум жизненных ценностей благодаря осознанию и тесно переплетенному исполнению интеллектуальных, нравственных и политических задач.

Я также постарался всесторонне проанализировать и решить вопрос, связанный с тем, что в противовес утверждению со-

временного капитализма на почве капитала, индустриализма и национального государства современная демократия смогла утвердиться в качестве демократической коммуны, экоиндустриальной и демократической нации. Я постарался охарактеризовать демократические коммуны не как гомогенное общественное однообразие, а как сообщество, количественно увеличивающееся от одного до миллионов людей. Я подчеркнул качественные характеристики нравственного и политического общества (это женские и мужские сообщества, спорт, искусство, индустрия, интеллектуалы и пролетариат, родовые сообщества и компании, семья и нация, село и город, местное и всемирное, клан и мировое сообщество). Я охарактеризовал экоиндустриальное общество и сельскую земледельческую общину как экоиндустриальные сообщества, взаимосвязанные друг с другом и конкретно настроенные на сохранение экологии. Что касается демократической нации, то я проанализировал и охарактеризовал ее как новый тип нации, который в рамках демократической конфедерации, являющейся основной политической формой существования общества, в виде демократических, автономных политических образований будет сформирован различными культурными сообществами — городскими, местными, региональными и национальными. Полиидентичная, поликультурная и многокрасочная в политическом отношении нация сможет противостоять национально-государственному чудовищу.

Я постарался в глубокой и повторяющейся форме подчеркнуть то, что объединение исторического наследия современной демократии на основе данных структурных формирований с опытом всех современных противников системы приведет к очень глубокому конструктивному выбору и дальнейшему развитию.

Я также постарался проанализировать поляризацию цивилизации и современности, в частности, с точки зрения возможностей конфликтов и мира, исключая угнетение и эксплуатацию. Оценка возможностей и условий мира, который может быть сохранен, представляет собой важную тему и требует большой деликатности и тонкости. Известно, что процесс развития цивилизации обладает богатейшим наследием. Было также очень

много периодов и акций, которые свидетельствуют о том, что миру уделялось более важное место, нежели войне, и мир благословлялся и обожествлялся. В современных условиях мир и война сосуществуют в состоянии едва ли не тесной сопряженности. В частности, осознание того, что вместо диалектического мировоззрения, направленного на уничтожение, возможно мировоззрение, направленное на взаимную поддержку, подтверждает тот факт, что диалектический процесс развития сам по себе не может быть ни сугубо разрушительным, ни сугубо созидательным. Существование этих двух ипостасей в форме широкой панорамы мировоззрений может внести достойный вклад в развитие и стать его конструктивным элементом. Природные реалии могут быть восприняты гораздо лучше и правильнее ни при помощи дарвинистской философии естественного отбора, что является пережитком «дикого капитализма», ни при помощи старых метафизических шаблонов на тему бесконфликтного сосуществования, а, напротив, при помощи постоянно развивающейся науки, демонстрирующей очень богатое, острое и конструктивное содержание.

Насколько неверным является представление мирного процесса в виде исключительно эволюционистского явления, настолько же неверным является представление о том, что одна война порождает другую. Войны, происходящие между монополиями капитала и власти, обусловлены стремлением увеличить или уменьшить количество имеющегося товара. Это не имеет ничего общего с миром. Истинный мир основан на принципе взаимного признания двумя противостоящими силами цивилизации фактов существования, идентичностей друг друга и права каждого на самоуправление. Это широкая панорама, включающая два противостоящих класса, разнообразные племена, народности, нации, слои, религиозные общины, культурные течения, экономические группы. По мере того, как будет осознано, что столкновения приносят сторонам больше вреда, определится возможность мира. Истинный мир может восторжествовать только в результате диалога и стремления к согласию. Известно, что множество конфликтов, как местного, так и глобального характера, и внутри нации, и на межнациональном уровне, увен-

чалось миром. Очень важно договориться на условиях, дающих возможность сохранения идентичностей и достоинства сторон. Если таковое состоится, то станет возможным мир между обществами, группами и даже личностями на всех уровнях и в любом объеме.

Стараясь проанализировать пяти тысячелетнюю историю цивилизации как противостояние двух полюсов, мы понимаем, что в таком биполярном состоянии жизнь продолжится еще долгое время. Невозможно, чтобы противостоящие полюсы в краткий срок ликвидировали друг друга. Более того, это не представляется реальным с диалектической точки зрения. Поспешность, проявленная в этом плане социалистической системой, обернулась тем, что, не проанализировав цивилизацию и современность, она стала испытывать новую систему, что и привело к ее распаду. Очень важно видеть эту полярность во всех теоретических и практических действиях, не раствориться в недрах господствующего эксплуататорского полюса, при помощи созидательной деятельности постоянно развивать демократическую цивилизацию и современность в качестве собственной самобытной систематики. Насколько нам удастся развить собственную систему при помощи всех революционных и эволюционных методов, настолько же мы сможем положительно проанализировать и увековечить такие вопросы, как «время» и «место».

Современная демократия является такой системой, все элементы которой гармонируют с настоящим миром. Мировоззрение демократической нации при помощи своей открытости, распространяющейся от мельчайшего национального сообщества до мировой нации, формирует мирный выбор, имеющий высокую ценность. С одной стороны, при помощи экоиндустриального метода, а также продуктивного применения индустрии внутри общества открывается путь к решению таких тяжелых социальных проблем, как безработица, бедность и голод, являющихся следствием войны, развязанной современностью против общества. С другой стороны, положив конец войне, развязанной против общества, реализуется мир между обществом и окружающей средой. Что касается такого элемента, как демократическая коммуна, то она, предоставляя всем единицам

и личностям общества возможность стать нравственным и политическим обществом, демонстрирует наиболее радикальный мирный подход. Ясно, что если современная демократия развивается как система, то еще больше возрастает возможность прочного и справедливого мира.

По данному вопросу я должен еще раз высказать и предупреждение, и извинение. Я ставлю на одну и ту же синонимическую ступень нравственное и политическое общество, демократический коммуны и демократию. При необходимости, во имя смыслового богатства я обращался ко всем трем понятиям. Ясно, что нравственное и политическое общество на почве демократической коммуны больше ассоциируется с демократическим социализмом, социальным равенством, а на почве различий — с равенством. Представление о равенстве на почве различий отличается от единообразной трактовки, свойственной лагерю социализма. Для привлечения внимания я счел важным назвать это «социализмом Фараона». При помощи понятия «демократическое общество» я постарался подчеркнуть характер нравственного и политического общества, включающего в себя и равенство, и свободу. Не стоит отождествлять эти, несомненно, синонимичные понятия. Под синонимичностью я имею в виду богатство — отождествление обедняет. Призывая всех заинтересованных лиц воздержаться от противоречий, связанных с использованием данного понятия, встречающегося очень часто, я, вместе с тем, должен принести свои извинения по поводу того, что не смог развить другую терминологию. Надеюсь, что будет проявлено понимание.

В противовес трем основным элементам современного капитализма (капитализм, индустриализм и национальное государство) я не ограничился такими характеристиками современной демократии, как «демократическое общество», «экоиндустриальное общество» и «демократическая конфедерация», базирующимися на трех основных элементах, каковыми являются нравственное и политическое общество, демократическая коммуна, демократический социализм. Как уже пытался показать в соответствующей главе, моей целью была подача более широких понятий. Двенадцать основных элементов, перечисленных мной

применительно к социальной проблеме, одновременно раскрывают двенадцать конструктивных характеристик современной демократии.

Я неоднократно отмечал, что данный труд может быть опубликован под названием «Социология свободы». Стараясь дать определение социальной науке, я особо подчеркивал, что основной целью должно быть развитие выбора свободы. Впрочем, присовокупив к этому, что решение проблемы является в определенном смысле достижением свободы, я уверен, что нет никаких препятствий для названия социальной науки в пределах ее задач «Социологией свободы». Ясно, что было бы очень справедливо опубликовать под этим названием, по меньшей мере, значительную часть труда, раскрывающую все социологические изыскания в масштабе решения проблем и развития в рамках всего жизненного разнообразия. Несомненно, содержание социологии не ограничивается свободой. Известно, что она должна заниматься сложной социальной панорамой (доисторическое общество, иерархия, класс, государство, город, цивилизация, капитал, экономика, власть, демократия, искусство, религия, философия, наука, политика, война, стратегия, организация, структуризация, идеология, экология, наука о женщине, теология, эсхатология и т. п.). Однако обстоятельство, которое я постарался особенно подчеркнуть при помощи этого труда, заключается в том, что исследование и изучение нравственного и политического общества посредством его разделения на множество частей таит в себе серьезные проблемы. Я постарался высказать свое мнение о том, что это чревато скорее негативными, нежели позитивными результатами. Я также подчеркнул, что искренне присоединяюсь к тому, что метод изучения и исследования социальной природы в ракурсе историчности и целостности является наиболее правильным.

Завершая данный раздел своей Защитной речи, я хотел привести два выражения Сократа и Зороастра. Как известно, Сократ частенько использовал выражение «познай себя». Видимо, этим он хотел подчеркнуть то, что человек, не познавший себя, не сможет ничего изучить и познать. Я верю в то, что человек является обобщением той реальности, которая распространилась

по всей Вселенной, начиная с момента Большого Взрыва, который, в соответствии с утверждениями науки, имел место, по меньшей мере, пятнадцать миллионов лет тому назад. Я ощущаю и знаю это. В данном смысле самопознание — это познание Вселенной. В частности, в своем знаменитом труде Сократ говорит не о богах Афин (как утверждают, он отрицал это), а о “демонах (гениях)” — временами посещавших его духах вдохновения. Самопознание возможно посредством ощущения и внутренней концентрации. Это своего рода учение и благовещение в стиле пророков. Ясно, что этот стиль обучения гораздо прогрессивнее идолопоклонничества. После того, как моя сила ощущения или мои «демоны» предупредили меня о том, чтобы я «нашел в себе все то, что ищущ», я не удержался от того, чтобы не написать эти строки именно в таком виде.

Суждения Зороастра были более впечатляющими. Согласно преданию, Зороастр услышал голос в тот момент, когда солнце взошло на вершине горячо любимого им Загроса. И тогда он крикнул в ответ на прозвучавший голос: «Скажи, кто ты?». Это истолковывается как своего рода встреча и стремление рассчитаться с богом. Я же уверен в том, что он, ориентируясь на многолетние идеи свободы народа Загроса, свел счеты с бытием шумерских богов-царей. Поставив под вопрос святость этих богов-царей, олицетворявших своего рода всю цивилизацию, он осуществил нравственную революцию по Зороастру. Это и есть революция в форме дилемм «свет-тьма», «добро-зло».

Я категорически презираю любого рода преувеличения, связанные с моей личностью. Я страстно хочу быть понятым и стать другом в первоначальном значении этого слова. С каждым днем я все лучше и лучше понимаю, что моя личность, которая жизнь воспринимала в ракурсе простоты как ритуала-веселея дружбы, отторгал всех тех, кто нападал на меня. Ко всем, кто нападал на меня, я обращался с вопросом несколько зороастристского характера: «Кто вы?». Можно сказать, что эти слова отражают, с одной стороны, обретенное мной в результате самопознания, с другой — накопление мной знаний, сформировавшихся благодаря этому вопросу.

Мой самоанализ и анализ всего святого, что существует в цивилизации и облачено в тысячи одеяний, является анализом тяжелых условий. В то время, как святость цивилизации, не признавая никаких нравственных и политических границ, старается подмять меня под себя, я с помощью этих слов вновь призываю их к ответу. Именно это после ареста и заточения в одиночной камере дало мне возможность глубже познакомиться с моим нацией, традициями, народом, регионом, человечеством и Вселенной. Ознакомление означает познание. А это — умение жить без страха, ощущая жизнь во всем ее богатстве и активно защищая ее!

Историко-философское издание

Оджалан Абдулла

СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДЫ

Книга 3

Редактор *Владимир Вестерман*
Перевод с турецкого *Яков Балаян*
Макет *Виктория Челядинова*
Корректор *Мамед Мустафаев*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг
обращаться по адресу:
ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net